Джеймс Питер

Мертвый, как ты

Посвящается Анне Лизе Линдеблад-Дэвис

1997

1

25 декабря, четверг

Все мы то и дело ошибаемся, допускаем промахи и оплошности. В основном по мелочам. Так, мы обещаем перезвонить и не перезваниваем, забываем положить деньги в паркомат или купить в супермаркете молоко. Но иногда — к счастью, очень редко — мы совершаем крупные ошибки.

Ошибки, которые могут стоить жизни.

Именно такую ошибку совершила Рейчел Райан.

Потом у нее было много времени, чтобы поразмыслить о том, что она сделала.

Если бы она так не напилась… Если бы не было так чертовски холодно… Если бы не пошел дождь… Если бы в канун Рождества, точнее, уже в день Рождества — в два часа утра — на стоянке такси на брайтонской Ист-стрит не стояла длиннющая очередь из таких же пьяных гуляк… Если бы она не могла добраться до своей квартиры пешком, в отличие от своих таких же пьяных спутниц, Трейси и Джейд, которые жили гораздо дальше, на другом конце города…

Если бы она послушалась Трейси и Джейд, которые просили ее не выпендриваться… Подруги уверяли, что такси целая куча. Что ждать придется совсем недолго.

Он весь подобрался от возбуждения. Он караулил целых два часа, и наконец женщина, которую он так долго дожидался, повернула из-за угла. Одна и идет пешком. Замечательно!

Она в мини-юбке, на плечах большой платок. Идет слегка пошатываясь — наверное, перебрала. Да еще высоченные каблуки. Ноги у нее красивые. Правда, гораздо больше самих ног его занимали туфли. То, что надо. Его вариант. На высоченных каблуках и с ремешками на щиколотках. Он обожал ремешки на щиколотках. Когда она подошла к уличному фонарю, он ясно разглядел в бинокль, что ее туфли блестят, на что он очень надеялся.

Обалденные туфли!

Она — то, что ему надо!

Рейчел ужасно радовалась, что решила прогуляться пешком. Какая очередища на стоянке! Ее то и дело обгоняли переполненные такси. Радуясь мелким каплям дождя, которые падали на лицо, Рейчел шла неверной походкой мимо магазинов на Сент-Джеймс-стрит. Миновав Королевскую больницу графства Суссекс, она повернула на Пастон-Плейс. Порывы ветра играли с ее длинными каштановыми волосами; ей приходилось то и дело отбрасывать пряди с лица. Она зашагала в сторону набережной, потом повернула налево, на свою улицу, застроенную рядами викторианских домов с общей стеной. Ветер и дождь окончательно испортили ей прическу. Правда, Рейчел было уже все равно. Она услышала вдали вой сирены и подумала: наверное, «скорая» или полиция.

Проходя мимо припаркованной машинки с тонированными стеклами, она смутно разглядела силуэты двоих людей. Какая-то парочка обнималась и целовалась. Рейчел стало грустно; она вдруг заскучала по Лайаму, которого бросила почти полгода назад. Подонок, он ей изменил! Да, потом он умолял ее о прощении, но Рейчел отлично знала: стоит его простить, и он опять пойдет налево, а потом еще раз и еще… Просто он так устроен. И все равно ей его иногда ужасно не хватало. Вот и сейчас Рейчел невольно задумалась: где он? Что сегодня поделывает и с кем? В одном можно не сомневаться: он развлекается с какой-нибудь девицей.

А она одна.

Точнее, она с Трейси и Джейд. Как они в шутку себя называли, Три жалкие холостячки. Как говорится, в каждой шутке только доля шутки — и это ужасно грустно. Два с половиной года она ухлопала на Лайама. Думала, что они поженятся. А теперь ей очень трудно привыкать к одиночеству. Особенно на Рождество, когда одолевают воспоминания.

Господи, ну и паршивый же выдался год! В августе погибла принцесса Диана. А потом и ее собственная жизнь пошла прахом.

Рейчел посмотрела на часы. Два тридцать пять. Она вынула из сумочки мобильник и набрала номер Джейд. Подруга сообщила, что они до сих пор стоят в очереди. Рейчел похвасталась, что уже почти дома. Потом она пожелала Джейд счастливого Рождества. Попросила то же самое передать и Трейси и напомнила, что они договорились встретить вместе Новый год.

— Рейч, желаю, чтобы Санта-Клаус привез тебе целую кучу полезных подарков! — сказала Джейд. — Только напомни ему о запасных батарейках, если он осчастливит тебя вибратором!

Рейчел услышала на заднем плане хихиканье Трейси.

— Да идите вы знаете куда! — ответила она, улыбаясь во весь рот.

Потом сунула телефон в сумку и, спотыкаясь, зашагала дальше. Один раз она чуть не упала — шпилька угодила в зазор между двумя булыжниками. Туфли «Курт Гейгер» стоили целое состояние, но она ухитрилась отхватить их на распродаже со скидкой. Идти на высоченных каблуках было тяжело, она даже подумывала, не снять ли их, но до дома оставалось всего ничего, и Рейчел зашагала дальше.

Хотя прогулка и дождь немного отрезвили ее, от выпивки и собственных мыслей она по-прежнему была как в дурмане и не насторожилась, заметив впереди фургон, из которого мужчина в бейсболке вытаскивал холодильник. Утро Рождества, три часа. Ну не странно ли?

Когда Рейчел поравнялась с фургоном, тип в бейсболке как раз наполовину вытащил холодильник. Она услышала, как он пыхтит под его тяжестью. Неожиданно мужчина вскрикнул от боли.

Будучи доброй по природе, Рейчел, спотыкаясь, подошла к нему.

— О-ой, спина! Диск сместился… Господи, как больно!

— Вам помочь?

Вот последние слова, которые она запомнила.

Ее с силой швырнуло вперед. По лицу хлестнуло чем-то мокрым. Она вдохнула едкий, сладковатый запах…

Потом все почернело.

Наши дни

2

31 декабря, среда

Ра нагнулся к металлической пластине в высокой кирпичной стене.

— Такси! — произнес он.

Распахнулись ворота — шикарные, кованые, выкрашенные в черный цвет, с золочеными пиками наверху. Он снова сел в свой бело-бирюзовый «пежо»-универсал и покатил по короткой, но извилистой аллее, обсаженной с обеих сторон кустами. Правда, что это за кусты, он не знал. Он занимался ботаникой, но до кустов пока не дошел. Только до деревьев.

Ра было сорок два года. Перед началом смены он надел тщательно выглаженную рубашку, костюм, галстук в тон. На работу он любил одеваться нарядно. А до того старательно брился, зачесывал короткие черные волосы вперед небольшим гребешком, а подмышки обрабатывал шариковым дезодорантом. Он знал: главное, чтобы от тебя не пахло плохо. Перед выходом из дому он всегда проверял ногти на руках и на ногах. Всегда заводил часы. Всегда проверял телефон — нет ли сообщений. Правда, в его адресной книге значилось всего пять номеров, а его телефон имелся только у четырех человек, поэтому эсэмэски он получал нечасто.

Ра проверил часы на приборной панели: половина седьмого вечера. Хорошо. До следующей порции чая еще полчаса. Времени уйма. И термос на месте: на сиденье рядом с ним.

Ближе к дому аллея становилась круговой; посередине низкая стенка огораживала подсвеченный зеленым фонтан. Ра осторожно объехал фонтан, миновал гараж на четыре машины и стену огромного особняка и остановился у крыльца, ведущего к большой и внушительной парадной двери. Дверь оказалась закрыта.

Ра забеспокоился. Он любил, когда пассажиры уже ждали его снаружи. А иначе как понять, сколько придется ждать? И столько всего предстоит решить!

Например, заглушить ли мотор или оставить его включенным. А если заглушить мотор, выключать ли свет? Но перед тем как заглушать мотор, тоже нужно кое-что проверить. Бензин… Три четверти бака. Масло… Давление в норме. Температура… Температура отличная. В такси столько всего нужно упомнить. И не забыть включить счетчик, если пассажиры не выйдут через пять минут. Но самое главное — чай, по часам, каждый час. Ра скосил глаза вбок — проверить, на месте ли термос. Термос оказался на месте.

Такси, собственно говоря, не его, оно принадлежит одному знакомому, который сдает его Ра в аренду. Ра работает в те часы, когда владельцу неохота садиться за руль. В основном по ночам. Иногда работать приходится дольше. Вот, например, сегодня — канун Нового года. Ночь обещает быть очень длинной, а на смену он заступил рано. Но Ра ничего не имел против. Ночь — это хорошо. Для него все равно что день, только темнее.

Парадная дверь приоткрылась. Ра напрягся и сделал глубокий вдох — так его научил психиатр. Если честно, он терпеть не мог пассажиров, которые садились в его такси и вторгались в его личное пространство, — кроме пассажирок в красивых туфлях. Но с захватчиками приходилось мириться. Он доставлял их до места назначения, высаживал и освобождался.

Уже выходят… Мужчина высокий и стройный, волосы зачесаны назад, на нем смокинг и галстук-бабочка; пальто он небрежно повесил на руку. На его спутнице меховой жакет, рыжие волосы красиво уложены, так и струятся вокруг головы. Красивая, похожа на знаменитую актрису, вроде тех, чьи фотографии он видит в газетах, которые пассажиры оставляют в такси, или по телевизору — в репортажах о звездах, которые ходят на премьеры.

На саму пассажирку он едва посмотрел. Сразу увидел ее туфли. Черные замшевые, с тремя ремешками на лодыжках, на высоких каблуках с тускло поблескивающими металлическими набойками.

— Добрый вечер! — поздоровался мужчина, открывая для своей спутницы дверцу. — В отель «Метрополь», пожалуйста.

— Красивые туфли, — сказал Ра, вместо ответа, обращаясь к женщине. — «Джимми Чу», верно?

Голос у нее оказался визгливый.

— Да, вы правы, — горделиво и радостно ответила она.

И дерзкий, свежий аромат ее духов он тоже узнал, но ничего не сказал. «Оскар де ла Рента»… Приятно пахнет, ему нравится.

Ра завел мотор, в последний раз припоминая, не упустил ли чего. Включить счетчик. Пристегнуться. Закрыть дверцы. Снять с ручника. После того как высадил предыдущих пассажиров, он еще не смотрел покрышки, но их он проверял полчаса назад; скорее всего, они в порядке. Посмотреть в зеркало. Заодно покосился на лицо пассажирки. Определенно красивая. Ему очень захотелось еще раз увидеть ее туфли.

— К главному входу, — велел мужчина.

Выруливая на аллейку, Ра производил мысленные подсчеты: 2,516 мили. Он точно определял расстояния, потому что выучил наизусть карту города. До брайтонского «Хилтон-Метрополя» 4,28 ярда, или 2,186 морской мили, или 4,04897 километра, или 0,404847 шведской мили. В зависимости от пробок поездка обойдется примерно в девять двадцать.

— У вас в доме унитазы с верхними бачками или компакты? — спросил он.

Пассажиры замолчали. И только когда Ра вырулил на шоссе, мужчина покосился на свою спутницу, поднял глаза и ответил:

— Компакты. А что?

— Сколько у вас в доме туалетов? Наверное, не один, а?

— Хватает, — ответил мужчина.

— Могу сказать, где есть отличный унитаз с верхним бачком, — в Уортинге. Если интересуетесь, могу свозить посмотреть. — Ра все больше оживлялся. — Отличный экземпляр! В общественном туалете у пирса.

— Нет, спасибо. Я унитазами не интересуюсь.

Парочка на заднем сиденье притихла.

Ра катил по улицам и косился в зеркало на лица пассажиров. На них падал свет уличных фонарей.

— Раз у вас компакты, наверное, вода кнопкой спускается, — заметил он.

— Угу, — буркнул мужчина. — Да. — Потом он поднес к уху мобильник — ему кто-то звонил.

Ра последил за ним в зеркало и перевел взгляд на женщину:

— У вас ведь четвертый номер?[1] Я про туфли.

— Да! Откуда вы знаете?

— Сразу вижу. Я всегда вижу, ага-ага.

— Вы просто молодец, — похвалила его пассажирка.

Ра замолчал. Наверное, он слишком много болтает. Владелец такси уже говорил, что пассажиры на него жаловались: мол, он слишком много болтает. А пассажирам не всегда хочется разговаривать в пути. Терять работу Ра совсем не хотелось. Поэтому он замолчал. Поворачивая налево у набережной, он все думал о туфлях своей пассажирки. На набережной в такси немедленно ударил порыв ветра. Движение здесь было плотное; ползти пришлось еле-еле. Но насчет цены он оказался прав.

Когда он подъехал ко входу в отель «Метрополь», на счетчике высветилось ровно девять двадцать.

Мужчина протянул ему десять фунтов.

— Сдачу оставьте себе, — сказал он.

Ра смотрел парочке вслед. Они вошли в отель. Ветер растрепал рыжие волосы пассажирки. Он следил, как туфли «Джимми Чу» скрываются за дверью-турникетом. Красивые туфли! Он очень возбудился.

Его волновала предстоящая ночь.

Сколько сегодня еще будет туфель! Особенных туфель для особенной ночи…

3

31 декабря, среда

Суперинтендент уголовной полиции Рой Грейс смотрел из окна своего кабинета в черную ночную пустоту. Он видел освещенную автостоянку у супермаркета через дорогу, огни Брайтона и Хоува вдали. Завывал ветер. Через щели в оконной раме тянуло свежестью.

Канун Нового года. Грейс посмотрел на часы: шесть пятнадцать. Пора идти. Пора оставить безнадежную попытку прибраться на столе и ехать домой.

Перед каждым Новым годом всегда одно и то же. Грейс давал себе зарок навести порядок на столе, разобраться со всеми бумагами и начать новый год с чистого листа. И

всякий раз благие намерения рассыпались в прах. Завтра он вернется сюда и снова увидит в кабинете безнадежный беспорядок. Даже хуже, чем в прошлом году. А в прошлом году было еще хуже, чем в позапрошлом.

На полу громоздятся стопки папок с уголовными делами, которые он вел в этом году. Чуть дальше опасно пошатываются башенки, сложенные из синих картонных коробок и зеленых пластмассовых ящиков. Коробки и ящики набиты нераскрытыми делами — так официально называют глухари или висяки. Правда, Грейс официоза терпеть не мог.

Хотя по должности Рой Грейс был обязан расследовать убийства и другие тяжкие преступления по горячим следам, его волновали и висяки — вплоть до того, что он ощущал личную связь с каждой жертвой. Но в этом году он не имел возможности посвятить много времени висякам, потому что год выдался необычно беспокойным. Сначала одного молодого человека заживо похоронили в гробу на мальчишнике. Потом раскрыли банду мерзавцев, которые снимали так называемый снафф — фильмы с реальными убийствами. Затем долго ловили маньяка-убийцу, и, наконец, Грейс вел дело о двойном убийце, который инсценировал свое исчезновение. Правда, за успешное расследование всех этих дел он почти не удостоился благодарности своей бывшей начальницы, помощницы главного констебля Элисон Воспер.

Может быть, следующий год окажется лучше. По крайней мере, на это можно надеяться. Новый помощник главного констебля, Питер Ригг, приступает к работе с понедельника — через пять дней. Кроме того, также с понедельника, к огромному облегчению Грейса, под его руководством начнет работать только что созданный подотдел нераскрытых преступлений, в который входят три бывших кадровых сотрудника уголовного розыска.

И самое главное, его любимая Клио в июне должна родить. Они поженятся незадолго до важного события — правда, дату они еще не назначили. Свадьба состоится, как только исчезнет единственное препятствие, стоящее на их пути.

Его жена, Сэнди.

Она пропала девять с половиной лет назад, в день его тридцатилетия, и, несмотря на все его усилия, с тех пор от нее ни слуху ни духу. Грейс так и не знал, что с ней случилось. Ее похитили, убили? А может, она сбежала с любовником или с ней произошел несчастный случай? Или она намеренно инсценировала свое исчезновение…

За прошедшие девять лет, до того как начался их роман с Клио Мори, Рой тратил почти все свое свободное время на бесплодные попытки выяснить, что же случилось с Сэнди. Сейчас он наконец смирился с тем, что Сэнди осталась в прошлом. Он обратился к адвокату; Сэнди необходимо официально признать умершей. Грейс надеялся, что процесс не затянется и они с Клио успеют пожениться до рождения ребенка. И даже если вдруг объявится Сэнди, ничего не изменится. Грейс понял, что не хочет возобновлять с ней совместную жизнь. Он принял сознательное решение — по крайней мере, он так считал.

Он перелопатил несколько груд документов у себя на столе. Положил одну стопку на другую, и стол стал казаться чище, хотя бумаг на нем осталось столько же.

Странно, думал он, как все изменилось. Сэнди терпеть не могла Новый год. Она называла этот праздник насквозь фальшивым. Грейсы всегда встречали Новый год с друзьями: Диком Поупом, тоже полицейским, и его женой Лесли. Они заранее бронировали столик в каком-нибудь модном ресторане. Потом Сэнди разбирала предновогодний вечер по косточкам, и у нее выходило, что все прошло хуже некуда.

Рядом с Сэнди и сам Рой постепенно разучился радоваться приближению Нового года. Но сейчас, с Клио, все изменилось. Они решили, что встретят Новый год дома, одни и как следует вкусно поедят. Блаженство! Плохо только, что на этой неделе он дежурит по городу, то есть его в любую минуту могут выдернуть из дому. Следовательно, ему нельзя пить. Не считая, конечно, того, что в полночь он позволит себе несколько глотков шампанского.

Скорее бы домой! Грейс так страстно любил Клио, что в разлуке тосковал по ней. Ему хотелось постоянно видеть ее, обнимать, прикасаться к ней, слышать ее голос, видеть ее улыбку. Вот и сейчас в нем проснулась такая тоска. Больше всего на свете ему хотелось поскорее уйти с работы и поехать к ней домой. Ее дом сейчас, в сущности, стал и его домом.

Его останавливало только одно.

Проклятые синие коробки и зеленые ящики на полу, будь они неладны! К понедельнику, первому рабочему дню нового года, он обязан как-то рассортировать всю груду и передать ее в отдел нераскрытых преступлений. Значит, впереди еще несколько часов работы.

Поэтому Грейс не поехал домой. Зато он послал Клио эсэмэску с целым рядом звездочек, что значит: «Целую-целую-целую».

На какое-то время в старом году ему удалось спихнуть нераскрытые дела одному коллеге. Но ничего хорошего не получилось, и висяки снова вернулись к нему. Среди двадцати пяти висяков — пять нераскрытых тяжких преступлений. С чего начать?

Вдруг в голову пришли слова из кэрролловской «Алисы в Стране чудес»: «Начни с начала. Затем иди, пока не дойдешь **до конца.** Затем остановись».

Поэтому он начал с начала, пообещав себе: всего пять минуточек, а потом он все бросит до следующего года и поедет домой, к Клио. Как будто услышав его мысли, запищал мобильник: входящее текстовое сообщение. Клио тоже прислала ему ряд звездочек, только длиннее: «Целую-целую-целую-целую-целую!»

Улыбнувшись, Грейс раскрыл первую папку и просмотрел отчет по ходу следствия. Каждые полгода криминалистические лаборатории, чьими услугами они пользуются, сверяют полученные образцы ДНК с теми, что найдены на жертвах нераскрытых преступлений. В таких делах ничего не ясно заранее. За последние несколько лет они привлекли к ответу нескольких мерзавцев, которые считали, что им удалось выйти сухими из воды. Те оказались за решеткой благодаря успехам в развитии криминалистики и новейшей аппаратуре, с помощью которой сличают образцы ДНК.

Во второй папке лежало дело, которое до сих пор задевало Роя Грейса до глубины души. Малыш Томми Литл. Двадцать семь лет назад, в феврале, одиннадцатилетний Томми вышел из школы и отправился домой. Единственной зацепкой тогда оказался микроавтобус марки «моррис-майнор», который видели рядом с местом убийства мальчика. Позже микроавтобус обыскали. Следователь, который вел дело, видимо, не сомневался в том, что владелец микроавтобуса и есть преступник, но доказать, что мальчик находился в микроавтобусе, тогда не удалось. Пришлось освободить из-под стражи владельца «морриса-майнора», одиночку-извращенца, который уже привлекался к суду за преступления на сексуальной почве. Грейс знал, что извращенец до сих пор жив-живехонек.

Он перешел к следующему делу: «Операция Гудини».

Туфельщик!

Названия для операций произвольным образом выбирал компьютер их управления. Как ни странно, иногда названия оказывались удивительно к месту. Как, например, это. Подобно великому фокуснику, который ловко выпутывался из любых цепей и оков, Туфельщик, или, как его еще называли, Башмачник, так и не попал в сети полиции.

В 1997 году за короткий период он изнасиловал — или попытался изнасиловать — не меньше пяти женщин в Брайтоне. Скорее всего, он же изнасиловал и убил еще одну девушку, чей труп так и не нашли. Грейс подозревал, что список жертв Туфельщика гораздо длиннее. Просто многие изнасилованные женщины не заявляют в полицию из страха или стыда. Потом нападения на женщин вдруг прекратились. В то время у жертв изнасилования еще не брали проб ДНК.

Им оставалось опираться только на одно: на почерк Туфельщика. Почти у каждого преступника есть свой специфический способ действия, свой неповторимый почерк. Имелся такой и у Туфельщика: он забирал трусики жертвы и одну ее туфлю. Но только в том случае, если туфли оказывались стильными, элегантными.

Насильников Грейс ненавидел. Он знал: всякий, кто становится жертвой преступления, так или иначе получает травму. Но те, кого, например, ограбили или избили, в конце концов справляются со своими переживаниями и способны жить дальше. Те же, кто стал жертвой сексуального насилия, особенно дети, так никогда и не оправляются до конца. Их жизнь меняется бесповоротно. До конца своих дней они помнят о том, что с ними случилось, с огромным трудом пытаются справиться с собой, сдерживают отвращение, гнев и страх.

Суровый факт: большинство изнасилований совершаются знакомыми жертв. Совершенно посторонние насильники тоже встречаются, правда очень редко. Именно они любят брать у жертв сувениры на память — своего рода трофеи. Именно так поступал Туфельщик.

Грейс полистал толстую папку, просмотрел отчет о сходных делах, расследовавшихся в других районах страны. Особенно их тогда заинтересовало одно дело, случившееся на севере примерно в то же время. В почерке Туфельщика и северного насильника прослеживалось поразительное сходство. Но подозреваемого пришлось исключить; улики неопровержимо доказывали, что он не мог совершить преступления в Брайтоне.

«Ну что, Туфельщик, ты еще жив? — подумал Грейс. — А если жив, то где ты сейчас?»

4

31 декабря, среда

Никола Тейлор не могла дождаться, когда закончится эта адова ночь. Она не подозревала о том, что настоящий ад для нее еще не начался.

Жан-Поль Сартр, с которым Никола соглашалась на сто процентов, написал: «Ад — это другие». Сейчас адом для нее стал ее пьяный сосед справа в сбившемся набок галстуке-бабочке. Он стискивал ее руку так, что кости хрустели. Правда, сосед слева, в зеленом смокинге, был еще пьянее. Его потная ладонь была скользкой, как бекон в вакуумной упаковке.

Не меньше Николу раздражали и остальные триста пятьдесят пьяных горлопанов, собравшихся в зале.

Оба соседа попеременно дергали ее за руки — у нее даже суставы заныли. Едва часы пробили полночь, оркестр в зале приемов отеля «Метрополь» заиграл «Доброе старое время». Сосед справа нацепил пластмассовые усики, как у комика Граучо Маркса. Сосед слева, который весь вечер пытался залезть к ней под юбку, все время дудел в манок — как будто селезень пукал.

До чего же ей не хотелось здесь находиться! Жаль, что не удалось настоять на своем и остаться дома, в тепле и уюте. Сейчас сидела бы с бутылкой вина у телевизора… Так Никола проводила почти все вечера с тех пор, как муж ушел от нее к двадцатичетырехлетней секретарше.

Но нет, подруги Оливия, Бекки и Дианна дружно насели на нее и заявили, что ни в коем случае не позволят ей торчать в Новый год дома одной. Найджел все равно не вернется, уверяли подруги.

— Его шлюшка ждет ребенка. Забудь о нем, детка! В море еще полно рыбы… Пора начинать жить!

И это называется «начинать жить»?

Обе руки дернули вверх одновременно. Потом ее в страшной спешке поволокли вперед; ноги выскальзывали из безумно дорогих туфель «Марк Джейкобс».

«Забыть ли старую любовь и дружбу прежних дней?» — играл оркестр.

Да, такое лучше забыть. И старую дружбу, и новые знакомства, будь они прокляты!

И все же забыть не получалось. Никола вспоминала, как они с Найджелом встречали Новый год. Она смотрела Найджелу в глаза и говорила, что любит его… Он тоже признавался ей в любви. Как тяжело на сердце, как тяжело! Она не готова к переменам. Еще не готова — пока не готова.

Песня кончилась, и сосед слева наконец выплюнул свисток, стиснул жирными пальцами обе ее щеки и впился ей в губы — всю обслюнявил.

— С Н-новым годом! — невнятно пробормотал он.

С потолка планировали воздушные шарики. Николу ударило ленточкой серпантина. Ее окружали радостные, улыбающиеся лица. Ее обнимали, целовали, тискали со всех сторон. Так продолжалось без конца.

Никола решила: если она сейчас сбежит, никто и не заметит.

Она с трудом брела в толпе, работая локтями. Наконец выскользнула в коридор. Повеяло холодом и сигаретным дымком. Господи, как хочется курить!

Она зашагала по почти пустому коридору, повернула направо, вышла в вестибюль, оттуда к лифтам. Зашла в кабину, нажала кнопку шестого этажа.

Надо надеяться, они все упьются вдрызг и не заметят ее отсутствия. Может, надо было больше выпить — тогда и она пришла бы в соответствующее праздничное настроение. Сейчас же, чувствуя себя трезвой, хотелось уехать домой, но она забронировала себе номер на ночь. Здесь все ее вещи. Может, заказать в номер бутылку шампанского, посмотреть кино и тихо напиться в одиночку?

Выйдя из лифта, она достала из серебристой парчовой сумочки — подделки под «Шанель» — пластмассовую карточку-ключ от номера. Сумочку она купила в Дубае два года назад; они ездили туда с Найджелом.

Она заметила впереди стройную блондинку в длинном закрытом вечернем платье. На вид Никола дала ей лет сорок с чем-то. Судя по всему, блондинка никак не могла открыть дверь. Когда Никола поравнялась с женщиной, та, очевидно в доску пьяная, повернулась к ней и с трудом произнесла:

— Н-никак н-не могу открыть ч-чертов замок! Вы ум-меете с ними обращаться? — Она протянула Николе свою карточку.

— Суньте ее в щель и сразу же вытаскивайте, — посоветовала Никола.

— Я уже п-пробовала.

— Дайте-ка мне.

Она взяла у блондинки карточку, сунула в щель, вытащила. Загорелся зеленый огонек; замок щелкнул.

И почти сразу к ее носу прижалось что-то сырое. В ноздри ударил резкий сладковатый запах, глаза словно обожгло. Ее сильно ударили по затылку. Спотыкаясь, она шагнула вперед. Потом в лицо ей ударил ковер.

1997

5

25 декабря, четверг

В темноте Рейчел Райан услышала, как щелкнула пряжка на поясе мужчины. Лязг. Шорох одежды. Его сопение — быстрое, звериное. Голова раскалывалась; она как будто ослепла от боли.

— Пожалуйста, не делайте мне больно, — взмолилась она. — Прошу вас, не надо!

Микроавтобус покачивался под частыми порывами ветра. Время от времени мимо проезжала машина, и тогда на миг становилось светло, как от стробоскопа. В Рейчел пульсировал ужас. Иногда она могла отчетливо разглядеть своего похитителя. На голове — плотная черная маска с узкими прорезями для глаз, ноздрей и губ. Мешковатые джинсы, куртка от спортивного костюма. Левая рука, в перчатке, сжимает маленький изогнутый ножик — он сказал, что выколет ей глаза, если она закричит или попробует сбежать.

От тряпья, на котором она лежала, шел затхлый запах, как от старых мешков. Еще в микроавтобусе пахло старой пластмассовой обивкой и соляркой.

Похититель спустил джинсы. Рейчел увидела его белые трусы, тощие гладкие ноги. Потом он снял и трусы. Половой член у него оказался маленький, тонкий и короткий, похожий на змеиную головку. Правой рукой он порылся в кармане и что-то извлек оттуда. В темноте тускло блеснул квадратный пакетик из фольги. Похититель вскрыл пакетик ножом, засопел еще громче и вынул презерватив.

Мысли в голове у Рейчел путались. Презерватив? Какой чуткий насильник! А если он в самом деле проявляет чуткость, то неужели способен порезать ее ножом?

— Будем с резинкой, — пропыхтел он. — Сейчас берут тесты на ДНК. Вычисляют на раз. Такой подарочек ищейкам я не оставлю… А ну-ка, возбуди меня!

Ее передернуло от отвращения: «змеиная головка» придвинулась к ее губам. Мимо проехала еще одна машина, и лицо похитителя снова осветилось. По улице шли люди. Рейчел слышала совсем рядом голоса и смех. Надо зашуметь — стукнуть в борт или закричать. И тогда кто-нибудь обязательно придет ей на помощь!

Или лучше сделать все, что он от нее требует? Пусть кончит, а потом отпустит ее… Но Рейчел очень сомневалась в том, что насильник ее отпустит. Ее душили отвращение и гнев.

Он задышал чаще, засопел. Потом начал мастурбировать. Рейчел передернуло. Обыкновенный извращенец, гребаный поганый извращенец! Он не посмеет к ней прикоснуться!

Храбрость подогревало еще не до конца прошедшее опьянение. Рейчел обеими руками вцепилась в его потную безволосую мошонку и как можно сильнее сдавила яички. Извращенец ахнул от боли и согнулся пополам. И тут Рейчел сорвала с его головы маску и вцепилась ногтями ему в глаза, пытаясь их выцарапать. При этом она громко, во все горло, кричала.

Но от ужаса из нее, как в страшном сне, вырывался вместо крика лишь едва слышный хрип.

Последовал оглушительный удар по виску.

— Ах ты, сука!

Он снова ударил ее кулаком. Хотя его лицо, искаженное болью и яростью, находилось совсем рядом, перед глазами все расплывалось. Он снова и снова бил ее по голове.

Все закачалось, потемнело…

Потом он рывком сдернул с нее трусы и вошел в нее. Она пыталась вырваться, отползти, но он держал ее крепко.

Это не я. Это не мое тело.

Ей показалось, что она отделена от себя. На секунду даже подумалось: это сон, страшный сон, только проснуться никак не удается… Перед глазами на миг вспыхнул яркий свет. И тут же сменился полным мраком.

Наши дни

6

1 января, четверг

Сегодня Новый год. И прилив!

Больше всего Ра любил время прилива. Он знал, когда начинается прилив, потому что его плавучий дом мягко покачивался на волнах. Он жил на переделанной угольной барже, крашенной в синий и белый цвета. Баржа называлась «Том Ньюбаунд» — Ра не знал, откуда такое название. Баржа принадлежала женщине по имени Джо, медсестре, которая обслуживала больных на дому, и ее мужу Говарду, плотнику. Ра однажды подвозил их домой в своем такси, и они разговорились. Джо и Говард отнеслись к нему очень хорошо, по-доброму. Впоследствии стали его лучшими друзьями. Ра сразу полюбил их баржу. Он обожал слоняться по ней, вместе с Джо красить, покрывать лаком и наводить в плавучем доме порядок.

И вдруг Джо и Говард сказали Ра, что собираются какое-то время пожить на Гоа. Сколько они там пробудут, они не знают. Ра не хотелось терять друзей и возможности гостить у них на барже. Но друзья сказали: они хотят, чтобы кто-нибудь присматривал за их плавучим домом и кормил их кота.

Ра живет на их барже уже два года. Перед Рождеством Джо и Говард позвонили и сказали, что останутся на Гоа еще на год, не меньше.

Значит, и он тоже может еще год, не меньше, жить на барже — красота! И со вчерашнего вечера у него есть приз — новая пара туфель, которая тоже его радует…

Красные кожаные туфли. Красивые, с шестью ремешками, пряжкой и на пятнадцатисантиметровых шпильках.

Туфли лежат на полу рядом с его койкой. Ра выучил много морских терминов. На самом деле это кровать, но на корабле кровати называются «койками». Ну или туалет — не туалет, а гальюн.

Отсюда он может доплыть до любого порта Великобритании — он выучил наизусть все морские карты Адмиралтейства. Вот только двигателя на его плавучем доме нет. Как хочется купить свою баржу или яхту с мотором. Тогда он сплавает во все места, названия которых хранятся у него в голове. Ага-ага!

О его руку, свисающую с койки, потерся Боцман — большой и грациозный рыжий кот. Боцман считал себя главным. Настоящим хозяином баржи. Ра знал, что к нему кот относится как к своему слуге. Ну и пожалуйста! Ра ничего не имел против. Боцмана никогда не рвало в его такси, как некоторых людей.

В ноздри Ра ударил запах дорогой новой обувной кожи. О да! Вот что такое настоящий рай — проснуться с новой парой туфель.

Да еще с приливом!

Вот что самое лучшее в жизни на воде. Никогда не услышишь шагов. Ра пытался жить в городе, но у него ничего не вышло. Он не выносил мучительных звуков, производимых туфлями, которые цокали и шаркали по асфальту, не давая ему уснуть. Здесь, в доках на реке Адэр, в Шорэм-Бич, никто не шаркает. Слышен лишь тихий плеск воды. На берегу,

который обнажается во время отлива, тихо. Еще сюда доносятся крики чаек. И иногда плач восьмимесячного ребенка, который живет на соседней барже.

Вот было бы хорошо, если бы этот младенец когда-нибудь шлепнулся в грязь и утонул!

Но сейчас Ра с нетерпением ждал завтрашнего дня. Он встанет. Разглядит свои новые туфли. Занесет их в каталог. Может быть, осмотрит коллекцию. Он хранит ее в нескольких тайниках, которые нашел на барже. Там у него, среди прочего, и собрание электромонтажных схем. Потом он поднимется на бак и подключит ноутбук к Интернету.

Лучшего начала нового года и не придумаешь.

Но сначала надо покормить кота.

А еще до этого — почистить зубы.

А еще раньше — сходить в гальюн.

Потом еще нужно осмотреть всю баржу со списком, который ему вручили владельцы, и вычеркивать пункт за пунктом. Номером первым значилось: проверить удочки. Затем проверить, нет ли где протечки. Протечки — это плохо. Потом — осмотреть швартовы. Список был длинный; пока Ра сверялся с ним, ему было хорошо. Приятно чувствовать себя кому-то нужным.

Он нужен Раджу Дибдуну, владельцу такси.

Он нужен медсестре и плотнику, владельцам плавучего дома.

Он нужен коту.

А сегодня у него новая пара туфель!

Отличное начало нового года.

Ага-ага!

7

1 января, четверг

Карло Диомеи устал. А когда он уставал, то чувствовал себя подавленным, вот как сейчас. Не по душе ему долгие, сырые английские зимы. Он скучал по хрустящему сухому холоду своего родного Курмайора в Итальянских Альпах. Ему недоставало зимнего снега и летнего солнца. Очень хотелось в выходные надеть лыжи и провести в одиночестве несколько драгоценных часов вдали от отпускников, которые толпятся на самых популярных трассах, проложить лыжню в той части гор, которую знают только он да несколько местных проводников.

Осталось проработать всего год по контракту, а потом Карло надеялся вернуться в горы и, если повезет, стать управляющим отелем, работать среди друзей.

Здесь ему неплохо платят, да и опыт, приобретенный во всемирно известном брайтонском «Метрополе», поможет ему продвинуться по карьерной лестнице. Но что за паршивое начало нового года!

Обычно Карло дежурил в дневную смену, а вечера проводил дома, в съемной квартире окнами на море. Он наслаждался общением с женой и детьми — двухлетним сыном и четырехлетней дочерью. Но ночной управляющий, как назло, именно вчера, в канун Нового года, заболел гриппом. Пришлось Карло срочно возвращаться на работу и подменять больного. Ему дали короткий перерыв, всего два часа. Он успел примчаться домой, уложить детей спать, чокнуться с женой минералкой — а ведь собирались выпить шампанского! — и поспешил назад, в «Метрополь». В канун Нового года там устроили грандиозный прием.

Отдежурив восемнадцать часов кряду, Карло совершенно измучился. Через полчаса он передаст смену своему заместителю и наконец уедет домой. Он мечтал о сигарете, которую

выкурит в честь праздника. А потом рухнет в постель и уснет. Сон сейчас ему нужен даже больше, чем сигареты.

В его крошечном, тесном кабинетике через стенку от стойки портье зазвонил телефон.

— Карло, — ответил он.

Звонила Даниэлла де Роза, старшая горничная — тоже итальянка, из Милана. Одна из горничных доложила ей о непорядке в номере 547. Сейчас уже половина первого, прошло полчаса после расчетного часа, а на двери по-прежнему висит табличка «Не беспокоить». Горничная несколько раз стучала, но ей никто не ответил. Она звонила по телефону — безрезультатно.

Карло зевнул. Наверное, гость отсыпается после беспокойной ночи. Везет же некоторым! Пальцы его забегали по клавишам: надо проверить фамилию постояльца. В пятьсот сорок седьмом остановилась миссис Марша Моррис. Он набрал номер и долго слушал гудки. Никто не подошел. Тогда Карло перезвонил Даниэлле де Роза.

— Ладно, — устало сказал он. — Схожу проверю.

Через пять минут Карло вышел из лифта на шестом этаже. У двери злополучного номера его уже поджидала старшая горничная. Карло постучал в дверь. Ответа не последовало. Он постучал снова. Подождал. Потом отпер дверь своим универсальным ключом и вошел.

— Здрасте! — негромко сказал он.

Плотные шторы были еще задернуты, но в полумраке он различил чью-то фигуру на широкой постели.

— Здрасте! — повторил он. — Доброе утро!

На постели кто-то едва заметно пошевелился.

— Здравствуйте! — снова повторил Карло. — Доброе утро, миссис Моррис. С Новым годом!

Ответа не последовало. Лишь снова послышался шорох.

Карло поискал на стене выключатель, щелкнул кнопкой. Вспыхнул яркий свет, и дежурный управляющий увидел распростертую на кровати женщину — стройную, совершенно голую, с большой грудью, длинными рыжими волосами и густым треугольником каштановых волос в паху. Ее руки и ноги были словно распяты и привязаны к столбикам кровати белыми шнурами. Подойдя поближе, Карло сразу понял, почему женщина не отвечала ему. Внутри у него все сжалось. Изо рта у женщины торчало полотенце, крепко прибинтованное к губам липкой лентой.

— О господи! — воскликнула старшая горничная.

Карло Диомеи смотрел на женщину во все глаза, силясь сообразить, что же здесь происходит. Может, это какая-нибудь странная интимная игра? Может, ее муж, любовник или все равно кто прячется в ванной? Лежащая на кровати голая женщина умоляюще смотрела на него.

Карло подбежал к ванной, рывком распахнул дверь, но там никого не оказалось. За долгие годы работы управляющим он перевидал всякого. Ему не раз приходилось, фигурально выражаясь, разгребать дерьмо. Но сейчас впервые в жизни, несмотря на богатый опыт, он растерялся. Что делать? Они помешали какой-то извращенной сексуальной игре или здесь творится что-то другое?

Женщина продолжала испуганно смотреть на него. Карло вдруг застыдился ее наготы. Преодолев стыд, попытался оторвать от ее губ липкую ленту, но, едва он нерешительно дернул ее, женщина отчаянно завертела головой. Ясно, ей больно. Но Карло был уверен в том, что ленту надо снять. Надо поговорить с ней. Стараясь дергать как можно бережнее, он оторвал ленту и вынул изо рта у женщины кляп.

Она что-то невнятно пробормотала и разрыдалась.

8

1 января, четверг

Давно уже Рой Грейс так хорошо себя не чувствовал в первый день нового года. Если не считать тех разов, когда он дежурил по городу, новый год всегда начинался со страшной головной боли и всепоглощающего чувства предопределения, которым сопровождалось похмелье.

Особенно сильно он напивался в первые годы после исчезновения Сэнди. Тогда близкие друзья Дик и Лесли Поуп заявляли, что слышать ничего не желают, и приглашали его встречать Новый год к себе. От Сэнди он словно бы унаследовал нелюбовь к новогодним праздникам.

Но последний Новый год в корне отличался от всех предыдущих. Прошлая ночь оказалась самой трезвой и самой приятной из всех предновогодних ночей в его жизни.

Во-первых, Клио обожала встречать Новый год. По иронии судьбы она была беременна и потому ей нельзя было пить. Но Грейс ничего не имел против. Ему просто было хорошо с ней. Он радовался не только предстоящему году, но и их совместному будущему.

А еще он тихо, про себя, радовался, что кисло-сладкая Элисон Воспер больше не будет почти каждый день портить ему настроение. Он с нетерпением ждал понедельника, когда увидит нового начальника, помощника главного констебля Питера Ригга.

Судя по тому, что ему удалось узнать о новом начальнике, Питер Ригг был педантом, сам любил принимать активное участие в следствии и терпеть не мог дураков.

К его облегчению, в Суссекс-Хаус, штаб-квартире уголовной полиции Суссекса, утро выдалось тихим. Грейс успешно поработал с документами, попутно просматривая на компьютере сводки происшествий в Брайтоне и Хоуве.

Как и следовало ожидать, сообщалось о нескольких инцидентах в барах, пабах и ночных клубах. В основном драки и мелкие кражи. Несколько незначительных дорожных происшествий, преступление на бытовой почве (семейная драка), жалоба от соседей на шумную вечеринку, пропавшая собака, украденный мопед. А еще сообщение о том, что по Вестерн-роуд бежит голый мужчина. И вот наконец что-то серьезное. Изнасилование в шикарном отеле «Метрополь». Сообщение поступило совсем недавно, в 12.55.

В полиции насильников делят на четыре категории: посторонний, знакомый, кавалер и сожитель. В сводке не сообщалось, к какой категории относится последнее изнасилование. Накануне Нового года некоторые мужчины напиваются в хлам и насилуют своих невест или сожительниц. Судя по всему, данное изнасилование подпадает под две последние категории. Преступление достаточно серьезное, но все же не такое, чтобы задействовать отдел особо тяжких преступлений.

Через двадцать минут Грейс уже собирался перейти дорогу и купить себе в супермаркете, который служил для сотрудников уголовного розыска чем-то вроде филиала столовой, сандвич на обед. И вдруг заверещал внутренний телефон.

Звонил Дэвид Алкорн, инспектор уголовной полиции, которого Грейс хорошо знал и любил. Алкорн сидел в оживленном полицейском участке на Джон-стрит, где и сам Грейс провел немало времени в начале своей службы, до того как его перевели в Суссекс-Хаус.

— С Новым годом тебя, Рой! — как всегда, ехидно поздравил его Алкорн. Судя по его тону, ничего хорошего Грейса не ждало.

— И тебя тоже, Дэвид. Как встретил?

— Да, в общем, нормально. Всухую только, потому что в семь уже надо было быть на службе. А ты?

— Тихо, но мило… спасибо.

— Рой, решил тебя предупредить. Похоже, в «Метрополе» орудовал посторонний насильник.

Алкорн наскоро сообщил Грейсу подробности. Дежурный управляющий отелем вызвал наряд полиции, а те сообщили в уголовный розыск. Сейчас жертва, которую сопровождает сотрудница отдела по борьбе с сексуальными преступлениями (ОБСП), едет в недавно открытую специализированную лабораторию при Центре помощи жертвам сексуального насилия в Кроли, послевоенном городке, расположенном в географическом центре Суссекса.

Пока Алкорн рассказывал, Грейс наскоро записывал подробности в блокнот.

— Спасибо, Дэвид, — сказал он. — Держи меня в курсе. И сразу звони, если понадобится помощь нашего отдела.

Последовала недолгая пауза; Грейс на расстоянии почувствовал нерешительность инспектора.

— Рой, не хочу тебя расстраивать, но возможны политические осложнения. Дельце-то щекотливое.

— Вот как?

— Вчера ночью жертва была в «Метрополе» на званом вечере. Мне сообщили, что там же присутствовало много полицейского начальства.

— Кто конкретно?

— Для начала — главный констебль с женой.

Вот проклятье, подумал Грейс, но вслух ничего не сказал.

— Кто еще?

— Заместитель главного констебля. И один помощник главного констебля. Понимаешь, к чему я клоню?

Грейс понимал, к чему клонит его собеседник.

— Может, послать в помощь ОБСП кого-нибудь из наших? Как считаешь? Для формальности.

— По-моему, ты отлично придумал.

Грейс быстро прикинул все варианты. Больше всего его сейчас беспокоил новый начальник. Если помощник главного констебля Питер Ригг в самом деле педант, значит, придется действовать очень осмотрительно — и не забыть прикрыться со всех сторон.

— Ладно. Спасибо, Дэвид. Прямо сейчас кого-нибудь пошлю. А пока… Не достанешь мне список всех, кто был на той вечеринке?

— Он уже у меня.

— И всех постояльцев, которые там остановились, плюс персонал — насколько я понимаю, на новогоднюю ночь всегда нанимают кого-нибудь дополнительно.

— А как же! — ответил Алкорн с едва заметным раздражением. Как Грейс посмел усомниться в его профессионализме?

— Конечно. Извини.

Едва закончив разговор, он позвонил констеблю Эмме Джейн Бутвуд, одной из немногих его подчиненных, которая сегодня была на службе. Вместе с несколькими другими сотрудниками она разбиралась с горами документов, которые затребовало начальство по операции «Нептун», крупному и неприятному делу о торговле человеческими органами, которое он раскрыл за несколько недель до Рождества.

Эмме Джейн понадобилось всего несколько минут, чтобы прийти к нему в кабинет. Она слегка прихрамывала — еще не совсем оправилась после тяжелейшей травмы, которую получила во время погони прошлым летом, когда ее придавило фургоном к стене. Несмотря на множественные переломы и операцию по удалению селезенки, она досрочно выписалась из больницы и не стала отсиживаться дома, а почти сразу вышла на работу.

— Привет, Эмма Джейн, — сказал Грейс. — Садись!

Грейс только начал посвящать молодую сотрудницу в подробности, которые сообщил ему Дэвид Алкорн, и объяснять всю щекотливость дела, как снова зазвонил внутренний телефон.

— Рой Грейс, — ответил он, поднимая палец и призывая Эмму Джейн подождать. На другом конце линии послышался живой и дружелюбный голос человека, судя по выговору закончившего дорогую частную школу.

— Здравствуйте, суперинтендент уголовной полиции Грейс! Говорит Питер Ригг.

«Проклятье!» — выругался про себя Грейс.

— Здравствуйте, сэр, — ответил он. — Очень… м-м-м… рад слышать ваш голос. Думал, что вы приступаете к работе с понедельника, сэр.

— А что? Вас что-то не устраивает?

Ах ты, господи, подумал Грейс. Сердце у него упало. Новый год едва начался, а у них уже первое тяжкое преступление. И новый помощник главного констебля еще не успел официально выйти на работу, как Грейс уже ухитрился его оскорбить.

Эмма Джейн сидела навострив уши и глядя на него во все глаза.

— Нет-нет, сэр, что вы! Наоборот, очень кстати. У нас, похоже, тяжкое преступление. Правда, судить пока рано, но, возможно, дело получит нежелательную огласку.

Грейс подал знак Эмме Джейн, что хочет остаться один. Та вышла, закрыв за собой дверь.

Он подробно рассказал Риггу обо всем, что случилось. К счастью, новый помощник главного констебля продолжал говорить с ним по-дружески.

Когда Грейс закончил, Ригг сказал:

— Насколько я понимаю, вы лично поедете на место?

Рой не знал, как ответить. В Кроли работают опытные профессионалы; на данном этапе ему нет необходимости ехать туда лично. Гораздо важнее находиться здесь, в кабинете, разбираться с бумагами и следить за ходом дела по телефону — если нужно, ускорять процесс. Но он решил, что новый начальник хочет услышать от него совсем другое.

— Да, сэр, немедленно выезжаю, — ответил Грейс.

— Отлично! Держите меня в курсе.

Грейс пообещал.

Повесив трубку, он задумался. Открылась дверь, и Грейс увидел угрюмую физиономию и бритый череп сержанта уголовной полиции Гленна Брэнсона. Его глаза на фоне черной кожи казались усталыми и какими-то вялыми, как у снулой рыбы. Клио учила его ни в коем случае не покупать на рыбном рынке рыбу с такими глазами.

— Здорово, старичок! — сказал Брэнсон. — Как думаешь, новый год будет не таким дерьмовым, как прошлый?

— Даже не надейся, — ответил Грейс. — Лучше не будет, будет только хуже. Нам с тобой остается только одно: научиться мириться с этим фактом.

— Вижу, ты сегодня прямо бодрячок-оптимист. — Брэнсон, сгорбившись, плюхнулся на место, которое совсем недавно освободила Эмма Джейн.

Даже коричневый костюм, яркий галстук и кремовая рубашка Брэнсона выглядели мятыми, усталыми — снулыми. Грейс тревожился за друга. Обычно Гленн Брэнсон следил за одеждой, но недавно он развелся и с тех пор сильно сдал.

— Лично для меня прошлый год был не лучшим. В середине года меня чуть не подстрелили, а под конец вышвырнула из дома жена.

— А ты посмотри на все с другой стороны. Ты не умер и выкинул мои пластинки.

— Вот спасибо так спасибо!

— Хочешь прокатиться? — спросил Грейс.

Брэнсон пожал плечами:

— Прокатиться? Всегда пожалуйста. Куда?

Ответить Грейсу помешал мобильник. Дэвид Алкорн сообщал новые подробности:

— Рой, возможно, это важно. По словам жертвы, у нее кое-что пропало. Судя по всему, насильник взял. Он унес ее туфли… — Алкорн помолчал. — Что-то такое у нас было несколько лет назад, припоминаешь?

— Да, но тот брал только одну туфлю и трусики, — ответил Грейс неожиданно тихо. — Что еще у нее пропало?

— Из нее пока особо много не вытянешь. Она в шоке.

Ничего удивительного, мрачно подумал Грейс. Взгляд непроизвольно упал на одну из синих коробок на полу — в ней лежит нераскрытое дело Туфельщика. Он задумался.

Туфельщик орудовал двенадцать лет назад. Может, сейчас это просто совпадение?

И все же по спине пробежал неприятный холодок.

1997

9

25 декабря, четверг

Они куда-то ехали. Рейчел Райан слышала ровный монотонный гул мотора и дышала выхлопными газами. Шины шуршали по мокрому гудрону. Ее трясло и подбрасывало на колдобинах и выбоинах. Она лежала на мешке; руки были связаны за спиной. Она не могла ни пошевелиться, ни заговорить. Впереди, над водительским креслом, виднелась бейсболка. Из-под бейсболки торчали уши.

Рейчел застыла от холода и ужаса. В горле пересохло; голова ужасно болела от удара. Все тело саднило. А еще ее тошнило от отвращения. Она казалась себе грязной, запачканной. Очень хотелось вымыться в душе, горячей водой, с мылом и шампунем. Хотелось отчиститься и снаружи и изнутри.

Микроавтобус повернул. Рейчел увидела свет. Серый свет. Утро Рождества. В это время она должна была находиться в своей квартире и рассматривать подарки в чулке, который послала ей мать. Каждый год, и в детстве, и сейчас, в двадцать два года, она получала от мамы рождественский чулок с подарками.

Рейчел заплакала. Она слышала, как шуршат по стеклу «дворники». Вдруг по радио громко, хоть и с помехами, заиграла «Свеча на ветру» Элтона Джона. Она видела, как голова водителя покачивается в такт музыке.

Элтон Джон пел эту песню на похоронах принцессы Дианы — на новые стихи. Рейчел так живо помнила тот день! Она, в числе сотен тысяч других, пришла к Вестминстерскому аббатству и слушала певца, наблюдая за церемонией по огромному телемонитору. Ночь она провела на улице, а накануне истратила львиную долю своего недельного жалованья — она

работала в справочной отдела связи с потребителями «Америкэн экспресс» — на букет цветов. Свой букет она, вместе с тысячами других, принесла к Кенсингтонскому дворцу.

Тогда она боготворила принцессу. В тот день, когда погибла Диана, в ней самой что-то умерло.

Микроавтобус резко затормозил, остановился, и ее швырнуло вперед. Она в очередной раз попробовала пошевелить руками и ногами, которые затекли. Но они были стянуты очень туго.

Сегодня Рождество; родители ждут, что она приедет к ним, они вместе выпьют шампанского, пообедают, а потом послушают речь королевы. Это такая же ежегодная традиция, как рождественский чулок с подарками.

Ей нужно помочиться — один раз она уже обмочилась. Больше так делать нельзя. Послышался звонок ее мобильника; она узнала рингтон «нокии». Похититель на секунду повернул голову, а потом снова стал смотреть вперед. Микроавтобус покатил дальше. Через залитое дождем ветровое стекло она увидела, как мимо проплыл светофор с зеленым сигналом, потом слева промелькнули знакомые здания. «Гамли», магазин игрушек. Они на Черч-роуд, в Хоуве. И двигаются в западном направлении.

Телефон перестал звонить. Через несколько секунд послышался гудок — ей пришла эсэмэска.

От кого?

От Трейси и Джейд?

Или от родителей, которые поздравляют ее с Рождеством? Маме не терпится узнать, понравились ли ей подарки.

Скоро ли они начнут волноваться?

О боже! Да кто он такой, этот насильник?!

Когда микроавтобус резко повернул вправо, ее швырнуло налево. Потом он повернул налево. Еще раз повернул. И остановился.

Песня закончилась. Бодрый мужской голос начал рассказывать о том, где проводит Рождество замечательный Элтон Джон.

Похититель вышел из кабины, но мотор не заглушил. От выхлопных газов и страха Рейчел еще сильнее затошнило. Отчаянно хотелось воды.

Потом он вернулся и снова сел за руль. Они поехали вперед в сгущающийся мрак. Наконец остановились; мотор затих. Целую минуту длилась абсолютная тишина, потому что радио теперь тоже молчало. Похититель куда-то ушел.

С металлическим лязгом захлопнулась водительская дверца.

Снова послышался лязг — вырубился весь свет.

Рейчел лежала в полной темноте и скулила от страха.

10

26 декабря, пятница

Нарядный, довольный собой, в модном красном галстуке с орнаментом «индийский огурец», который подарила ему вчера Сэнди на Рождество, Рой прошел мимо двери слева с табличкой «Суперинтендент» и двери справа, с табличкой «Старший суперинтендент». Рой часто думал: станет ли он когда-нибудь старшим суперинтендентом?

Утром второго дня Рождества все здание как будто вымерло. Здесь не было никого, кроме сотрудников, которые входили в следственную группу по операции «Гудини». Все они

собрались в конференц-зале на верхнем этаже. Несмотря на праздники, они работали круглые сутки, пытаясь поймать серийного насильника, которому дали кличку Туфельщик.

Дожидаясь, пока закипит чайник, Рой задумался о фуражке старшего суперинтендента. От фуражек более низших рангов ее отличает серебряная ленточка — очень желанная. Рой гадал: хватит ли ему сообразительности возвыситься до такого звания? Вряд ли.

За годы жизни с Сэнди Рой понял про нее одно: Сэнди любила, чтобы окружающий мир соответствовал ее ожиданиям, а если что-то не получалось так, как она хотела, она быстро теряла терпение. Порой она взрывалась — либо официант слишком медленно их обслуживал, либо продавец. Эти вспышки раздражительности очень огорчали Роя. Правда, он и полюбил ее отчасти из-за вспыльчивости. Сэнди готова была пойти на что угодно ради успеха и не признавала слово «поражение». Вот почему она часто теряла самообладание.

Но для этого была и серьезная причина. Несмотря на то, что они испробовали все способы лечения бесплодия и очень хотели ребенка, у них по-прежнему ничего не получалось.

Мурлыча себе под нос слова песни Эрика Клэптона «Измени мир» — песня неизвестно почему крутилась у него в голове с самого утра, — Рой Грейс отнес кружку с кофе на свой стол. Он сидел в пустом общем зале на третьем этаже полицейского участка на Джон-стрит. Ряды столов, разделенных перегородками, блекло-синее ковровое покрытие на полу, забитые ящички для писем… Из окон открывался вид на белые стены и блестящие синие окна штаб-квартиры «Америкэн экспресс». Грейс включил компьютер и в ожидании, пока загрузится система, выпил кофе, а потом стал мечтать о сигарете, тихо проклиная запрет на курение, который недавно ввели во всех полицейских участках.

Как всегда, под Рождество сотрудники попытались немного оживить казенную обстановку. С потолка свисали бумажные гирлянды. Перегородки украшал золотой дождик. На нескольких столах лежали поздравительные открытки.

Сэнди совсем не обрадовалась тому, что муж уже второе Рождество за три года проводит на дежурстве. Как она совершенно справедливо заметила, для работников полиции рождественская неделя самая паршивая. Даже самые закоренелые преступники, опустившиеся пьяницы и наркоманы сейчас сидят по домам, в своих логовах.

Правда, под Рождество чаще случаются внезапные смерти и самоубийства. Праздники — хорошая пора для тех, у кого много друзей и родных. А для людей одиноких, особенно пожилых и бедных, для тех, кому не хватает денег даже на то, чтобы как следует отапливать свои дома, праздники — время унылое, ненавистное. Зато под Рождество меньше совершается тяжких преступлений, дающих честолюбивому двадцатидевятилетнему сержанту уголовной полиции продемонстрировать свои способности и добиться того, чтобы коллеги и начальство его заметили.

Как только на мониторе показались первые сводки, зазвонил телефон.

Это была диспетчер из центра приема сообщений дежурной части.

— Привет, Рой. С Рождеством тебя!

— И тебя тоже, Дорин, — ответил он.

— Возможно, у нас тут без вести пропавшая, — сказала Дорин. — Рейчел Райан, двадцати двух лет, рассталась с подругами в канун Рождества на стоянке такси на Ист-стрит и пошла домой пешком. Она не приехала к родителям на традиционный рождественский обед и не отвечает ни по городскому, ни по мобильному телефону. Родители вчера в три часа дня поехали к ней домой на Истерн-Террас в Кемптауне, но она им не открыла. По их словам, такое поведение совсем не свойственно их дочери. Они очень волнуются.

Грейс записал адрес Рейчел Райан и ее родителей и сказал Дорин, что берет дело на себя.

Обычно, получив звонок о том, что кто-то пропал без вести, полиция не спешит действовать, если только пропал не ребенок, не старик и не человек из группы риска. Часто те, кого считают пропавшими, благополучно возвращаются домой. Но поскольку сегодня день обещал быть спокойным, Рой решил, что, чем сидеть на стуле, лучше заняться делом.

Он направился в другой конец общего зала. Там сидел сержант Норман Поттинг — один из немногих сотрудников уголовной полиции, который сегодня вышел на службу. Поттинг был лет на пятнадцать старше Грейса; он с трудом дослужился до сержанта, а на дальнейшее повышение и не надеялся. Отчасти начальство не любило его из-за немодных неполиткорректных взглядов, отчасти из-за беспорядочной семейной жизни, а отчасти из-за того, что он, как многие сотрудники полиции, в том числе покойный отец Роя Грейса, предпочитал работать на переднем крае, а не взваливать на себя бюрократические обязанности, которые давались в нагрузку к повышению. Грейс был одним из немногих, кому Поттинг нравился. Он любил слушать «военные рассказы» старшего коллеги. Ему казалось, что у Поттинга есть чему поучиться; кроме того, он немного жалел Поттинга.

Поттинг сосредоточенно тыкал в клавиатуру указательным пальцем. Грейс встал у него за спиной.

— Чтобы эти новые технологии пр-ровалились. — Как истый уроженец Девоншира, Поттинг сильно картавил. От него разило табаком. — Был на двух уроках и все равно ни черта не смыслю! И чем не угодила старая система, к которой мы все привыкли?

— Это называется «прогресс», — сказал Грейс.

— Р-р-р! Пр-рогресс! Типа того, что теперь в полицию берут кого угодно?

Сделав вид, что не услышал последних слов Поттинга, Грейс продолжил:

— Тут сообщили о пропавшей без вести. Что-то мне это дело не очень нравится. Ты сейчас занят? А то, может, съездим туда на всякий случай, наведем справки?

Поттинг с трудом поднялся на ноги.

— Я готов ехать куда угодно, только бы избавиться от этой каторги, как говаривала моя старая тетушка, — ответил он. — Ну как, Рой, хорошо провел Рождество?

— Ответ короткий: я провел его дома.

— У тебя хотя бы есть дом, — угрюмо буркнул Поттинг.

— А что?

— Я живу в комнатушке на двоих. Она меня вышвырнула, понял? Ничего смешного, когда желаешь детям счастливого Рождества по телефону-автомату в коридоре. И лопаешь перед телевизором готовый обед в коробке из супермаркета.

— Мне очень жаль, — ответил Грейс. Ему правда было жаль.

— Знаешь, Рой, что общего между бабой и ураганом?

Грейс покачал головой.

— Когда они на тебя нападают, они влажные и дикие. Когда уходят, то забирают твой дом и машину.

Грейс принужденно улыбнулся, чтобы не огорчать коллегу.

— Тебе-то хорошо, ты счастлив в браке. Желаю удачи! Только берегись, — продолжал Поттинг. — Берегись того дня, когда они начинают смотреть налево. Поверь мне, я ведь уже второй раз развожусь, чтоб им всем пусто было! Надо было с первого раза запомнить. Бабы считают полицейских чертовски сексуальными, пока не выходят за них замуж. Потом-то они понимают, что мы не те, за кого они нас принимали. Тебе повезло, если твоя считает по-другому.

Грейс кивнул, но ничего не сказал. Слова Поттинга были неприятно близки к истине. Он никогда не интересовался оперой. Но недавно Сэнди потащила его на спектакль

любительского оперного кружка, на комическую оперу Гилберта и Салливана «Пираты Пензанса». Когда исполняли «Доля полицейского — не сахар», Сэнди то и дело тыкала его в бок.

Потом она, словно поддразнивая, спросила, согласен ли он с этими словами.

Рой ответил: нет, все не так. Он очень доволен своей долей.

Позже, в постели, Сэнди прошептала: наверное, в песенке нужно поменять слова. Лучше уж петь: «Доля жены полицейского — не сахар».

Наши дни

11

1 января, четверг

В окнах нескольких домов жилой улицы за больницей горели рождественские лампочки; на парадных дверях висели венки. Скоро их уберут до следующего года, с грустью подумал Грейс. Он замедлил шаг, когда они подошли к приземистому многоэтажному бетонному зданию больницы Кроли. Ему нравились волшебные чары, которые накладывали на мир рождественские праздники, даже если в праздники приходилось работать.

Несомненно, в солнечный день, под голубым небом, здание больницы выглядело куда внушительнее и больше соответствовало замыслу архитектора, чем в дождливое январское утро. Грейс подумал: наверное, архитектору и в голову не пришло, что половину окон закроют уродливыми жалюзи, что рядом будет забитая машинами стоянка, что повсюду натыкают разномастные указатели, а на стенах появятся пятна от дождя и плесени.

Обычно Гленн Брэнсон любил запугивать Роя, демонстрируя свои водительские навыки, но сегодня он уступил ему руль, чтобы, не отвлекаясь, рассказать, как паршиво у него прошла рождественская неделя. Семейные отношения Гленна, вконец испорченные незадолго до Рождества, стали еще хуже в самый праздник.

Он и без того злился на жену, Эри, за то, что та поменяла все замки в доме. Еще больше он взбесился утром на Рождество, когда приехал с подарками для двоих детишек, а Эри даже на порог его не пустила. До того как поступить в полицию, Гленн служил вышибалой в ночном клубе и обладал недюжинной силой; он вышиб дверь ногой. Его худшие подозрения подтвердились. В его доме, под его елкой сидел любовник жены и играл с его детьми!

Эри тут же вызвала полицию; Гленн едва успел сбежать. Попадись он патрулю из Восточного Брайтона, и на карьере можно было бы ставить жирный крест.

— Вот что бы ты сделал на моем месте? — спросил Гленн.

— Наверное, то же самое. И все равно — неладно получается.

— Ага… — Помолчав, Гленн продолжил: — Ты прав. Но когда я увидел, как этот сволочной инструктор по фитнесу играет в игровую приставку с моими — понимаешь, с моими! — детьми, мне захотелось снести ему башку и поиграть ею в баскетбол!

— Приятель, придется тебе как-то сдерживаться. Не хочу, чтобы из-за какого-то сволочного инструктора по фитнесу твоя карьера пошла под откос.

Брэнсон посмотрел в лобовое стекло. На улице шел дождь. Он без выражения произнес:

— А какая разница? Мне теперь все равно.

Брэнсон, умный и добродушный человек-гора, был одним из лучших друзей Роя Грейса. Они познакомились несколько лет назад, когда Гленна только приняли констеблем в уголовную полицию. Брэнсон часто напоминал Грейсу его самого — энергичный, честолюбивый. Кроме того, Гленн обладал главным качеством, необходимым для того, чтобы стать хорошим полицейским, — высоким коэффициентом эмоционального интеллекта. С

самых первых дней работы Брэнсона в уголовной полиции Грейс стал его наставником. Но сейчас, когда семейная жизнь друга распадалась и он с трудом удерживался в рамках, он был опасно близок к тому, чтобы потерять работу.

А еще он был опасно близок к тому, чтобы поломалась их дружба. Последние несколько месяцев Брэнсон обитал в доме Грейса на набережной Хоува. Грейс ничего не имел против, поскольку сам теперь жил в доме Клио, в ее таунхаусе в центре Брайтона, в районе Норт-Лейн. Ему не нравилось, что Брэнсон роется в его драгоценной коллекции пластинок и постоянно критикует его музыкальные пристрастия.

Вот как сейчас.

Лишенный машины — обожаемая «альфа-ромео» была уничтожена несколько месяцев назад во время погони и сейчас служила предметом нескончаемых тяжб со страховой компанией, — Грейс вынужден был ездить на служебных автомобилях. Он совсем недавно научился управляться с айподом, который Клио подарила ему на Рождество, и радовался, что с помощью этой штучки можно проигрывать любимую музыку в любой аудиосистеме. По пути Грейс похвастался другу своими достижениями.

— Это еще кто? — вдруг спросил Брэнсон, прислушавшись.

— Лора Марлинг[2].

Брэнсон немного послушал и воскликнул:

— Она такая вторичная!

— На кого она похожа?

Брэнсон пожал плечами.

— Мне она нравится, — вызывающе заметил Грейс.

Они молча слушали еще несколько минут. Потом Грейс увидел пустое место на стоянке и крутанул руль.

— У тебя слабость к женщинам-вокалисткам, — заметил Брэнсон. — Вот в чем твоя проблема.

— Знаешь, она мне в самом деле нравится.

— Жалко мне тебя.

— Клио она тоже нравится, — возразил Грейс. — Она сама мне подарила диск Марлинг на Рождество. Хочешь, я ей передам, что ты и ее жалеешь?

Брэнсон поднял вверх большие руки:

— Придержи лошадей!

— Вот именно. Придержи лошадей!

— Респект! — сказал Брэнсон, но его голос был тихим и совсем невеселым.

Все три места, зарезервированные под полицейские машины, оказались заняты, но, поскольку сегодня был выходной, на стоянке было достаточно свободных мест. Грейс заехал в бокс, выключил зажигание, и друзья поспешили к боковому входу.

— Вы с Эри когда-нибудь ссорились из-за музыки? — спросил по пути Грейс.

— А что? — насторожился Брэнсон.

— Я просто так спросил.

Почти никто из посетителей больничного комплекса не обращал внимания на маленький белый указатель, на котором синими буквами было написано: «Центр „Сатурн“». Стрелка указывала на узкую дорожку, идущую вдоль больничной ограды и окаймленную с другой стороны кустами. Судя по ее виду, дорожка могла вести и к мусорным бакам.

На самом деле стрелка указывала путь к первому в Суссексе Центру помощи жертвам сексуального насилия. Центр, недавно открытый главным констеблем, как и другие такие же

центры по всей Англии, знаменовал собой перемену отношения к жертвам изнасилования. Еще совсем недавно — Грейс прекрасно это помнил — травмированным женщинам приходилось обращаться за помощью в полицейские участки, где их, ухмыляясь, допрашивали циничные сотрудники-мужчины. Хорошо, что в наши дни все по-другому.

В центре с жертвами, которым очень тяжело, занимаются специально подготовленные сотрудники полиции и психологи одного с ними пола. Настоящие профессионалы делают все возможное, чтобы утешить несчастных и успокоить их. Но это лишь половина дела. Сотрудники делают все от них зависящее, чтобы истина в конце концов восторжествовала.

Сложность в данном случае состоит в том, что местом преступления, которое надо обследовать, является сама жертва. Одежда и тело жертвы зачастую содержат важные улики или следы улик. Решающее значение, как и в раскрытии тяжких преступлений другого рода, имеет время. Многие жертвы изнасилования обращаются в полицию через несколько дней, месяцев, а то и лет, а некоторые и вовсе не обращаются, не желая заново переживать самые мучительные мгновения в своей жизни.

Брэнсон и Грейс быстро прошли мимо черного мусорного контейнера, мимо ряда конусов, какие расставляют на дорогах сотрудники транспортной полиции, и позвонили у входа. Через несколько секунд дверь открылась. Лицо женщины, которая их встретила, показалось Грейсу знакомым, вот только как ее зовут, он напрочь забыл.

— С Новым годом, Рой! — сказала сотрудница центра.

— И тебя тоже! — ответил он бодро. И вдруг вспомнил: — Гленн, это Бренда Киз. Бренда, это сержант уголовной полиции Гленн Брэнсон. Мы с ним вместе работаем в особо тяжких…

— Рада с вами познакомиться, сержант, — улыбнулась Бренда.

Бренда Киз прошла курс спецподготовки. Она опрашивала жертв изнасилования в Брайтоне и других городах Суссекса еще до того, как основали центр «Сатурн». Сотрудники центра должны были одеваться неброско и консервативно. Так сегодня была одета и Бренда: черные свободные брюки, серый свитер с V-образным вырезом поверх блузки. Такая одежда очень шла ее доброму, умному лицу. Каштановые волосы она стригла коротко и носила сильные очки.

Грейс вдруг подумал: здесь и с закрытыми глазами ясно, что находишься в ином мире. Все здесь словно приглушено, сюда не проникают раздражающие звуки.

За закрытыми сосновыми дверями раскинулся целый лабиринт комнат. Посередине располагалась приемная; ковровое покрытие здесь было бежевого цвета. На кремовых стенах висели в рамочках яркие художественные фото знакомых суссекских пейзажей — пляжные зонтики на набережной Хоува, ветряные мельницы в Клейтоне, Брайтонский пирс. Все очень продуманно. Как будто пациентов призывали забыть об ужасах, которые им довелось пережить.

Они расписались в журнале, и Бренда Киз наскоро ввела их в курс дела. Пока она рассказывала, открылась дверь, и из нее высунулась женщина-констебль плотного телосложения. На голове у нее дыбились короткие черные волосы — как будто она сунула пальцы в розетку. Широко улыбнувшись, она представилась:

— Констебль Роуленд, сэр! Вы суперинтендент Грейс?

— Да… а это сержант Брэнсон.

— Они в комнате номер один — только что начали. Констебль уголовной полиции Уэстмор беседует с жертвой, а сержант Робертсон наблюдает. Хотите зайти в комнату наблюдения?

— Нас ведь двое. Места хватит?

— Я принесу еще стул. Попить хотите?

— Я бы выпил кофе, — ответил Грейс. — Черного, без сахара.

Брэнсон попросил диетическую колу.

Следом за констеблем они прошли по коридору мимо дверей с табличками: «Смотровая», «Конференц-зал» и «Комната для интервью».

Роуленд открыла еще одну дверь, и они вошли. Комната наблюдения оказалась довольно тесной; вдоль одной стены тянулась узкая белая консоль, на которой были закреплены несколько компьютеров. На стене висел плоский монитор. Изображение передавалось на него с видеокамер из соседнего помещения. За столом сидел бритый светловолосый парень — сержант, который первым приехал в отель «Метрополь» по вызову управляющего. Перед ним лежал раскрытый блокнот и стояла бутылка воды с отвинченным колпачком. Серый костюм с малиновым галстуком сидел на сержанте довольно мешковато; лицо у него было смертельно бледное. Сразу видно — человек с трудом борется с последствиями тяжкого похмелья.

Грейс представился, и они с Гленном сели. Для суперинтендента констебль Роуленд вкатила массивное офисное кресло на колесиках.

Все смотрели на монитор. В маленькой комнатке без окон стояли синий диванчик, синий стул и маленький круглый столик, на котором помещалась большая коробка бумажных носовых платков. Ковровое покрытие в комнатке было безрадостным, темно-серым, а стены выкрашены холодной, грязновато-белой краской. Под потолком виднелись вторая камера и микрофон.

На диванчике, сгорбившись, обхватив себя руками, сидела испуганная женщина за тридцать, в белом махровом халате с вышитой буквой «М» на груди. Стройная, довольно симпатичная — на бледном лице потеки туши. Длинные рыжие волосы спутались, сбились на сторону.

Напротив нее за столом сидела констебль Клер Уэстмор, сотрудница отдела по борьбе с сексуальными преступлениями. Она зеркалила позу жертвы: сидела в той же позе и тоже обнимала себя руками.

Сотрудники полиции выработали немало действенных способов, помогающих им добывать во время допросов важные сведения у жертв и свидетелей преступления. Они не должны раздражать их. Нельзя носить одежду, способную отвлечь свидетеля, например чересчур кричащий костюм или пиджак в полоску. Констебль Уэстмор с этой точки зрения была одета безупречно: неброская синяя блузка с открытым воротом под темно-синим свитером с V-образным вырезом, черные брюки и простые черные туфли. Волосы до плеч зачесаны назад и стянуты лентой. И никаких украшений, кроме тонкой серебряной цепочки.

Очень важно — поставить жертву или свидетеля в главенствующее положение, чтобы они не чувствовали напряжения. Именно поэтому опрашиваемая — Никола Тейлор — расположилась на диванчике, а констебль заняла стул.

Далее, зеркальное копирование — еще один классический способ вызвать жертву на откровенность. Если копировать все действия и жесты объекта, можно добиться его полного расположения. Тогда он начинает сам копировать интервьюера, демонстрирует полное доверие к нему и раскалывается, если употреблять профессиональный жаргон.

Уэстмор, с едва заметным ливерпульским выговором, медленно и искусно старалась добиться ответа от молчаливой женщины. Грейс время от времени что-то записывал. Почти все жертвы изнасилования страдают от посттравматического стресса; из-за возбуждения они почти не способны сосредоточиться, сконцентрироваться. Уэстмор старалась как могла; она

расспрашивала Николу Тейлор вначале о самых последних событиях и постепенно двигалась назад.

За долгие годы службы в полиции Грейс прослушал множество курсов по ведению допросов. Он знал — и говорил об этом своим подчиненным, — что «плохих» или «трудных» свидетелей не бывает. Бывают плохие дознаватели.

Но констебль Уэстмор, судя по всему, была настоящим профессионалом.

— Никола, вам, должно быть, очень трудно об этом говорить, — сказала она. — Но ваш рассказ поможет мне понять, что случилось, и помочь вам. Мы постараемся найти того, кто это с вами сделал. Если не хотите, сегодня можете ничего мне не говорить.

Женщина молча смотрела в одну точку и теребила руки. Ее трясло.

Грейсу стало отчаянно жаль ее.

Констебль Уэстмор тоже начала теребить руки. Через несколько секунд она спросила:

— Насколько я поняла, вы пошли на праздничный ужин в «Метрополь» с друзьями?

Молчание.

По щекам Николы Тейлор потекли слезы.

— Вы сегодня хотите мне что-нибудь рассказать?

Легкое движение головой, означающее отказ.

— Хорошо. Ничего страшного, — ответила Клер Уэстмор. Она немного посидела молча, а потом спросила: — Вы много выпили вчера за ужином?

Никола Тейлор снова покачала головой.

— Значит, вы не были пьяны?

— С чего вы взяли, что я была пьяна? — вдруг резко выпалила женщина.

Констебль Уэстмор улыбнулась:

— Иногда мы все позволяем себе лишнего. Я сама особенно не пью. Но перед Новым годом напиваюсь в стельку! Такая ночь бывает только раз в году.

Никола Тейлор посмотрела на свои руки.

— Значит, вот что вы про меня думаете? — тихо сказала она. — Что я напилась в стельку?

— Я здесь для того, чтобы вам помочь. Я не делаю никаких выводов, Никола.

— Я была трезва как стеклышко!

— Хорошо, хорошо.

Грейс обрадовался, увидев, что жертва реагирует. Хороший знак!

— Никола, я вас не осуждаю. Только хочу понять, что случилось. Поверьте, я в самом деле понимаю, как тяжело рассказывать про все, через что вам пришлось пройти, и я хочу помочь вам, чем только смогу. Но помочь я вам смогу только в том случае, если буду точно знать, что с вами случилось.

Долгая пауза.

Брэнсон отпил колу, Грейс хлебнул кофе.

— Никола, мы закончим беседу сразу, как только вы захотите. Если сейчас вы не в настроении, давайте отложим разговор до завтра, ничего страшного. Или до послезавтра. В общем, решайте сами. Я хочу вам помочь, только и всего.

Снова долгая пауза.

Вдруг Никола Тейлор выпалила:

— Туфли!

— Туфли?

Женщина снова замкнулась.

— Вы любите туфли, Никола? — наугад спросила констебль Уэстмор. Не дождавшись ответа, она непринужденно продолжила: — Красивая обувь — моя слабость! Перед Рождеством мы с мужем слетали в Нью-Йорк. Я чуть не купила себе сапожки «Фенди», хотя они стоили восемьсот пятьдесят долларов!

— У меня были туфли «Марк Джейкобс», — почти шепотом произнесла Никола Тейлор.

— Марк Джейкобс? Обожаю его туфли! — ответила констебль Уэстмор. — Их унесли вместе с вашей одеждой?

Еще одна долгая пауза.

Наконец Никола ответила:

— Он заставлял меня… вытворять кое-что с моими туфлями.

— Что именно? Попробуйте… попытайтесь мне рассказать.

Никола Тейлор снова расплакалась. Потом, то и дело прерываясь и плача, она начала рассказывать — подробно, но очень-очень медленно. Она часто надолго замолкала. Видимо, пыталась собраться с силами, но иногда не выдерживала; на нее накатывали приступы тошноты.

Гленн Брэнсон повернулся к Грейсу и подмигнул ему.

Грейс кивнул в ответ. Слушая рассказ жертвы, он напряженно думал. Сравнивал рассказ Николы Тейлор с подробностями нераскрытого дела в синем ящике на полу его кабинета, которое он перелистывал совсем недавно. Вспоминал 1997 год. Даты. Схемы. Почерк насильника. Вспоминал показания тогдашних жертв — некоторые из них он совсем недавно перечитывал и отлично помнил.

По спине, как совсем недавно, пробежал неприятный холодок.

1997

12

26 декабря, пятница

— Градусник говорит: «Сегодня!» — сказала Сэнди с тем самым блеском в голубых глазах, который всегда заводил Роя Грейса.

Они сидели перед телевизором и смотрели «Рождественские каникулы» с Чеви Чейзом. Просмотр комедии превратился у них в своего рода ритуал: вечером второго дня Рождества они всегда смотрели этот фильм. Обычно Рой громко смеялся над семейкой придурков, которые вечно попадают в самые идиотские ситуации. Но сегодня он молчал.

— Эй! — окликнула его Сэнди. — Сержант уголовной полиции! Ты меня слышишь?

Он кивнул и смял в пепельнице сигарету.

— Извини.

— Дорогой, надеюсь, ты сейчас думаешь не о работе? Забудь о ней хотя бы на сегодня. Нормального Рождества у нас не было, давай хотя бы порадуемся тому, что нам осталось. Давай придумаем что-нибудь особенное.

— Знаю, — ответил Рой. — Только…

— У тебя всегда «только», — ответила жена.

— Извини. Мне пришлось утешать людей, для которых в этом году не было ни Рождества, ни Дня рождественских подарков, понимаешь? Их дочь рассталась с подругами утром в Рождество, а к себе домой так и не вернулась. Родители вне себя. Я… обязан сделать для них… и для нее… все, что можно.

— Ну и что? Может, она сейчас трахается с каким-нибудь парнем, с которым познакомилась в ночном клубе.

— Нет. Такое на нее не похоже.

— Чтоб ты провалился, сержант Грейс! Ты сам говорил, что люди без конца звонят и говорят, что их близкие пропали. Только в одной Великобритании таких случаев двести тридцать тысяч в год! И большинство пропавших объявляются сами в течение месяца!

— А одиннадцать тысяч пятьсот человек не объявляются.

— Ну и что?

— Сейчас у меня дурное предчувствие.

— Твой сыщицкий нюх?

— Угу.

Сэнди погладила его по носу:

— Мне нравится твой нюх, сыщик! — Она поцеловала его в нос. — Сегодня нам надо заняться любовью. Я измерила температуру; похоже, у меня овуляция.

Рой Грейс широко улыбнулся и посмотрел жене в глаза. Когда после смены они с сослуживцами шли в бар напротив центра предварительного заключения, разговоры неизменно крутились вокруг футбола, которым Грейс не интересовался, или вокруг женщин. Судя по признаниям коллег, все девушки делились на две части: на одних парни западали из-за больших сисек, на других — из-за ног. А вот Сэнди привлекла Роя Грейса не тем и не другим. Его заворожили ее голубые глаза.

Он вспомнил их первую встречу. Они познакомились через несколько дней после Пасхи; за месяц до того от рака кишечника умер его отец. Матери Грейса только что сообщили, что у нее рецидив рака груди. Сам Рой только что поступил на службу в полицию, и было ему так плохо — хуже некуда. Коллеги уговорили его присоединиться к ним и развлечься — сходить на собачьи бега.

Сам не помня как, он очутился на стадионе, где проходили бега борзых собак; напротив за столиком сидела красивая, оживленная девушка. Их познакомили, но ее имя он сначала не запомнил. Через несколько минут, поговорив с сидящим рядом парнем, девушка перегнулась через стол к Грейсу и сказала:

— Мне дали подсказку! Надо ставить на собаку, которая делает свои дела перед забегом!

— Хотите сказать, надо следить, которая из них полная дерьма?

— Очень остроумно. Вы, наверное, сыщик?

— Нет, — ответил Грейс, — пока нет. Но надеюсь им стать.

Поедая коктейль из креветок, он смотрел на собак, пока их выводили из загона. Собака под номером пять наложила перед самым забегом огромную кучу. Когда к их столику подошла женщина, которая собирала ставки, девушка поставила пятерку на пятый номер, и Грейс, чтобы порисоваться, тоже поставил десятку, хотя проиграть ее ему было не по карману. Их фаворитка пришла к финишу последней, отстав от чемпионки на целых двенадцать корпусов.

На первом свидании, куда он пригласил Сэнди через три дня, он целовал ее в темноте, под рокот прибоя возле брайтонского Дворцового пирса.

— Ты должна мне десятку, — сказал он тогда.

— По рукам! — ответила она. Порывшись в сумочке, она достала банкнот и засунула его ему в вырез рубашки.

Рой смотрел на Сэнди, сидящую перед телевизором. Она стала еще красивее, чем при их первой встрече. Он любил ее лицо, ее запах, ее волосы; он любил ее живость и ее ум. Ему нравилось, как она подчиняет себе жизнь, подминает все под себя. Конечно, Сэнди злилась, что он дежурил на Рождество, но она все понимала, потому что хотела, чтобы ее муж добился успеха.

Такой была его мечта. Их мечта.

Потом зазвонил телефон.

Сэнди сняла трубку, холодно сказала:

— Да, он здесь, — и передала трубку Рою.

Он выслушал, записал адрес на обороте поздравительной открытки и сказал:

— Буду через десять минут.

Сэнди пристально посмотрела на него и вытряхнула сигарету из пачки. Чеви Чейз на экране продолжал куролесить.

— Ради всего святого, сегодня же День рождественских подарков, второй день Рождества! — сказала она, нагибаясь за зажигалкой. — С тобой курить не бросишь!

— Постараюсь вернуться как можно скорее. Мне нужно допросить свидетеля… Один мужчина вроде бы видел, как рано утром какой-то тип затаскивал девушку в микроавтобус.

— А завтра его допросить нельзя?

— Как ты не понимаешь? Жизнь той девушки в опасности!

Сэнди криво улыбнулась:

— Что ж, иди, сержант Грейс. Иди спасай долбаный мир!

Наши дни

13

1 января, четверг

— Сегодня ты какой-то рассеянный. Что с тобой, любимый? — спросила Клио.

Рой Грейс сидел на большом красном диване в гостиной ее дома, переделанного из бывшего склада. У него на коленях расположился Хамфри, который рос и толстел не по дням, а по часам. Уютно свернувшись клубочком, черный щенок вцепился когтями в мешковатый свитер Грейса, как будто решил играючи распустить его, да так, чтобы хозяин ничего не заметил. Пока у Хамфри все получалось: Рой был настолько поглощен страницами дела «Операция „Гудини“», что не обращал внимания, чем там занят щенок.

Первое сообщение о попытке изнасилования они получили 15 октября 1997 года. Поздно вечером в брайтонском районе Норт-Лейн кто-то напал на молодую женщину. Ее спас случайный прохожий, который выгуливал собаку. Нападавший сбежал, успев, однако, украсть одну ее туфлю. К сожалению, следующая попытка оказалась успешной. В конце октября в Гранд-отеле проходила вечеринка по случаю Хеллоуина. Одну гостью в коридоре схватил мужчина, переодетый женщиной. Жертву нашли лишь на следующее утро в запертом номере. Она лежала на кровати связанная, с кляпом во рту.

Клио, свернувшаяся на диване напротив, читала книгу «Античная философия» — она училась заочно в Открытом университете и готовилась к экзамену. Вокруг валялись листочки, испещренные ее записями и обклеенные желтыми закладками. Она надела шерстяные черные легинсы и закуталась в верблюжье пончо. Длинные светлые волосы падали ей на лицо, так что каждые несколько минут она отбрасывала их назад. Грейс всегда любил наблюдать, как она это делает.

Клио поставила в проигрыватель диск Руарри Джозефа; телевизор тоже был включен, но без звука; шел фильм «Шаровая молния» с Шоном Коннери в роли Джеймса Бонда. Коннери сжимал в объятиях какую-то красотку. Всю прошлую неделю Клио объедалась королевскими креветками в остром соусе; вот и сегодня они заказали еду с доставкой на дом — и снова карри. Уже в четвертый раз за пять дней! Грейс ничего не имел против карри, но сегодня решил дать желудку отдохнуть и выбрал блюдо попроще — курицу тандури.

На столе стоял большой новый аквариум с золотой рыбкой — Грейс подарил его Клио на Рождество взамен прежнего, разбитого в прошлом году незваным гостем. Обитательница аквариума, которую Клио назвала Рыбка-Два, деловито обследовала водоросли и миниатюрный подводный греческий храм, иногда совершая резкие неожиданные броски. Рядом с аквариумом лежала стопка из трех книг — их подарил Грейсу на Рождество Гленн Брэнсон. «Сто подсказок мужу, как пережить беременность жены», «Будущий папочка» и «Ты тоже ждешь ребенка, приятель!».

— Все со мной нормально. — Грейс улыбнулся.

Клио улыбнулась ему в ответ, и вдруг он почувствовал такое всепоглощающее счастье и безмятежность, что ему захотелось остановить часы, а вместе с ними и время. Пусть этот миг длится вечно!

«Хочу побыть с тобой», — пел Руарри Джозеф, подыгрывая себе на акустической гитаре. «Да, — подумал Грейс, — я тоже хочу побыть с тобой, моя дорогая Клио. С тобой одной».

Ему хотелось вечно сидеть здесь, на этом диване, в этой комнате, смотреть на любимую женщину, которая носит под сердцем их ребенка, и никогда в жизни ее не покидать.

— Сегодня Новый год. — Клио взяла стакан с водой. — Может, перестанешь работать и отдохнешь немного? О делах вспомнишь в понедельник.

— Ага… А сама какой пример мне подаешь? Готовишься к экзамену. Ты, что ли, так отдыхаешь?

— Да! Мне нравится учиться. Учеба для меня — не работа. А вот ты пашешь вовсю!

— Кто-то должен сказать преступникам, что нельзя нарушать закон в дни общенациональных праздников. — Грейс хитро улыбнулся.

— Ну да, а старикам надо запретить умирать в рождественские каникулы. Совесть должны иметь! Владельцы похоронных бюро тоже должны хоть капельку передохнуть!

— Сколько их у тебя сегодня?

— Пять, — ответила Клио. — Бедняги! Правда, трое умерли еще вчера.

— Значит, хватило совести подождать до Рождества.

— Они не вынесли мысли о том, что предстоит прожить еще год.

— Надеюсь, сам я так не умру, — сказал Рой. — Не доживу до такого дня, чтобы не было сил пережить следующий год.

— Ты читал Хемингуэя? — спросила Клио.

Грейс покачал головой. Какой он все-таки невежественный по сравнению с Клио! Как мало он, оказывается, читал…

— Это один из моих любимых писателей. Мне очень хочется, чтобы ты узнал его! Он написал: «Жизнь ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе». Прямо про тебя. Ты ведь крепче на изломе?

— Надеюсь; но иногда я в этом сомневаюсь.

— Сейчас тебе нужно быть крепче, чем когда бы то ни было, суперинтендент! — Клио похлопала себя по животу. — Ты нужен нам обоим!

— А ты еще нужна всем своим мертвецам, — парировал он.

— А ты — своим.

Это правда, с горечью подумал Грейс, снова утыкаясь в папку с делом и вспоминая пирамиду синих коробок и зеленых ящиков на полу кабинета. Сколько мертвецов дожидаются в своих могилах, когда же он призовет к ответу их убийц!

Дождется ли сегодняшняя изнасилованная Никола Тейлор того дня, когда ее обидчика призовут к ответу? Или все закончится очередным зеленым ящиком с наклейкой?

— Сейчас я читаю об одном афинском политическом деятеле по имени Перикл, — сказала Клио. — Философом он не был, но сказал кое-что очень важное: «После вас остается не то, что высечено на надгробной плите. Остается то, что вплетается в жизнь других людей». Кстати, суперинтендент Грейс, вот еще почему я так сильно тебя люблю. Ты всегда вплетаешь в жизнь других людей что-то хорошее.

— Стараюсь, — ответил Грейс, не отрываясь от папки с делом Туфельщика.

— Бедный ты мой! Сегодня ты явно не со мной…

Грейс пожал плечами:

— Извини. Ненавижу насильников. Видела бы ты сегодня бедняжку в Кроли…

— Ты мне еще ничего о ней не рассказал.

— Хочешь послушать?

— Да, хочу. Я серьезно. Мне хочется знать все о том мире, куда вскоре попадет наш малыш. Что он с ней сделал?

Грейс взял с пола бутылку минеральной воды и одним махом осушил ее. Он охотно выпил бы еще столько же, но не стал открывать вторую бутылку. Задумавшись, принялся вспоминать рассказ несчастной жертвы.

— Он заставил ее заниматься мастурбацией при помощи ее туфли на шпильке. Туфли у нее дорогие, какой-то известной фирмы. «Марк Джозеф», кажется.

— «Марк Джейкобс»? — уточнила Клио.

Грейс кивнул:

— Да, именно «Марк Джейкобс». Они дорогие?

— Очень. Говоришь, он заставлял ее заниматься мастурбацией? То есть… так сказать, каблук вместо искусственного члена?

— Да. Оказывается, ты разбираешься в хорошей обуви? — удивился Грейс.

Ему нравилось, как Клио одевается, но, когда они вместе куда-то выбирались, она почти никогда не зависала у витрин обувных магазинов или магазинов одежды. А вот Сэнди то и дело останавливалась и рассматривала одежду; эта ее привычка доводила Грейса до бешенства.

— Рой, милый, в обуви разбираются все женщины! По-другому и быть не может. Примеряя дорогие, элегантные туфли, любая чувствует себя привлекательной, сексуальной, желанной! Значит, насильник просто наблюдал, как она мастурбирует?

— Она сказала, что у ее туфель пятнадцатисантиметровые шпильки, — ответил Грейс. — Он заставлял ее вводить в себя всю шпильку до конца и сам при этом тоже мастурбировал.

— Ужас какой. Он просто больной!

— Дальше хуже.

— Рассказывай!

— Потом он приказал ей перевернуться на живот, лицом вниз, и ввел ей каблук в задний проход. Ну как, хватит?

— Значит, на самом деле он ее не насиловал? В прямом смысле…

— Изнасиловал, но это было позже, потом. У него проблемы с эрекцией.

Помолчав несколько секунд, Клио спросила:

— Рой, что с ним? Почему он так поступает?

Грейс пожал плечами:

— Сегодня я разговаривал с психологом и не услышал ничего такого, чего бы я не знал. Насильник не был знаком с жертвой — судя по всему, мы имеем дело с «посторонним». В подобных случаях проблемы у них редко носят чисто сексуальный характер. Скорее всего, он женоненавистник и стремится к власти над жертвой.

— Ты считаешь, тот, кто это сделал, похож на твоего Туфельщика?

— Я потому и взялся перечитывать старое дело. Возможно, здесь просто совпадение. Не исключено также, что в нашем случае действует подражатель. Или же тот самый насильник изменил почерк.

— Сам-то ты как думаешь?

— Трудно сказать. У Туфельщика тоже были проблемы с эрекцией. И он всегда забирал у жертвы туфлю.

— А у сегодняшней… он тоже забрал туфлю?

— Обе туфли и всю ее одежду. Судя по тому, что удалось узнать со слов жертвы, он трансвестит.

— Значит, есть небольшое расхождение?

— Да.

— Что тебе подсказывает чутье? Что говорит твой полицейский нюх?

— Пока рано делать выводы. Но… — Грейс замолчал.

— Что «но»?

Грейс пристально посмотрел на папку со старым делом.

14

3 января, суббота

Попросите ваших собеседников вспомнить, где они были и что делали в тот миг — в тот конкретный миг, — когда услышали об атаке террористов на башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября, или о гибели принцессы Дианы, или о том, что застрелили Джона Леннона, или, если они постарше, как именно узнали о покушении на Джона Ф. Кеннеди в Далласе, штат Техас. Почти все сумеют подробно и четко все рассказать.

Но только не Рокси Пирс. В ее жизни важными вехами были лишь те минуты, когда она наконец покупала себе туфли, о которых страстно мечтала. Она могла точно рассказать, что происходило на свете в тот день, когда она приобрела свои первые туфли «Кристиан Лубутэн». Или «Феррагамо». Или «Маноло Бланик».

Сегодня она бродила по залам обувного магазина «Ритци», застеленным серым ковролином, и вдруг увидела такое, что все ее сокровища, хранящиеся в многочисленных шкафах, разом поблекли.

— О да! Господи, да!

Рокси опустила голову и осмотрела свои ноги. Лодыжки бледные, синеватые от проступающих вен… Пожалуй, слишком тощие и костлявые. В общем, ноги она никогда не считала своим выигрышным местом. И все же сегодня они преобразились. Стали потрясающими, великолепными! Тонкие черные ремешки чувственно обнимали лодыжки; словно живые и страстные, они охватывали белую кожу.

Она — настоящая секс-бомба!

Рокси взглянула в зеркало. На нее смотрела красотка с потрясающими ногами. С блестящими черными волосами и великолепной фигурой. Она определенно выглядит гораздо моложе своих лет! Никому и в голову не придет, что через три месяца ей стукнет целых тридцать семь.

— Что скажете? — спросила она у продавщицы, снова полюбовавшись на себя в зеркало. Ах, какие туфли! Высоченные шпильки, изогнутая подошва, поблескивающая черная кожа…

— Как будто на вас сшиты! — уверенно заявила продавщица — не молоденькая девчонка, а лет тридцати. — Точь-в-точь на вас!

— Да-да-да! — пронзительно вскричала Рокси. — А вам, значит, тоже так кажется?

Она так разволновалась, что на нее начали оглядываться другие. В первую субботу после Нового года в Брайтоне было оживленно. Магазины переполнены — любители скидок надеются приобрести что-нибудь по выгодной цене. В такие дни многие владельцы бутиков дополнительно снижают цены после рождественских распродаж.

Только одна покупательница в зале не обернулась на крик. Будь Рокси не так увлечена туфлями, она бы непременно заметила элегантно одетую женщину среднего возраста, в водолазке, длинном темном пальто и дорогих сапожках на высоком каблуке. Определить истинный пол покупательницы смогли бы лишь те, кто вгляделись бы в нее повнимательнее — или каким-то чудом отогнули высокий ворот водолазки и увидели под ним адамово яблоко.

Мужчина, переодетый женщиной, не оглядывался, потому что он и так следил за Рокси. Он обратил на нее внимание в тот самый миг, когда она попросила принести ей ту пару туфель.

— С «Джимми Чу» всегда так! — сказала продавщица. — Уж Джимми Чу разбирается в том, как надо шить туфли!

— Вы правда думаете, что они хорошо на мне смотрятся? Ходить в них не очень легко.

Рокси нервничала. Четыреста восемьдесят пять фунтов для нее — большая сумма, особенно сейчас: фирма мужа по продаже программного обеспечения на грани банкротства, а ее собственное крошечное рекламное агентство едва сводит концы с концами.

Но она непременно должна их купить! Просто обязана!

На четыреста восемьдесят пять фунтов можно накупить много всего? Ну и подумаешь!

С удовольствием от этих туфель для нее ничто не сравнится!

Рокси не терпелось похвастаться «Джимми Чу» перед подругами. Но больше всего ей хотелось надеть их для Янниса, ее пылкого, страстного любовника-грека, с которым у них роман вот уже полтора месяца. Яннис владеет двумя ресторанами греческой кухни в Брайтоне, и еще у него два заведения — в Уортинге и Истборне. Он не первый ее любовник за двенадцать лет брака, но уж точно самый лучший. Да, вот именно!

Едва вспомнив о Яннисе, Рокси расплылась в улыбке. Вдруг кольнуло сердце. Она уже дважды наступала на одни и те же грабли; пора бы и научиться на собственных ошибках. Рождество для любовных утех — не лучшее время. На работу ходить не надо, и почти все проводят праздники в семейном кругу. Хотя своих детей у Рокси нет — они с Дермотом их не хотели, — пришлось тащиться к родственникам мужа в Лондондерри на целых четыре дня, а сразу по возвращении провести еще четыре дня со своими родителями в далекой норфолкской глуши.

Они с Яннисом уже уговорились о свидании, но в тот самый день, когда они должны были встретиться, ему пришлось лететь в Афины: отец неожиданно свалился с инфарктом.

Сегодня они впервые увидятся после Рождества — Рокси казалось, что прошло больше месяца. Нет, даже два месяца. Целый год. Целая вечность! Она скучала по Яннису. Томилась по нему. Жаждала его.

Да, решено. Она купит эти туфли и наденет их на свидание!

Яннис очень ценил женские ножки. Он любил разувать ее, нюхал ее туфли с таким видом, будто пробовал марочное вино в дорогом ресторане. Ему наверняка понравится, если сегодня она займется с ним любовью в туфельках «Джимми Чу»! Представив себе, что будет, Рокси до того возбудилась, что почувствовала предательскую влагу между ног.

— Знаете, что самое лучшее в таких туфлях? — спросила продавщица. — Их приятно и надевать, и снимать. Они отлично смотрятся с любой одеждой. С вашими джинсами выглядят просто потрясающе.

— Вы так думаете?

Глупый вопрос. Кто бы сомневался! Продавщица наверняка имеет в виду, что эти туфли будут смотреться потрясающе, даже если Рокси наденет на голову мусорный бак, набитый рыбьими головами.

Отправляясь за покупками, Рокси надела узкие, в обтяжку, джинсы «Донна Каран». Они тоже нравились Яннису. Он уверял, что в них у нее роскошный зад. Ему нравилось расстегивать их и медленно стаскивать с нее, приговаривая своим бархатным голосом с сильным акцентом: мол, это все равно что снимать кожицу со спелого красивого плода. Рокси очень заводили его комплименты. Дермот давно перестал баловать ее романтической дребеденью. Пройдется по спальне в носках и трусах, рыгнет раза два — вот и вся прелюдия к любовным ласкам.

— Да! — серьезно ответила продавщица.

— Похоже, на эти туфли скидки нет? Они не включены в распродажу?

— К сожалению, нет. Они из новой коллекции, только что получили.

— Мне, как всегда, везет!

— Может, хотите подобрать сумочку в тон?

— Нет, не надо, — ответила Рокси. — Лучше не стоит.

И все же продавщица показала ей и сумочку. Потрясающую, надо сказать! Рокси поняла, что без сумки туфли кажутся простоватыми. Если она не купит сумку вместе с туфлями, она непременно потом пожалеет.

Из-за того, что в магазине было столько покупателей, и из-за того, что ее голова была занята только тем, как утаить цену от Дермота, Рокси совсем не обращала внимания на других покупателей, включая и даму в водолазке, которая рассматривала туфли чуть поодаль от нее. Рокси решила: как только придет выписка со счета, надо будет перехватить ее и сжечь. Хотя «Джимми Чу» она покупает, между прочим, на собственные деньги!

— Вы получаете нашу рассылку, мадам? — спросила продавщица.

— Да.

— Будьте добры, сообщите ваш почтовый индекс. Мы будем держать вас в курсе последних поступлений.

Рокси продиктовала продавщице свой почтовый индекс; та вбила его в компьютер на кассе.

Стоящий рядом с Рокси переодетый мужчина быстро нажал несколько клавиш на своем маленьком нетбуке. Через несколько секунд на мониторе высветился ее адрес. Но читать с экрана ему не пришлось.

— Миссис Пирс, Дроуввэй, семьдесят шесть?

— Совершенно верно, — кивнула Рокси.

— Отлично. Общая сумма тысяча сто двадцать три фунта. Как будете платить?

Рокси протянула кредитку.

Переодетый мужчина неспешно, покачивая бедрами, вышел из магазина. Он долго тренировался и, как ему казалось, научился ходить как настоящая женщина. Через несколько секунд он влился в толпу покупателей на оживленных брайтонских улицах. Каблуки звонко цокали по сухому холодному тротуару.

15

3 января, суббота

После оживления перед Новым годом всегда следует спад. Вереница праздников заканчивается, люди выходят на работу. А в этом году к тому же еще и кризис, банкротится одна фирма за другой. Констебль Йен Аппертон из дорожной полиции Брайтона и Хоува думал: ничего удивительного, что в холодный январский субботний день народу на улицах немного, несмотря на то что распродажи в самом разгаре.

Его сослуживец, констебль Тони Омотосо, сидел за рулем служебного БМВ-универсала. Сгущались сумерки; они ехали на юг. Миновав Роттингдин, направились к набережной; на перекрестке повернули направо. Вести машину стало труднее; в борт били порывы юго-западного ветра с Ла-Манша. Половина пятого вечера. Последний раз проехать мимо меловых утесов, мимо здания Общества слепых Святого Дунстана и дорогой частной школы для девочек «Ройден-скул», потом вдоль набережной — и домой, на базу. Выпить чашку чаю и быть на связи до конца смены.

Аппертон знал: бывают дни, когда атмосфера как будто наэлектризована и заранее предчувствуешь недоброе. Правда, сегодня он ничего такого не ощущал. Ему не терпелось попасть домой, увидеть жену и детей, выгулять собак и провести спокойный вечер перед телевизором. А потом — отдыхать целых три дня, до следующего дежурства.

Дорога пошла в гору; здесь скорость была уже не тридцать, а пятьдесят миль в час. Мимо них по второй полосе с явным превышением скорости промчалась спортивная «Мазда-МХ-2».

Тони Омотосо даже охнул:

— Он там что, ослеп?

Обычно, заметив патрульную машину, водители сбрасывали скорость; немногие решались обогнать инспекторов дорожной полиции, даже если не превышали скорости. Тот, кто сидит за рулем «мазды», либо угнал машину, либо больной на голову, либо просто их не видел. Хотя не заметить их трудно, даже в сумерках: окраска у них люминесцентная, и на капоте и на бортах крупно написано: «Полиция».

Хвостовые огни «мазды» скрылись за поворотом.

Омотосо прибавил газу. Аппертон наклонился вперед, включил проблесковый маячок, сирену и спид-камеру. Рукав застрял в ремне безопасности; он досадливо дернул его. Аппертон всегда нервничал, когда его напарник за кем-то гнался.

Они стремительно догоняли «мазду». Спид-камера зафиксировала семьдесят пять миль в час. На повороте водитель, правда, притормозил, но тут же снова дал по газам. Аппертон пробил номерные знаки «мазды» по базе, но никакого результата не получил. Выходит, «мазда» не числится в угоне и все документы в порядке.

Камера зафиксировала скорость в восемьдесят одну милю в час.

— Пора с ним поболтать, — буркнул Аппертон.

Омотосо рванул вперед, догнал «мазду» и помигал водителю фарами. В такие минуты всегда непонятно, решит ли нарушитель сбежать или проявит благоразумие и остановится.

На «мазде» зажглись тормозные огни. Машина притормозила у обочины. Судя по силуэту в окошке, в машине всего один человек, женщина. Она встревоженно оглядывалась на них через плечо.

Аппертон выключил сирену, проблесковый маячок оставил и включил аварийную сигнализацию. Потом вылез из машины и, наклонившись навстречу ветру, пошел к водительской дверце «мазды», поглядывая через плечо на проносящиеся мимо машины.

Женщина чуть опустила стекло и испуганно посмотрела на него. Аппертон вгляделся в водительницу. Разменяла пятый десяток; лицо довольно суровое, но не лишенное привлекательности; густые кудри растрепались на ветру. Помада наложена кое-как, все лицо в потеках туши, как будто она только что плакала.

— Извините, — произнесла она хрипловато и неуверенно. — Наверное, быстро ехала, да?

Аппертон пригнулся поближе, чтобы определить, не пахнет ли от нее спиртным. Правда, все было ясно и так. Наверное, если бы он сейчас чиркнул спичкой, изо рта у дамы вырвалось бы пламя. Кроме того, в салоне сильно пахло табаком.

— Мадам, у вас проблемы со зрением?

— Нет… м-м-м… нет! Я недавно ходила к офтальмологу. У меня зрение почти идеальное.

— Значит, вы всегда обгоняете патрульные машины на большой скорости?

— Ох ты… А разве я вас обогнала? Не заметила. Извините! Только что поругалась с бывшим мужем… понимаете, у нас с ним общий бизнес. И я…

— Мадам, вы пили?

— Только бокал вина за обедом… Маленький бокальчик!

Скорее уж не бокальчик, а целую бутылку, и не вина, а бренди, подумал Аппертон.

— Мадам, прошу вас выключить мотор и выйти из машины. Проведем тест на алкоголь.

— Вы не з-заведете на меня дело? — Язык у женщины стал заплетаться еще сильнее. — Видите ли… машина нужна мне по работе. М-меня уже привлекали…

Ничего удивительного, подумал Аппертон.

Дама отстегнула ремень безопасности, не без труда выбралась из машины и зашагала неизвестно куда — Аппертону пришлось вытянуть руку, чтобы остановить ее. Ей даже дуть в трубочку не обязательно, подумал он. Достаточно держать трубочку в пределах двадцати ярдов, и результат зашкалит.

1979

16

9 марта, пятница

— Джонни! — завопила мать из спальни. — Заткнись! Перестань стучать! Ты меня слышишь?

Стоя на стуле в своей комнате, он вынул изо рта очередной гвоздь, поднес к стене и начал забивать столярным молотком. Тук! Тук! Тук!

— Джонни, чтоб ты сдох, перестань стучать! Прекрати сейчас же! — завизжала мать.

На полу, на равном расстоянии друг от друга, лежали экспонаты его коллекции: цепочки от унитазов с верхним бачком. Все пятнадцать штук. Он нашел их на свалках в окрестностях Брайтона — точнее, нашел все, кроме двух, которые украл из туалетов.

Он вынул изо рта еще один гвоздь. Приложил к месту. Начал забивать.

В комнату вбежала мать; от нее несло духами «Шалимар». На ней была черная шелковая кофта свободного покроя, чулки сеточкой и светлый кудрявый парик, который слегка сбился набекрень. На лице грубый макияж. Она нагнулась и проворно стащила с ноги туфлю на шпильке. Замахнулась ею, как кинжалом:

— Ты меня слышишь?!

Не обращая на нее внимания, он продолжал забивать гвоздь.

— Джонни! Ты что, оглох?!

— Я не Джонни, — промямлил он с гвоздями в зубах, не переставая стучать молотком. — Меня зовут Ра! Мне надо повесить цепочки.

Взяв туфлю за мысок, мать ткнула его шпилькой в ногу. Тявкнув, как побитая собака, он оступился и упал со стула. Мать опустилась на колени и принялась осыпать его ударами — острым концом каблука.

— Никакой ты не Ра, ты Джонни! Понимаешь? Тебя зовут Джонни Керридж!

— Я Ра! Так сказал врач!

— Ты дурачок! Сначала из-за тебя ушел отец, а теперь ты сводишь меня с ума. Никакой врач так не говорил!

— Врач написал: «Ра».

— Врач написал в твоей дурацкой истории болезни буквы: «Эр. А.» — «ребенок-аутист»! Вот что ты такое. Ты бесполезный, проклятый ребенок-аутист! А зовут тебя Джонни Керридж. Усек?

— Меня зовут Ра!

Защищаясь, он свернулся клубком. Один удар пришелся в щеку; на ней вспухла кровоточащая царапина. Он вдыхал густой, терпкий запах ее духов. У нее на туалетном столике стоял большой флакон; однажды мать сказала ему, что «Шалимар» — самые классные женские духи и что он должен радоваться, что у него такая классная мать. Но сейчас она вела себя совсем не классно.

Зазвонил звонок, и рука с туфлей застыла в воздухе.

— Ах ты, дьявол! — сказала она. — Видишь, что ты натворил? Из-за тебя я опоздала, придурок ты этакий! — Она снова ударила его каблуком в бедро — так сильно, что проткнула толстые джинсы. — Черт, черт, черт!

Мать выбежала из комнаты, крича:

— Да впусти же его! Пусть подождет внизу!

Хлопнула дверь ее спальни.

Ра осторожно, морщась от боли, встал с пола и, хромая, вышел из комнаты. Он нарочно шел не спеша. Спустился по лестнице — они жили в двухэтажном четырехквартирном доме в жилом комплексе «Уайтхок». Когда он добрался до нижней ступеньки, в дверь снова позвонили.

Мать крикнула:

— Открой дверь! Впусти его! Не хочу, чтобы он ушел! Нам это нужно!

По лицу текла кровь; она в нескольких местах запачкала футболку и джинсы. Ра с мрачным видом доковылял до входной двери и нехотя распахнул ее.

На крыльце стоял пухлый потный тип в плохо сидящем сером костюме. Вид у него был сконфуженный. Ра уставился на него в упор. Толстяк уставился на него в ответ; лицо у него побагровело. Ра узнал его. Он уже несколько раз бывал у них.

Ра развернулся и, задрав голову, крикнул:

— Мама! Здесь вонючка, которого ты терпеть не можешь! Он пришел трахнуть тебя!

1997

17

Рейчел дрожала. Изнутри поднимался темный, кошмарный ужас. От холода трудно было думать. Во рту пересохло; очень хотелось пить и есть. Ужасно хотелось воды и чего-нибудь съестного. Она понятия не имела, сколько сейчас времени; вокруг было черным-черно, и она не видела часы, не могла определить, что сейчас на улице — день или ночь.

Он бросил ее здесь умирать или собирается вернуться? Ей надо выбираться отсюда. Как угодно.

Она прислушалась — не слышно ли шума машин, чтобы можно было хотя бы понять, день сейчас или ночь. А может, рокот прибоя подскажет, что она еще у моря. Но до ее слуха время от времени лишь доносился слабый вой сирены. И всякий раз в ней оживала надежда. Может быть, ее уже ищет полиция?

Ведь пропавших без вести должны разыскивать?

Конечно, мама с папой уже сообщили о том, что она пропала. Сказали полицейским, что дочь не приехала к ним на рождественский обед. Они наверняка волнуются. Она их знает, знает, что они приехали к ней домой, чтобы проверить, что с ней случилось. Какой сегодня день? Рейчел запуталась. День рождественских подарков — второй день Рождества? Или уже следующий?

Ее затрясло еще сильнее; холод пробирал до костей. Хотя… наверное, хорошо, что она дрожит. Четыре года назад, закончив школу, она устроилась работать на сезон посудомойкой на одном французском лыжном курорте. Однажды, в метель, японский лыжник сел на последний кресельный подъемник, который шел вверх. Кто-то из смотрителей решил, что все уже поднялись наверх и собрались на вершине горы, и выключил рубильник. Утром, когда подъемник снова включили, японский лыжник поднялся на вершину — обледеневший, мертвый, совершенно голый, с широкой улыбкой на лице.

Никто не мог понять, почему он голый и почему улыбается. Потом местный инструктор, с которым у Рейчел был мимолетный роман, объяснил ей: на последних стадиях гипотермии, общего охлаждения, людям мерещится, будто им жарко, и они начинают снимать с себя одежду.

Она понимала, что должна как-то согреться, чтобы избежать переохлаждения. Поэтому совершала единственно возможные движения: каталась, каталась по полу, влево-вправо по своей дерюжной подстилке. Каталась и каталась. Совершенно сбитая с толку темнотой, она иногда заваливалась на бок, перекатывалась на живот, потом снова оказывалась на спине.

Надо выбираться отсюда. Все равно как. Надо. Но как? Господи, как?

Она не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Не может кричать. Она голая; кожа покрылась мурашками, такими крупными, что кажется, будто в нее впились миллионы иголок.

Пожалуйста, Господи, помоги мне!

Рейчел в очередной раз перекатилась на бок и ударилась о борт микроавтобуса. Послышался громкий металлический лязг.

Потом она услышала бульканье.

Запахло чем-то тухлым, резким. Соляркой, поняла Рейчел. Снова бульканье. Буль… буль… буль… Вдруг уткнулась лицом в какую-то лужу — вонючую лужу. Защипало в глазах, стало трудно дышать. Она разрыдалась.

Наверное, из какой-то канистры вытекает солярка!

Если она вытекает, значит, свинчена крышка. Горловина у канистры круглая и тонкая! Рейчел перекатилась на бок и почувствовала, как что-то шевельнулось в вонючей, влажной, липкой жиже, скребануло по полу.

Звяк… звяк… дззыннь!

Она с трудом подвинула канистру к борту микроавтобуса. Прижалась к ней, подвигала ее, развернула горловиной к себе. Потом прижалась к острой горловине связанными руками. Острый край впился в кожу. Изогнулась, придвинулась ближе… Канистра откатилась в сторону.

Пожалуйста, только не это!

Она извивалась и выгибалась, пока канистра не шевельнулась снова, пока она снова не ощутила острый край горловины, не прижалась к ней, сначала потихоньку, потом посильнее. И начала покачиваться на месте, растирая липкую ленту на запястьях: влево-вправо, влево-вправо. Ей показалось, что ее путы ослабли — совсем чуть-чуть.

Вполне достаточно, чтобы ощутить надежду.

Она продолжала тереть, раскачиваться и тереть. Дышала носом: вдох-выдох. От ядовитых испарений кружилась голова. Соляркой пропитались лицо, волосы, все ее тело.

Напряжение в руках ослабло еще на чуть-чуть.

Вдруг вблизи послышался громкий металлический лязг. Рейчел застыла. Нет, только не это! Похоже, как будто открывают ворота гаража. Она перекатилась на спину и затаила дыхание. Через несколько секунд услышала, как открываются задние дверцы микроавтобуса. Ее ослепил луч фонарика. Она замигала. Почувствовала на себе его взгляд. Она лежала, застыв от ужаса, и гадала, что он намерен делать.

А он как будто стоял молча, и все. Она услышала его сопение. Не ее. Она попробовала закричать, но ничего не вышло.

Потом свет погас.

Дверцы микроавтобуса захлопнулись. Снова громкий лязг — как будто закрылись двери гаража.

И тишина.

Рейчел лежала тихо-тихо. Она не знала, здесь ее похититель или уже ушел. Она долго вслушивалась в темноте, а потом снова начала перетирать стянувшую руки ленту о горловину канистры. Острые края впивались в кожу, но ей было все равно. Всякий раз, когда горловина врезалась в кожу, она чувствовала, как лента поддается.

Наши дни

18

3 января, суббота

Последние двенадцать лет Гэрри Стерлинг и его жена Дениз по субботам ходили ужинать в ресторан «Китайский дворик». Они любили сидеть за столиком у самой лестницы, чуть сбоку от общего зала. За этим самым столиком двенадцать лет назад Гэрри сделал Дениз предложение.

Отделенные от общего зала перегородкой, они чувствовали себя словно в отдельной кабинке; а поскольку Дениз все больше любила выпить, они сидели здесь, не опасаясь, что остальные посетители подслушают ее гневные тирады — в основном направленные против него.

Обычно она напивалась еще до того, как они выходили из дому, особенно после запрета на курение в общественных местах. Дома Дениз пила белое вино и выкуривала несколько сигарет, несмотря на то что он давно уже грыз ее, требуя, чтобы она бросила. Потом она неверной походкой шла к ждущему их такси. В ресторане, еще до того, как их провожали к столику, она успевала выпить у стойки два бокала коктейля «Космополитен».

Дальше все шло по накатанной. Дениз принималась громко обличать недостатки своего мужа. Иногда ей хватало прежних его изъянов, иногда она придумывала что-нибудь новенькое. Гэрри не реагировал на ее гневные тирады; его равнодушие еще больше подхлестывало Дениз. Она жаловалась подружкам, что ее муж помешался на сдержанности. И на поддержании себя в хорошей физической форме, чтоб ему провалиться!

Их друзья, с которыми они обычно ужинали в «Китайском дворике», супруги Морис и Улла, тоже любили выпить. Давно привыкнув к обличениям Дениз, они обычно поддакивали ей. Кстати, и в их семье не все шло гладко.

Сегодня, в первую субботу нового года, Дениз, Морис и Улла как-то особенно стремились напиться. Тяжкое похмелье кануна Нового года, который они встречали вместе в «Метрополе», осталось далеко в прошлом. Но они еще и немного устали, а Дениз, что для нее редкость, находилась в подавленном настроении. Она даже выпила немного воды — обычно она к воде не прикасалась.

Только что разлили третью бутылку совиньон-блана. Подняв бокал, Дениз покосилась на Гэрри, который отошел позвонить по мобильному. Закончив разговор, он сунул телефон в нагрудный карман.

Гэрри, невысокий и хрупкий, всегда носил на лице маску напускной веселости. Его короткие, аккуратно подстриженные черные волосы уже начинали редеть и седеть. Из-за больших, круглых, глубоко посаженных глаз и густых нависших бровей его еще в школе прозвали Филином. Сейчас, достигнув среднего возраста, он носил маленькие очки без оправы, аккуратный костюм, безупречную рубашку, строгий галстук и походил на ученого, который спокойно наблюдает мир с выражением несколько озадаченным и разочарованным, как будто проводит в своей лаборатории эксперимент и не слишком доволен его результатами.

В противоположность мужу Дениз, когда-то хрупкая блондинка с фигурой, напоминавшей по форме песочные часы, в последнее время сильно раздалась. Благодаря усилиям парикмахера она по-прежнему оставалась блондинкой, но годы пьянства давали о себе знать. Гэрри считал, хотя в силу своей сдержанности никогда не говорил жене об этом вслух, что без одежды она похожа на жирную свинью.

— Звонила Лиззи… моя сестра, — словно извиняясь, объяснил Гэрри, садясь за стол. — Несколько часов провела в полицейском участке; ее задержали за вождение в нетрезвом виде. Я велел ей созвониться с адвокатом и домой ехать на такси.

— Лиззи? Что эта дура опять натворила? — вскинулась Дениз.

— Да ладно тебе, — ответил Гэрри. — Она что, нарочно? Оставь ты ее в покое! Ее недавно бросил муж, да еще пакостит ей на бракоразводном процессе как может…

— Бедняжка, — вздохнула Улла.

— Сильно превысила скорость. Ей запретили возвращаться домой в своей машине. Может, мне подъехать к ней и…

— Не смей! — воскликнула Дениз. — Ты тоже пил.

— Сейчас, если пьешь, надо быть оч-чень осторожным на дороге, — заплетающимся языком произнес Морис. — Я пьяный за руль ни за что не сяду. Но вот тех дураков, которые попадаются, мне как-то не очень жалко… Лиззи, конечно, не в счет. — Он натянуто улыбнулся.

Морис заработал целое состояние на постройке домов для престарелых. Улла, его жена-шведка, в последние годы сильно увлеклась защитой животных. Не так давно она даже приняла участие в акции зеленых, которые блокировали Шорэмскую гавань, главную гавань Брайтона, в знак протеста против, как она выразилась, «нечеловеческих условий

транспортировки овец». По наблюдениям Гэрри, в последние годы между Морисом и Уллой становилось все меньше и меньше общего.

Гэрри был шафером на свадьбе у Мориса. Тогда он тайно вожделел Уллу. Она была классической шведской блондинкой — длинноногой, с льняными волосами. Если честно, Гэрри продолжал мечтать об Улле еще долго, вплоть до самого последнего времени, когда она начала терять былую красоту. С годами Улла тоже растолстела, да к тому же полюбила бесформенные балахоны, почти мужские сандалии на плоской подошве и хипповские фенечки. Не добавляли ей красоты и нечесаные патлы в сочетании с тоннами косметики на лице — ну прямо боевая раскраска!

— Знаешь про эффект Кулиджа? — спросил Гэрри.

— Нет, а что это такое? — удивился Морис.

— Когда Кэлвин Кулидж был президентом Соединенных Штатов, им с женой показали птицеферму. И вдруг петух начал топтать курицу прямо перед миссис Кулидж. Фермеру стало очень неудобно, и он извинился. Тогда первая леди спросила, сколько раз в день петух топчет курицу. Фермер ответил: много раз. Она наклонилась к нему и прошептала: «Передайте это, пожалуйста, моему мужу!»

Гэрри замолчал; Морис и Улла расхохотались. Дениз, которая уже слышала этот анекдот, сидела с каменным лицом.

Гэрри продолжал:

— Чуть позже Кулидж стал расспрашивать фермера все о том же петухе: «А он всегда топчет одну и ту же курицу?» — «Нет, господин президент, каждый раз разных». Кулидж наклонился к фермеру и прошептал: «Передайте это, пожалуйста, моей жене!»

Морис и Улла еще смеялись, когда им подали хрустящую утку с блинчиками.

— Классная байка! — сказал Морис и поморщился: Улла лягнула его под столом.

— Прямо про тебя, — ядовито прошипела Улла.

Морис давно уже признался Гэрри в том, что изменяет жене направо и налево. Улла была в курсе интрижек мужа — ну, не всех, но некоторых.

— У петуха, по крайней мере, нормальный секс, — сказала мужу Дениз. — А не сплошные извращения, как у тебя.

Гэрри не переставал улыбаться жене. У него на лице словно застыла маска. Над столом повисло неловкое молчание. Принесли блинчики, зеленый лук и острый соус. Официант ловко нарезал утку и ушел.

Морис решил сменить тему. Накладывая себе блинчики, он спросил:

— Гэрри, ну и как у тебя дела в новом году? Как по-твоему, клиенты урежут расходы?

— Откуда ему знать? — вмешалась Дениз. — Он вечно пропадает на своем проклятом поле для гольфа!

— Вот именно оттуда я все и знаю, дорогая, — парировал Гэрри. — Именно на поле для гольфа я завязываю нужные связи. Благодаря гольфу, можно сказать, я и преуспел. Как ты думаешь, почему полицейское управление пользуется моими услугами? Потому что однажды я играл в гольф с одним типом из их руководства…

Гэрри Старлинг начинал электриком, работал в фирме по установке охранной сигнализации. Потом пошел на риск и, уволившись из фирмы, начал собственное дело. В крошечной конторе в центре Брайтона. Время он подгадал чрезвычайно удачно: как раз в то время все словно помешались на системах безопасности.

Его дела сразу пошли в гору. Гэрри Старлинг воспользовался своим членством в гольф-клубе, в клубах «Круглый стол» и «Ротари», где обрабатывал своих знакомых. Через несколько лет он основал фирму «Суссекские системы безопасности» и ее филиал,

«Суссекский дистанционный контроль». Постепенно он завоевал почти весь брайтонский рынок. Его компания ставила охранную сигнализацию и в частных домах, и в учреждениях.

Кивнув другу, Гэрри сказал:

— Если честно, дела идут неплохо. Мы не снижаем планку. А у тебя как?

— Процветаем! — ответил Морис. — Хочешь верь, хочешь не верь, но все отлично! — Он поднял бокал. — Что ж, ваше здоровье! Чтобы год был хорошим! Жалко, что не успели выпить за это тридцать первого, да, Дениз? Ты что-то расклеилась…

— Да, очень жалко. Не знаю, что на меня нашло. Наверное, зря мы пили шампанское в номере, когда ходили переодеваться!

— Не «мы», а ты, — уточнил Гэрри.

— Бедняжка! — воскликнула Улла.

— И все-таки, — сказал Морис, — Гэрри постарался тебя прикрыть, он выпил твою долю, верно, старичок?

Гэрри улыбнулся:

— Я поступил благородно.

— Точно, — кивнула Улла. — Здорово он тогда заторчал!

— А вы читали сегодняшний «Аргус»? — вдруг спросил Морис.

— Нет, — ответил Гэрри. — Я еще не читал. А что?

— В том же отеле, где мы с вами встречали Новый год, изнасиловали женщину! Просто невероятно!

— В «Метрополе»? — уточнила Дениз.

— Да! В номере. Представляете?

— Ну и дела, — сказала Дениз. — Оказывается, по отелю разгуливал насильник, а мой муженек в это время нажрался как свинья!

— Что там написали? — Гэрри сделал вид, что пропустил слова жены мимо ушей.

— Да почти ничего, несколько строчек.

— Не смотри на меня так виновато, милый, — сказала Дениз. — Тебя не хватит даже на то, чтобы муху изнасиловать.

Морис притворился, что занят едой: нарочно долго возился палочками в тарелке, пытаясь завернуть кусочек утки в блинчик.

— Если, конечно, на ней нет высоких… ой! — вскрикнула Дениз.

Гэрри сильно лягнул ее под столом. Пусть заткнется!

1997

19

27 декабря, суббота

Рейчел давно забыла о боли. Запястья, стянутые липкой лентой за спиной, онемели от холода, но она отчаянно пилила их об острый край горлышка канистры. Спина и поясница онемели; каждые несколько секунд правую ногу схватывало судорогой. Но она ни на что не обращала внимания. Пилила и пилила. Перетирала свои оковы. Ее подхлестывало отчаяние.

Отчаяние подхлестывало и поддерживало ее. Надо освободиться до того, как он вернется. Отчаянно хочется пить. И есть. И поговорить с родителями, услышать их голоса, передать, что она жива. Рейчел плакала и пилила, вертелась вправо-влево, извивалась — боролась.

Вдруг она почувствовала, что может разомкнуть руки.

Почти не веря себе, она разводила их за спиной все шире. Еще немного, и они могли бы взлететь вверх, а все происшедшее оказалось бы страшным сном.

Запястья ужасно болели, но ей было все равно. Мысли в голове путались.

Я свободна.

Он скоро вернется.

Телефон… Где мой телефон?

Нужно позвонить, вызвать помощь. Но как сказать, где она находится? Можно ли запеленговать ее по сигналу сотового телефона? Вряд ли. Пока она может сообщить про себя только одно: что находится в каком-то гараже. Возможно, где-то в районе Брайтона и Хоува.

Он в любой миг может вернуться. Ей нужно освободить ноги. В темноте она пошарила руками, ища телефон, сумку — что угодно. Но нащупала только скользкую и липкую солярку. Она села, потянулась к лодыжкам, замотанным изолентой. Насильник стянул их очень туго; Рейчел показалось, будто ноги у нее скованы гипсом. Рука взлетела к лицу. Может, сначала освободить рот и хотя бы позвать на помощь?

Кто ее услышит?

Рот тоже был туго заклеен изолентой. Она с трудом ухватилась за край липкими от солярки пальцами и резким движением содрала ленту, едва не потеряв сознание от боли. Потом стала шарить в темноте, стараясь нащупать край ленты, обмотавшей лодыжки. Пальцы так дрожали, что у нее ничего не выходило.

В ней нарастал страх.

Я должна бежать!

Она попробовала встать, но из-за того, что ноги были связаны, первая попытка оказалась неудачной: она упала на бок, врезавшись во что-то лбом. По лбу потекла теплая струйка… Кровь, догадалась Рейчел. Тяжело дыша, она перекатилась на спину, снова села, прислонившись к борту, и, стараясь нащупать пол босыми ступнями, начала подтягиваться вверх. Но ноги скользили в проклятой солярке, превратившей пол в настоящий каток.

Она скользила и хваталась за стену; наконец нащупала мешковину, на которой раньше лежала, бросила ее себе под ноги и снова попробовала подняться. На сей раз она держалась крепче. Ей удалось встать, хотя она и ударилась головой о крышу. Ничего не видя в полной темноте, она снова упала. Завалилась на бок. Что-то сильно ударило в глаз — как будто тяжелым молотом.

Наши дни

20

3 января, суббота

На приборной панели заверещали позывные диспетчерской. Ра вздрогнул. Его такси стояло возле шумной набережной, рядом с Брайтонским пирсом. Он пил чай. В одиннадцать часов он обязан выпить чашку чаю. Если честно, он на десять минут выбился из графика: обо всем забыл, пока читал газету.

Он посмотрел на экран. Диспетчер прислала очередной заказ:

«Рест. „Китайский дворик". Престон-стрит. Пассажир Старлинг. Место назн.: Роудин-Креснт».

Ресторан «Китайский дворик» совсем близко, за углом. И адрес, куда надо доставить пассажира, Ра тоже знаком. Он четко представил его себе, как представлял каждую улицу и каждый дом в Брайтоне и Хоуве. Изогнутый в форме полумесяца переулок поднимался над

утесами в восточной части города. Там все большие особняки, и вид оттуда открывается отличный: на морской порт и пролив Ла-Манш. На Роудин-Креснт живут богачи.

Богачи, которым по карману дорогие туфли.

Ра нажал кнопку, подтвердив, что принимает вызов, и продолжил пить чай и читать газету, забытую кем-то на сиденье.

Пассажиры, наверное, уже поужинали. Раз заказали такси к ресторану, наверняка рассчитывают, что придется подождать, тем более в центре Брайтона. Ждать приходится минут пятнадцать, а то и больше. Ра снова и снова перечитал статью об изнасиловании в отеле «Метрополь» в канун Нового года. Никак не мог оторваться.

В зеркале заднего вида он видел ярко освещенный пирс. Он все знал о тамошнем освещении. Раньше он работал на пирсе электриком — ремонтировал проводку. Но его уволили. По той же причине, что и всегда, — кто-то его довел, и он вышел из себя. В такси он еще ни разу не выходил из себя при пассажирах. Правда, один раз вылез из машины и наорал на другого водителя, который встал на стоянке перед ним.

Ра допил чай, нехотя сложил газету и поставил кружку на место, в пакет рядом с термосом. Пакет убрал на соседнее сиденье.

— Список! — произнес он вслух. Потом начал обычную проверку.

Сперва проверить покрышки. Потом завести мотор, включить свет. Только так, а не наоборот, потому что, если аккумулятор разрядился, освещение заберет энергию, нужную для стартера. Этому его научил владелец такси. Особенно зимой, когда на аккумулятор больше нагрузка. А сейчас зима.

Мотор заработал на холостых оборотах; Ра проверил, сколько осталось горючего. Три четверти бака. Проверил масло. Температуру в салоне. Его учили, что в салоне должно быть двадцать градусов по Цельсию. Температура за бортом — два градуса по Цельсию. Ночь холодная.

Так-так.

Ра глянул в зеркало, убедился, что ремень пристегнут, включил поворотник, выехал на шоссе и покатил к перекрестку, где зажегся красный свет. Дождавшись, когда свет переменился на зеленый, он повернул направо, на Престон-стрит, и почти сразу же затормозил рядом с дверью ресторана.

К его такси, пошатываясь, подошли два очень пьяных молокососа. Они постучали в стекло и спросили, свободен ли он — им нужно на Колдин. Он занят, ответил Ра, ждет пассажиров. Когда молокососы отстали, он стал гадать, какие у них в домах туалеты: с высоким или низким спуском? Ему ужасно захотелось выяснить это. Он уже собирался выйти, побежать за ними и спросить, но тут открылась дверь ресторана.

Оттуда вышли двое. Тощий мозгляк в темном пальто и кашне на шее. Его спутница цеплялась за него — сразу видно, перебрала. Еле идет на высоченных каблуках. Похоже, если мозгляк ее отпустит, она упадет. И здорово расшибется — каблуки-то высоченные.

Славные каблуки. Красивые туфли.

Кстати, у него ведь есть их адрес! Ра любил узнавать, где живут женщины, которые носят красивые туфли.

Ага-ага.

Ра опустил стекло. Ему не хотелось, чтобы мозгляк стучал в него. Он не любил, когда пассажиры стучали в его окошко.

— Такси для Старлинга? — спросил мужчина.

— Роудин-Креснт? — ответил Ра.

— Да!

Пассажиры сели в машину.

— Роудин-Креснт, шестьдесят семь, — сказал мужчина.

— Роудин-Креснт, шестьдесят семь, — повторил Ра. Его учили всегда четко повторять адрес.

В салоне запахло спиртным и духами. Он сразу же узнал «Шалимар». Запах детства. «Шалимаром» душилась мать. Он обернулся к женщине.

— Красивые туфли, — заметил он. — «Бруно Мальи».

— Д-да, — с трудом ответила женщина.

— У вас тридцать шестой размер с половиной, — продолжал он.

— Вы разбираетесь в обуви? — кисло спросила пассажирка.

Ра посмотрел на ее лицо в зеркальце. Какая злющая! А ведь только что из ресторана. Вряд ли ей там было весело. И вообще она ему не понравилась. Сидящий рядом с ней мозгляк закрыл глаза.

— В обуви, — сказал Ра. — Ага-ага.

1997

21

27 декабря, суббота

Рейчел очнулась, как от толчка. Страшно болела голова. Она совершенно забыла, где находится. Ей почудилось, будто она лежит дома, в своей постели и страдает от тяжкого похмелья. Она попробовала повернуться; жесткий металлический пол не смягчала старая мешковина. В ноздри ударил едкий запах солярки. Рейчел сразу все вспомнила, и в голове заклубился черный ужас.

Очень болел правый глаз. Господи, какая мука! Интересно, сколько она здесь валяется? Он может вернуться в любую секунду, а если вернется, то сразу увидит, что ее руки свободны. Он снова стянет их лентой и, наверное, накажет ее. Надо скорее развязать ноги и бежать — воспользоваться удобным случаем.

Господи, помоги мне!

Губы так пересохли, что ей не сразу удалось открыть рот. Язык от жажды стал огромным, неповоротливым. Она снова услышала вдали вой сирены. В глубине души забрезжила искра надежды. Может быть, ее разыскивает полиция?

Интересно, как они найдут ее здесь?

Она покатилась вбок и ткнулась плечом в борт микроавтобуса. Села и начала дергать ногтями изоленту, стягивающую лодыжки, стараясь нащупать край, за который можно ухватиться.

Наконец она нащупала конец ленты и медленно, осторожно потянула за него. Отмотала кусок. Принялась дергать. Пропитанная соляркой изолента поддавалась плохо. Рейчел поморщилась от боли: последний слой она содрала вместе с кожей.

Держась за грязную, вонючую мешковину, она поднялась и растерла ноги, восстанавливая кровообращение. Спотыкаясь, побрела к задней дверце микроавтобуса. Наткнувшись босой ступней на выступ, вскрикнула от боли. Нащупала вертикальную металлическую планку и пробежала по ней руками, пока не нашарила ручку. Попробовала опустить ее. Без толку. Подергала сильнее, но ручка не шелохнулась.

Заперто! Внутри у нее все сжалось.

Нет. Только не это! Только не это!

Она повернулась и побрела в другую сторону, часто дыша. Все звуки здесь казались гулкими, громкими. Рейчел нащупала спинку пассажирского сиденья, неуклюже перелезла на него, провела пальцами по дверце, нашла кнопку блокировки. Схватила ее как можно крепче скользкими пальцами и дернула вверх.

К ее облегчению, кнопка легко подалась.

Потом она нащупала ручку. Толкнула дверцу — та распахнулась. От неожиданности Рейчел едва не вывалилась на бетонный пол гаража. И сразу же включился свет в салоне.

В полумраке она разглядела свою тюрьму. Правда, смотреть особенно было не на что. Какие-то инструменты на крюках на голой стене. Автомобильная покрышка. Кое-как прикрывшись мешковиной, держась одной рукой за борт микроавтобуса, она пошла к воротам гаража. Сердце глухо колотилось от страха. В полумраке она на что-то наткнулась; послышался грохот. На пол упало что-то тяжелое. Рейчел сжалась от страха, но продолжала двигаться вперед, пока не дошла до навесных ворот.

Наверху она увидела рукоятку. Попробовала повернуть ее, но безрезультатно. Он запер гараж снаружи! Рейчел охватила паника. Она почти повисла на рукоятке, стала дергать ее. Липкие от солярки и пота пальцы соскальзывали…

В отчаянии Рейчел ударила в ворота плечом, не обращая внимания на боль. Никакого толку. Поскуливая от страха, она ударила снова. Послышался глухой металлический удар. Бум-м-м-м!

Потом еще один.

И еще.

Господи, пусть кто-нибудь меня услышит! Пожалуйста, Господи, прошу Тебя!

Неожиданно ворота распахнулись. Рейчел едва устояла на ногах.

За порогом стоял похититель. Она ясно разглядела его лицо в ярком свете уличных фонарей. Похититель пытливо смотрел на нее.

Мысли в голове у Рейчел путались. Она вертела головой из стороны в сторону. Может, сейчас по улице пройдет прохожий? А может, ей хватит сил увернуться и убежать?

Хаос мыслей прервал удар кулака в подбородок — снизу вверх. Голова Рейчел дернулась назад и с громким треском ударилась о дверцу микроавтобуса.

22

29 декабря, понедельник

Сержант уголовной полиции Рой Грейс очень удивился. Сколько, оказывается, народу умещается в конференц-зале полицейского участка! Несмотря на холод, духота была страшная.

Пропавшие без вести не особенно интересуют представителей прессы, в праздники событий маловато, а птичий грипп в Гонконге успел всем порядком надоесть.

Исчезновение молодой женщины, Рейчел Райан, привлекло внимание не только местной прессы, но и центральных газет. Журналисты увязывали пропажу Рейчел Райан с серией изнасилований, недавно потрясшей город. Конечно, больше всех старался «Аргус». На его первой полосе появилась статья под заголовком: «Туфельщик по-прежнему на свободе!»

Все места в душном зале без окон были заняты; репортеры газет, радио и телевидения стояли по периметру, теснились в проходах. Грейс, в костюме, при галстуке, сидел за столом на возвышении лицом к представителям прессы. Рядом с ним старший инспектор Джек Скеррит, пропахший табаком, и пресс-секретарь Тони Лонг. За ними синий щит с эмблемой полиции Суссекса; рядом увеличенный снимок пропавшей Рейчел Райан. Стол уставлен

микрофонами и диктофонами. От стола по полу к камерам змеятся кабели. Приехали даже представители «Би-би-си саус тудей» и «Меридиана».

То и дело прищуриваясь от ослепительных вспышек камер, Скеррит представил своих коллег, а потом невыразительным голосом прочел заранее написанное заявление:

— 25 декабря родственники двадцатидвухлетней жительницы Брайтона Рейчел Райан сообщили об ее исчезновении. Мисс Райан не приехала к родителям на традиционный рождественский обед. С тех пор ее никто не видел. Мистер и миссис Райан сообщили, что подобное поведение совершенно не в духе их дочери. Полиция ведет поиски молодой женщины. Мы просим всех, кто обладает сведениями о ней, немедленно позвонить в дежурную часть.

Цепкий и хваткий Фил Миллз, репортер криминального отдела «Аргуса», сдвинул на нос очки, привычным жестом поправил прядь волос над солидной плешью и первым ринулся в бой:

— Старший инспектор, не связано ли исчезновение молодой дамы с операцией «Гудини» и насильником, которому вы дали кличку Туфельщик?

Скеррита и Грейса душила ярость. Хотя полиция и прозвала мерзавца Туфельщиком, его способ действий не разглашался. Если рассказать всем о привычках и почерке насильника, придется бороться со шквалом звонков от разных бездельников, которые либо признаются в преступлении, либо просто хотят побольше узнать о преступнике. Грейс видел, что Скеррит старается превозмочь себя. Надо ли подтверждать, что они действительно дали насильнику такую кличку? Да, придется — раз уж дело все равно получило огласку.

— У нас нет никаких улик, подтверждающих ваши предположения, — сухо и отрывисто ответил Скеррит.

Джек Скеррит был человеком известным и уважаемым. Опытный и серьезный сыщик, он прослужил в уголовной полиции более двадцати лет. Держался прямо, по-военному; и стригся тоже по-военному, очень коротко. Грейс восхищался Скерритом, хотя и побаивался его: старший инспектор требовал от своих подчиненных очень многого, а ошибок не прощал. Зато, работая под его началом, Грейс многому научился. Он надеялся когда-нибудь стать таким сыщиком, как Скеррит.

Тут же подняла руку женщина-репортер:

— Старший инспектор, пожалуйста, расскажите подробнее о человеке, которого вы называете Туфельщиком!

— Мы считаем, что преступник, который охотится на женщин в Брайтоне на протяжении нескольких месяцев, питает нездоровое пристрастие к дамской обуви. Вот одна из многих версий, которую мы отрабатываем.

— Но раньше вы эти сведения не обнародовали!

— Да, не обнародовали, — ответил Скеррит. — Как я и сказал, это всего лишь одна из многих версий.

На него тут же накинулся Миллз — тощий, в черном костюме, он напоминал стервятника.

— Обе подруги, с которыми Рейчел встречала Рождество, утверждают, что она обожает дорогие туфли и тратит на дорогую обувь огромные деньги — почти все, что зарабатывает. Насколько я понимаю, Туфельщик охотится на женщин, которые носят так называемую дизайнерскую обувь.

— В Рождественский сочельник все молодые женщины стараются разодеться в пух и прах, — сухо ответил Скеррит. — Повторяю, пока у нас нет улик, подтверждающих, что в Брайтоне и Хоуве действовал так называемый Туфельщик.

Подняла руку женщина-репортер. Скеррит кивнул ей.

— Розыск пропавшей без вести Рейчел Райан ведет особая следственная группа. Операции присвоено кодовое название «Закат». Означает ли это, что поискам придается особое значение?

— Мы всерьез относимся ко всем случаям исчезновений людей. Да, данному конкретному делу присвоен особый статус.

Тут же вскинул руку репортер местной радиостанции:

— Старший инспектор, есть ли у вас зацепки по делу так называемого Туфельщика?

— Как я уже говорил, на данной стадии мы отрабатываем несколько версий. В дежурную часть поступило множество звонков; мои подчиненные проверяют показания свидетелей.

— Но вы пока никого не собираетесь арестовывать?

— На данной стадии — нет.

Потом поднял руку журналист, которого Грейс сразу узнал, — репортер криминальной хроники, который сотрудничал с несколькими центральными газетами.

— Какие шаги предпринимает в настоящее время брайтонская полиция для того, чтобы найти Рейчел Райан?

— В операции задействованы сорок два наших сотрудника. Они опрашивают соседей и жителей окрестных домов, которые могли видеть, как она в ту ночь возвращалась домой. Мы обыскиваем все гаражи, склады и пустующие строения в прилегающих кварталах. Один свидетель, который живет рядом с домом мисс Райан в Кемптауне, утверждает, что видел, как рано утром мужчина затаскивал молодую женщину в белый микроавтобус… — Скеррит несколько секунд сурово смотрел на журналистов, как будто среди них искал подозреваемого. Выбрав взглядом одного из присутствующих, он обратился прямо к нему: — К сожалению, свидетель запомнил не все цифры номерного знака подозрительного микроавтобуса. Мы идем по следу, но просим всех, кто видел белый микроавтобус в районе Истерн-Террас в канун Рождества или в первый день Рождества, немедленно связаться с нами. В конце брифинга я повторю телефон дежурной части. Кроме того, мы просим позвонить нам всех, кто мог видеть эту молодую женщину по пути домой. — Скеррит ткнул пальцем в висящий у него за спиной щит, к которому были приколоты увеличенные снимки Рейчел Райан, взятые у ее родителей.

На секунду Скеррит замолчал и похлопал себя по карманам — словно проверяя, на месте ли трубка. Потом продолжил:

— В день исчезновения на Рейчел было черное пальто средней длины, мини-юбка и черные лаковые туфли на высоком каблуке. Сейчас мы уточняем ее маршрут от стоянки такси на Ист-стрит, откуда она ушла в начале третьего ночи.

Приземистый коротышка с нечесаной бородой, скрывавшей пол-лица, поднял короткий палец с обкусанным ногтем:

— Старший инспектор, есть ли у вас подозреваемые по делу Туфельщика?

— На данном этапе могу сообщить только одно. У нас есть веские улики, и мы признательны гражданам за их активность.

Коротышка тут же выпалил второй вопрос.

— Ваше внимание к Рейчел Райан как будто нарушает политику полиции, — сказал он. — Обычно на сигналы о пропавших без вести вы реагируете не так оперативно. Скажите, прав ли я в своих предположениях и в самом ли деле вы считаете, что здесь замешан Туфельщик? Иными словами, увязываете ли вы исчезновение Рейчел Райан с операцией «Гудини»?

— Нет, — сухо ответил Скеррит.

Руку подняла женщина-репортер:

— Старший инспектор, расскажите, пожалуйста, о других версиях, которые вы отрабатываете по делу об исчезновении Рейчел Райан!

Скеррит повернулся к Рою Грейсу:

— Мой коллега сержант уголовной полиции Грейс отслеживает маршрут Рейчел в ту роковую ночь. Работа будет завершена в семь утра в среду.

— Означают ли ваши слова, что до того времени вы не рассчитываете ее найти? — спросил Фил Миллз.

— Мои слова означают лишь то, что они означают, — не удержавшись, рявкнул Скеррит. У них с Филом Миллзом уже случались стычки. Взяв себя в руки, Скеррит кивнул Грейсу.

Рой Грейс раньше еще ни разу не выступал на брифингах для журналистов, и ему было страшновато. Вдруг он страшно перепугался.

— Одна из наших сотрудниц примерно того же роста и сложения, что и Рейчел Райан, — медленно выговаривая слова, начал он. — Она пройдет той же дорогой, которой, как мы считаем, возвращалась домой Рейчел. Позднее мы опросим всех людей, которые бодрствовали в ранний час. Попробуем оживить их память…

Он весь покрылся испариной. Джек Скеррит сухо кивнул ему в знак одобрения.

Репортерам нужна сенсация, которой обрадуются редакторы, слушатели и телезрители. Они со Скерритом по другую сторону баррикады. Их задача — сделать все, чтобы улицы Брайтона и Хоува были безопасными и чтобы граждане знали, что им ничто не грозит. Конечно, за годы службы в полиции Грейс навидался всякого и отлично понимал, что жизнь в родном городе, как и везде, далека от идеальной и вряд ли когда будет таковой.

Теперь по улицам разгуливает хищник. Он так перепугал брайтонцев, что ни одна женщина не чувствует себя в безопасности. Жительницы Брайтона то и дело испуганно озираются через плечо; накрепко запирают свои дома и гадают, кто станет следующей жертвой насильника.

До сих пор Рой Грейс не участвовал в поисках Туфельщика. Но в нем крепла уверенность в том, что операция «Гудини» и исчезновение Рейчел Райан связаны между собой.

Он дал себе слово непременно найти Туфельщика.

Чего бы это ни стоило.

23

29 декабря, понедельник

Рейчел сидела в вертолете вместе с Лайамом. Лайам так похож на своего тезку Галлахера из «Оазиса», ее любимой группы! У него такие же длинные волосы и такое же капризное выражение лица… Они парили низко над Большим каньоном. С обеих сторон их окружали темно-красные скалы — так близко, что казалось, их вот-вот раздавит. Далеко внизу, в зазубренных серо-коричневых берегах, змеилась голубая с металлическим отливом лента реки.

Рейчел схватила Лайама за руку. Он в ответ крепко стиснул ее ладонь. Оба сидели в наушниках и не могли разговаривать. Рейчел развернулась к Лайаму и одними губами произнесла:

— Я люблю тебя!

Лайам широко улыбнулся. С микрофоном, который закрывал подбородок, он выглядел забавно. Так же, одними губами, он ответил:

— Я люблю тебя!

Вчера они проходили мимо свадебной часовни. Лайам в шутку затащил ее в крошечный зальчик, расписанный золотистыми узорами. По обе стороны от прохода тянулись ряды скамей. Роль алтаря — так сказать, алтаря для бедных без обозначения конфессиональной принадлежности — выполняли две высокие вазы с цветами. За вазами на стене висела застекленная витрина; на одной ее полке стояла бутылка шампанского и белая дамская сумочка с ремешком в цветочек, а на другой полке — пустая белая корзинка и большие белые свечи.

— А давай поженимся? — предложил Лайам. — Прямо сейчас. Сегодня!

— Не валяй дурака, — ответила Рейчел.

— Я и не валяю. Я серьезно! А что? Вернемся в Англию как мистер и миссис Хопкерк!

Рейчел подумала: интересно, что скажут ее родители? Наверняка расстроятся… И все же ее так и подмывало согласиться. Она почувствовала себя такой счастливой! Вот мужчина, с которым она хочет прожить всю жизнь.

— Мистер Лайам Хопкерк, да вы никак делаете мне предложение?

— Не то чтобы… но понимаешь, я тут подумал: к черту всю эту суету, подружек невесты и фигню, которая сопровождает свадьбу. Забавно получится, верно? Удивим их всех!

Лайам действительно говорил серьезно, чем поразил ее. Он в самом деле не хочет настоящей пышной свадьбы! Ее родители будут убиты. Рейчел вспомнила, как в детстве сидела у отца на коленях. Папа говорил ей, какая она красивая. Как он будет ею гордиться, когда в день свадьбы поведет ее к алтарю.

— Я не могу так огорчить родителей.

— Значит, они для тебя важнее, чем я?

— Нет, просто…

Лайам помрачнел. Надулся.

Небо потемнело. Вдруг вертолет начал падать. Скалы почернели и пронеслись мимо, огромного иллюминатора. Река внизу стремительно приближалась.

Она закричала.

Полная темнота.

О господи!

Голова раскалывалась. Вдруг зажегся свет. Тусклая лампочка в салоне микроавтобуса. Она услышала голос. Не Лайама, а мужчины, который смотрел на нее сверху вниз.

— От тебя воняет, — сказал он. — Ты мне тут все провоняла!

Рейчел сразу все вспомнила и оцепенела от ужаса. *Воды… Пожалуйста… Воды…* Она смотрела на него в упор. Во рту пересохло, голова кружилась, она не могла соображать. Попробовала заговорить, но из горла вырвался лишь слабый стон.

— Я не могу тебя трахать. Ты мне противна. Понимаешь, о чем я?

В ней затеплилась искорка надежды. Может, он ее отпустит? Она снова попробовала издать членораздельный звук, но вышло лишь неразборчивое мычание.

— Надо бы тебя отпустить.

Она закивала: «Да, да, отпусти меня… Пожалуйста, прошу тебя…»

— Но отпустить тебя я не могу, потому что ты видела мое лицо, — продолжал похититель.

Рейчел молила его взглядом: «Я никому не скажу… Пожалуйста, отпусти меня! Я никому про тебя не скажу!»

— Ты засадишь меня за решетку до конца жизни. Знаешь, как поступают в тюрьме с такими, как я? Мне что-то не хочется. И я не могу этого допустить.

Внутренности завязало узлом от страха. Узел разрастался; ее затрясло. Она дрожала и тихонько поскуливала.

— Мне жаль, — сказал он. Судя по голосу, ему действительно было жаль. Он словно извинялся перед ней — как посетитель в переполненном баре, который случайно наступил ей на ногу. — Про тебя пишут в газетах. На первой полосе «Аргуса» даже есть твое фото. Рейчел Райан… Красивое имя.

Он смотрел на нее сверху вниз. Лицо у него было злое. Насупленное. И смущенное. Видно, ему и правда было жаль.

— Плохо, что ты видела мое лицо, — сказал он. — Зря ты это. Дурака сваляла, Рейчел. Не сорви ты с меня маску, все закончилось бы по-другому… Понимаешь, о чем я?

Наши дни

24

5 января, понедельник

Недавно созданный подотдел нераскрытых преступлений входил в отдел особо тяжких преступлений, которым руководил Рой Грейс. Новый подотдел разместился в цокольном этаже Суссекс-Хаус, хотя помещение ему выделили несоразмерно маленькое, рядом с дежурной частью. Из окон открывался вид на двор, заставленный мусорными контейнерами, аварийными генераторами и микроавтобусами криминалистической службы; напротив высился корпус Центра предварительного заключения, который загораживал почти весь солнечный свет.

Рой Грейс всегда поражался тому, как много бумажной волокиты сопровождает раскрытие тяжкого преступления. На полу, покрытом серым ковролином, громоздились зеленые пластмассовые ящики и синие картонные коробки, помеченные ярлыками с названиями операций, а также справочники и кодексы. Дверь придерживал толстенный том под названием «Расследование убийства».

Все три рабочих места в тесном кабинетике были заставлены компьютерами, клавиатурами, телефонами, карточками в лотках, прозрачными папками, кружками и личными вещами. Мониторы были почти сплошь обклеены листочками с напоминаниями. Два отдельно стоящих стола заметно просели под тяжестью наваленных на них папок.

Стены украшали газетные вырезки, посвященные отдельным делам, фотографии, выцветшие фотороботы особо опасных преступников, которые до сих пор разгуливают на свободе. Внимание Грейса привлек портрет улыбающейся темноволосой девушки-подростка с подписью:

«Вы видели эту девушку?
Вознаграждение 500 фунтов!»

Рядом висел черно-белый плакат с эмблемой полиции Суссекса. С плаката широко улыбался симпатичный пышноволосый мужчина. Надпись под портретом гласила:

«Полиция Суссекса
Убийство Джона (Джека) Бейкера
Мистер Бейкер был убит в Уортинге (графство Суссекс) 8/9 января 1990 г.
Тех, кому что-либо известно, просят позвонить в дежурную часть отдела тяжких преступлений (тел. 0903-30821) или в любой полицейский участок».

Кроме того, на стенах висели нарисованные полицейским художником портреты жертв и подозреваемых и компьютерные фотороботы. На нескольких один и тот же предполагаемый насильник изображался в разных головных уборах, в маске, в очках и без.

Заведовал новым подотделом Джим Дойл, бывший старший суперинтендент уголовной полиции. Он подчинялся непосредственно Рою Грейсу. С Дойлом Грейс работал много лет назад. Дойл был высокий, сухопарый и с виду напоминал галантного ученого. Правда, внешность давала неверное представление о его психической — и физической — жесткости. Именно благодаря упорству, жесткости, хладнокровию, пытливому уму и педантизму во всем Дойлу и удавалось добиваться блестящих результатов. За свою тридцатилетнюю карьеру он раскрыл немало запутанных и сложных дел. Сотрудники прозвали его Папай — в честь его тезки, Джимми Дойла по кличке Папай из фильма «Французский связной».

Оба коллеги Дойла обладали таким же богатым опытом. Имон Грин, тихий, серьезный, уже в шестнадцать лет стал чемпионом Суссекса по шахматам. Сейчас он был уже гроссмейстером, продолжал играть в шахматы и выигрывать разные турниры. В отставку он вышел в сорок девять лет, дослужившись до заместителя начальника отдела тяжких преступлений. Затем он вновь поступил на службу — уже как вольнонаемный. Брайану Фостеру, бывшему старшему инспектору, которого все называли Фосси, недавно исполнилось шестьдесят три года. Худощавый, коротко стриженный, несмотря на возраст, он по-прежнему напоминал симпатичного мальчишку. В прошлом году он последовательно участвовал в четырех марафонских забегах в разных графствах, каждый из которых продолжался неделю. После выхода в отставку в пятьдесят два года он служил в Международном трибунале в Гааге, судил военных преступников, а теперь вернулся на родину и с жаром приступил к новому этапу в своей карьере.

Поскольку сегодня чуть позже Грейсу предстояло встретиться с новым помощником главного констебля, он надел костюм и галстук. Несмотря на раннее время — без четверти девять, — он успел налить себе уже вторую кружку кофе и теперь, сидя за столом, беседовал с коллегами.

— Итак. — Он покачал ногой. — Во-первых… я рад всех вас видеть. И не просто рад — безумно счастлив!

Все трое заулыбались.

— Папай, ты научил меня всему, что я знаю, поэтому я не собираюсь ничего тебе говорить. Яйца курицу не учат! Шеф… — Рой имел в виду главного констебля Тома Мартинсона, — щедро отвалил нам денег, но, чтобы не прогореть через год, мы обязаны выдать результаты. Грубо говоря, если вы, ребята, хотите и на следующий год сохранить работу за собой, придется вам попотеть. — Отпив кофе, он продолжал: — А сейчас я повторю вам слова Папая, которые он произнес, когда мы с ним первый раз вместе работали. Еще в девяностых годах прошлого века на него, помимо прочего, возложили нагрузку за нераскрытые дела — хотя тогда мы называли их по-другому.

Все три бывших сотрудника полиции прекрасно знали, сколько головной боли доставляет вечно меняющаяся терминология начальства.

Грейс вынул из кармана лист бумаги и стал читать:

— Он сказал, цитирую: «Пересмотр нераскрытых дел позволяет использовать современные методы криминалистики для раскрытия преступлений, совершенных в прошлом, и не допустить повторения таких преступлений в будущем».

— Я рад, Рой, что годы, которые мы прослужили вместе, не прошли для тебя даром, — ответил Джим Дойл. — По крайней мере, ты хоть что-то запомнил!

— Вот именно. Рад, что удалось чему-то научиться у старого служаки! — насмешливо заметил Фостер.

Дойл не поддался на провокацию.

— Возможно, — продолжал Рой Грейс, — вы видели сводки или читали в «Аргусе» о новом преступлении. В канун Нового года изнасиловали женщину.

— В отеле «Метрополь»? — уточнил Имон Грин.

— Да, именно. Я присутствовал при первом опросе жертвы в прошлый четверг, 1 января, — продолжал Грейс. — Из слов пострадавшей следует, что преступник, переодетый женщиной, затащил ее в номер под предлогом того, что ему требовалась помощь. Потом, надев маску, он связал ее и неоднократно изнасиловал каблуком ее же туфли. Затем попытался совершить с ней традиционный сексуальный контакт, однако это удалось только отчасти. В его действиях прослеживается некоторое сходство с почерком Туфельщика, которого мы так и не нашли в девяносто седьмом году. Туфельщик тоже переодевался в женское платье и просил жертв о помощи. Затем его нападения внезапно прекратились — во всяком случае, в Суссексе, — и дело осталось нераскрытым. Я принес вам краткое изложение; прошу перечесть его. Знаю, у каждого из вас есть и другие дела, но сейчас я прошу вас заняться Туфельщиком. Мне кажется, он имеет отношение к делу, над которым я работаю сейчас.

— Рой, там были образцы ДНК? — спросил Джим Дойл.

— Следов спермы нигде не обнаружено, но три жертвы сообщили, что насильник надевал презерватив. Есть волокна ткани, но по ним ничего существенного установить не удалось. Ни царапин, ни слюны. Две жертвы сообщили, что у преступника выбриты волосы на лобке. Туфельщик, несомненно, что-то смыслил в криминалистике — еще тогда. В общем, никаких следов ДНК. Во всех эпизодах общее только одно: все жертвы очень любили дорогую обувь.

— Как и девяносто пять процентов женщин, в том числе и моя жена, — буркнул Джим Дойл.

— Вот именно, — кивнул Грейс.

— А особые приметы? — спросил Брайан Фостер.

— Все вы помните, как грубо и топорно в те годы допрашивали жертв изнасилования. Боюсь, особых примет у нас немного. Мужчина хрупкого телосложения, растительность на теле скудная, по выговору невозможно определить, образованный он или выходец из низов… Да, у него маленький член. Все выходные я читал протоколы допросов и изучал сводку по другим тяжким преступлениям, совершенным в то же время, — продолжал Грейс. — Есть еще одна женщина, которая, как я подозреваю, тоже могла стать жертвой Туфельщика — возможно, его последней жертвой. Рейчел Райан, двадцати двух лет, пропала в самый канун Рождества, точнее, в день Рождества девяносто седьмого года. Я хорошо запомнил то дело, потому что тогда как раз дежурил по городу. Когда поступил сигнал, я поехал к ее родителям. Почтенные, добропорядочные люди, они очень испугались, потому что дочь не приехала к ним на рождественский обед. Судя по всему, Рейчел была девушкой разумной и порядочной. Незадолго до своего исчезновения она порвала с женихом и очень серьезно переживала разрыв.

Грейс в последний миг удержался, чтобы не добавить: Рейчел Райан исчезла с лица земли — совсем как его жена Сэнди.

— Какие версии? — поинтересовался Фостер.

— Родственники ни при чем, — ответил Грейс. — Я допрашивал двух ее подруг, с которыми Рейчел вместе праздновала Рождество. Одна сказала, что Рейчел была слегка сдвинута на обуви. Покупала дорогущие туфли, которые были ей явно не по средствам, — дизайнерские туфли по двести фунтов за пару. Все жертвы Туфельщика носили дорогие туфли. — Грейс пожал плечами.

— В общем, Рой, опираться-то практически не на что, — ответил Фостер. — Раз она порвала с женихом, могла и покончить с собой. Понимаешь, Рождество… В такое время одиноким особенно больно. Помню, в девяносто втором меня бросила жена. Ушла за три

недели до Рождества. Я тогда чуть не повесился… Пришлось лопать рождественский ужин в одиночку в распроклятой бифштексной «Ангус».

Грейс невесело улыбнулся:

— Все возможно, но, судя по тому, что мне удалось о ней узнать, вряд ли она покончила с собой. Зато вот что важно. В три часа ночи ее сосед выглянул из окна — время он засек — и видел, как мужчина затаскивает какую-то женщину в белый микроавтобус.

— Номерные знаки запомнил?

— Он был пьян в стельку. Запомнил только несколько цифр.

— Но машину-то удалось найти?

— Нет.

— Ты ему поверил?

— Да, и до сих пор верю.

— В общем, опираться особо не на что, да, Рой? — сказал Джим Дойл.

— Да, но я нашел кое-что странное. Сегодня специально приехал пораньше и перечитал материалы дела. И знаете что? — Грейс обвел коллег внимательным взглядом. — Из дела пропало несколько важных страниц!

— Кто мог их взять? — спросил Брайан Фостер. — То есть… Кто имеет к ним доступ и у кого есть возможность их изъять?

— Ты ведь раньше служил в полиции, — сказал Грейс. — Вот ты мне и ответь. А потом объясни, кому и зачем это понадобилось.

25

5 января, понедельник

Наверное, и правда пора завязывать.

В тюрьме не молодеешь. Тюрьма набавляет — вернее, отнимает — десять лет жизни, в зависимости от того, как на это посмотреть. Даррен Спайсер не был недоволен своим прошлым, как на него ни смотри.

С шестнадцати лет он проводил больше времени за решеткой, чем на воле. Мотал срок за сроком. Его называли «упорным рецидивистом». Закоренелым преступником. Что говорить, не очень-то ему везло. Только один раз во взрослой жизни он провел два Рождества подряд на воле, да и то сразу после того, как женился. По свидетельству о рождении — настоящему — ему стукнуло сорок один. Отражение в зеркале в ванной говорило, что ему все пятьдесят пять, а то и больше. А самому ему казалось, будто ему все восемьдесят. Настоящий мертвец. Настоящее…

Ничтожество.

Намылившись, он тупо взглянул в зеркало и поморщился, увидев морщинистого старого придурка. Он стоял голышом; долговязое тощее тело — он предпочитал называть себя «худощавым» — стало мускулистым от ежедневных занятий в тюремном тренажерном зале.

Даррен Спайсер принялся сбривать жесткую щетину той же затупленной бритвой, какой он брился в тюрьме и которую унес с собой на волю. Когда он закончил, лицо стало таким же гладким, как все тело, — остальное он сбрил на прошлой неделе. Он всегда брился после выхода из тюрьмы; таким способом он очищался. Помнил, как однажды, вскоре после свадьбы, вернулся домой с лобковыми вшами. Бр-р-р!

На предплечьях красовались две маленькие татуировки. Хорошенького понемножку! Почти все его сокамерники были с ног до головы покрыты наколками и гордились тем, какие они крутые. Даррен Спайсер считал, что гордиться наколками — все равно что выставлять

напоказ свою тупость. Зачем облегчать копам возможность тебя опознать? И потом, у него и без наколок особых примет хватает: пять шрамов от резаных ран на спине. Так ему отомстили когда-то дружки наркодилера, которого он попробовал кинуть.

Последний срок оказался и самым долгим — шесть лет. Правда, выпустили его досрочно, через три года. Пора завязывать, решил Даррен. Да, пора, но…

Вот именно что «но».

Предполагается, что, выйдя из тюрьмы, ты свободен. А он свободен лишь условно. Обязан регулярно являться к инспектору, который надзирает за досрочно освобожденными. Обязан записаться на курсы переподготовки. Обязан подчиняться внутреннему распорядку общежития, в котором сейчас обитает.

После освобождения положено возвращаться домой.

А у него дома нет.

Отец давно умер, а с матерью он за двадцать пять лет и двух слов не сказал — да и то, пожалуй, многовато. Единственная сестрица Мэгз отдала концы пять лет назад — передоз. Бывшая жена с ребенком укатила в Австралию. Сынишку он не видел десять лет.

Домом для него стало любое место, где можно устроиться переночевать. Вчера он снял койку в ночлежке для реабилитации бывших заключенных, алкоголиков и наркоманов в самом центре Брайтона. Комнату пришлось делить с четырьмя вонючими, шумными алкашами. Знакомое место, он здесь уже бывал не раз. Сегодня надо подыскать себе местечко получше. Например, попробовать устроиться в приют Святого Патрика. Там неплохая жрачка и есть где оставить барахло. Правда, спать придется в общем зале, зато там чисто. Считается, что заключенным, чей срок подходит к концу, помогают найти свое место в обществе. Но жизнь распоряжается по-другому. На свободе ты никому не нужен — вот как выходит. Место в обществе — выдумка, враки. Хотя Даррен Спайсер пытался играть по правилам, вписаться в их образ жизни.

Переподготовка! Переобучение!

Ха! Переобучаться ему не хотелось, но он выразил желание освоить новую профессию. На последние полгода его перевели в Открытую тюрьму Форда. Целый день он проводил на свободе, трудясь на специально отведенных для таких, как он, рабочих местах. Они назывались «Рабочие звенья». Даррен выбрал курсы гостиничных разнорабочих и благодаря этому шикарно проводил время в двух брайтонских отелях. Работал незаметно. Изучал, где что находится. Получил доступ к ключам от номеров и к охранной сигнализации. Очень полезная подготовочка!

Да.

В Льюисе его регулярно навещала пожилая дамочка из какого-то благотворительного фонда. Как-то раз она спросила Даррена, о чем он мечтает. Какой он представляет свою жизнь за пределами тюрьмы. И есть ли у него вообще мечта?

Мечта у него есть, ответил Даррен, а как же! Снова жениться. Нарожать детишек. Жить в красивом домике — типа тех, какие он когда-то грабил, чтобы заработать себе на хлеб. И водить красивую машину. Получить постоянную работу. Да… еще по выходным ездить на рыбалку. Вот какая у него мечта. Но, сказал он даме, этого никогда не будет.

— Почему? — удивилась благодетельница.

— Я вам скажу почему, — ответил Даррен. — Потому что у меня сто семьдесят два привода, ясно? Какой нормальный человек примет меня на работу? Прошлое-то не скроешь… — Помолчав, он продолжал: — Да ладно, мне и здесь неплохо. У меня здесь дружки. Кормят сытно. За свет платит государство. И телевизор мне оплачивают.

Да, все было нормально. Кроме того, что…

В тюрьме не было женщин. Вот чего ему больше всего не хватало в тюрьме. Он любил женщин и кокаин. Наркоту в тюрьму пронести еще можно, а вот бабу провести гораздо труднее.

Его оставили в камере на Рождество, зато выпустили через два дня после Дня рождественских подарков. Чего ради?

Вот ведь дьявольщина!

Надо надеяться, завтра он отсюда съедет. Тех, кто не нарушает правил в приюте Святого Патрика, через двадцать восемь дней переводят в отсек, или «стручок», то есть отдельную крошечную комнатку, больше похожую на капсулу на космическом корабле. Идею позаимствовали из какого-то японского отеля. В таком вот отсеке позволяют жить еще десять недель. Там тесно, зато живешь один — и имущество сохраннее.

Ему есть что хранить подальше от чужих глаз.

Сейчас его вещи лежат у одного приятеля, Терри Биглоу, — если можно назвать приятелем скользкого мелкого хорька. Они все умещаются в чемодане, перетянутом цепями и запертом на три висячих замка. Замки и цепи он приладил прочные, потому что Биглоу не доверял.

Может быть, на этот раз ему удастся не загреметь за решетку. Взять несколько богатых домов, толкануть партию кокаина, накопить на собственное жилье. А что потом? Найти женщину… Жениться… Мысли о семье то привлекали его, то нагнетали тоску. Чего ради суетиться? По правде говоря, он давно привык к своему образу жизни. К тому, что он — сам себе компания. Делает что хочет и ни перед кем не отчитывается.

Его папаша был кровельщиком; в детстве Даррен часто помогал ему. Видел шикарные дома в Брайтоне и Хоуве, где работал папаша, и красоток в нарядных платьях, на роскошных машинах, которые там жили.

Папаша все мечтал разбогатеть, построить шикарный дом и завести такую вот красотку, но ничего не вышло. Однажды он свалился с крыши, сломал себе шею и больше не мог работать. С утра до ночи пропивал свое пособие по инвалидности. Даррен не хотел становиться кровельщиком, он понимал, что от такой работы не разбогатеешь. Зато учеба может помочь. Школу он любил, особенно математику, естествознание и уроки труда — любил что-то делать руками. А дома стало совсем плохо. Мамаша тоже пила. Когда ему исполнилось тринадцать, она как-то завалилась к нему в постель — пьяная и голая — и сказала: мол, папаша не может ее удовлетворить и теперь он, как мужчина, обязан его заменить.

Даррен каждый день старался пораньше уйти в школу. Из-за того, что творилось ночью, ему было не по себе. Он все больше отдалялся от друзей. В голове все путалось; он стал хуже соображать. Легче становилось в одиночестве. Он пропадал на рыбалке, а в плохую погоду торчал в дядиной слесарной мастерской, смотрел, как дядя вытачивает ключи, выполнял мелкие поручения. Если дядя забегал к местному букмекеру сделать ставки, он иногда ставил племянника вместо себя за прилавок. Даррен был на все готов, лишь бы сбежать из дому. От мамаши.

Ему нравились дядины инструменты, запах мастерской и тайны замков. На поверку замки оказывались всего-навсего детскими игрушками. Совсем простыми головоломками.

Когда ему исполнилось пятнадцать, мать сказала: хватит дурака валять, пора ему содержать ее и папашу. Надо выучиться ремеслу, устроиться на работу. Дядя, которому не на кого было оставить дело, предложил пойти к нему в ученики.

Через пару месяцев Даррен отлично разбирался в любых замках. Дядя восхищался племянником: прямо гений какой-то, чтоб ему пусто было!

А Даррен считал, что тут нет ничего такого сложного. Все, что сделано руками человека, другой человек может легко разобрать. Надо только подумать, как открыть замок. Представить себе схему — пружинки, кулачки, поставить себя на место человека, который его сделал. В конце концов, домашние замки бывают всего двух видов — йельский, который открывается плоским ключом, и замок «Чабб», который открывается цилиндрическим ключом. Замки бывают врезными и навесными. А если вдруг не получится представить внутреннее устройство на глазок, внутрь почти всех замков можно заглянуть с помощью простейшего медицинского прибора — ректоскопа.

От замков Даррен перешел к сейфам. Дядя освоил смежную специальность: вскрывал сейфы для полиции. Прошло совсем немного времени, и не осталось такого дверного замка и такого механического сейфа, которые бы не сумел открыть его племянник.

Первый дом в Холлингдине он взял в шестнадцать лет. Сразу попался и провел два года в исправительной колонии для малолетних преступников. Именно там он впервые попробовал наркотики. И усвоил первый урок. Не важно, грабишь ты нищую квартирку или богатый особняк; не важно, выносишь ты грошовый музыкальный центр или бриллианты. Рискуешь всегда одинаково.

Когда он вышел на свободу, дядя не пожелал снова взять его к себе, а у Даррена не было желания заниматься низкооплачиваемым физическим трудом, хотя ничего другого ему и не предлагали. Тогда он взял богатый особняк на Уитдин-роуд, в богатом квартале. Взял из сейфа семь тысяч фунтов — семь штук. Три спустил на кокаин, а четыре вложил в героин, который продал и получил прибыль двадцать штук.

После того он поочередно взял несколько богатых особняков, заработал почти сто штук чистыми. Потом в клубе познакомился с Роуз. Женился на ней. Купил квартирку в Портслейде. Роуз не одобряла его ремесла; Даррен попробовал жить честно. Через одного знакомого раздобыл поддельное удостоверение личности и устроился в фирму, которая занималась установкой охранной сигнализации. Фирма называлась «Суссекские системы безопасности».

Клиентура у них была высший сорт. Половина всех богачей в городе. Побывать в таких домах — все равно что мальчишке попасть в кондитерскую. Вскоре Даррен заскучал по прежней жизни. Особенно по удовольствию, какое он получал, вламываясь в чужие дома. Но больше всего ему недоставало больших денег, которые он брал в чужих сейфах.

И того кайфа, который он испытывал, очутившись в чужой шикарной спальне, где пахло богатством. Он вдыхал ароматы духов, которыми душились богатые красотки, рылся в корзине с грязным бельем, перебирал дорогие платья в шкафах, нюхал шелк, хлопок, мех, кожу… Он обожал рыться в вещах богатых женщин. Особенно в нижнем белье и обуви. От этого он ужасно возбуждался.

Богачки живут в совсем другом мире. Они ему не по средствам. Они стоят на другой ступеньке общественной лестницы.

Роскошные красотки и их мужья, набитые деньгами…

Такие красотки всегда изменяют мужьям.

Иногда аромат туалетной воды или кислый запах грязного белья напоминал ему о матери, и в нем на короткий миг зажигалось желание, которое он тут же подавлял вспышкой гнева.

Первое время ему удавалось дурачить Роуз; он врал ей, что ходит на рыбалку — в основном по ночам. Роуз спрашивала, почему он никогда не берет с собой сынишку. Даррен обещал, что обязательно возьмет, когда сынишка станет старше. И взял бы, непременно взял бы!

Но однажды февральским вечером, когда он грабил дом в Тондине, неожиданно раньше времени вернулся хозяин. Пришлось бежать через окно. Пробираясь по саду, Даррен угодил прямиком в бассейн, из которого выкачали воду. Он сломал правую ногу, челюсть и нос и вырубился напрочь.

Роуз навестила его в тюрьме только один раз. Сообщила, что уезжает с сынишкой в Австралию, а его больше не желает видеть.

Теперь он снова на свободе, но у него ничего нет. Ничего, кроме чемоданчика, который хранится у Терри Биглоу — если, конечно, Терри еще в своем логове, а не за решеткой и не сдох. А кроме чемодана, у Даррена нет ничего. Только изношенное, израненное тело да мечты, которые он копил три года, лежа на узкой тюремной койке. Он мечтал о том, как заживет, когда снова выйдет на волю…

1997

26

29 декабря, понедельник

— Я правда могу забыть, что видела твое лицо! — сказала Рейчел, глядя на него снизу вверх.

В желтом пятне света от лампочки под потолком он выглядел каким-то желтушным. Она попробовала посмотреть ему в глаза, потому что вдруг вспомнила — наверное, от страха — прочитанную в газете заметку: заложники или похищенные непременно должны установить глазной контакт с похитителем. Если между двоими людьми протягивается ниточка, связь, похитителю труднее причинить похищенному боль.

Она и пыталась хриплым голосом установить связь с этим человеком — с этим чудовищем… с этим… существом.

— Конечно можешь, Рейчел. Я что, по-твоему, вчера родился? Неделю назад, прямо на Рождество, чтоб оно провалилось? Допустим, я тебя отпущу, а через час ты уже окажешься в полицейском участке, и специальный художник изготовит на компьютере мой фоторобот. Ты ведь так поступишь, да?

Рейчел энергично затрясла головой.

— Клянусь… — прохрипела она.

— Чем? Жизнью твоей матери?

— Жизнью моей матери… Пожалуйста, дай мне воды. Очень прошу…

— Значит, я тебя отпущу, но, если ты меня обманешь и пойдешь в полицию, я явлюсь в дом твоей матери на Сарренден-Клоуз и убью ее?

Рейчел смутно удивилась. Откуда он знает, где живет ее мать? Может, прочел в газете? В душе снова зажглась искра надежды. Если он действительно прочел о ней в газете, значит, про нее уже известно всем. Ее ищут… Ее разыскивает полиция.

— Рейчел, я все про тебя знаю.

— Отпусти меня! Я не стану рисковать жизнью матери!

— Отпустить?

— Да.

— И не мечтай.

Наши дни

27

8 января, четверг

Ему нравилось находиться в этих красивых больших домах. Точнее, наблюдать за тем, что в них происходит.

Иногда, спрятавшись в какую-нибудь узкую щель, он представлял, будто надевает на себя эти дома, словно вторую кожу. Или, втиснувшись в платяной шкаф, окруженный платьями и манящими запахами красоток, которым эти платья принадлежат, и кожи их туфель, он чувствовал себя на вершине мира, как будто овладевал женщиной.

Владелицей роскошных нарядов, которые висят вокруг него. И многочисленных туфель — его любимых дорогих туфель, которые стоят на полочках.

Совсем скоро он ненадолго овладеет такой красоткой… Уже очень скоро.

Ему многое известно о ней — гораздо больше, чем ее собственному мужу. Сегодня четверг. Он следит за ней уже три дня. Знает, когда она возвращается домой и когда уходит. Знает, что спрятано в ее ноутбуке, — лапочка, она не защитила свой почтовый ящик паролем! Он прочел ее переписку с греком, с которым она спит. И снимки его видел. Она любит снимать своего любовничка — иногда в довольно откровенных позах.

Если повезет, сегодня ее любовником станет он. А вовсе не мощный волосатик с громадным инструментом.

Главное — вести себя осторожно и не шевелиться, когда она вернется домой. Особенно шумят вешалки — у нее в основном тонкие, металлические, на таких возвращают вещи из химчистки. Несколько штук он уже снял, чтобы не выдали его, и сложил на полу шкафа, а самые ближние к себе обернул тканью. Теперь остается только одно: ждать. И надеяться.

Здесь как на рыбалке. Требуется много терпения. Она, может, еще долго не вернется. Зато сегодня можно не опасаться, что неожиданно нагрянет муж.

Муженек улетел на самолете далеко-далеко. На конференцию по программному обеспечению в Хельсинки. Он очень обрадовался, увидев на кухонном столе записку: «До субботы, целую, ХХХХ». И название отеля, и телефон.

Чтобы убедиться наверняка — надо же было как-то убить время, — он позвонил в отель из кухни и попросил позвать мистера Дермота Пирса. Женский голос с легким акцентом ответил:

— Мистер Пирс не подходит… Что ему передать?

Он так возбудился, что едва не брякнул: «Передайте, что я собираюсь оттрахать его жену». Надо же — удача сама плывет к нему в руки! Но он благоразумно нажал отбой.

Его немного беспокоили фотографии двоих детей-подростков, мальчика и девочки, которые стояли на столе в гостиной. Он обследовал две подростковые комнаты. Безупречная, почти стерильная чистота и порядок. Ясно, никакие дети здесь постоянно не живут. Скорее всего, они — дети мужа от первого брака.

Зато в доме оказался кот, страшненький, бирманской породы. Он увидел кота на кухне и отпихнул ногой. Кот убежал на улицу через свою дверцу. Все стихло. Он обрадовался и еще сильнее возбудился.

Некоторые дома внутри как живые. Особенно когда работают нагреватели и вибрируют стены. Дышат! Да, как он сейчас, глубоко дышат от возбуждения, и дыхание дома эхом отдается у него в ушах. Он чувствует биение своего сердца, кровь все быстрее течет по жилам.

Господи, до чего хорошо!

28

8 января, четверг

Рокси Пирс ждала сегодняшнего вечера всю неделю. Дермот улетел по делам, и она пригласила Янниса к себе на ужин. Ей давно хотелось заняться с ним любовью в собственном доме. Греховная мысль сладко будоражила ее.

Они не виделись с прошлой субботы; Рокси вспомнила, как, раздевшись, прохаживалась по его квартире в новеньких туфлях «Джимми Чу». Даже в постели она не сняла туфель — что ужасно заводило его.

Где-то она читала: самки-комарихи иногда так жаждут крови, что готовы пойти на что угодно, даже невзирая на опасность для жизни.

Вот как сильно ей сейчас хочется побыть с Яннисом. Ей надо его увидеть. И заняться с ним любовью. А что потом — не важно! Чем дольше они занимаются сексом, тем больше ей его хочется!

«Какая же я дрянь», — виновато думала Рокси по пути домой, гоня свой серебристый «бокстер» по темной, освещенной фонарями модной Ширли-Драйв, мимо площадки для игр в Хоуве.

Она повернула в свой квартал, Дроуввэй, потом снова направо, на их улицу, и подъехала к большому квадратному современному дому, который они для себя построили. Настоящий райский уголок в черте города! За домом — сад, который граничит со стадионом частной школы. Когда она поехала по короткой подъездной аллее, включилась охранная сигнализация.

Ох, какая же я дрянь! Гнить мне в аду…

Рокси воспитали хорошей католичкой. Она выросла, веря в грех и адовы муки.

Когда они познакомились, он был женат. Она отбила его у жены и двоих детей, которых он обожал. У них был страстный роман. Целых два года их страсть все росла. Они были ужасно влюблены друг в друга. Но потом, когда они стали жить вместе, притяжение куда-то исчезло.

Теперь, с Яннисом, Рокси испытывала такой же взрыв чувств. Как и Дермот, он был женат, у него тоже были дети, только младше. Ее лучшая подруга, Вив Дэниэлс, не одобряла ее нового увлечения, предрекала Рокси, что та прослывет угонщицей чужих мужей. Но она ничего не могла с собой поделать, не могла подавить в себе влечение к Яннису.

Она вынула из-за солнцезащитного козырька пульт от гаража, открыла ворота. Без БМВ Дермота гараж казался просторным и пустым. Рокси выключила зажигание и перед тем, как выйти, взяла с пассажирского сиденья пакеты из супермаркета «Уэйтроуз».

С Яннисом она познакомилась, когда Дермот повез ее в ресторан «Фессалоники» в Брайтоне. Когда они закончили ужин, к ним за столик подсел владелец заведения. Яннис угощал их узо за счет заведения и не сводил взгляда с Рокси.

Сначала она повелась на его голос — хрипловатый, страстный. Он так увлеченно рассказывал о еде и о жизни на своем ломаном английском! А еще она завелась от его модной трехдневной щетины. И волосатой груди, видной в вырезе расстегнутой почти до пупа белой рубашки. И от его простоты. Казалось, этот мужчина живет без забот — расслабленный и счастливый, довольный собой.

И такой ненасытный в сексе!

Рокси открыла входную дверь и тут же набрала на панели кодовый номер, чтобы не сработала сигнализация. Она совсем замечталась и не заметила, что огонек на панели другой, не такой, как всегда. Работала лишь ночная сигнализация первого этажа, а второй этаж оказался отключен. Но мысли Рокси бежали в совершенно другом направлении. Понравится ли Яннису ее стряпня?

Она решила приготовить что-нибудь простое: смешанные итальянские закуски, стейк на ребрах и салат. И бутылка или две из драгоценного погребка Дермота.

Захлопнув за собой входную дверь, она позвала кота:

— Суси! Эй, Суси! Мамочка пришла!

Это Дермот придумал так по-дурацки назвать кота; имя он взял в честь первого ресторана, куда они ходили в Лондоне на своем первом свидании.

Кот не отозвался, что было необычно.

Обычно он выходил хозяйке навстречу, терся о ее ноги и выжидательно смотрел снизу вверх, дожидаясь ужина. А сегодня его что-то нет… Может, в саду? Ну и ладно.

Рокси глянула на свои часики, потом на большие часы на кухне: пять минут седьмого. До приезда Янниса меньше часа.

На работе прошел очередной паршивый день. Телефон молчал, а трафик быстрого Интернета почти превышен. Но сегодня на несколько часов она забудет все заботы. Кроме них с Яннисом, все остальное не важно. Она будет наслаждаться каждой минутой, каждой секундой, каждой наносекундой!

Она выложила покупки на кухонный стол, разнесла все по местам, взяла в погребке бутылку марочного «Шато де Мерсо» и поставила в холодильник, а бутылку «Жевре Шамбертен» урожая 2000 года откупорила заранее, чтобы вино подышало. Вскрыла банку кошачьих консервов, выложила содержимое в миску и снова позвала любимца:

— Суси! Эй, Суси! Ужинать!

Потом поспешила наверх. Надо принять душ, побрить ноги, брызнуть на себя духами «Джо Мэлоун», вернуться вниз и приготовить ужин.

Услышав из шкафа, как она зовет кота, он надел на голову маску. Прислушался к ее шагам. Поднимается! Внутри его все напряглось от возбуждения. От предвкушения.

Перед глазами поплыл красный туман. У него сразу поднялось настроение… и не только настроение. Он старался успокоить дыхание. Следил за ней из-за шелковых платьев, через занавешенные, застекленные дверцы шкафа. Какая она красивая! У нее блестящие черные волосы… Вот она небрежно сбрасывает черные туфли на плоской подошве… Бесстыдно снимает темно-синий костюм. Как будто она раздевается для него!

Спасибо!

Красотка сняла белую блузку и бюстгальтер. Грудь оказалась меньше, чем он себе представлял. Ну и ладно! Нормальная грудь. Крепкая, с маленькими сосками. Не важно. Грудь его особо не волнует.

Теперь трусики!

Она бреется! Линия бикини белая, до узкой полоски трусиков танга. Очень гигиенично!

Умница!

Он так возбудился, что весь вспотел.

Потом она, голая, зашла в ванную. Он услышал плеск воды в душе. Понимал, что сейчас самое время, но не хотелось брать ее мокрую и скользкую от мыла. Ему нравилось думать, что она вытрется для него и, может быть, для него же надушится.

Через несколько минут она вернулась в спальню, завернутая в большое полотенце. На голову она намотала другое полотенце, поменьше. Потом вдруг, как будто устраивая для него частный стриптиз, сбросила с себя полотенце, открыла шкаф и сняла с полки элегантные, тускло поблескивающие черные туфли на высоких шпильках.

«Джимми Чу»!

Он едва сдерживал возбуждение, когда она надела туфли, ставя ноги поочередно на стульчик рядом с кроватью и застегивая ремешки, по четыре на каждой! Затем она, не одеваясь, прошлась по комнате, любуясь собой и принимая разные позы перед большим настенным зеркалом.

Да, детка… Вот так… Да, да… Спасибо тебе!

Он посмотрел на маленький треугольник волос под плоским животом. Он любил, когда там все аккуратно подстрижено. Ему нравились женщины, которые следят за собой, обращают внимание на мелочи.

Только для него!

Не снимая с головы тюрбан из полотенца, она подошла к шкафу. Протянула руку. Ее лицо оказалось совсем рядом; он видел ее через занавешенное стекло.

Он приготовился.

Она распахнула дверцу.

И тут же из-за вешалок метнулась рука. К ее носу прижалась тряпка, пропитанная хлороформом.

Бесшумно, как акула, он выскользнул из-за платьев, обхватил ее затылок, сильнее прижал тряпку к носу. Наконец она обмякла в его руках.

1997

29

30 декабря, вторник

Рейчел Райан неподвижно лежала на полу микроавтобуса. У него болел кулак, которым он ударил ее по голове. Болел так сильно, что он испугался: вдруг сломаны большой и указательный пальцы? Они почти не шевелились.

— Черт! — прошипел он, тряся рукой. — Черт, блин, черт! Сука!

Он стащил перчатку, чтобы осмотреть пальцы, но трудно было что-либо разглядеть в полумраке.

Потом опустился на колени рядом с ней. Когда она падала, голова громко стукнулась об пол. Может, он сломал ей челюсть? И похоже, она не дышит…

Встревожившись, он положил голову ей на грудь. Уловил какое-то шевеление, но не понял, кто шевелится — она или он сам.

— Эй, что с тобой? — в страхе спросил он. — Рейчел! Ты как, Рейчел?

Он снова надел перчатку, схватил ее за плечи и потряс.

— Рейчел! Рейчел! Рейчел!

Он достал из кармана фонарик и посветил ей в лицо. Глаза у нее были закрыты. Он приоткрыл ей веко; как только он отпустил его, веко закрылось.

Страх нарастал.

— Эй, Рейчел, не умирай! Ты слышишь? Не смей тут подыхать! Блин, ты меня слышишь?!

Из углов ее рта вытекала кровь.

— Рейчел! Хочешь попить? Хочешь, я тебе поесть принесу? Хочешь что-нибудь из «Макдоналдса»? Бикмак? Чизбургер? А может, большой бутерброд? Я тебе его принесу, хорошо? Ты только скажи, что ты хочешь. С чем тебе сделать? Сосиски с горчицей? А может, с сыром? У них с сыром вкусные. С тунцом? С ветчиной?

Наши дни

30

8 января, четверг

Ра проголодался. Бутерброд с курицей и плавленым сыром уже два часа терзал его воображение. Всякий раз, как он поворачивал за угол, пакет с термосом катался по пассажирскому сиденью.

Он давно собирался постоять где-нибудь в тихом месте и перекусить — ему полагался ежедневный часовой перерыв, — но вокруг было слишком много народу. Чаевые упускать нельзя. Пришлось выпить одиннадцатичасовую чашку чаю за рулем. Обычно по четвергам много пассажиров, но сегодня первый четверг после Нового года. Он рассчитывал на спокойный вечер. Однако некоторые пассажиры уже пришли в себя и снова разъезжали по вечеринкам. И заказывали такси. И надевали красивые туфли. Ага-ага.

Что ж, он не против. Каждый развлекается по-своему. Он радовался за них всех. Главное, чтобы платили и не пытались сбежать — некоторые пытаются уйти не заплатив. А еще лучше, когда ему дают чаевые! Чаевые всегда выручают. Они помогают ему копить. Помогают собирать коллекцию.

Коллекция разрастается день ото дня. Очень красивая. О да!

Завыла сирена.

Его кольнула тревога. Он затаил дыхание.

В зеркале заднего вида замерцал проблесковый маячок, потом его обогнала патрульная машина. Через несколько секунд за ней проехала другая, как будто двигалась по его следу. Интересно, подумал он. Почти все ночи его не бывает дома, он работает, но сразу две патрульные машины обгоняют его нечасто. Наверное, случилось что-то серьезное.

Он приближался к своей обычной точке на набережной Брайтона, где любил постоять каждый час, через час по ночам, и попить чайку, а сейчас еще и газетку почитать. С прошлого четверга, когда в отеле «Метрополь» произошло изнасилование, он пристрастился к газетам. Какие интересные статьи! У жертвы забрали одежду. Но больше всего его возбудил рассказ о том, что у нее забрали туфли.

Ага-ага!

Он остановил такси, выключил зажигание, взял бумажный пакет, в котором лежал большой бутерброд, но тут же снова положил его на сиденье. От пакета уже не пахло так хорошо, как раньше. От запаха его затошнило.

Голод прошел.

Интересно, куда направлялись эти патрульные машины?

Потом он вспомнил о туфлях, которые лежали в багажнике его такси, и ему стало получше.

Не просто «получше», а просто замечательно!

Бутерброд он вышвырнул в окошко.

— Дрянь — в мусор! — проворчал он про себя. — Раз ты дрянь — тебя в мусор!

31

9 января, пятница

Клио беременна… Это очень хорошо, это замечательно. Кроме всего прочего, еще и потому, что Грейс стал пить гораздо меньше. Как и полагается при ее состоянии, Клио воздерживалась от спиртного, только иногда позволяла себе бокал белого вина. Зато она пристрастилась к острой индийской кухне и без устали поглощала карри. Грейс подозревал:

еще немного, и его желудок не выдержит. И в доме пахнет как в дешевом индийском ресторане.

Грейс тосковал по простой пище. Хамфри тоже пребывал не в восторге от индийской кухни. Лизнув карри всего один раз, щенок понял, что нет смысла клянчить у хозяев объедки.

Рой терпел, потому что считал своим долгом составить Клио компанию. И потом, в одной из книжек для будущих папаш, подаренной Гленном, он прочел, как важно во всем потакать беременной и стараться разделять ее пристрастия. Тогда будущая мать почувствует себя счастливой. А когда будущая мать чувствует себя счастливой, она посылает вибрации еще не рожденному ребенку, и он тоже родится счастливым и не станет, повзрослев, серийным убийцей.

Обычно под карри Грейс любил выпить пива «Гролш», или своего любимого немецкого «Билтбергера», или белого пива, к которому пристрастился в прошлом году в Мюнхене, после знакомства со своим немецким коллегой Марселем Кулленом. Но на этой неделе он дежурит по городу. Значит, придется ограничиться безалкогольными напитками.

Вот почему он, трезвый как стеклышко, сидел в пятницу у себя в кабинете и пил уже вторую чашку кофе, читая сводки происшествий и электронные письма, которые поступали потоком, как будто выливались из крана, который кто-то забыл закрутить. Иногда он косился и на гору бумажных документов на краю письменного стола.

Осталось чуть больше двух суток до вечера воскресенья, когда его сменит другой суперинтендент или старший инспектор, и тогда его ждут целых полтора месяца свободной жизни до нового дежурства. У него масса работы: надо подготовить несколько дел к передаче в суд, проверить, как идут дела в новом подотделе нераскрытых преступлений. Только бы за время, оставшееся до конца дежурства, не стряслось ничего серьезного!

Ему, как всегда, не повезло.

Зазвонил телефон; Грейс сразу узнал монотонный, невыразительный голос инспектора Дэвида Алкорна из брайтонской уголовной полиции.

— Рой, извини. Похоже, у нас снова изнасилование, совершенное «посторонним».

До последнего времени изнасилованием в «Метрополе» занимался брайтонский уголовный розыск, хотя Роя держали в курсе. Ну а сейчас, судя по всему, дело передадут в полицейское управление графства. То есть ему.

Хорошенькая выдалась пятница, нечего сказать! И почему всякие мерзости всегда случаются в пятницу? Что за день такой особенный?

— Что там у тебя, Дэвид?

Алкорн отчитался кратко и сжато:

— Жертва сильно травмирована. Судя по тому, что удалось вытянуть из нее дежурному, она вчера приехала домой поздно — муж улетел по делам за границу. Насильник набросился на нее в спальне. Потом она позвонила подруге, та сразу примчалась и вызвала наряд полиции. Приезжала бригада скорой, но медицинская помощь не потребовалась. Женщину увезли в Центр помощи жертвам изнасилования в Кроли. С ней поехали сотрудница отдела по борьбе с сексуальными преступлениями и констебль дежурной бригады.

— Что еще?

— Пока почти ничего. Как я и сказал, жертва сильно травмирована. Кажется, у нас снова туфли.

Грейс нахмурился:

— Поподробнее можешь?

— Ее изнасиловали с помощью ее же собственной туфли.

Грейс поспешно раздвинул груды документов, ища ручку и блокнот.

— Как ее зовут?

— Роксанна… Рокси Пирс. — Алкорн повторил фамилию по буквам. — Адрес: Хоув, Дроуввэй, семьдесят шесть. Она владелица рекламного агентства в Брайтоне, а ее муж занимается компьютерами. Вот и все, что нам пока известно. Я уже вызвал бригаду криминалистов; сейчас еду к ней домой. Если хочешь, по пути прихвачу и тебя.

Ну что ж, подумал Рой, заодно можно будет поподробнее расспросить Алкорна. Особенно если дело передадут в их управление.

— Да, спасибо!

Нажав отбой, он посидел немного не шевелясь, собираясь с мыслями.

Мысли крутились вокруг одного: Туфельщика. Всю неделю подотдел нераскрытых преступлений занимался им как одним из главных подозреваемых. Во всяком случае, проследили общие черты прежних нападений, имевших место в 1997 году, и нападения на Николу Тейлор, произошедшего 31 декабря в отеле «Метрополь».

У нее забрали туфли. Вот первое общее звено. Правда, в 1997 году Туфельщик забирал только одну туфлю и трусики жертвы. У Николы Тейлор забрали обе туфли и всю одежду.

Где-то в груде документов у него на столе лежит толстая папка с профилем преступника, или, как сейчас это называют, «Отчет о поведении преступника». Отчет составил доктор Джулиус Праудфут, совершенный чудак, психолог-криминалист.

Грейс усомнился в возможностях Праудфута еще при первом знакомстве — в 1997 году, когда он искал пропавшую Рейчел Райан. Но с тех пор он советовался с доктором по ряду дел.

Он настолько погрузился в отчет, что даже не заметил, как, щелкнув, открылась дверь его кабинета и по ковру проскрипели шаги.

— Здорово, старичок!

Грейс, вздрогнув, вскинул голову и увидел Гленна Брэнсона.

— В чем дело? — спросил он.

— Дело в моей жизни. Вот, хочу с ней покончить раз и навсегда.

— Отличная мысль! Только не здесь. Мне и без тебя дерьма хватает.

Брэнсон обошел вокруг его стола и посмотрел через плечо на документы. Некоторое время почитал, а потом сказал:

— Ты в курсе? Твой Джулиус Праудфут совсем съехал с катушек. Знаешь, что про него говорят?

— Ну и что? Ты тоже наверняка съехал с катушек, раз пошел служить в полицию.

— И женился.

— И это тоже. — Грейс широко улыбнулся. — Какие у тебя еще для меня перлы мудрости?

Брэнсон пожал плечами:

— Да я так, помочь хотел, и все.

Грейс подумал, но вслух не сказал: ему бы сейчас в самом деле не помешало, если бы Брэнсон вдруг исчез. И перестал замусоривать его квартиру. И портить его проигрыватель, и рыться в его драгоценной коллекции виниловых пластинок.

Вместо этого он поднял голову, посмотрел на друга и спросил:

— Хочешь отвязаться или в самом деле желаешь помочь?

— Как мило сказано! Тут не устоишь!

— Вот и отлично! — Грейс передал Брэнсону отчет доктора Джулиуса Праудфута о Туфельщике. — Выпиши для меня все самое главное к вечерней оперативке. Уложись где-нибудь в двести пятьдесят слов, не больше, чтобы наш новый шеф сумел все усвоить.

Брэнсон поднял папку, пролистал страницы.

— Твою мать! Двести восемьдесят две страницы! Полная жопа!

— Лучше не скажешь, друг.

32

9 января, пятница

Отец Роя Грейса был самым махровым полицейским из всех полицейских. Джек Грейс поучал сына: быть полицейским — значит смотреть на мир совершенно не так, как все остальные. Он называл это «здоровой бдительностью».

Рой отцовских наставлений не забыл. И сам по-особому оценивал окружающий мир. Вот и сейчас, ясным, морозным январским утром, он окидывал цепким взглядом шикарные дома на Ширли-Драйв. Расположенная почти на окраине мегаполиса улица застроена большими, красивыми особняками. Такие не по карману честному сотруднику полиции. На Ширли-Драйв живут люди состоятельные: зубные врачи, банкиры, автодилеры, юристы, местные и лондонские бизнесмены и, конечно, как и всегда в таких местах, несколько криминальных авторитетов. Поселиться на Ширли-Драйв — мечта любого обывателя. Если живешь на Ширли-Драйв или неподалеку, можно считать, что жизнь удалась.

По крайней мере, так полагали все проезжающие мимо — если, конечно, не обладали специфическим взглядом полицейского.

Рой Грейс на зрение не жаловался. А еще гордился прекрасной, почти фотографической памятью. Сидя рядом с Дэвидом Алкорном, который вел служебный фордик мимо игровой площадки, Грейс один за другим вспоминал здешние особняки. Жизнь удалась? Ха! Вот дом одного крупного рэкетира, которого охраняет большое начальство. И дом владельца сети борделей. А совсем недалеко обитает местный наркобарон.

От хорошо сшитого серого костюма Дэвида Алкорна, невысокого шатена, разменявшего шестой десяток, исходил неистребимый запах табака. В районе Ширли-Драйв он выглядел не совсем уместно. Несмотря на внешнюю жесткость, в глубине души он был человеком мягким.

Повернув на Дроуввэй, Алкорн заметил:

— Вот где охотно поселилась бы моя старушка!

— Ну так в чем проблема? — ответил Грейс. — Переезжай!

— Мне платят сотни на две меньше, чтобы я мог позволить себе здесь самое дешевое съемное жилье, — отвечал Алкорн. — И это еще не все… — Он помолчал. — Знаешь, о чем я думаю?

— О чем?

Грейс наблюдал, как мимо, один за другим, проплывают особняки. Справа они проехали супермаркет фирмы «Теско». Слева — молочную с каменным фасадом под старину.

— Твоей Клио тоже бы здесь понравилось. Да, здесь бы очень понравилось такой классной дамочке, как она.

Алкорн ударил по тормозам. Они остановились.

— Вон там, справа!

Пока они ехали к дому по короткой, обсаженной лавровыми кустами аллее, Грейс искал взглядом камеры видеонаблюдения, но не заметил ни одной. Зато над козырьком крыльца мигал огонек охранной сигнализации.

— В порядке домик, а? — спросил Дэвид Алкорн.

И не просто в порядке, черт бы его побрал, а просто такой, что дух захватывает! Будь у Грейса деньги, чтобы спланировать и построить дом своей мечты, он охотно взял бы особняк Пирсов за образец.

Ослепительно-белый и изящный, как античная скульптура. Сочетание строгих, холодных прямых линий и плавных изгибов; архитектор явно знал толк в своем деле. Дом разноуровневый; огромные панорамные окна, на крыше — солнечные батареи. Даже цветы и кустарники, растущие вдоль стен, как будто модифицировали на генном уровне по желанию владельцев. Дом не выглядел огромным; вполне нормальное жилище для одной семьи… Грейс вдруг подумал: а приятно возвращаться в такой дом каждый вечер после работы!

Он приказал себе выкинуть из головы посторонние мысли. Особняк Пирсов — место преступления. Надо постараться выжать из него все, что можно. Они остановились за небольшой патрульной машиной, рядом с которой стоял констебль, крепкий мужчина лет сорока. Он охранял кусок аллеи и крыльцо, обтянутые сине-белой лентой. Такой же лентой обнесли и ворота большого пристроенного гаража.

Они вылезли из машины, и констебль, воспитанный еще в добрых традициях старой школы, педантично ввел их в курс дела и рассказал, что он увидел утром, когда приехал на место преступления. Он сообщил, что бригада экспертов-криминалистов уже в пути. Алкорн успел рассказать Грейсу все, что ему стало известно; констебль не особо много добавил к его рассказу. Грейс узнал лишь одну важную деталь: жертва, приехав домой, видимо, выключила охранную сигнализацию.

Пока они разговаривали, к дому подъехал маленький белый микроавтобус, из которого вышел старший криминалист Джо Тиндалл. Грейсу часто доводилось работать с ним вместе; он считал Тиндалла довольно раздражительным субъектом.

— Пятница, — буркнул старший криминалист, вместо приветствия. — У тебя, Рой, тоже выходные в задницу пошли?

Грейс подумал: от такой физиономии, как у Тиндалла, наверное, скисает молоко.

— Я все прошу преступников, чтобы выходили на работу в понедельник, но они меня не слушаются.

— У меня сегодня билеты на Стиви Уандера. Если не пойду, подружка меня бросит.

— Джо, каждый раз, как мы с тобой встречаемся, у тебя пропадают билеты на какой-то концерт.

— Вот именно. В отличие от половины моих коллег мне приятно сознавать, что помимо работы у меня есть еще и личная жизнь!

Тиндалл многозначительно посмотрел на Грейса, затем извлек из багажника стопку бумажных пакетов и синие бахилы и раздал их всем присутствующим.

Присев на задний порожек микроавтобуса, Рой Грейс натягивал на себя бумажный комбинезон и, как всегда, мысленно проклинал дизайнера: невозможно было натянуть штанины, не порвав их. Потом он старательно сунул руки в рукава. Он радовался, что одевается не при посторонних, потому что почти невозможно влезть в дурацкий комбинезон, не превратив себя в посмешище. Кое-как справившись с комбинезоном, он с трудом нагнулся и надел на туфли целлофановые бахилы. Потом натянул на руки перчатки.

Констебль повел их в дом; Грейс мысленно похвалил его за сообразительность. Констебль положил на пол ленту, указывающую, как можно входить и выходить.

Вестибюль со свободной планировкой, с полированным паркетным полом, элегантными металлическими скульптурами, абстрактной живописью и высокими разросшимися растениями определенно понравился бы Клио. Здесь пахло сосной и чем-то еще сладким,

более пряным — возможно, цветочными саше. Приятное разнообразие по сравнению с домом, насквозь пропахшим индийскими специями!

Констебль сказал, что вместе с ними поднимется наверх и ответит на их вопросы, если они у них появятся, но в спальню не пойдет, чтобы не наследить.

Грейс понадеялся, что констебль, такой смышленый и опытный, не затоптал следы, когда еще раньше примчался сюда по вызову. Следом за Алкорном и Тиндаллом он поднялся по стеклянной винтовой лестнице, прошел в узкий тамбур и очутился в просторной спальне, где сильно пахло духами.

На окнах висели занавески из тонкой белой ткани, похожей на марлю; все стены были уставлены шкафами с застекленными дверцами. Стекла были завешены такими же, как на окнах, занавесками. Двойные дверцы одного платяного шкафа были распахнуты настежь; рядом, на полу, валялись платья на вешалках.

Посреди комнаты стояла огромная трехспальная кровать с четырьмя деревянными столбиками для балдахина. Вокруг одного столбика был обмотан пояс от халата, а вокруг другого — полосатый мужской галстук, завязанный простым одинарным узлом. Еще четыре галстука, связанные вместе двойными узлами, лежали на полу, как и безжалостно измятое кремовое стеганое атласное покрывало.

— Миссис Пирс засунули в рот кляп; ее руки и ноги привязали к столбикам кровати, — пояснил с порога констебль. — Ей удалось освободиться примерно в половине седьмого утра, и она сразу позвонила подруге… — Констебль глянул в блокнот. — Миссис Аманде Болдуин. У меня записан номер ее телефона.

Грейс кивнул. Он смотрел на фотографию, стоящую на стеклянном туалетном столике. На снимке симпатичная женщина с гладкими длинными черными волосами в длинном вечернем платье рядом с красавцем в смокинге.

Указав на снимок, он спросил:

— Это она?

— Да, шеф!

Дэвид Алкорн тоже разглядывал фотографию.

— В каком она была состоянии? — спросил Грейс у констебля.

— В шоке, — отвечал тот. — Но вполне вменяемая, если учесть, что́ ей пришлось вынести, — надеюсь, вы меня понимаете.

— Что вам известно о ее муже?

— Вчера он улетел в Хельсинки по делам.

Грейс задумался и посмотрел на Дэвида Алкорна.

— Интересное совпадение, — протянул он. — А может, и не совпадение… Постарайтесь выяснить, часто ли муж улетает по делам за границу. Возможно, ее изнасиловал знакомый или назойливый поклонник. — Повернувшись к констеблю, Грейс продолжал: — Насильник был в маске, да?

— Да, сэр… в такой черной маске на всю голову с прорезями для глаз, носа и рта.

Грейс кивнул.

— Мужа уже известили?

— Он постарается вернуться уже сегодня.

Алкорн вышел осмотреть другие комнаты.

Джо Тиндалл достал видеокамеру и снял всю комнату, а затем отдельно кровать.

— Вы прибыли на место происшествия в одиночку? — спросил Грейс у констебля.

Говоря, он обводил комнату взглядом. На полу лежали кремовые трусики, белая блузка, темно-синие пиджак и юбка, колготки и бюстгальтер. Не похоже, чтобы насильник сорвал их с жертвы; скорее их небрежно сбросили и оставили валяться там, где они упали.

— Нет, сэр, вместе с сержантом Порриттом. Он сейчас вместе с жертвой и сотрудницей отдела по борьбе с сексуальными преступлениями едет в центр «Сатурн».

Грейс наскоро прикинул план комнаты, отмечая расположение дверей — одна выходит на площадку, вторая в примыкающую ванную — и окон. Преступник мог проникнуть в спальню либо через дверь, либо через окно. Надо будет как следует обыскать комнату на предмет отпечатков пальцев, следов ног, волос, волокон, частиц кожи, слюны, спермы, смазки — если насильник надевал презерватив. Кроме того, придется тщательно осмотреть окрестности дома. Вдруг, убегая, преступник зацепился рукавом или штаниной за подоконник или стену. И конечно, поискать сигаретные окурки.

Надо будет написать Тиндаллу подробный перечень всего, что ему придется здесь собрать и переслать в лабораторию. Постельное белье — обязательно. И полотенца в ванной — на тот случай, если преступник вытирал о них руки или другие части тела. И мыло.

Грейс записывал свои замечания, бродя по комнате и выискивая взглядом что-нибудь необычное. Напротив кровати — огромное, во всю стену, зеркало; наверное, хозяевам нравится смотреть на себя. Грейс не стал осуждать их за извращенность. На одной прикроватной тумбочке лежал дневник и дамский роман, а на другой — стопка журналов по компьютерным технологиям. Грейс открыл все платяные шкафы по очереди. В них висело больше платьев, чем он видел за всю свою жизнь.

Потом он открыл еще один шкаф. В ноздри ударил приятный запах хорошей кожи. Он увидел настоящую пещеру Аладдина, доверху забитую дорогой обувью. Туфли стояли на полках от пола до потолка, за огромными раздвижными дверями. Грейс не очень-то разбирался в дамской обуви, но даже он сразу понял, что хозяйка носит туфли стильные, роскошные. На глаз он определил, что в шкафу больше пятидесяти пар. За следующей дверцей, которую он открыл, помещалось еще столько же. И еще столько же — за третьей дверцей.

— Похоже, дамочка ни в чем себе не отказывает! — заметил он.

— Насколько я понял, у нее собственное дело, Рой, — сказал Дэвид Алкорн.

Грейс молча отругал себя за сексизм и глупость. Такие замечания впору ожидать от кого-то вроде Нормана Поттинга.

— Ясно.

Он подошел к окну и посмотрел на сад за домом, красивый, ухоженный участок земли с овальным плавательным бассейном в центре, накрытым на зиму крышкой.

За садом, за густой живой изгородью и молодыми деревцами виднелся школьный стадион. Рой разглядел столбы для регби и футбольные ворота. Оттуда преступник тоже без труда мог попасть в дом, подумал он.

Кто же ты?

Туфельщик?

Или другой мерзавец?

33

9 января, пятница

— Мог бы и постучать, мать твою! — заскулил Терри Биглоу.

Даррен Спайсер терпеть не мог стучаться. Он стоял в комнатушке, полутемной из-за опущенных жалюзи, сжимал в руках свою сумку для инструментов и старался вдыхать пореже. Застарелая табачная вонь мешалась здесь с запахом старого дерева, пыльного ковра и прокисшего молока.

— А я думал, ты еще сидишь. — Голос Терри под старость сделался тонким и гнусавым. Он лежал на койке и щурился, потому что Спайсер светил фонариком ему в лицо. — И вообще, какого хрена ты приперся в такую поздноту?

— Я трахался, — ответил Спайсер. — Вот решил заскочить и рассказать тебе о ней, а заодно уж забрать свое барахлишко.

— Как будто мне интересно! Мой трах уже в прошлом. Я и писаю-то с трудом. Чего ты хочешь? Да перестань светить мне в рожу!

Спайсер обвел фонариком стены, увидел выключатель, щелкнул. Неяркая лампочка под темным абажуром почти не давала света. При виде окружающего убожества Спайсер сморщился от отвращения.

— Опять, значит, на воле? — спросил Биглоу, по-прежнему моргая.

Спайсер подумал: выглядит он ужасно. Ему семьдесят, а на вид все девяносто.

— Освободили досрочно за примерное поведение, понял? Теперь хожу, отмечаюсь каждую неделю. — Он ткнул Биглоу в грудь наручными часами. — Вот, подарочек тебе принес.

Биглоу схватил часы скрюченными пальцами и жадно уставился на них:

— Ну-ка, поглядим… Корейские?

— Обижаешь! Швейцарские. Вчера только взял.

Биглоу чуть подтянулся, сел, ухватившись за стоящий перед кроватью стол, надел старомодные крупные очки для чтения и вслух прочитал название марки:

— «Таг Хойер Акуарейсер». Клевые котлы! Значит, воруешь и трахаешься помаленьку?

— Все наоборот.

Биглоу натянуто улыбнулся, обнажив мелкие острые зубки цвета ржавчины. Его грязная футболка, возможно, когда-то была белой. А под футболкой — кожа да кости. Воняло от Биглоу старыми носками.

— Клевые, — просипел он. — Очень клевые. Сколько хочешь за них?

— Штуку.

— Шутишь? Я мог бы дать тебе за них пятьсот, если бы нашел покупателя — и то если котлы родные, а не подделка. А так — сотню. Сейчас могу дать только сотнягу.

— В магазине такие две штуки стоят, — возразил Спайсер.

— А в стране сейчас кризис и так далее. — Биглоу снова покосился на часы. — Повезло тебе, что ты позже не вышел. — Он замолчал. Поскольку Спайсер тоже ничего не говорил, Биглоу продолжал: — Я долго не протяну, понимаешь? — Он сипло, натужно закашлялся; на глаза навернулись слезы. Потом сплюнул кровь в грязный платок. — Мне дают полгода.

— Вот облом!

Даррен Спайсер оглядел подвальную комнатушку. Когда рядом проезжал поезд, да еще громко гудел, здесь все тряслось. По комнате гулял сквозняк. Настоящая помойка. Все как три года назад, когда он приходил к Терри последний раз. Кусок деревянного пола закрывал старый, вытертый ковер. На деревянной напольной вешалке висели металлические плечики с каким-то тряпьем. Старые деревянные часы на полке показывали без четверти девять. На стене над кроватью висело распятие; на прикроватной тумбочке рядом с Биглоу лежала Библия и стояли флаконы с лекарствами.

«Вот что будет со мной через тридцать лет, если я, конечно, столько проживу», — подумал Спайсер и покачал головой.

— Значит, вот оно как, Терри? Значит, вот где ты доживаешь свой век?

— А что? Мне подходит. Здесь удобно.

— Удобно? Что тебе удобно, мать твою? До кладбища близко ползти, что ли?

Биглоу ничего не ответил. Совсем рядом, у обочины шоссе на Льюис, помещались городской морг и кладбище; к ним вела целая вереница похоронных бюро.

— У тебя хоть водопровод есть?

— Конечно есть, — с трудом выговорил Биглоу, снова заходясь в приступе кашля. Он ткнул пальцем в раковину на противоположной стене.

— Ты моешься когда-нибудь? Воняет здесь, как в сортире.

— Хочешь чаю или кофе?

Спайсер посмотрел на угловую полочку, на которой стоял чайник и несколько потрескавшихся чашек.

— Нет, спасибо. Пить не хочется.

Он покачал головой, пристально глядя на старого мошенника. Когда-то Терри Биглоу считался в этом городе крупным игроком! Даже сам Даррен Спайсер в молодости до смерти боялся его. Одна фамилия Биглоу наводила страх на всю округу. И вот вам пожалуйста…

С семейством Биглоу в местном криминальном мире считались. Биглоу крышевали половину притонов в Брайтоне и Хоуве, контролировали половину всего здешнего наркотрафика, а Терри был, так сказать, наследным принцем. С таким не захочешь ссориться, если не желаешь, чтобы тебе порезали бритвой лицо или плеснули в глаза кислотой. Раньше Терри Биглоу был настоящим франтом, носил перстни и золотые часы, водил дорогие машины. Сейчас, подточенный болезнью и испитой, он очень похудел и осунулся. Раньше Терри причесывался и стригся в самых дорогих парикмахерских и безупречно выглядел даже в полночь. Сейчас его патлы стали неопределенного цвета от какой-то дешевой краски и почти все вылезли.

— Кстати, Даррен, тебя в Льюисе-то где держали? С опущенными, что ли? Говорят, ты за бабу сел…

— Еще чего! Никогда я не сидел с опущенными!

— А я другое слыхал.

Спайсер вызывающе посмотрел на Терри:

— Я ведь все тебе раньше рассказывал. Не лез я к ней! Она сама напросилась. По бабам сразу видно, когда они напрашиваются. Сама на меня повесилась, ясно? Пришлось ее отшить.

— Странно, что присяжные тебе не поверили.

Биглоу взял с тумбочки пачку сигарет, вытряхнул одну, сунул в рот.

Спайсер покачал головой:

— У тебя рак легких, а ты все куришь?

— Какая мне теперь разница, бабник?

— Пошел ты!

— Я тоже всегда рад тебя видеть, Даррен.

Биглоу закурил, щелкнув пластмассовой зажигалкой, затянулся и тут же снова зашелся в приступе кашля.

Спайсер опустился на колени, отогнул угол ковра, отодрал несколько половиц и вытащил из тайника старый квадратный кожаный чемоданчик, обмотанный тремя цепями. На каждой висел массивный висячий замок.

Биглоу подбросил на ладони часы:

— Вот что я тебе скажу. Я всегда был человеком честным и не хочу, чтобы ты поминал меня лихом, когда меня не станет. С тебя, кстати, причитается за три года хранения твоего барахла, так что есть о чем говорить. Поэтому я дам тебе за твои котлы тридцатку. Соглашайся, лучше не найдешь!

— Тридцатку?! А этого не хочешь?

В приступе ярости Спайсер схватил Терри Биглоу за волосы левой рукой и вздернул его вверх, мотая из стороны в сторону, как марионетку. Он сам удивился, до чего Биглоу стал легким. Потом он со всей силы врезал старику правой в подбородок. Так сильно врезал, что рука заболела.

Терри Биглоу сразу обмяк. Спайсер отпустил его, и он бесформенной грудой упал на пол. Спайсер шагнул вперед и затушил тлеющую на кровати сигарету. Потом оглядел убогую комнатушку — нет ли здесь чего-нибудь стоящего, чем можно поживиться. Он забрал свои часы, а больше ничего стоящего не оказалось. Совсем ничего. Ничегошеньки.

Сунув под мышку тяжелый чемодан и сумку со всем своим имуществом, он вышел за дверь. На пороге остановился и повернулся к скорчившемуся на полу Терри:

— Увидимся на твоих похоронах, приятель!

Он захлопнул за собой дверь, поднялся по ступенькам и вышел в морозное, шумное пятничное брайтонское утро.

34

9 января, пятница

Уже во второй раз за неделю констебль Клер Уэстмор, сотрудница отдела по борьбе с сексуальными преступлениями, ехала в центр «Сатурн» при больнице Кроли.

По опыту она знала, что нет двух жертв, которые реагировали бы на изнасилование одинаково, — да и состояние у них все время меняется. Сейчас ей предстояла одна из самых трудных задач — отслеживать состояние женщины, которую она сопровождала. Констебль Уэстмор успокаивала и поддерживала несчастную, уверяла ее, что она в безопасности и ей больше ничто не грозит. При этом нельзя было ни на секунду забывать главного: тело Рокси Пирс, нравится ей это или нет, — место преступления, где нужно добыть все возможные улики.

Когда с самой тяжелой и неприятной частью будет покончено, женщина отдохнет в спокойной обстановке. Если понадобится, ей сделают укол снотворного, чтобы она поспала. Завтра, если ей станет лучше, констебль Уэстмор приступит к допросу. Впереди у Рокси Пирс, как и у большинства жертв, три ужасных дня, когда ей предстоит заново пережить все, что с ней случилось, а констебль Уэстмор будет записывать душераздирающий рассказ, который в конце концов займет тридцать страниц в ее блокноте.

Пока же констебль Уэстмор проходит через самую мучительную стадию как для жертвы, так и для себя самой. Они одни в женской смотровой, которую сейчас называют «криминалистическим центром»; в стерильной комнате для взятия улик. Рокси Пирс в белом махровом халате и розовых тапочках, в которых она сюда и приехала. В машине на нее для тепла накинули еще одеяло, но сейчас его сняли. Она сидит, понурив голову, на синем гинекологическом кресле — тихая, сгорбленная и тупо глядит в одну точку. Длинные

спутанные черные волосы упали на лицо. Когда полиция только приехала к ней домой, она была очень возбуждена и говорила без умолку, а сейчас словно оцепенела.

Из рассказов женщин Клер Уэстмор знала: когда тебя насилуют, все равно что убивают твою душу. И после изнасилования, почти как после убийства, пути назад уже нет. Никакое лечение, никакая психотерапия уже не поможет Рокси Пирс стать той, какой она была раньше. Да, со временем ей немного полегчает, она сможет жить дальше, жить почти нормальной жизнью. Но именно «почти». Она все время будет бояться. И уже не сможет верить — никому и никогда.

— Рокси, здесь вам ничто не угрожает, — сказала Клер Уэстмор с мягкой улыбкой. — Надежнее места не найти. Здесь он до вас не доберется.

Она снова улыбнулась. Но ответа не последовало. Она как будто разговаривала с восковой фигурой.

— Здесь ваша подруга Аманда, — продолжала констебль Уэстмор. — Она ненадолго вышла за сигаретами. Она пробудет с вами целый день. — Клер взглянула на свою подопечную и снова натолкнулась на ее пустой взгляд. На мертвые глаза. Онемевшие, как все у нее внутри.

Рокси Пирс механически отметила стены цвета магнолии в маленькой комнатке. Их недавно покрасили. На круглых больничных часах 12.35. На полке коробка с синими латексными перчатками. На другой полке синие и красные ящики со шприцами, ватными тампонами и пузырьками в стерильной упаковке. Розовый стул. Весы. Раковина; с одной стороны от нее диспенсер с увлажнителем, с другой — стерильное моющее средство. На голой белой полке телефон; как в какой-нибудь телевикторине, его, наверное, можно использовать для «звонка другу»… На стене выдвижной монитор на шарнирах.

На глаза у нее навернулись слезы. *Жаль, что Дермота здесь нет… Я совсем запуталась… Жаль, что изменяла Дермоту, что совсем спятила из-за Янниса.*

— Я ведь сама во всем виновата, да? — вдруг выпалила она.

— Ну что вы, Рокси! — возразила констебль Уэстмор, одновременно записывая ее слова в блокнот. — Вы не должны себя винить. Вы ни в чем не виноваты.

Но Рокси снова погрузилась в молчание.

— Ладно, милая. Не волнуйтесь. Вы не обязаны ничего мне говорить. Если не хотите, сегодня можем вообще не разговаривать, но мне нужно снять с вас улики, чтобы мы могли найти того, кто это с вами сделал. Вы как, не против?

Через несколько секунд Рокси сказала:

— Я чувствую себя грязной. Хочу принять душ. Можно?

— Конечно, — вступила в разговор женщина-криминалист. — Только не сейчас. Мы же не хотим смыть все улики, верно? — Она говорила чуточку властно. Клер Уэстмор подумала: уж слишком сухо и официально она разговаривает с жертвой, чье состояние сейчас такое хрупкое.

Снова последовало молчание. Мысли Рокси заскользили по касательной. Она взяла две бутылки из неприкосновенного запаса Дермота. Где-то их оставила. Одна стоит откупоренная на кухонном столе, вторая в холодильнике. Придется где-то покупать такую же бутылку, чтобы заменить ту, открытую, и успеть вернуться домой до Дермота, поставить бутылки в погреб. Иначе он устроит скандал.

Женщина-эксперт надела перчатки, подошла к пластмассовым ящикам и вынула из упаковки запечатанный стерильный комплект для снятия улик. Маленький скальпель для взятия ткани из-под ногтей. Возможно, женщина оцарапала нападающего, и у нее под ногтями находятся клетки кожи с образцами ДНК. Важная улика.

Суровое испытание, которое предстояло пройти Рокси Пирс в этом кабинете, только начиналось. Прежде чем ей разрешили принять душ, женщина-эксперт взяла у нее мазки из всех мест, которые могли соприкасаться с насильником. Она искала слюну, сперму и клетки кожи. Она сбрила Рокси волосы на лобке, взяла анализ крови и мочи на алкоголь и прочие ядовитые вещества и описала в журнале все повреждения в области гениталий.

Пока эксперт вычищала грязь из-под ногтей Рокси, помещая каждый образец в отдельный пакет, констебль Уэстмор пыталась успокоить ее:

— Рокси, мы обязательно его найдем. Потому-то мы и берем у вас все эти анализы. С вашей помощью мы не допустим, чтобы он напал на кого-то еще. Понимаю, как вам сейчас тяжело, но вы уж потерпите немножко.

— Не знаю, зачем вам беспокоиться, — вдруг сказала Рокси. — Ведь за решетку попадают всего четыре процента насильников, верно?

Клер Уэстмор не знала, что ответить. Она слышала, что в масштабах всей страны цифра еще меньше. Дело в том, что лишь шесть процентов жертв изнасилования заявляют в полицию. Но ей хотелось утешить Рокси.

— Это не совсем так, — ответила она. — Да, показатели низкие. И все потому, что мало кто обладает вашей храбростью. Многим женщинам не хватает духу заявить о насилии в полицию, как поступили вы.

— Храбрости? — с горечью переспросила Рокси. — Никакой храбрости у меня нет.

— Нет, есть. Вы по-настоящему храбрая женщина.

Рокси Пирс упрямо покачала головой:

— Я сама во всем виновата. Будь я храбрая, я бы дала ему отпор. А так… все подумают, что я сама хотела, чтобы он это сделал, что я, наверное, как-то его поощряла. Другие, наверное, сумели бы помешать ему, врезать коленом между ног или еще что-нибудь, а я ведь так не сделала, верно? Просто лежала, и все.

35

9 января, пятница

Утро у Даррена Спайсера началось хорошо. Он забрал свои вещи у Терри Биглоу, и теперь у него есть место, где их можно хранить: высокий кремовый металлический шкафчик с собственным ключом в приюте Святого Патрика. Он надеялся, что через несколько недель его переведут в отдельный отсек.

Большую неонорманнскую церковь на тихой улочке в Хоуве приспособили к меняющемуся миру. Поскольку прихожан становилось все меньше, просторный зал церкви Святого Патрика отдали благотворительной организации, которая занималась бездомными. Часть зала занимала спальня на четырнадцать коек, где бездомным разрешалось провести не более трех месяцев. Другую часть разгородили на так называемые отсеки. Туда селили тех, кто выказывал истинное желание встать на путь исправления. В отсеке бывший заключенный мог прожить еще десять недель. За это время можно закончить курсы переподготовки, получить новую профессию, начать новую жизнь.

Отсеки планировали по образцу японских отелей. Каждому из шести обитателей предоставляли отдельную комнатушку с пластмассовыми перегородками. У них имелись общая кухня и гостиная с телевизором. В комнатушке хватало места для койки и пары чемоданов.

Чтобы получить право попасть в такой отсек, Спайсеру предстояло убедить руководство приюта, что он образцовый жилец. О том, что будет, когда закончатся десять недель в

отсеке, он даже не думал, надеялся просто, что к тому времени, если повезет, у него хватит денег, чтобы снова снять квартиру или дом.

Быть образцовым жильцом значило подчиняться правилам внутреннего распорядка: уходить из приюта полагалось до половины девятого утра, а возвращаться — к половине восьмого вечера. Считалось, что живущие в приюте бывшие заключенные целый день учатся на каких-нибудь курсах и работают. Вот и он такой. Он запишется в центр переподготовки и, если повезет, получит работу в отделе техобслуживания в каком-нибудь шикарном брайтонском отеле. Когда он осмотрится на месте, то сможет таскать из номеров, что плохо лежит. Сделает заначку на черный день. А может, и оприходует одну-другую бабенку — вот как вчера ночью.

После полудня Даррен Спайсер, в свитере, джинсах, ветровке и теннисных туфлях, вышел из центра переподготовки. Собеседование прошло отлично; он получил направление с печатью в Гранд-отель на набережной, где приступит к работе с понедельника. Предстояло убить время до конца дня.

Слоняясь по Уэстерн-роуд, широкой торговой улице, которая связывает Брайтон и Хоув, он сунул руки в карманы — было холодно. В кармане у него лежало всего семь фунтов — все, что осталось от сорока шести, выплаченных ему в тюрьме при освобождении, да от небольшой суммы, которую нашли при нем в день ареста. И в чемодане, что хранился у Терри Биглоу, припрятана еще небольшая заначка.

Спайсер мысленно составлял список покупок. Что ему нужно? В приюте ему выдали предметы первой необходимости: новые бритвенные станки, крем для бритья, зубную пасту. Но ему требовалось и что-то для души. Дойдя до книжного магазина «Городские книги», он остановился у витрины. Сотни книг! Фамилии одних авторов он где-то слышал, но есть и совсем незнакомые.

Быть на воле для него по-прежнему в новинку. Вдыхать соленый морской воздух. Свободно гулять по улицам рядом с женщинами. Слышать шум, гул, рокот и рев машин и обрывки музыки. Но хотя он и чувствовал себя свободным, одновременно ему казалось, что он беззащитен, открыт всем ветрам. Спайсер больше привык жить за решеткой. А жизнь на воле стала другой, незнакомой.

За прошедшее время и эта улица сильно изменилась. Стала гораздо шумнее. Как будто все три года, пока он сидел, здесь не прекращался праздник жизни, на который его пока не пригласили.

Настало время обеда; в ресторанах скапливалось все больше людей. Чужих для него.

Для него теперь почти все незнакомцы.

Конечно, есть дружки, с которыми можно связаться. Он непременно свяжется с ними — в свое время. Но пока ему особо нечего им сказать. Каждый раз одно и то же. Вот именно! Он позвонит, когда ему понадобится раздобыть кокса. Или, наоборот, когда у него будет героин на продажу.

Навстречу по противоположной стороне дороги проехала патрульная машина; Спайсер машинально отвернулся и уставился в витрину агентства недвижимости, притворившись, будто изучает выставленное на продажу жилье.

Почти все полицейские в этом городе знают его в лицо, многим приходилось раньше или позже его арестовывать. Пришлось напомнить себе: сейчас ему можно свободно гулять по этой улице. Он не беглец. Он — гражданин Брайтона и Хоува. Такой же, как все!

Он рассматривал снимки домов в витрине. Его внимание привлек симпатичный домик напротив Хоув-парка. Домик показался знакомым; наверное, он брал его несколько лет назад. Четыре спальни, зимний сад, гараж на две машины. И цена подходящая: семьсот

пятьдесят тысяч фунтов. Да, слегка превышает его возможности. Всего-то на семьсот пятьдесят штук.

Впереди, совсем рядом, построили большой супермаркет «Теско». Спайсер перешел дорогу и зашел в супермаркет, обойдя вереницу машин на стоянке. Много дорогих. Бумер с открытым верхом, красивый спортивный мерс и несколько громадных внедорожников-«танков» — в них богатенькие брайтонские домохозяйки приехали за покупками. Разодетые мамаши с малышами, которые удобно устроились в детских креслицах.

У них есть наличные, кредитные карты, зарплатные карты, карты постоянных покупателей «Теско»…

Некоторые из них оказывались вполне услужливыми!

Спайсер остановился у центрального входа, следя за потоком покупателей, которые выносили из магазина пакеты с продуктами или катили тележки. На тех, кто нес всего два пакета, он не обращал внимания; они для него интереса не представляли. Он сосредоточился на нагруженных тележках. Мамаши, папаши и владельцы частных пансионатов делают закупки на выходные. Каждый из них тратит не меньше двухсот фунтов, которые списали с их карточек «Мастеркард», «Барклайкард» или «Америкэн экспресс».

Кое у кого в тележках с покупками, в специальных отделениях, сидели дети, но дети Спайсера не интересовали. Кого волнует гребаное детское питание?

Наконец он заметил ту, кого давно поджидал.

То, что надо! Отлично!

Судя по виду, богачка. Держится высокомерно. И фигура такая, о какой он мечтал все три года за решеткой. Тележка у нее нагружена, что называется, с горкой — верхние покупки, того и гляди, вывалятся. И сапожки на дамочке высший класс. Из змеиной кожи, на высоченных каблуках — сантиметров двенадцать, не меньше.

Но сейчас его больше интересовали не сапожки, а действия самой дамочки. Вот она остановилась у мусорных контейнеров, порвала свой чек и выкинула его. Спайсер с равнодушным видом подошел к контейнеру, не спуская с нее глаз. Дамочка покатила тележку к черному «рейнджроверу».

Тогда он быстро порылся в контейнере и достал сверху бумажные обрывки. На то, чтобы найти ее чек, ушло всего несколько секунд. Чек был длиннющий, трехметровый, наверное, и время пробито точно — она вышла минуты две назад.

Так-так… Накупила на целых сто восемьдесят пять фунтов! И — вот уж нечаянная радость! — расплатилась наличными. Значит, ему не придется предъявлять ни кредитку, ни удостоверение личности. Он прочел названия товаров: вино, виски, коктейль из креветок, мусака, яблоки, хлеб, йогурт. Многовато. Станки для бритья! Кое-что из ее покупок ему и даром не нужно, но сейчас он не в том положении, чтобы привередничать… Просто отлично! Он едва заметно помахал дамочке рукой, правда, та ничего не заметила. На всякий случай Спайсер запомнил номерные знаки ее машины — да, в сапожках из змеиной кожи она настоящая красотка. Никогда не знаешь, как говорится… Взяв у входа тележку, он зашел в магазин.

* * *

Спайсеру понадобилось полчаса, чтобы набрать все товары, пробитые в ее чеке. Разумеется, он не забывал о времени, напечатанном внизу, но заранее все продумал: у него разбилось яйцо, вот он и пошел его заменить, а потом решил докупить еще и кофе.

Дамочка в шикарных сапожках, конечно, набрала много того, что ему на фиг не нужно, например двенадцать банок кошачьих консервов. Да и без двух банок копченых устриц

Спайсер вполне мог обойтись. И все же продукты надо было набрать точно такие, как в ее чеке, — на всякий случай, если его вдруг заподозрят. Шесть замороженных стейков и почки — вот жрачка на его вкус. Она просто умница. И шесть банок консервированной фасоли «Хайнц» она грамотно взяла. А всякие там деликатесы не для его желудка. Виски она тоже выбрала правильное — «Джеймисон», ирландское. Вот ликер «Бейлис» она взяла напрасно. А яйца из-под курицы, которая пасется на травке, и так называемые органические яблоки — это вообще блажь!

Покупки он отвезет домой и выкинет, что ему не нужно. Или загонит, или обменяет, например, на курево. Потом можно отправляться на охоту.

Жизнь налаживается. Сейчас ему не хватает для полного счастья только одного. Точнее, только одной… Женщины.

1998

36

2 января, пятница

Прошло восемь дней с тех пор, как родители Рейчел Райан заявили в полицию о ее пропаже.

Все восемь дней девушка не подавала признаков жизни.

Рой Грейс упорно искал ее с самого Рождества. Он все больше убеждался в том, что дело дрянь. Наконец старший инспектор Джек Скеррит настоял, чтобы сержант взял выходной и встретил Новый год вместе с женой.

Грейс согласился неохотно; он разрывался между желанием найти Рейчел Райан и потребностью сохранить мир и покой, помириться с Сэнди. Утром в пятницу, после двух дней выходных, он вернулся на работу, и Скеррит сообщил ему новость. Посоветовавшись с начальством, старший инспектор Скеррит решил передать дело, которому присвоили кодовое название «Операция „Закат“», в ведение полиции графства. Данные ввели в систему ХОЛМС; в помощь следственной группе придали шестерых детективов из других частей графства.

Оперативный штаб устроили на пятом этаже участка на Джон-стрит, рядом с отделом видеомониторинга и напротив штаба другой операции, «Гудини», где днем и ночью кипела работа. Там искали Туфельщика.

Грейсу, убежденному в том, что два дела связаны между собой, выделили постоянное рабочее место в оперативном штабе. Его стол стоял у окна, из которого дуло, зато оттуда открывался вид на автостоянку, серые, залитые дождем крыши, за которыми виднелись здание брайтонского вокзала и виадук.

За соседним с ним столом расположился констебль Джейсон Тингли, смышленый и симпатичный. Несмотря на двадцать шесть лет, выглядел он совсем мальчишкой. Грейсу очень нравилась его энергия. Засучив рукава, Тингли с самого утра садился на телефон и обзванивал сотни горожан, живущих на улицах, по которым, как они установили, в тот роковой день Рейчел Райан возвращалась домой со стоянки такси.

На столе Грейса лежала пухлая папка с делом пропавшей Рейчел Райан. Несмотря на выходные, он успел запросить в банке сведения о состоянии ее счетов. На прошлой неделе никаких операций ни с основным счетом, ни с кредитной картой не совершали, что означало одно: преступник напал на девушку вовсе не с целью поживиться содержимым ее сумки. По мобильному телефону она последний раз говорила в половине третьего ночи 25 декабря.

В компании сотовой связи удалось выяснить кое-что полезное. В окрестностях Брайтона и Хоува расположены многочисленные вышки — базовые станции сотовой связи. Каждые пятнадцать минут сотовый телефон, даже если он находится в режиме ожидания, посылает

сигнал к ближайшей вышке. Совсем как самолет, который регулярно передает свои координаты диспетчеру.

Хотя с телефона Рейчел Райан после половины третьего больше не звонили, он еще три дня оставался включенным. Потом, видимо, просто сел аккумулятор. Судя по сигналам, которые поступали на базовую станцию, вскоре после последнего звонка телефон Рейчел переместился на две мили к востоку от ее дома. Скорее всего, саму девушку или ее телефон перевозили в машине, потому что пешком преодолеть две мили за пять минут сложновато.

Сигналы поступали с нового места всю ночь, до десяти утра Рождества. Потом сместились примерно на четыре мили к западу, в район Хоува. И снова скорость перемещения указывала на то, что девушку или ее телефон перевозили в машине. Последний сигнал поступил в субботу, в одиннадцать вечера.

На большой карте, висящей на стене в штабе, Грейс обвел красным кружком участок, который охватывала вышка сотовой связи. Участок включал в себя почти весь Хоув, а также значительную часть Брайтона, Саусуика и Портслейда. В этих границах живет около ста двадцати тысяч человек — такое количество физически невозможно опросить.

Кроме того, ни в чем нельзя было быть уверенным. Рейчел могла находиться совсем не в том месте, где лежал ее телефон. Сигнал служил лишь указателем на то, где она теоретически могла быть, но не более того. Грейс решил на всякий случай проверить записи камер видеонаблюдения, развешенных в границах нужного ему участка. Правда, такие камеры были установлены лишь на главных магистралях, да и запись велась не везде.

Компьютера у Рейчел не было; в компании «Америкэн экспресс», где она работала, им тоже не смогли сообщить ничего существенного.

Тингли положил трубку и подчеркнул фамилию, выписанную пару минут назад.

— Ерунда! — воскликнул он. — Только зря время потерял. — Он повернулся к Рою: — Хорошо встретил Новый год, приятель?

— Да, нормально. Ходили в «Донателло» с Диком и Лесли Поуп. А ты?

— Ездил со своей старушкой в Лондон. На Трафальгарскую площадь. Было здорово, пока дождь не заморосил. — Тингли хмыкнул. — Ну и что ты думаешь? По-твоему, она еще жива?

— Не нравится мне это. — Грейс покачал головой. — Она домоседка. Переживает из-за разрыва с женихом. — Он снова посмотрел на коллегу и пожал плечами. — Не перестаю думать об этом.

Чуть раньше Грейс провел целый час в кабинете доктора Джулиуса Праудфута, психоаналитика, специалиста по отклонениям в поведении. Праудфута привлекли к участию в операции «Гудини». Психоаналитик считал, что исчезновение Рейчел Райан не связано с Туфельщиком. Грейс не понял, почему заносчивый мозгоправ пришел к такому выводу, ведь улик по делу почти не было.

— Праудфут считает, что на почерк Туфельщика в нашем случае не похоже. По его словам, Туфельщик насилует женщин, а потом бросает их. Целых пять раз подряд он действовал одинаково. Вряд ли в шестом эпизоде он вдруг решил изменить себе и удержать жертву.

— А я с этим не согласен, — возразил Джейсон Тингли. — Он нападает на женщин в разных местах, так? Первую попытался изнасиловать в темном переулке. Вторую изнасиловал в номере отеля. Третью — в ее собственном доме. Четвертую — у пирса. Пятую — на многоэтажной автостоянке. Умно действует! Мы пока не можем предугадать его следующий шаг.

Грейс просмотрел свои записи и задумался. У всех жертв Туфельщика есть нечто общее, так сказать общий знаменатель. Все они обожают красивую и модную обувь. Все они

незадолго до нападения купили себе в брайтонских магазинах (не одном, а разных) дорогие туфли. Допрос продавцов обувных магазинов пока не дал ничего существенного.

Рейчел Райан тоже купила новые туфли. За три дня до Рождества. Для девушки с ее доходами туфли дорогие — сто семьдесят фунтов. В ту ночь, когда она пропала, туфли были на ней.

— Бессмыслица какая-то, — сказал он. — Обычно она звонит родителям каждый день, подолгу разговаривает с ними. А тут восемь дней молчания! Да еще в такое время — Рождество, Новый год. Чтобы она не позвонила родителям и не поздравила их с праздниками? Нет, с ней точно что-то случилось.

Тингли кивнул.

— Инопланетяне похитили?

Грейс снова посмотрел в свои записи:

— Туфельщик каждый раз нападает на женщин в разных местах, но насилует всех одинаково. И что еще важнее, он их не убивает. Ему не нужно их убивать. К тому времени, как он их оставляет, они уже душевно мертвы…

Рейчел, ты тоже стала жертвой Туфельщика?

Наши дни

37

9 января, пятница

В штаб-квартире уголовной полиции Суссекса имелось два зала, которые отводились под координационные центры для руководства крупными операциями или оперативные штабы — ОШ. Больший из двух залов излучал атмосферу, всегда придававшую Рою Грейсу сил.

Сторонний наблюдатель не заметил бы в просторном зале, расположенном рядом с отделом особо тяжких преступлений, ничего особенного. Стены, выкрашенные в кремовый цвет, практичный серый ковролин на полу, красные стулья, современные деревянные рабочие столы, шкафчики для документов, кулер с водой… На стенах — большие белые доски, на которых пишут фломастерами. Окна, высоко расположенные, всегда закрыты жалюзи, как будто для того, чтобы те, кто находится в зале, не отвлекались от работы ни на миг.

Но для Роя Грейса ОШ-1 был не просто залом. Здесь находился мозговой центр операции. Он уже много раз координировал отсюда действия своих подчиненных. Здешняя обстановка стала для старшего суперинтендента Грейса почти священной. Благодаря усилиям людей, собиравшихся в этом зале, в Суссексе за последние десять лет были раскрыты многие злодеяния, а преступники, совершившие их, посажены за решетку.

В любом другом помещении, например в офисе какой-нибудь торговой фирмы, красные, синие и зеленые линии на белых досках означали бы объемы продаж и диаграммы освоения рынков сбыта. Здесь же на досках отмечали время совершения преступлений, составляли родословные древа жертв и подозреваемых, а также вывешивали снимки и другие важные сведения. Если удавалось более-менее быстро получить фоторобот преступника, его тоже вешали на доску.

В оперативном штабе все подчинялось общей цели. Для особых следственных групп отменялись выходные и отпуска. Люди трудились круглые сутки, понимая, что время работает против них. Утром и вечером проводили краткие инструктажи или оперативки; в основном же в ОШ почти не болтали на посторонние темы и не выясняли отношений друг с другом.

Единственной вольностью стал плакат на двери с изображением толстенькой синей рыбки из мультика «В поисках Немо». Плакат прикрепил Гленн Брэнсон. У них, в уголовном розыске, сложилась традиция: подбирать шуточный образ для каждой операции. Глядя на веселые плакаты или карикатуры, сотрудники хоть немного отвлекались от тех ужасов, которыми им приходилось заниматься. Брэнсон, известный любитель кино, придумал такое воплощение для последней операции, получившей название «Меч-рыба».

Подобных оперативных штабов в уголовной полиции было еще три — в разных частях Суссекса. Все они занимали похожие помещения. Самый современный появился совсем недавно в Истборне. Зато ОШ в Суссекс-Хаус был привычнее и удобнее для Роя Грейса. Мало того что сюда ближе ехать от дома, два преступления, которыми он сейчас занимался, были совершены неподалеку в радиусе нескольких миль друг от друга.

Грейс давно заметил, что многое в его жизни подчиняется некоему шаблону или повторяется по определенной схеме. Так, в последнее время ему «везет» на преступления, которые совершились — или о которых сообщили — в пятницу. Как будто кто-то вознамерился лишать законных выходных его и его подчиненных!

Завтра вечером они с Клио собирались пойти в гости к ее лучшей подруге; как призналась ему Клио с милой улыбкой, ей не терпелось похвастаться любимым мужчиной. Да и сам Грейс с нетерпением ждал случая получше узнать о жизни женщины, в которую он так сильно влюблен, но о которой ему по-прежнему почти ничего не известно… Теперь ни о каких гостях не может быть и речи.

Ему очень повезло с Клио. В отличие от Сэнди, которая так и не смирилась с его ненормируемым рабочим днем, сама Клио часто работала семь дней в неделю по двадцать четыре часа в сутки. В любой миг ее могли выдернуть из дома на вскрытие. Причем трупы находились на разной стадии разложения. В общем, Клио отлично понимала Грейса, хотя не всегда мирилась с его отлучками.

Когда следствие по делу начинается, все остальное немедленно отходит на второй план. Первые сутки после совершения преступления самые решающие. Нужно огородить место преступления, чтобы сохранить улики, насколько это возможно. Сразу после злодеяния преступник пребывает в состоянии наивысшей тревоги, так сказать в красном тумане. В таком состоянии он склонен действовать импульсивно — например, гнать с превышением скорости и так далее. Возможно, в первые сутки удастся найти свидетелей, которые сохранили в памяти важные события. Часто таких свидетелей помогают найти местные средства массовой информации. Кроме того, необходимо просмотреть записи, сделанные камерами наблюдения, — возможно, они зафиксировали что-то важное.

Грейс просмотрел данные, введенные с компьютера его помощником. Распечатка лежала на столе, рядом с еще чистым протоколом.

— «Сегодня 9 января, пятница, 18.30, — прочитал он вслух. — Первый инструктаж по операции „Меч-рыба“».

Компьютер полиции Суссекса выбирает названия для операций в произвольном порядке. Чаще всего название не имеет к сути дела никакого отношения. А вот сейчас неожиданно подошло. Рыбы — скользкие твари! Грейс вздохнул.

Он радовался, что удалось задействовать в операции почти всех тех, кого он хорошо знал и кому доверял. Он окинул взглядом зал. Знакомые лица! Констебль Ник Николл, бледный, невыспавшийся — у него недавно родился ребенок. Констебль Эмма Джейн Бутвуд. Проворная, энергичная сержант Белла Мой, перед которой, как всегда, стоит открытая коробка шоколадного драже «Молтизерз». Сержант Норман Поттинг — старый задира. И сержант Гленн Брэнсон, напарник и протеже Грейса. Нет, правда, сержанта Гая Батчелора — он в отпуске. Зато есть констебль Майкл Форман. Один раз Грейс работал с ним; Форман оставил по себе хорошее впечатление. Форман худощавый, спокойный, уверенный; черные

волосы он зачесывает назад. Он как будто излучает естественную властность, отчего свидетели и потерпевшие всегда обращаются именно к нему, даже если не он руководит следственной группой. В прошлом году Форман временно исполнял обязанности сержанта и заменял начальника регионального разведуправления. Сейчас он вернулся в уголовный розыск Суссекса — пока в прежнем чине. Впрочем, Грейс не сомневался: скоро Форман станет полноправным сержантом. А потом инспектором… и так далее. Он непременно продвинется по службе.

Кроме того, на инструктаже присутствовали аналитик системы ХОЛМС Джон Блэк, тихий седовласый человек, который внешне напоминал ничем не примечательного бухгалтера, и констебль Дон Тротмен из Координационного центра. Тротмен обязан обеспечивать взаимодействие группы с другими правоохранительными ведомствами. В том числе он должен проверить, нет ли среди недавно выпущенных на свободу таких, чей почерк сходен с почерком двух последних преступлений.

Аналитик Эллен Зоратти — новичок в их группе. Ей предстоит тесно сотрудничать с уголовной полицией Брайтона и Хоува и аналитиком системы ХОЛМС, сверяться с центральной базой преступников и аналитическим отделом, а также выполнять распоряжения Роя Грейса.

Сью Флит — тоже новенькая. Рыжеволосой хорошенькой Сью тридцать два года; она служит в недавно переформированном управлении по связям с общественностью. Ее перевели сюда из брайтонского участка на Джон-стрит, где все ее очень любили. Она заменила прежнего пресс-секретаря Дэнниса Пондса, бывшего журналиста, которому нелегко было ладить со многими кадровыми сотрудниками полиции, в том числе и с самим Роем Грейсом.

Грейс хотел, чтобы Сью Флит наладила связи со СМИ. Важно рассчитывать на доверие граждан и предупреждать женщин Брайтона и Хоува о возможной новой угрозе. С другой стороны, нельзя сеять панику в городе. В общем, Сью предстояло выполнить сложную и деликатную миссию.

— Прежде чем я начну, — сказал Грейс, — хочу напомнить кое-какие цифры. Суссекс много лет славится хорошей раскрываемостью. Так, в последние десять лет раскрывается девяносто восемь процентов убийств. Но по изнасилованиям мы отстаем от средних данных по стране. Если в среднем в Великобритании раскрываемость изнасилований составляет четыре процента, то в Суссексе — всего два. Так дальше продолжаться не может!

— По-твоему, это мы виноваты? Плохо работаем, что ли? — спросил Норман Поттинг.

Грейс покачал головой. Поттинг неисправим! Упорно носит старые твидовые пиджаки, от которых несет трубочным табаком. По мнению Грейса, в своих пиджаках Поттинг больше походил на старого школьного учителя географии, чем на сыщика.

— А может, сами жертвы не идут нам навстречу, потому что вовсе не хотят, чтобы насильника нашли?

— Норман, ты что? Как это — не хотят? Опомнись! Сейчас не прежние времена, когда во всем обвиняли самих несчастных женщин. Раньше и многие полицейские считали, что изнасилованные сами виноваты — спровоцировали преступника.

Поттинг пробурчал что-то неразборчивое.

— Ты что, с ума сошел? — напустилась на него Белла Мой — она никогда особо не жаловала Поттинга. — Рассуждаешь прямо как неандерталец какой-то!

Сержант вызывающе передернул плечами и забормотал себе под нос, как будто громче говорить стеснялся:

— Да ладно, многие жертвы сами признаются, что чувствуют себя виноватыми! В голову невольно лезут разные мысли…

— Какие еще мысли? — наступала Белла.

Грейс посмотрел на Поттинга в упор. Он не верил собственным ушам. От злости ему захотелось сразу же выкинуть Поттинга из следственной группы. Он уже начал думать, что ошибся, поручив бестактному старому служаке расследование такого щекотливого дела. Норман Поттинг считался крепким профессионалом. К сожалению, профессионализм не сочетался с некоторыми неприятными чертами его характера. Одно из главных достоинств хорошего сыщика — эмоциональный интеллект. Данный показатель у Поттинга, если измерять его по стобалльной шкале, близок к нулю. Да, иногда Поттинг способен на прорыв, особенно ему удаются допросы свидетелей. Иногда…

— Норман, ты хочешь и дальше оставаться в группе? — спросил его Грейс.

— Да, шеф, хочу. Мне кажется, я сумею внести свой вклад.

— В самом деле? — Грейс продолжал смотреть на Поттинга в упор. — Тогда давай кое-что проясним с самого начала. — Он обвел взглядом собравшихся. — Насильников я ненавижу так же, как убийц. Насильники ломают своим жертвам жизнь. Будь то совершенно посторонний человек, сожитель или знакомый, которому жертва доверяла. И для меня нет разницы, кого изнасиловали — мужчину или женщину. Ясно? Сейчас какой-то маньяк нападает на женщин, что более привычно.

Он посмотрел Норману Поттингу в глаза и продолжал:

— Жертва изнасилования похожа на жертву серьезной автокатастрофы, которая становится инвалидом на всю жизнь. Представьте себе: женщина строит планы на день или на ночь, она находится в зоне комфорта. А в следующий миг все рушится, ее жизнь разбита навсегда. Много лет ей предстоит ходить к психотерапевтам, бояться, просыпаться от страшных снов и никому не верить. И как бы умело потом ни помогали жертве, она уже никогда не будет такой, как прежде. Она больше не способна на то, что мы называем «нормальной жизнью». Норман, ты меня понимаешь? Многие жертвы изнасилования намеренно причиняют себе увечья. Например, моют влагалище ершиком с хлоркой, потому что им очень хочется отчиститься, отмыться от того, что с ними случилось. А некоторым приходится еще хуже… Ты понимаешь? — Грейс огляделся по сторонам. — Вы все понимаете?

— Да, шеф, — протянул Поттинг. — Извините за бестактность. Я не хотел.

— Интересно, какой смысл вкладывает в понятие «бестактность» человек, который четыре раза разводился, — прошептала Белла Мой, доставая из коробки очередную конфету.

— Спасибо, Белла, — остановил ее Грейс. — По-моему, Норман понял, что я имею в виду.

Поттинг уставился в свой блокнот; лицо у него сделалось свекольного цвета. Он приниженно кивнул.

Грейс снова заглянул в распечатку:

— В деле есть еще один деликатный момент. На том же званом вечере в «Метрополе», после которого изнасиловали Николу Тейлор, присутствовали главный констебль, заместитель главного констебля и два из четырех помощников главного констебля.

Все затихли.

— Значит, все они автоматически становятся подозреваемыми? — спросил констебль Майкл Форман.

— Все, кто был в отеле, потенциальные подозреваемые, но на данном этапе я предпочитаю называть их по-другому. Они — важные свидетели, которых необходимо отстранить от следствия, — ответил Грейс. — Их придется допросить так же, как и всех остальных. Добровольцы есть?

Никто не поднял руку.

Грейс широко улыбнулся:

— Тогда я сам выберу одного из вас. У кого-то появится отличная возможность засветиться для повышения или, наоборот, поставить крест на своей карьере.

На лицах подчиненных появились натянутые улыбки.

— Предлагаю поручить допрос важных свидетелей нашему самому тактичному сотруднику Норману Поттингу, — сказала Белла Мой.

Кто-то засмеялся.

— Я с удовольствием, — ответил Поттинг.

Грейс решил про себя: Поттинг — последний, кому он поручил бы эту задачу. Он что-то черкнул в своем блокноте и перечитал предыдущие записи.

— За восемь дней неизвестный изнасиловал двух женщин. Почерк достаточно схожий, поэтому можно предположить, что оба преступления совершены одним и тем же лицом, — продолжал он. — Сначала наш Казанова заставил обеих жертв совершать сексуальные действия с собственными туфлями, затем засовывал им в задний проход каблук туфли и только потом изнасиловал их самолично. Судя по тому, что нам удалось установить, — а вторая жертва пока почти ничего нам не сообщила, — у насильника проблемы с эрекцией. Возможно, у него проспермия, а может, он вообще несостоятелен как мужчина. Есть одно отличие нашего Казановы от Туфельщика, который орудовал в девяносто седьмом году. Туфельщик забирал у жертвы только одну туфлю и трусики. Сейчас же у Николы Тейлор он украл всю одежду, в том числе туфли. У Рокси Пирс он унес только туфли.

Он снова склонился к распечатке. Кое-кто из подчиненных записывал.

— Судя по всему, преступник в курсе достижений современной криминалистики. Обе жертвы показали, что на нем была черная маска, полностью скрывающая лицо. Кроме того, он надевает перчатки и пользуется презервативом. Он либо сбривает все волосы на теле, либо безволос от природы. По словам мисс Тейлор, роста он среднего или невысокого, худощавый, щуплый… Выговор нейтральный.

Поттинг поднял руку. Грейс кивнул.

— Шеф, мы ведь вместе работали в девяносто седьмом, когда пропала девушка. Ее так и не обнаружили. Тогда тоже нашли что-то общее с почерком Туфельщика. Хотели даже объединить операцию «Закат» с «Гудини». По-твоему, сейчас то же самое?

— Если не считать расхождений с трофеями, почерк в двух последних эпизодах очень похож на почерк Туфельщика. Кстати, поэтому я и привлек к операции Эллен. — Грейс кивнул в сторону женщины-аналитика.

Управление уголовной полиции Суссекса наняло на работу сорок аналитиков: тридцать восемь женщин и двоих мужчин. Почти все они в прошлом преподавали или занимались чистой наукой. Мужчины-аналитики встречаются так редко, что их в шутку называют «мужелитиками». Двадцативосьмилетняя Эллен Зоратти считалась одной из самых перспективных сотрудниц. Умная, красивая, она одевалась броско и элегантно. Вот и сегодня пришла на инструктаж в ослепительно-белой блузке, черной юбке и черно-белых полосатых легинсах. В ответ на слова Грейса она тряхнула черными волосами, постриженными очень модно — в геометрическом стиле.

Эллен предстояло работать посменно, сутками, с другой женщиной-аналитиком; возможно, именно она совершит прорыв. Два аналитика составят профили обеих жертв, снабдят следственную группу сведениями об их семьях, образе жизни, друзьях. Они изучат прошлое жертв так же подробно, как если бы те были преступницами.

Дополнительную и, возможно, тоже важнейшую информацию предоставит компьютерный центр, который находится на втором этаже Суссекс-Хаус. Там уже начали анализировать содержимое мобильных телефонов и компьютеров обеих жертв. Сотрудники

центра свяжутся с компаниями сотовой связи и затребуют распечатки всех входящих и исходящих звонков Николы Тейлор и Рокси Пирс. Перечитают электронную почту и интернет-форумы. Проанализируют их адресные книги. Зайдут на сайты, которые посещали жертвы. Особое внимание уделят социальным сетям. Скоро следственная группа будет в курсе всех тайн обеих женщин.

Вдобавок в компьютерном центре разработали специальную программу, способную регистрироваться на форумах любителей обуви и фетишистов. Очень важно проанализировать завсегдатаев таких сайтов. Возможно, удастся обнаружить среди них людей с особенно неустойчивой психикой.

— Эллен, как по-вашему, с кем мы сейчас имеем дело? — спросил ее Майкл Форман. — Кто охотится на женщин — подражатель или тот же самый маньяк, что орудовал в девяносто седьмом?

— Я начала сравнительный анализ, — ответила Эллен Зоратти. — В ходе операции «Гудини» от прессы и общественности намеренно скрыли важную информацию: почерк преступника. Пока рано утверждать что-либо определенное, но, судя по тому, что мне удалось установить… повторяю, сейчас еще рано судить наверняка… по-моему, преступник тот же самый.

— Почему в девяносто седьмом Туфельщик вдруг прекратил нападать на женщин? — спросила Эмма Джейн Бутвуд.

Ей ответил Грейс:

— В ходе операции «Гудини» удалось установить только одно: Туфельщик прекратил нападать на женщин примерно в то же время, когда пропала Рейчел Райан. Не исключено, что Рейчел стала его шестой жертвой. Ее исчезновение расследовал я; дело так и осталось нераскрытым. У нас нет ни доказательств, ни даже улик, указывающих на то, что она стала жертвой преступления, но она вполне подходит под описание типичной жертвы Туфельщика.

— Какое? — спросил Майкл Форман.

— Примерно за неделю до своего исчезновения Рейчел Райан купила в брайтонском магазине дорогие туфли. Все жертвы Туфельщика незадолго до того, как он на них нападал, покупали себе новые дорогие туфли. В ходе операции «Гудини» мы опрашивали покупателей и продавцов в обувных бутиках Брайтона и Хоува. Но никаких зацепок не получили.

— Тогда уже были камеры видеонаблюдения? — спросила Белла Мой.

— Да, — кивнул Грейс. — Но качество записи оставалось неважным. И потом, тогда камеры еще не были объединены в общую сеть, как сейчас.

— Какие же есть предположения? Почему Туфельщик вдруг залег на дно? — спросил Майкл Форман.

— Мы не знаем. Эксперт по составлению профиля преступника, доктор Праудфут, считает, что Туфельщик мог переехать в другой район или за границу. А может, он сел в тюрьму за какое-то более мелкое правонарушение. Или умер… Кроме того, он мог найти себе постоянную спутницу жизни, которая удовлетворяла бы его потребности.

— Если тогда и сейчас действует один и тот же маньяк, почему он затих на целых двенадцать лет, а потом опять взялся за старое? — спросила Белла Мой. — К тому же и почерк у него слегка изменился.

— Праудфут не придает особого значения разнице в почерке между девяносто седьмым годом и нашими днями. Гораздо более важным он считает сходные черты. По его мнению, Туфельщик мог снова взяться за старое по нескольким причинам. Например, решил, что прошло достаточно времени, и просто вернулся в наши края. А может быть, спутница, которая удовлетворяла его все двенадцать лет, умерла, бросила его и так далее. Или закончился его тюремный срок, и он вышел на свободу.

— За мелкие преступления на двенадцать лет не сажают, — заметил Гленн Брэнсон.

— Это легко установить, — ответил Грейс, поворачиваясь к Эллен Зоратти. — Эллен, есть ли в других регионах страны случаи изнасилования с похожим почерком? Или преступники, отсидевшие двенадцать лет и недавно вышедшие на свободу?

— На Туфельщика не похож никто, кроме одного типа из Лестера по имени Джеймс Ллойд. Он насиловал женщин, а потом забирал их туфли. Его осудили пожизненно. Я проверила все эпизоды с его участием и все его передвижения и вычеркнула его из списка подозреваемых. Совершенно точно установлено: в то время, когда Туфельщик совершал преступления в Брайтоне, Ллойд находился в Лестере. Сейчас он в тюрьме — мне прислали официальное подтверждение. — Эллен посмотрела в свой блокнот. — Я составила список всех, кто совершал преступления на сексуальной почве, сел в тюрьму не ранее января 1998 года и был выпущен на свободу незадолго до последнего Нового года.

— Спасибо, Эллен, вы нам очень помогли, — сказал Грейс и обратился к остальным собравшимся: — Установлено, что многие сексуальные маньяки начинают с менее тяжких преступлений. Они появляются в общественных местах в непристойном виде, ведут непристойные разговоры, прижимаются к женщинам в переполненном автобусе, мастурбируют на публике. В общем, все в таком роде. Вполне возможно, что тот, кого мы ищем, в достаточно юном возрасте привлекался к ответственности за мелкие правонарушения вроде тех, о которых я говорил. Эллен пробьет такие случаи по базам — как местной, так и центральной. Нас интересует период до первых эпизодов с участием Туфельщика в девяносто седьмом году и, если можно так выразиться, во время затишья. Возможно, кого-то оштрафовали за кражу дамских туфель или совершение непристойных действий с участием обуви. Кроме того, необходимо опросить всех проституток и владельцев борделей о клиентах, которые проявляют нездоровый интерес к ногам и обуви. О клиентах-фетишистах.

Грейс обратился к Гленну Брэнсону:

— Сержанту Брэнсону я поручил пересмотреть давнишний профиль Туфельщика, составленный доктором Праудфутом. Что ты можешь нам сообщить, Гленн?

— Интересное чтиво, просто дух захватывает! — Гленн взял со стола увесистую папку. — Двести восемьдесят две страницы поведенческого анализа! Я успел лишь пролистать отчет, потому что шеф поручил мне изучать его только сегодня утром, но уже обнаружил кое-что очень интересное. Пять известных нам эпизодов напрямую связаны с Туфельщиком, но доктор Праудфут считает, что эпизодов было гораздо больше, просто жертвы не обращались в полицию. — Брэнсон помолчал. — Вот что в самом деле любопытно: в девяносто седьмом году, в первый раз, о котором нам известно, Туфельщик изнасиловал женщину в Гранд-отеле, после вечеринки по случаю Хеллоуина. Он хитростью заманил жертву в номер. Вам это ничего не напоминает?

Все затихли. Гранд-отель буквально в двух шагах от «Метрополя»!

— И более того, — продолжал Брэнсон. — Номер в Гранде был снят на имя женщины — некоей Марши Моррис. Она заплатила наличными, и найти ее так и не удалось.

Грейс потрясенно молчал. Переваривал услышанное. Номер в «Метрополе», в котором нашли изнасилованную Николу Тейлор в канун Нового года, был, по словам управляющего, снят на имя женщины. Ее тоже звали Марша Моррис! Она заплатила наличными. Адрес, который она дала при регистрации, оказался ложным…

— Кто-то сейчас здорово потешается над нами, — сказал Ник Николл.

— И что все это значит? — осведомилась Эмма Джейн Бутвуд. — Сейчас орудует тот же самый тип или подражатель с извращенным чувством юмора?

— Эти сведения получили огласку? — спросил Майкл Форман.

Грейс покачал головой:

— Нет. Про Маршу Моррис не известно никому.

— Даже «Аргусу»?

— Особенно «Аргусу». — Грейс кивнул Брэнсону, чтобы тот продолжал.

— Дальше еще интереснее, — заявил сержант. — Вторую жертву изнасиловали у нее дома, на Хоув-Парк-роуд, ровно через две недели после первого эпизода.

— Богатенький квартал, — заметил Майкл Форман.

— Очень, — кивнул Грейс.

Брэнсон продолжал:

— Когда она приехала домой, сигнализация была включена. Она отключила ее, поднялась к себе в спальню, и тут на нее набросился насильник — выскочил из платяного шкафа.

— Совсем как с Рокси Пирс вчера ночью, — сказал Грейс. — Судя по тому, что нам пока известно.

Все долго молчали.

После паузы Брэнсон продолжил:

— Третью жертву Туфельщик изнасиловал на набережной, рядом с Дворцовым пирсом. Четвертую — на автостоянке на Черчилл-сквер. На пятую, и последнюю, — если предположения шефа правильны — он напал, когда та шла домой в канун Рождества после совместной пьянки с подругами.

Белла Мой подняла руку:

— Значит, Гленн, ты считаешь, что в течение недели нам нужно обращать особое внимание на автостоянки?

— Не торопись, Белла, — сказал Грейс. — Мы не позволим ему так далеко зайти!

Его улыбка излучала уверенность. Правда, в глубине души он такой уверенности не испытывал.

1998

38

6 января, вторник

— Эта штука работает? — спросил он.

— Ну да, конечно, работает. Иначе я бы не стал ее продавать! — Владелец магазина подержанных вещей на Льюис-роуд так глянул на мозгляка в коричневой спецовке, словно тот оскорбил его в лучших чувствах. — У меня здесь все работает, приятель, понял? Если хочешь барахло, могу направить тебя в другую точку, совсем рядом. А я торгую только качественным товаром. У меня все работает.

— Да уж, лучше пусть работает. — Он посмотрел на белый настольный морозильник, втиснутый между перевернутыми столами, офисными стульями на колесиках и перевернутыми вверх дном диванами на задах громадного магазина подержанной мебели.

— Если не будет работать, верну деньги, с гарантией, понял? В течение трех дней верну деньги без вопросов.

— Значит, хотите за него пятьдесят фунтов?

— Угу.

— А оптовая цена какая?

— У меня здесь все по оптовой цене.

— Я дам вам сорок.

— Наличными?

— Угу.

— И самовывоз? За такую цену я доставку не делаю.

— Вынести поможете?

— Да.

— Тогда поживее. А то я машину не на место поставил, а инспектор уже близко…

Через пять минут он запрыгнул в кабину «форда-транзита», опередив на несколько секунд инспектора дорожной полиции, завел мотор, съехал с тротуара и пересек две сплошные. Раздался громкий лязг — его новое приобретение, съехав с дерюжной подстилки, ударилось о металлический борт. Через несколько секунд морозильник заскользил по полу и врезался в перегородку кабины. Он ударил по тормозам, вписываясь в плотный поток машин на перекрестке с круговым движением.

«Форд-транзит» прополз мимо супермаркета «Сейнзбериз», повернул налево на перекрестке, проехал под виадуком и дальше покатил прямо, в сторону Хоува, к запертому гаражу, в котором его ждала молодая женщина.

Молодая женщина, чье лицо смотрело на него с первой полосы «Аргуса», из каждого газетного киоска. Крупные буквы вопрошали: «Вы ее видели?» А дальше шло ее имя. Рейчел Райан.

Он кивнул про себя. *Да. Ага. Я ее видел!*

Я знаю, где она!

Она ждет меня!

39

Туфли — ваше оружие, дамочки! С их помощью вы так или иначе мучаете мужчин, причиняете им боль… да?

Так вот что я вам скажу. Мучительна не только физическая боль. Да, если ударить каблуком, потом будут синяки и ссадины. Это очень больно. Но меня терзают и звуки, которые издают ваши туфельки. Цок-цок-цок каблучками по голым половицам, по мощеным улицам, по плитке, по кирпичным дорожкам…

Ты надеваешь дорогие туфли. Это значит, ты куда-то идешь — а меня бросаешь. Я слушаю, как цоканье постепенно стихает вдали. Вот последний звук, который я от тебя слышу. И первый, который говорит о том, что ты возвращаешься. Через много часов. Иногда проходит целый день. Ты не говоришь, где ты была. Только смеешься надо мной, презрительно улыбаешься.

Однажды ты вернулась, а я был расстроен, и ты подошла ко мне. Я думал, ты хочешь меня поцеловать. Но ты не поцеловала — помнишь? Ты наступила своей шпилькой мне на босую ступню. Ввинтила каблук до самого пола.

Наши дни

40

10 января, суббота

Он уже забыл, до чего это здорово. И как затягивает! Он решил: всего один разок, в память о добрых старых временах. Но один разок тут же заставил его желать другого раза. И сейчас он снова собирался сделать то же самое.

О да!

Зимой почти всегда можно носить пальто и шарф, прятать свой кадык, безбоязненно семенить по улицам, притворяясь элегантной дамочкой среднего возраста. Свой гардероб он подобрал тщательно, со вкусом: платье «Карен Миллен», верблюжье пальто «Прада», шаль «Корнелия Джеймс», большая яркая сумка через плечо и облегающие черные кожаные перчатки на руках! Но больше всего ему нравилось, как смотрятся на ногах сапожки с эффектом мокрой кожи. Да! Ему сегодня о-о-о-чень хорошо! Он бодр и возбужден!

Он не спеша семенил по центральным улочкам Брайтона под моросящим дождиком. Закутанный, закрытый от дождя и холодного ветра и… да, о-о-о-о-чень сексуальный! Он то и дело искоса любовался своим отражением в витринах магазинов. Навстречу попались двое мужчин среднего возраста; один, поравнявшись, смерил его одобрительным взглядом. Он лукаво улыбнулся в ответ, покачивая бедрами и пробиваясь в плотной толпе народу. До чего узкие тротуары! Прошел мимо современного ювелирного магазина, потом мимо антикварного магазина, где, как говорили, скупают краденое…

Дальше он прошел мимо паба «Голова друида», бывшей насосной станции, «Английского ресторана», перешел Ист-стрит и повернул направо, в сторону автовокзала и набережной. Не доходя до ресторана, в котором раньше был кинотеатр «Эй-би-си», он повернул налево и оказался снаружи от места своего назначения.

У обувного магазина «Последний писк».

Здесь продавали только дорогую обувь от лучших дизайнеров. В этом магазине собрали самые его любимые марки: «Эсска», «Томас Мерфи», «Хетти Роуз». Он смотрел в витрину «Последнего писка». Любовался красивыми, хрупкими туфельками «Эми Кимоно» в японском стиле. На лаковые туфли с серебристыми каблуками из коллекции Томаса Мерфи «Дженезис». На коричневые замшевые туфли «Эсска-Лупс».

Полы в «Последнем писке» деревянные, для покупателей приготовлен диван в цветочек и высокие табуреты. С крючков свисают сумки. Сейчас в зале всего одна покупательница. Элегантная, красивая блондинка чуть за сорок, с длинными распущенными волосами, в сапожках «Фенди» из змеиной кожи. Размер у нее тридцать семь с половиной — английский пятый. На плече висит сумка в тон — тоже «Фенди». Разодета в пух и прах — прямо сногсшибательно!

На ней длинное черное пальто с высоким воротом-стойкой; на плечах белая пуховая шаль. У нее красивый вздернутый носик. Розовые губки. Перчаток нет. Он отметил, что на пальце у нее обручальное кольцо и еще один перстень с большим камнем — подаренный, очевидно, на помолвку. Возможно, она замужем, а может, уже развелась. Сейчас все возможно. Издали трудно сказать. Но одно он знал точно.

Она в его вкусе. Да!

Блондинка вертела в руках туфлю из последней коллекции Трейси Нулс. Странная фантазия! Туфли из белой кожи в дырочку со светло-коричневой отделкой… Такие могла носить в офисе Дженет Ли до того, как украла деньги в первом «Психозе». И они его совсем не заводят. Старомодные какие-то… Их могла бы надеть победительница конкурса «Мисс Америка» среди учениц частных школ. Он взмолился про себя: «Не покупай их! Не надо!»

В магазине столько туфель и сапожек и все гораздо лучше. Он успел осмотреть все, сравнил форму, изгибы, ремешки, швы, каблуки. Представил себе блондинку голой, в одних только туфлях… Она делает с туфлями все, что он ей велит.

Не покупай эту мерзость!

Умница, она поставила туфлю на место. Потом развернулась и вышла на улицу.

Когда она прошла мимо, он почувствовал аромат духов «Армани Код». Ее окружал густой шлейф, словно собственный озоновый слой. Вот блондинка остановилась, вынула из

сумки маленький черный зонтик, подняла над головой и, нажав кнопку, раскрыла. Классная дамочка. Уверенная в себе. Да, она определенно в его вкусе. И держит зонтик над головой, как гид, только для него, чтобы ему легче было разглядеть ее в толпе!

О да, она в моем вкусе!

Какая она заботливая!

Он пошел за ней; блондинка широким шагом двигалась вперед. В ее походке было что-то хищное. Она охотится за туфлями! Даже и говорить не о чем. Вот и славно.

Он тоже охотится!

Блондинка остановилась на Ист-стрит, посмотрела в витрину магазина «Рассел и Бромли». Потом, перейдя улицу, подошла к витрине «Л.К. Беннет».

Вдруг его что-то сильно ударило. Рядом громко выругались. Оглушенный, он упал на мокрый тротуар. Лицо обожгло острой болью, как будто его разом ужалила сотня пчел. Мимо прокатился бумажный стакан из «Старбакса», из которого выплескивалась коричневая жидкость. Голове стало холодно; он с ужасом понял, что парик съехал набекрень.

Он схватил его и кое-как нахлобучил на голову, на минуту забыв о том, как странно выглядит со стороны. Выпрямившись, увидел, что на него в упор смотрит бритоголовый, татуированный здоровяк — настоящий человек-гора.

— Куда прешь, пидор? Ослеп, что ли?

— Да пошел ты! — завопил он, совершенно забыв на миг, что нужно говорить тонким голоском, с трудом встал на ноги, одной рукой придерживая свой светлый парик, и заковылял дальше. В ноздри лез назойливый запах кофе; горячая жидкость текла по шее — неприятное ощущение.

— Гомосек долбаный, так тебя и растак! — не унимался человек-гора. Пришлось перейти на бег. Он обогнал группу японских туристов. Главное — не упустить блондинку! Но та, высоко подняв над головой зонтик, уверенно шагала впереди. К его удивлению, она не зашла в «Л.К. Беннет», а направилась дальше, в переулочки Старого города, в Лейнз.

На перекрестке блондинка повернула налево, и он последовал за ней. Снова прошел мимо паба, потом мимо ювелирного магазина. На ходу достал из сумочки бумажный носовой платок, кое-как обтер обожженное лицо. Только бы тушь не потекла!

Блондинка перешла оживленную Шип-стрит и повернула направо, потом сразу налево, на Дьюк-стрит, улицу с пешеходным движением, где находились дорогие магазины одежды.

Вот умница!

Она зашла в «Профиль», первый магазин на правой стороне.

Он посмотрел в витрину. Но разглядывал он не ряды туфель и сапожек, а собственное отражение. Постарался как можно незаметнее поправить парик. Потом пристальнее вгляделся в свое лицо. Как будто все в порядке: никаких потеков и пятен.

Как там его блондинка? Сидит на стуле, ссутулившись над своим коммуникатором «Блэкберри», и жмет на клавиши. Вот вышла продавщица с обувной коробкой, открыла ее. Так горделиво официант в дорогом ресторане поднимает крышку с супницы. Продавщица вынимает туфли, показывает…

Блондинка одобрительно кивает.

Вот это да! Она выбрала синие атласные туфли «Маноло Бланик» — на высоком каблуке, с квадратной пряжкой «под бриллиант».

Блондинка примерила туфлю. Встала, прошлась по ковру, глядя на отражение ноги в зеркало. Ей как будто понравилось.

Он вошел в магазин и начал бродить по залу, вдыхая знакомый коктейль запахов: крашеная кожа, «Армани Код». Краем глаза он следил за блондинкой. Следил и слушал.

Продавщица спросила, хочет ли она примерить левую туфлю. Блондинка задумчиво ответила: да, пожалуй.

Пока она расхаживала по пушистому ковру, к нему тоже подошла продавщица, молодая, стройная девушка с каштановой челкой и ирландским акцентом. Спросила, чем она может ему помочь. Он самым медовым голоском ответил:

— Спасибо. Я пока просто посмотрю.

— На следующей неделе мне нужно прочесть важную речь, — сказала блондинка с американским акцентом. — После званого обеда. Я специально купила к нему божественное синее платье. По-моему, синий цвет мне идет. Как вы считаете?

— Да, мадам, синий — ваш цвет. Я по туфлям вижу. Синие вещи отлично смотрятся днем.

— М-да… Я тоже так думаю. Угу! Надо было захватить с собой платье, но я и так знаю, что туфли к нему подойдут.

— Они подойдут к любому оттенку синего.

— Угу…

Блондинка посмотрела на свои ноги в зеркале и задумчиво постучала ногтем по зубам. Потом произнесла волшебные слова:

— Я их беру!

Умница! Туфли «Маноло Бланик» — это круто. Они красивые. И отлично подойдут для его цели. Важнее всего то, что у них двенадцатисантиметровые каблуки.

Превосходно!

И акцент ему нравится. Интересно, откуда она — из Калифорнии?

Он подошел к прилавку, когда блондинка расплачивалась. Притворился, будто рассматривает коричневые домашние туфельки, а сам внимательно прислушивался.

— Мадам, вы наша постоянная покупательница?

— По-моему, нет.

— Если вы не против, я внесу вас в список — тогда мы будем заранее извещать вас о новых поступлениях. И вы сможете покупать нашу обувь со скидкой.

Блондинка пожала плечами:

— Ладно, давайте.

— Будьте добры, сообщите ваше имя.

— Ди Барчмор. Миссис Ди Барчмор.

— И адрес, пожалуйста.

— Суссекс-сквер, пятьдесят три.

Суссекс-сквер… Она живет в Кемптауне. Суссекс-сквер — одна из красивейших площадей во всем городе. Ее окружают дома ленточной застройки. Почти все поделены на квартиры. Раз у нее целый дом, значит, она настоящая богачка. Правда, только настоящие богачки могут себе позволить туфли «Маноло Бланик». И сумку в тон, которую блондинка сейчас вертит в руках. Точно так, как он скоро будет вертеть ее саму!

Кемптаун… Там раньше была игровая площадка!

Приятно вспомнить.

41

10 января, суббота

Всякий раз, покупая себе туфли, Ди Барчмор неизвестно почему чувствовала себя виноватой — и волновалась. Разумеется, ей не в чем себя упрекнуть. Руди поощряет ее к тому, чтобы она модно одевалась и хорошо выглядела! Он входит в руководство корпорации «Американо-азиатские банковские услуги», а здесь, в Брайтоне, возглавляет местный филиал. В его задачу входит разработка европейского рынка. Деньги для ее мужа не проблема.

Ди Барчмор гордилась Руди и любила его. Ей нравились его честолюбие, стремление доказать: несмотря на череду потрясших США в последние годы финансовых скандалов, есть еще в сфере банковских услуг люди и компании, которые добросовестно относятся к своим обязанностям. Сейчас Руди вплотную занимается ипотечным рынком Великобритании. Он предлагает британским клиентам сделки на выгодных условиях, которые и не снились местным кредиторам, еще не оправившимся после финансового спада. И ей отведена главная роль — она занимается связями с общественностью.

В свободное время, после того, как Ди отвозила в школу восьмилетнего Джоша и шестилетнего Чейза, и до того времени, как надо было забирать детей из школы, Руди загружал ее работой. В ее задачу входили поиски благотворительных учреждений, в фонд которых «Американо-азиатские банковские услуги» могли бы сделать солидный взнос — и, конечно, развернуть широкую рекламную кампанию и прославиться в качестве крупных благотворителей. Такая роль очень нравилась Ди.

Поскольку она хорошо играла в гольф, она вступила в дамскую секцию самого престижного местного гольф-клуба, Северного Брайтонского. Кроме того, она вступила в самое крупное отделение брайтонского Ротари-клуба и на добровольных началах заседала в нескольких благотворительных комитетах, в том числе в комитете, собиравшем пожертвования для хосписа «Ласточки». Совсем недавно она организовала сбор средств в поддержку муниципального приюта Святого Патрика, где успешно перенимали опыт других стран. Ди сообщили, что часть приюта разгорожена на отдельные отсеки по японскому образцу. В отсеках получают право жить также бывшие заключенные, которые встали на путь исправления.

Ди Барчмор стояла у кассы бутика и следила, как продавщица заворачивает ее красивые синие туфли «Маноло Бланик» в папиросную бумагу и бережно укладывает их в коробку. Она не могла дождаться того мига, когда придет домой и примерит платье с новыми туфлями и сумкой. Она не сомневалась: все вместе на ней будет выглядеть поразительно! Такой наряд на следующей неделе придаст ей уверенности!

Ее взгляд упал на часы. Полчетвертого! Ну надо же! Охота за туфлями заняла больше времени, чем она ожидала. Ей надо мчаться на другой конец города, в Хоув, иначе она опоздает в маникюрный салон. Она поспешно вышла из магазина, почти не обратив внимания на странноватую даму в съехавшем набекрень светлом парике. Дама что-то внимательно разглядывала в витрине.

По пути на автостоянку Ди Барчмор ни разу не оглянулась.

Если бы она оглянулась, то заметила бы, что странноватая дама идет за ней.

1998

42

6 января, вторник

В начале одиннадцатого Рой Грейс, несмотря на проливной дождь, гнал машину быстрее обычного, потому что очень опаздывал. Едва не врезавшись на скользком гудроне в задний бампер идущей впереди машины, он крутанул руль, повернул на тихую Нью-Черч-роуд, а с

нее — на еще более тихую жилую улицу, которая вела к набережной Хоува, где жили они с Сэнди.

Старенький БМВ скрипел и стонал, тормоза шумно скрежетали в знак протеста. Еще несколько месяцев назад надо было отогнать машину на профилактику, но Грейс почти обанкротился — не в последнюю очередь из-за безумно дорогого теннисного браслета с бриллиантами, который он подарил Сэнди на Рождество. Значит, автосервис подождет еще несколько месяцев.

Повинуясь привычке, он механически смотрел на номерные знаки всех машин, припаркованных на дорожках, ведущих к домам, и на самой улице, но ничего необычного не заметил. Подъезжая к дому, внимательно осмотрел «мертвые зоны» — темные участки, куда не доставал оранжевый свет уличных фонарей.

Если ты сыщик и ловишь воров и убийц, а потом выступаешь с показаниями на суде, у тебя много врагов. Никогда не знаешь, кто затаил на тебя злобу. Правда, нападения из мести случались редко, но все же случались. Пара коллег Грейса получала анонимные письма с угрозами, а жена еще одного сослуживца как-то увидела в парке рядом с домом вырезанную на стволе дерева угрозу убить ее. Спать по ночам полицейские, конечно, не перестают, но о риске, связанном с профессией, не забывают никогда. Они стараются не давать своих координат случайным знакомым. Правда, преступники все равно как-то ухитряются узнавать нужные им адреса и телефоны — по своим каналам, так сказать. Вот почему настоящий сыщик никогда полностью не расслабляется. Эта черта Роя особенно раздражала Сэнди.

Она злилась, что в ресторане он всегда выбирает столик, откуда открывается хороший обзор на зал и на входную дверь, а сам всегда садится спиной к стене.

Заметив свет в окнах первого этажа, Грейс улыбнулся. Значит, Сэнди еще не легла. Правда, сняла все рождественские венки и лампочки… Ему отчего-то стало грустно. Он остановился у ворот встроенного гаража. Въезжать не стал: Сэнди наверняка загнала под крышу свою машину — еще более старенький, чем его БМВ, черный «фольксваген-гольф».

Сэнди давно мечтала о таком доме. Незадолго до того, как она его нашла, у нее не пришли месячные, и в них проснулась надежда. Правда, через несколько недель надежда разбилась вдребезги. Крушение мечты вогнало Сэнди в глубокую депрессию — такую, что Рой всерьез испугался за нее. Однажды она позвонила ему на работу и сообщила, что нашла дом. Дороже, чем они могут себе позволить, но, по ее словам, «просто замечательный». Сэнди заявила, что дом ему понравится!

У них уже был домик, вернее, полдома, с четырьмя спальнями. Они купили его больше года назад, потому что крошечная квартирка в Хэнглтоне, в которой они поселились после свадьбы, стала им тесновата. Правда, платить и за полдома оказалось дорого. Но Сэнди прикипела душой к новому дому и убедила Роя, что они должны его купить. Грейс, конечно, был против таких расходов, но согласился с женой. Пошел ей навстречу главным образом потому, что хотел ей угодить. У него сердце разрывалось, когда он видел, как мучается Сэнди из-за того, что у них нет детей.

Он заглушил мотор и вылез из машины под проливной холодный дождь. Он совсем вымотался. Нырнул в салон, взял с пассажирского сиденья распухший «дипломат», набитый делами, которые ему нужно было прочесть за вечер, и побежал к крыльцу.

— Привет, милая! — крикнул он. Прихожая без рождественских украшений казалась какой-то пустой.

В гостиной тихо бормотал телевизор. Из кухни доносились восхитительные ароматы жареного мяса. Рой вдруг понял, что страшно проголодался. Он снял макинтош, повесил его на старинную вешалку, купленную на рынке на Кенсингтон-стрит, поставил «дипломат» на пол и вошел в гостиную.

Помимо того, что Сэнди надела теплый халат, она еще укрылась одеялом. Она лежала на диване, держа обеими руками бокал с красным вином, и смотрела новости. Корреспондент вел репортаж из какой-то грязной, освещенной факелами деревни.

— Извини, милая, — сказал Рой и улыбнулся жене.

Какая она красивая! И как ей идет, когда она распускает волосы и не красится! Сэнди отлично выглядит и с макияжем, и без всякой косметики. Рой всегда просыпался рано; иногда по утрам еще несколько минут тихо лежал в постели и любовался лицом спящей жены.

— За что ты извиняешься? За то, что случилось в Косове? — осведомилась Сэнди.

Рой нагнулся и поцеловал ее. От нее пахло мылом и шампунем.

— Нет, за то, что я опоздал. Мы ведь вместе собирались снять украшения.

— А почему ты не извиняешься за Косово?

— И за Косово тоже извини, — сказал Рой. — А еще за Рейчел Райан, которую так и не нашли, и за ее родителей и сестру.

— Они для тебя важнее Косова?

— Мне надо выпить, — сказал Грейс. — А еще я умираю с голоду.

— Я уже поела, больше не могла ждать.

— Извини, извини меня за то, что я опоздал. Извини за Косово. Извини за все чертовы проблемы на свете, с которыми я не могу справиться.

Он достал из бара бутылку «Гленфиддиша» и направился на кухню. Сэнди сказала ему вслед:

— Я оставила тебе в микроволновке тарелку с лазаньей. В холодильнике есть салат!

— Спасибо! — отозвался Рой.

Он налил себе на четыре пальца виски, бросил в бокал кубики льда, вынул из посудомоечной машины свою любимую стеклянную пепельницу и вернулся в гостиную. Снял пиджак, развязал галстук. Сесть пришлось в кресло, потому что на диване рядом с Сэнди места не осталось. Закурил сигарету «Силк Кат».

Почти сразу же, как собака Павлова, Сэнди принялась разгонять воображаемый дым.

— Чем сегодня занималась? — спросил Рой, нагибаясь и подбирая с пола сосновую иголку.

На экране появилась молодая симпатичная женщина с коротко стриженным ежиком черных волос, в солдатской гимнастерке. За ее спиной виднелись горящие здания. Женщина держала микрофон и говорила в камеру о том, сколько человеческих жертв принесла война в Боснии.

— Ее прозвали Мостарский ангел. — Сэнди кивком указала на экран. — Ее зовут Салли Бейкер, и она из Брайтона. Она что-то там делает на войне. А чем занимаешься ты, сержант уголовной полиции Грейс, который надеется вскоре стать инспектором?

— Войной в Боснии и всеми остальными мировыми проблемами я займусь после того, как мы победим в местной, брайтонской войне, в которой я принимаю непосредственное участие. — Он бросил сосновую иголку в пепельницу.

Сэнди покачала головой:

— Ты так ничего и не понял, любимый! Та молодая женщина, Салли Бейкер, — герой, точнее, героиня.

Грейс кивнул:

— Ну да, героиня. Миру нужны такие, как она. Но…

— Что «но»?

Грейс затянулся сигаретой, отхлебнул из бокала. Виски приятно согревало внутренности.

— Но разрешить все мировые проблемы не под силу ни одному человеку.

Сэнди круто развернулась к мужу:

— Ладно, тогда расскажи о том, какие проблемы разрешаешь ты. — Она прикрутила звук у телевизора.

Рой пожал плечами.

— Рассказывай, я хочу послушать. Ты никогда не говоришь о своей работе. Всегда спрашиваешь, как я провела день, и мы вместе смеемся над придурками, которые приходят в наш медицинский центр. Но всякий раз, как я задаю тебе вопрос о работе, ты отвечаешь, что не имеешь права разглашать важные сведения. Итак, будущий инспектор уголовной полиции, ради разнообразия расскажи, как *ты* провел день! Объясни, почему целых десять дней я вынуждена ужинать в одиночестве. Поделись со мной! Помнишь, какие обеты ты давал в церкви, когда брал меня в жены? Разве супруги не должны делить и радость и горе? Разве у них должны быть тайны друг от друга?

— Сэнди, перестань! — сказал Рой. — Не надо!

— Нет, все-таки расскажи — ради разнообразия. Как ты провел день? Удалось ли узнать что-то новое про Рейчел Райан?

Он снова глубоко затянулся.

— Нет, ничего… — ответил он.

— Ну вот, наконец-то! — обрадовалась Сэнди. — По-моему, так откровенно ты мне не отвечал за все годы, что мы женаты. Спасибо, будущий инспектор!

Грейс широко улыбнулся:

— Смотри не сглазь, а то еще не повысят!

— Повысят, никуда не денутся. Ты в любимчиках у начальства. Тебя обязательно повысят. Знаешь почему?

— Почему?

— Потому что работа для тебя важнее семьи.

— Сэнди, перестань! Так нечестно…

Он положил сигарету в пепельницу, вскочил с кресла, присел на край дивана и попробовал положить руку ей на плечо, но она отодвинулась.

— Продолжай. Расскажи, как у тебя прошел день, — сказала Сэнди. — Только подробно. Если, конечно, ты меня на самом деле любишь. Я еще ни разу не слышала подробного рассказа о твоей повседневной работе. Ни разу!

Он встал, смял окурок, переставил пепельницу на журнальный столик рядом с диваном и снова сел.

— Весь сегодняшний день я занимался поисками Рейчел Райан. Как и всю прошлую неделю.

— Понятно, ну а конкретнее?

— Тебе правда хочется услышать подробности?

— Да, хочется. Мне правда хочется услышать подробности. А что? Тебе трудно говорить?

Он снова закурил. Затянулся, выпустил дым и ответил:

— Сегодня я опять ездил к ее родителям вместе с одним сержантом, которого зовут Норман Поттинг. Он хороший сыщик, но грубоват. Ты, наверное, можешь себе представить, в

каком состоянии родители Рейчел. Мы попробовали успокоить их, рассказали, какие меры предпринимаются для поисков их дочери. Но Поттингу удалось расстроить их еще больше.

— Каким образом?

— Он задавал множество неприятных вопросов о личной жизни их дочери. Мы, конечно, обязаны их расспросить, но беседовать можно было поделикатнее…

Рой снова отпил виски, снова затянулся и положил сигарету в пепельницу. Сэнди пытливо смотрела на него.

— А потом?

— Ты правда хочешь услышать остальное?

— Да. Я правда хочу услышать остальное.

— Ну что ж. Итак, мы пытались вытянуть из них все, что им известно о личной жизни их дочери. Есть ли у нее друзья или коллеги, с которыми мы еще не беседовали? Случалось ли нечто подобное прежде? Какие у нее привычки?

— А какие у нее привычки?

— Рейчел Райан каждый день без исключения звонила родителям. Вот самая важная привычка.

— А теперь она не звонит уже десять дней?

— Совершенно верно.

— По-твоему, она мертва?

— Мы проверили ее банковские счета — не снимали ли с них денег. Оказалось, не снимали. У нее есть кредитная карта и дебетовая карта; после кануна Рождества ни по одной из них сделок не совершалось.

Грейс поднес бокал к губам и обнаружил, что виски больше нет. На дне звякали кубики льда.

— Либо ее где-то держат против ее воли, либо она мертва, — ровным тоном произнесла Сэнди. — Просто так с лица земли никто не исчезает.

— Еще как исчезает, — возразил Рой. — Каждый день. Ежегодно пропадают тысячи людей.

— Но если у нее были такие теплые отношения с родителями, она ведь не стала бы намеренно причинять им боль?

Грейс пожал плечами.

— Что тебе подсказывает твой полицейский нюх?

— Что дело дрянь.

— Что будет дальше?

— Мы расширяем масштаб поисков; попробуем расспросить жителей соседних кварталов. Нам придали подкрепление. Наши сотрудники обыскивают все парки и мусорные свалки в окрестностях города. Просматривают записи, сделанные камерами видеонаблюдения. Мы проверяем вокзалы, морские порты и аэропорты. Допрашиваем всех ее друзей и бывшего жениха. Кроме того, в операции принимает участие психолог-криминалист — составитель профилей.

Через несколько секунд Сэнди спросила:

— Как по-твоему, Рейчел тоже похитил тот насильник — Туфельщик?

— Нам известно, что Рейчел обожает дорогую обувь. Правда, обстоятельства ее исчезновения вроде не похожи на почерк Туфельщика. Он никогда не похищал своих жертв и никуда их не увозил.

— Разве ты сам не говорил, что преступники со временем наглеют и совершают все более тяжкие преступления? Кажется, это называется эскалацией насилия?

— Да, говорил. Парень, который начинает как безобидный эксгибиционист, может превратиться в настоящего насильника. Как и взломщик, если ему долго удается выходить сухим из воды.

Сэнди отпила вина.

— Надеюсь, ты быстро найдешь ее и с ней ничего не случилось.

Грейс кивнул:

— Да… Я тоже на это надеюсь.

— А ты ее найдешь?

Ответа у него не было. По крайней мере, такого, какой хотелось бы услышать Сэнди.

Наши дни

43

10 января, суббота

Ра не любил пьяных, особенно пьяных девиц, особенно пьяных девиц, которые садятся в его такси. Особенно в начале субботнего вечера, когда он сосредоточенно читал в «Аргусе» о последних похождениях Туфельщика.

А в его такси влезли целых пять пьяных девчонок — все без пальто, платьица в обтяжку, низкие вырезы — грудь вываливается, руки и животы наружу, видны татуировки и пирсинг на пупках. А ведь сейчас январь! Неужели им не холодно?

По инструкции он мог везти только четырех. Так он им и сказал, но девицы были такие пьяные, что не слушали его. Они стояли на стоянке на Ист-стрит, кричали, болтали, хихикали. Втиснувшись в салон, велели отвезти их к пирсу.

Салон такси наполнился их ароматами: «Рок-энд-Роуз», «Топливо жизни», «Ред Джинс», «Любимая», «Шалимар». Его нос чутко реагировал на запахи. Да уж! Особенно на «Шалимар».

«Шалимаром» душилась мать.

Он пробовал отказаться, объяснял, что до пирса совсем близко, что сегодня суббота и на такси они дольше простоят в пробке. Быстрее дойти пешком. Но девицы все равно потребовали отвезти их.

— Сейчас холод собачий! — заявила одна из них — та, что душилась «Шалимаром».

Пухленькая симпатяшка с густой копной светлых кудряшек напилась в стельку. Из выреза платьица буквально вываливалась грудь, словно накачанная насосом. Чем-то пухляшка напомнила ему мать. У нее был такой же хрипловатый голос, примерно такая же фигура и такого же цвета волосы.

— Ага, — хихикнула другая. — Собачий холод!

Одна из девиц закурила. Ра поморщился, сообщил, что курить в машине нельзя, и сердито посмотрел на нее в зеркальце.

— Хочешь сигаретку, красавчик? — спросила девица, выпустив дым. Наклонившись вперед, она протянула ему пачку.

— Не курю, — ответил Ра.

— Что, молодой еще? — хихикнула третья, и все пассажирки пискляво расхохотались.

Сначала Ра думал высадить их у остова Западного пирса, в полумиле от того места, куда они хотели попасть. Пусть пройдутся по холодку, авось протрезвеют. Послужит им хорошим уроком. Из-за них его могут лишить лицензии! А потом вдруг передумал.

Из-за туфель и духов той самой пухляшки.

Такие туфли, как у нее, ему особенно нравились. Черные с серебристыми блестками, «Джимми Чу». Размер ноги у нее четвертый, или, по европейским меркам, тридцать шестой с половиной. Как у его матери.

Ра вдруг задумался: как пухляшка будет выглядеть голой, в одних только туфлях? Будет ли она похожа на его мать?

Одновременно его занимал другой вопрос: какой у нее дома туалет — с высоким бачком или компакт? Но с пьяными вести нормальный разговор невозможно. Говорить с пьяными — только напрасно время тратить. Ра вел машину молча, думая о туфлях пухляшки. Вдыхал аромат ее духов. Исподтишка наблюдал за ней в зеркало. Она все больше и больше напоминала ему мать — такую, какой она когда-то была.

Он повернул направо, на Норт-стрит, остановился на запрещающий сигнал светофора. Когда загорелся зеленый, повернул направо и влился в длинную пробку. Наконец он остановился у входа на ярко освещенный Брайтонский пирс.

На счетчике высветилось всего два сорок — сущие пустяки. А в очереди на стоянке он проторчал целых полчаса. Ра огорчился. И еще больше расстроился, когда ему дали два пятьдесят со словами:

— Сдачи не надо!

— Эй! — крикнул он. — Эй, стойте!

По субботам хозяин такси требовал от него больше денег, чем в другие дни.

Девицы вылезли из машины. Ра не спускал взгляда с туфелек «Джимми Чу». Иногда он испуганно озирался по сторонам — не покажется ли поблизости патрульная машина. Девицы визгливо проклинали холодный ветер и, придерживая руками прически, столпились у такси, неловко переминаясь. Да и то — легко ли пьяным девицам на высоких каблуках? Забыв захлопнуть за собой дверцу, они принялись ожесточенно спорить. Зачем их вообще сюда понесло? Сидели бы себе в баре…

Ра, перегнувшись через пассажирское сиденье, окликнул их:

— Извините, дамы! — Потом захлопнул дверцу и покатил в сторону набережной. В салоне воняло «Шалимаром», сигаретным дымом и спиртным. Лихо развернувшись через две сплошные, он остановился у променада.

В голове у него вихрем проносились обрывки мыслей. Туфли «Джимми Чу». Четвертого размера. Как у его матери. Ра глубоко вздохнул, вбирая в легкие знакомый запах духов. Скоро семь вечера. Пора пить чай — как каждый час. Это очень важно. Это ему необходимо.

Но еще нужнее ему другое. Он неотступно думал об этом.

Да уж!

44

10 января, суббота

Несмотря на холод и пронизывающий ветер, у входа на пирс скопилась толпа — в основном молодежь. Яркие огни освещали сооружение, протянувшееся почти на треть мили в чернильную темень Ла-Манша. На ветру потрескивал флаг Соединенного Королевства, «Юнион Джек». На огромном рекламном щите у входа анонсировалось выступление музыкальной группы. У лотка с мороженым почти не было покупателей, зато у киоска с

жареными курами выстроилась очередь. Молодежь стояла и за пончиками. И за стейками. И за рыбой с жареной картошкой.

Даррен Спайсер, в спецовке, джинсах, шерстяных варежках и низко надвинутой на лоб бейсболке, стоял в очереди за жареной картошкой. Настроение у него было превосходное; он не обращал внимания на ветер. Он проголодался и с наслаждением вдыхал ароматы уличной еды. Сунув сверток в зубы, потер друг о друга озябшие ладони и посмотрел на часы. Без восьми семь. В приют Святого Патрика надо успеть к половине девятого. В полдевятого они закрывают двери. Если опоздаешь, можешь лишиться койки. Правда, отсюда до приюта быстрым шагом двадцать пять минут, если не удастся сесть на автобус или поймать такси — вот уж ненужная роскошь!

В большом внутреннем накладном кармане у него лежал свернутый экземпляр «Аргуса». Газету он вынул из мусорного бака в Гранд-отеле, куда заходил осмотреться. К работе он приступит в понедельник; в отеле очень пригодятся его навыки электрика. Там как раз меняют проводку; похоже, ее не трогали несколько десятилетий. В понедельник он окажется в подвале Гранда и поведет кабель от аварийного генератора к прачечной.

Отель большой, и им не хватает рабочих рук. Значит, за ним некому будет приглядывать. Значит, он быстро там освоится. Выяснит, в каких номерах живут богатенькие постояльцы, у которых есть чем поживиться. И получит доступ к компьютерной системе. Теперь ему нужно только одно: мобильник с предоплатной системой расчетов. Купить такой совсем не трудно.

Как же ему хорошо! Просто замечательно! Сейчас он — самый сильный и самый крутой во всем городе! И наверное, самый сексуально озабоченный!

Его внимание привлекла стайка полуголых девиц, которые вылезали из такси. У одной из них, с выразительными формами и с накачанными губами, груди прямо вываливались из блузки. Она с трудом процокала ко входу на туфлях с блестками, на высоченных каблуках, придерживая руками волосы, которые трепал ветер. Похоже, она так напилась, что еле стояла на ногах.

Мини-юбка задралась, Спайсер мельком увидел белую кожу бедер и сразу сильно возбудился. Такая девочка — в его вкусе. Он любил, когда у женщины есть за что подержаться. Да, она определенно в его вкусе.

Вот именно!

Она ему понравилась.

Спайсер глубоко затянулся сигаретой.

Такси отъехало прочь.

Девчонки из-за чего-то ссорились. Потом встали в конец очереди за его спиной.

Он взял пакет с жареной картошкой, остановился чуть поодаль от девушек, облокотился о колонну и стал следить за ними. Они по-прежнему спорили и подшучивали друг над другом. Но особенно он следил за пухленькой, и в нем все сильнее разгоралось желание. Он снова и снова вспоминал о мелькнувших бедрах у нее под юбкой.

К тому времени, как девицы наконец получили свои пакеты и принялись рыться в сумочках, ища мелочь, Спайсер успел доесть картошку и докурить сигарету. Девицы зашагали ко входу в парк развлечений. Пухленькая тащилась сзади. Ей никак не удавалось догнать остальных, потому что она еле держалась на ногах.

— Эй! — окликнула она двух подружек, которые были ближе к ней. — Эй, Чер, Карен, не спешите! Я за вами не успеваю!

Одна из четырех обернулась, смеясь и не замедляя шага:

— Давай скорей, Мэнди! Ты чего так тащишься? Жир мешает?

Мэнди Торп, у которой кружилась голова от большого количества коктейлей «Морской бриз», перешла на рысцу и вскоре догнала подруг.

— Хватит прохаживаться насчет моего веса! Вовсе я не такая жирная! — крикнула она, делая вид, что не очень злится. Но тут оба ее каблука застряли в щелях дощатого настила, и Мэнди упала ничком, выронив сумочку и пакет с жареной картошкой. Содержимое сумки раскатилось во все стороны.

— Черт! — сказала она. — Черт, черт, черт!

С трудом поднявшись на ноги, она нагнулась, вытащила каблуки из щелей и обулась. Проклятые туфли! Если бы настоящие «Джимми Чу», а то подделка. Она купила их в Таиланде, куда летала в отпуск… В этих туфлях у нее натирало пальцы.

— Эй! — закричала она. — Чер, Карен, подождите меня!

Оставив на досках перемазанные кетчупом ломтики картошки, она, спотыкаясь, зашагала за подругами. Ей приходилось глядеть себе под ноги, чтобы каблуки снова не застряли между половицами. Следом за подругами она прошла мимо игрушечного паровоза и зашла в ярко освещенный и шумный парк развлечений. Там громко играла музыка; звенели игральные автоматы, слышались звон монет, крики радости и сердитые ругательства. Мэнди прошла мимо огромной освещенной розовой хлопушки, мимо автомата с застекленным фасадом, внутри которого лежали плюшевые медведи, мимо манящего плаката «Сорви банк! Всего 35 фунтов наличными!» и будки обменника в виде старинной трамвайной остановки.

Девушки очутились на открытом участке пирса, и в лицо им снова ударили сильные порывы ветра. Мэнди догнала подруг у киосков, из которых доносилась оглушительная музыка. Краем глаза она читала вывески: «Аттракцион „Убей утку“!», «Омары — 2 порции за фунт!», «Татуировки хной!»

Чуть поодаль, влево от нее, над чернотой моря, виднелись огни богатого квартала Кемптаун. Подруги направлялись к карусели, качелям, площадке с электромобилями, «американскими горками» под названием «Бешеная мышь» и центрифуге. Мэнди однажды затащили на центрифугу — потом ее несколько дней тошнило.

Справа от них находились аттракционы «Поезд-призрак» и «Отель ужасов».

— Хочу на «Поезд-призрак»! — воскликнула Мэнди.

Карен обернулась на ходу, доставая из сумочки пачку сигарет.

— Не валяй дурака! «Поезд-призрак» — фигня! Пошли лучше еще выпьем!

— Да, пошли! — поддержала ее Чер. — Надо добавить.

— А может, на центрифугу? — предложила третья подруга, Джоанна.

— Ни в коем случае! — возразила Мэнди. — Я хочу на «Поезд-призрак».

Джоанна покачала головой:

— Я его боюсь.

— Да там совсем не страшно, — уверяла ее Мэнди. — Если вы не хотите, я и одна пойду!

— Тебе духу не хватит! — поддразнила ее Карен. — Ты у нас такая трусиха!

— Что-о?! — возмутилась Мэнди. — Ну, держитесь! Я сейчас всем вам покажу!

Она подошла к будочке, где продавали билеты на «Поезд-призрак». Никто не заметил мужчину, который стоял чуть поодаль. Увидев, что Мэнди собирается на аттракцион, он бросил окурок на пол и тщательно раздавил его каблуком.

1998

45

6 января, вторник

Ему не приходилось видеть трупы. Если не считать матери, конечно. Перед смертью мать совсем высохла и отощала; рак пожирал ее изнутри, пожрал практически все, кроме кожи. Крошечные мерзкие раковые клетки, наверное, сожрали бы и ее кожу, если бы она у матери не была насквозь проспиртована.

Хотя она получила по заслугам. Так ей и надо!

Мать выглядела так, словно спит. Лежала в особом зале похоронного бюро, который назывался «залом прощания». Волосы ей уложили очень красиво. Немного подкрасили лицо, впрыснули под кожу бальзамирующий состав, и щеки сразу порозовели. По словам владельца похоронного бюро, его мать выглядела «очень мило».

Гораздо милее после смерти, чем при жизни.

Мертвая она больше не могла его мучить. Не могла говорить ему, ложась к нему в постель, что он такой же никудышный, как и его отец-пьяница. Что хозяйства у него — кот наплакал, что его инструмент гораздо короче, чем ее каблуки. Иногда она брала с собой в постель туфлю на шпильке и заставляла его ублажать себя с помощью каблука.

Она прозвала его Сморчок. В школе прозвище быстро подхватили. «Эй, Сморчок! — обращались, бывало, к нему одноклассники. — Как там твоя штука, еще не выросла?»

Он сидел рядом с ней в «зале прощания», как раньше сидел на стуле рядом с ее больничной кроватью. В больнице он наблюдал, как из матери постепенно выходит жизнь. Он сидел и держал ее за руку. Рука была холодная, костлявая. Ему было противно держать ее — все равно что змею или ящерицу. Зато приятно думать, что она больше не будет его мучить!

Оглядевшись, он нагнулся и прошептал на ухо покойнице:

— Наверное, мне положено сказать, что я люблю тебя. А я тебя не люблю. Я тебя ненавижу. И всегда ненавидел. Жду не дождусь твоих похорон! Как только получу урну с твоим прахом, вышвырну его на свалку — там тебе самое место.

С той женщиной, которая лежала перед ним теперь, все было по-другому. Ведь ее он вовсе не ненавидел. Он смотрел на нее сверху вниз. Голая Рейчел Райан лежала в морозильнике, который он купил сегодня утром. И смотрела на него уже остекленевшими, подернутыми пленкой глазами. И все ее тело уже начало стекленеть, покрылось тонким слоем льда.

В тишине слышно было, как жужжит мотор морозильника. Обращаясь к ней, он прошептал:

— Рейчел, мне жаль, что все так вышло, понимаешь? Мне правда очень жаль. Я не хотел тебя убивать. Я бы ни за что никого не убил. Я не такой. Хочу, чтобы ты знала. Я не такой. Не убийца. Не волнуйся, о твоих туфлях я позабочусь.

Его тревожили глаза покойницы. Зачем она так на него смотрит? Хоть и мертвая, а словно обвиняет его… Старается достать даже оттуда, где она сейчас, — из другого измерения.

Он захлопнул крышку.

Сердце в груди глухо колотилось. Он весь покрылся испариной.

Очень хочется курить…

Он должен все обдумать — спокойно, не спеша.

Он закурил, глубоко затянулся.

Думал он долго.

Ее имя повсюду. Полицейские ищут ее по всему городу. По всему Суссексу.

Его била дрожь.

Дура проклятая, и зачем только ты сорвала с меня маску!

Видишь, что ты натворила? И кому из нас теперь хорошо?

Ее не должны найти. Если найдут труп, сразу определят, кто она такая. Теперь у них много всяких приборов… Достижений науки. Если ее найдут, то каким-нибудь образом непременно выйдут на него.

Хорошо он придумал с морозильником. Хотя бы избавился от запаха, а то труп уже начал разлагаться. Теперь она не воняет. У него появилась передышка. Можно, конечно, оставить ее здесь, но лучше не рисковать. Полиция ищет белый микроавтобус — так написали в газете. Кто-нибудь мог его увидеть. Кто-нибудь может вспомнить, что из этого гаража иногда выезжает белый микроавтобус.

Нужно увезти ее отсюда.

Может, бросить ее в море? Нет, лучше не надо. Труп прибьет к берегу. Зарыть в лесу? Тоже рискованно; ее может найти по запаху чей-нибудь пес. Значит, нужно найти такое место, где ее ни одна собака не разыщет.

Место, куда никому и в голову не придет заглянуть.

Наши дни

46

10 января, суббота

Храбрость внезапно покинула Мэнди, когда она протянула билетик смотрителю аттракциона. С чего она вдруг решила прокатиться на «Поезде-призраке»?

— Там страшно? — спросила она.

Смотритель был молодой, симпатичный и говорил с иностранным акцентом — на слух Мэнди, с испанским.

— Почти совсем не страшно. Только немножко! — Он улыбнулся. — Все нормально!

— Правда?

Парень кивнул.

Пошатываясь, она направилась к первому вагончику. Он напоминал обшитую деревянными панелями викторианскую ванну на резиновых колесиках. Мэнди неуклюже заерзала на сиденье. Ей стало очень и очень не по себе. Сумку она поставила на сиденье рядом.

— Извините, сумку брать с собой нельзя. Я присмотрю за ней.

Мэнди нехотя отдала сумку смотрителю. Тот опустил металлическую защитную планку.

— Улыбайтесь! — сказал он. — Наслаждайтесь! Приятного путешествия!

Вот попала, подумала Мэнди, но все же крикнула подругам:

— Чер! Карен!

Ветер унес ее слова в сторону, и подруги ничего не услышали. Вагончик, громыхая, покатил вперед. Вдруг с грохотом раздвинулись какие-то дверцы, и она очутилась в полной темноте. В туннеле было сухо и пахло горелой проводкой и пылью.

Темнота давила со всех сторон. Мэнди затаила дыхание. Вдруг вагончик круто повернул вправо и начал набирать скорость. Колесики гулко грохотали в замкнутом пространстве — почти как в метро. С обеих сторон мимо мелькали полосы света. Она услышала чей-то сатанинский хохот. Что-то прикоснулось ко лбу и волосам; Мэнди зажмурилась и завизжала.

«Ну я и дура, — подумала она. — Чего я визжу? И зачем я сюда полезла?»

Вагончик снова круто повернул. Мэнди открыла глаза и увидела, как из-за письменного стола поднимается пыльный скелет. Скелет как будто шагнул в ее сторону… Она опустила голову, закрыла глаза, тяжело задышала. Пьяная храбрость куда-то улетучилась.

Вагончик полетел куда-то вниз. Мэнди открыла глаза и увидела, что снова очутилась в кромешной тьме. Что-то зашипело. Из темноты показалась страшная, светящаяся змея и плюнула в нее; до лица долетели холодные брызги. Потом из-за угла показался ярко освещенный скелет, и Мэнди в ужасе пригнулась, уверенная, что скелет сейчас рухнет на нее.

Вагончик с грохотом въехал в очередной туннель. О господи, да сколько же еще это будет продолжаться?

Вагончик стремительно несся под гору в полной темноте. Она услышала крик и чей-то хриплый смех. К ней снова что-то прикоснулось — как будто паук трогал ее волосы своими щупальцами. В следующем туннеле вагончик резко свернул влево и неожиданно остановился. Мэнди била дрожь. И вдруг кто-то схватил ее за шею.

Рука человеческая… Кто-то жарко задышал ей в щеку и зашептал в ухо:

— У меня для тебя сюрприз, дорогуша!

Мужской незнакомый голос… Мэнди раньше его никогда не слышала.

Она оцепенела от ужаса.

Может, это Чер и Карен решили над ней подшутить? Прячутся где-нибудь в темноте и смеются над ней…

Мысли в голове путались. Что-то подсказывало: такого в аттракционе не предусмотрено. Что-то пошло не так. В следующую секунду она услышала лязг: кто-то поднял предохранительную планку. Потом ее, поскуливающую от страха, вытащили из вагончика и быстро поволокли по бетонному полу. Ногу резануло о какой-то острый выступ. Потом она очутилась в тесной комнатушке, где воняло бензином. Ее швырнули на спину на что-то твердое. Захлопнулась дверь. Что-то щелкнуло — похоже, выключатель. В лицо ударил свет фонарика, и она на время ослепла.

Кто это? Неужели смотритель, с которым она только что разговаривала?

— Пожалуйста, не делайте мне больно, — попросила Мэнди, почти парализованная от ужаса и недоумения.

Приоткрыв глаза, она разглядела в луче света силуэт мужской головы, обтянутой чем-то вроде чулка с прорезями для глаз.

Она открыла рот, собираясь закричать, позвать на помощь, но в рот ей тут же впихнули вонючую тряпку. Потом послышался треск; губы поверх тряпки заклеили липкой лентой. Мэнди замычала; звуки не вырывались из ее рта, а вибрировали в голове.

— Ты сама напросилась, верно, куколка? Раз так вырядилась… И такие туфли напялила!

Мэнди набросилась на мужчину с кулаками. В темноте что-то тускло блеснуло. Присмотревшись, она увидела обух столярного топора. Он держал его рукой, затянутой в резиновую перчатку.

— Лежи тихо, мать твою, а то пристукну!

Она застыла в ужасе, не сводя взгляда с поблескивающего металла.

Потом ее сильно ударили в висок. Перед глазами замелькали искры.

Все почернело.

Она не почувствовала, как он вошел в нее, а потом снял с нее туфли.

10 января, суббота

Гэрри Старлинг вошел в переполненный ресторан «Китайский дворик» в начале десятого вечера и сразу поспешил к своему столику. Заметив шагнувшего навстречу метрдотеля, заказал себе пива «Циндао».

— Вы сегодня что-то поздно, мистер Старлинг! — заметил китаец-метрдотель, дружелюбно улыбаясь. — По-моему, ваша жена не очень радуется.

— А то я не знаю! — ответил Гэрри, протягивая метрдотелю купюру в двадцать фунтов.

Подойдя к столику, он увидел, что жена и друзья уже почти смели все закуски. Прямо бакланы какие-то! Ничего ему не оставили… На большом блюде одиноко лежал последний блинчик с начинкой, а скатерть была усеяна водорослями и пятнами от пролитых соусов. Все трое выглядели так, словно успели хорошо набраться.

— Т-ты где шлялся, мать твою? — Дениз, как обычно, наградила мужа кислой улыбкой.

— Если честно, вкалывал как проклятый, дорогая, — ответил Гэрри, быстро целуя в щеку Уллу, жену Мориса. Похоже, с возрастом у нее и в самом деле крыша поехала, если она думает, что может так одеваться. Ее балахоны навевают тоску! Потом Гэрри пожал руку Морису и сел на свободный стул. Дениз он не поцеловал. Он еще год назад прекратил целовать ее в знак приветствия. Смерив Дениз многозначительным взглядом, Гэрри сказал: — Работал. Понимаешь? Вкалывал. Такого слова нет в твоем лексиконе. Знаешь, зачем я вкалываю? Чтобы платить по гребаной ипотеке. И оплачивать твои гребаные счета!

— И твой гребаный дом на колесах!

— Дом на колесах?! — изумился Морис. — Гэрри, с чего ты вдруг? Вроде не в твоем стиле…

— Купил вот «фольксваген». Классика! Настоящий автодом с кухней, туалетом и всем прочим… По-моему, очень практично! Отличное вложение денег… По-моему, нам с Дениз невредно будет отдохнуть на природе. Поедем куда глаза глядят, увидим настоящую красоту… Я бы купил яхту, но ее на воде укачивает.

— У него кризис среднего возраста, вот что! — сказала Дениз, обращаясь к Морису и Улле. — Слышишь, если думаешь, что тебе удастся уговорить меня провести отпуск в твоем долбаном автодоме, то крупно ошибаешься! Вот и в прошлом году все уламывал меня поехать на мотоцикле во Францию и жить в каком-то дешевом кемпинге!

— У меня не какой-то долбаный автодом… — Гэрри поспешил положить себе в тарелку последний блинчик, чтобы не перехватили другие, по ошибке окунул его в острый соус и отправил в рот.

В голове произошел мелкий термоядерный взрыв, лишив его на время дара речи. Дениз тут же воспользовалась положением.

— Паршиво выглядишь! — заметила она. — Откуда у тебя на лбу такая царапина?

— Лазил у одного типа на чердак, смотрел, что там с проводкой, а ее мыши погрызли. И вот напоролся на гвоздь.

Вдруг Дениз нагнулась к мужу и принюхалась.

— Ты курил!

— Ничего подобного! Просто ехал в прокуренном такси, — попытался оправдаться Гэрри с набитым ртом.

— Да неужели? — Дениз смерила его недоверчивым взглядом и повернулась к друзьям: — Он мне мозги пудрит, говорит, что бросил курить. За дуру меня держит! Выходит выгулять собаку или покататься на своем долбаном байке, а возвращается через несколько часов, и от него несет табачищем! Это ведь всегда чувствуется, правда? — Она посмотрела на Уллу, на Мориса и отхлебнула вина.

Гэрри принесли пиво; он отпил большой глоток и покосился на Уллу. Ее буйная шевелюра сегодня была растрепана сильнее обычного. А Морис еще больше, чем всегда, напоминал жабу. Оба они, да и Дениз тоже, выглядели странно, как будто он смотрел на них в кривое зеркало. У Мориса на выпирающем животике натянулась черная футболка; глаза вылезают из орбит, а дорогой, застегнутый на все пуговицы пиджак «Версаче» с блестящими пуговицами ему явно жмет. Как будто донашивает вещи старшего брата.

Из мужской солидарности Морис покачал головой:

— Я ничего не чувствую!

Улла наклонилась ближе к Гэрри и шумно обнюхала его — ну прямо течная сука!

— Приятный одеколон! — уклончиво заявила она. — Запах немного женский, правда.

— «Шанель Платинум», — пояснил Гэрри.

Улла снова повела носом, с сомнением нахмурилась, повернулась к Дениз.

— Ну, так где же ты все-таки был? — осведомилась Дениз. — Вид у тебя паскудный. Хоть бы причесался!

— Может, ты не заметила, но сегодня сильный ветер, — огрызнулся Гэрри. — Пришлось самому разбираться с одним клиентом. Позвонил, распсиховался, а народу сегодня мало. Один свалился с гриппом, другой с чем-то еще, а у Грэма Льюиса из Стейнинга, как назло, все время отключалась сигнализация. Он закатил скандал, угрожал, что разорвет контракт. Пришлось лично ехать к нему и разбираться, в чем дело. Оказалось, у него проводку сгрызли мыши.

Дениз привычно поднесла бокал ко рту и сообразила, что он пуст. К столику подошел официант с новой бутылкой. Гэрри показал на собственный винный бокал, в то же время допивая пиво. Нервы у него были на пределе; он понимал, что ему нужно выпить. Причем много.

— Ваше здоровье! — сказал он, обращаясь ко всем.

Морис и Улла подняли бокалы:

— Твое здоровье!

Дениз молча в упор смотрела на Гэрри. Значит, не верила ему.

Вдруг Гэрри подумал: а когда жена ему вообще верила? Он одним глотком выпил полбокала белого вина, сразу затушив жжение во рту. По правде говоря, в последний раз она поверила ему в тот день, когда они поженились и он произнес свои брачные обеты.

Хотя… он и тогда ни в чем не был уверен. Он до сих пор помнит, как она смотрела на него у алтаря, когда он надевал кольцо ей на палец и повторял все, что требовалось, за священником. В ее глазах горела не любовь, как можно было ожидать, а скорее удовольствие удачливой охотницы, притащившей домой тушу убитого зверя.

Добыча едва не сорвалась с крючка!

И все двенадцать лет, что они вместе, не проходило ни дня, когда бы Гэрри не жалел о том, что женился на ней.

Ну и ладно. В том, что он женат, есть и свои преимущества. Главное — никогда о них не забывать.

Женатый мужчина гораздо респектабельнее.

48

10 января, суббота

— Я составила текст приглашения на свадьбу! — крикнула Клио из кухни.

— Отлично! — отозвался Грейс. — Хочешь, чтобы я тоже взглянул?

— Вместе взглянем, когда ты поужинаешь.

Он улыбнулся. Его умиляла пунктуальность Клио. Любимая обожает планировать все заранее. Еще неизвестно, успеют ли они пожениться до рождения ребенка. Они пока не могут назначить точную дату свадьбы из-за бюрократических проволочек. Вначале необходимо, чтобы Сэнди официально объявили умершей.

Хамфри с довольным видом лежал на полу в гостиной, склонив голову набок, вывалив язык. Рой погладил щенка по мягкому, теплому пузу. На экране висящего на стене плоского телевизора с напыщенным видом выступал какой-то политик-лейборист. Это были «Новости в десять».

Грейс не слушал новости. Сняв пиджак и галстук, он думал о вечерней оперативке и о том, сколько предстоит сделать дома. Он привез с собой целую кучу папок. Сейчас они лежали, дожидаясь его, на диване. В голове теснились вопросы, на которые пока не было ответов.

Если Туфельщик вернулся, где он пропадал целых двенадцать лет? А если оставался в городе, почему так надолго прекратил свои нападения? Может, он вовсе и не успокаивался, просто жертвы действительно не заявляли в полицию?

И все же одно крошечное достижение на их счету уже есть. Оказывается, в Брайтоне сейчас находится один из возможных подозреваемых. Аналитики сделали запрос по преступникам, недавно выпущенным на свободу, и получили ответ из межведомственной базы по охране общественной безопасности.

В эту базу заносили сведения о бывших заключенных, отсидевших за совершение тяжких преступлений и выпущенных на свободу условно-досрочно. Считается, что таким преступникам надо помочь снова стать полноправными членами общества. Бывшие заключенные для удобства делятся на три категории. К первой относят тех, у кого риск рецидива считается низким. По условиям досрочного освобождения они все равно должны время от времени отмечаться у инспектора соответствующей службы. Ко второй категории относят тех, за кем после условного освобождения необходим регулярный надзор. К третьей категории принадлежат закоренелые рецидивисты, чье «исправление» весьма и весьма сомнительно.

Эллен Зоратти обратила внимание на взломщика-рецидивиста по имени Даррен Спайсер, подпадавшего под вторую категорию. Спайсера совсем недавно досрочно освободили из Открытой тюрьмы Форда. До того он почти три года из шестилетнего срока сидел в тюрьме в Льюисе. Спайсера судили за кражи со взломом и непристойное нападение. Помимо краж, Спайсер еще приторговывал героином. В последний раз, вломившись в чужой дом, он застал там хозяйку и попытался ее поцеловать. Женщина не растерялась, оттолкнула вора и успела нажать спрятанную под столом тревожную кнопку, после чего преступник попытался сбежать. На опознании потерпевшая уверенно показала на Спайсера.

Последнее место жительства Спайсера установить нетрудно, он ведь обязан регулярно отмечаться у инспектора, который надзирает за ним на протяжении всего испытательного срока. Правда, Грейс вовсе не был убежден в том, что Даррен Спайсер — тот, кого они ищут. За последние двенадцать лет он несколько раз садился в тюрьму и выходил на волю; почему он не совершал преступления в те периоды, когда находился на свободе? Что еще важнее, раньше за Спайсером не числились преступления на сексуальной почве. В последний раз, правда, он покушался на честь женщины, но это было исключением — хотя, конечно, ни в чем нельзя быть уверенным наверняка. Учитывая мрачную цифру в шесть процентов — а именно столько жертв изнасилования сообщают о преступлении в полицию, — возможно, он ухитрялся насиловать и раньше, только выходил сухим из воды.

Стоило отработать и версию подражателя. Грейса очень беспокоили пропавшие страницы из дела Рейчел Райан. Конечно, их могли по ошибке засунуть в какую-нибудь

другую папку. А если нет? Тогда положение хуже некуда… Неужели сам Туфельщик имел доступ к делу и изъял страницы, способные его изобличить? Если у него есть доступ к делу Рейчел Райан, значит, у него есть доступ ко всем делам Туфельщика!

А может быть, такой доступ к делу получил кто-то совершенно посторонний? Подражатель, который по одной ему известной причине решил копировать почерк Туфельщика.

Но кто он?

Кто-то из тех, кто входит в следственную группу? Грейс отобрал туда самых надежных, самых доверенных! Вряд ли, хотя, конечно, и такое предположение он не имеет права сбрасывать со счетов. Есть множество других людей, вхожих в отдел особо тяжких преступлений, — сотрудники прочих подразделений, вспомогательных служб, уборщики. Грейс решил, что первым делом обязан решить именно эту головоломку.

— Милый, ты уже готов ужинать? — крикнула из кухни Клио.

Она сообщила, что жарит стейк из тунца. Рой обрадовался: может, нездоровое влечение к карри потихоньку проходит? Теперь вместо индийских специй вся квартира пропахла дымом. Незадолго до его прихода Клио растопила камин и расставила по всей гостиной ароматические свечи.

Она смешала ему восхитительный коктейль: ледяную водку с мартини. Рой сделал большой глоток. Протягивая ему бокал, Клио заявила: теперь он обязан пить за них обоих. Что ж, сегодня Грейс ничего против этого не имел. Вскоре в голове приятно зашумело. Машинально поглаживая пса, суперинтендент снова погрузился в свои мысли.

В четверг, в девять вечера, свидетель видел, как от дома Пирсов отъехала машина. Время точно совпадало со временем нападения. Водитель гнал на полной скорости и чуть не сбил соседа. Тот так разозлился, что попытался запомнить номерные знаки, но был уверен только в двух цифрах и одной букве. Прочитав о том, что случилось, в «Аргусе», он сообразил позвонить в полицию.

По словам соседа, за рулем машины сидел мужчина, но из-за затемненных стекол лицо его он не разглядел. Между тридцатью и сорока, с короткими волосами. Вот и все, что он сумел сообщить. Гораздо лучше он запомнил саму машину: светлый «мерседес» с кузовом седан, старой модели, класса E. Интересно, сколько в городе таких «мерседесов»? Наверное, целая куча. Уйдет масса времени, чтобы просеять зарегистрированных владельцев таких машин… Тем более что всех цифр номерного знака у них нет. И времени тоже нет. Время — непозволительная роскошь.

За неделю целых два изнасилования! Пресса и телевидение забили тревогу; статьи и репортажи подогревали страх среди населения. В дежурную часть то и дело звонили перепуганные жительницы Брайтона. Грейс знал, что его непосредственное начальство, старший суперинтендент Джек Скеррит и помощник главного констебля Питер Ригг, хотят как можно скорее увидеть результаты.

Следующий брифинг для прессы назначен на понедельник, в полдень. Если они объявят, что у них уже есть подозреваемый… а еще лучше, что его уже арестовали… тогда все немного успокоятся. Да, возможный подозреваемый у них есть — Даррен Спайсер. Но ничто так не портит имидж полиции в глазах общественного мнения, как сообщение о том, что подозреваемого пришлось отпустить «за недостатком улик». Надо найти «мерседес». Этот след казался Грейсу достаточно перспективным. Впрочем, за рулем мерса не обязательно сидел насильник. Возможно вполне невинное объяснение — например, он друг семьи, который заехал навестить Пирсов, или некто доставивший им посылку.

Судя по тому, что водитель гнал на полной скорости, есть основания предполагать, что именно он тот самый, кого они ищут. Известно, что преступники сразу после совершения

преступления плохо контролируют себя. У них повышенный уровень тревожности, их словно окутывает красная пелена.

Всех подчиненных, кроме двух аналитиков, Грейс отправил по домам. Коллегам нужно хоть немного поспать. Аналитики же работали круглые сутки, сменяя друг друга. Гленн Брэнсон приглашал его по пути домой выпить по кружечке пива, но Грейс извинился, сославшись на то, что в выходные они с Клио почти не виделись. Поскольку семейная жизнь напарника летела под откос, Грейсу все труднее было подыскивать для него слова утешения. Развод — штука невеселая, особенно если у тебя маленькие дети. Но иного выхода для друга Грейс сейчас не видел — хотя от всей души желал, чтобы такой выход все же нашелся. Гленну придется стиснуть зубы и жить дальше. Такой совет легко дать другим, но вот следовать ему почти невозможно.

Ужасно захотелось курить, но Грейс сдержался. Клио не возражала, когда он курил в доме, она вообще не была противницей курения, но Рой не забывал о том, что она ждет ребенка. Пассивное курение иногда вреднее активного… Кроме того, не хочется подавать еще не рожденному малышу плохой пример. Поэтому он отбросил мысли о сигаретах, а вместо них хлебнул еще коктейля.

— Ужин будет готов через пять минут! — крикнула Клио из кухни. — Налить тебе еще? — Она просунула голову в дверь.

Грейс поднял бокал, показывая, что тот почти пуст.

— Если я выпью еще один, то свалюсь под стол!

— Вот такой ты мне нравишься! — ответила Клио, широко улыбаясь.

Ради этой женщины Грейс готов принять что угодно, даже пулю. Он знал, что с радостью умрет за Клио. Не колеблясь ни минуты.

Вдруг его кольнуло чувство вины — непонятно почему. Не так ли он когда-то относился к Сэнди?

Он попытался разобраться в своих чувствах. Да, когда Сэнди исчезла, он пережил настоящий ад. Утром, в тот самый день, когда ему исполнилось тридцать, они занимались любовью. Потом он уехал на работу. Вечером они собирались в ресторан, отметить его юбилей. Он вернулся домой, а Сэнди исчезла.

Ад продолжался много дней, недель, месяцев и лет после ее исчезновения. Грейс рисовал себе всякие ужасы, которые могли с ней произойти. А иногда представлял, что до сих пор происходит с ней в логове какого-нибудь чудовища. Но это был лишь один из возможных сценариев. Он потерял счет экстрасенсам, у которых перебывал за десять лет. И хотя ни один из них не сказал, что Сэнди находится в мире духов, сам Грейс был уверен: ее уже нет в живых.

Через несколько месяцев исполнится ровно десять лет с того дня, как она исчезла. Целое десятилетие. Он успел из жизнерадостного молодого человека превратиться в старого скептика.

И вдруг встретил самую красивую, самую умную, самую невероятную женщину на свете.

Иногда он просыпался, и ему казалось, будто все это ему просто приснилось. Но рядом лежала теплая обнаженная Клио, он судорожно обнимал ее и крепко прижимал к себе, словно желая удостовериться в ее реальности.

«Я так тебя люблю!» — шептал он в такие минуты.

— Ах ты… — Клио вырвалась из его объятий, и чары развеялись.

Запахло горелым; она бросилась к плите.

— Черт, черт, черт!

— Все нормально! Стейк хорошо прожарился. Терпеть не могу сырую рыбу!

— Вот и хорошо!

Кухня была полна черного дыма; воняло горелой рыбой. Запищал датчик пожарной сигнализации. Рой раскрыл окна и дверь во внутренний дворик. Хамфри бросился вон из дома, яростно тявкая на невидимых врагов, затем так же стремительно вернулся в дом и принялся носиться по кухне, облаивая датчик.

Через несколько минут Грейс сидел за столом. Перед ним стояла тарелка с почерневшим тунцом, соусом тартар, слипшимися бобами и разварившейся картошкой.

— Ешь, — велела Клио, — и докажи, что ты меня любишь!

Телевизор над столом был включен без звука. Политика сменил телеповар Джейми Оливер; он энергично вскрывал раковины морских гребешков.

Хамфри потянул хозяина зубами за штанину и попытался запрыгнуть к нему на колени.

— Сидеть! — скомандовал Грейс. — Нечего попрошайничать!

Щенок, нерешительно посмотрев на него, отполз подальше.

Клио села рядом с Грейсом, взглянула на него, нахмурилась:

— Если на самом деле ужасно, можешь не есть.

Грейс подцепил на вилку кусок рыбы. На вкус стейк оказался еще хуже, чем на вид, но все относительно. Сэнди готовила гораздо лучше Клио, даже говорить нечего. В тысячу раз лучше. Но теперь кулинарные таланты любимой не имели для него никакого значения. Хотя он то и дело косился на экран, где вдохновенно творил Джейми Оливер.

— Ну, как прошел день? — спросил он, нерешительно отламывая вилкой следующий кусок горелой рыбы. Может быть, карри все же не такая плохая штука?

Клио рассказала о трупе мужчины весом двести шестьдесят шесть килограммов, которого пришлось забирать в морг из дома. Потребовалась помощь пожарной бригады.

Грейс слушал в оцепенелом молчании, потом поел салата, который Клио положила ему на закусочную тарелку. По крайней мере, салат ей сжечь не удалось.

Меняя тему, она сказала:

— Мне тут кое-что пришло в голову насчет Туфельщика. Хочешь послушать мои соображения?

Грейс кивнул.

— Ладно. Твой Туфельщик… если, конечно, сейчас орудует тот же самый, что и раньше… В общем, мне как-то не верится, что он вдруг взял и избавился от своих заскоков.

— Что ты имеешь в виду?

— Если он двенадцать лет назад и перестал насиловать, то желание у него все равно осталось. И его надо как-то удовлетворять. Может быть, он ходит в притоны садомазохистов — в общем, в такие места, где собираются извращенцы, фетишисты и тому подобные. Поставь себя на его место, влезь, так сказать, в его туфли — извини за каламбур. Представь, что ты — извращенец и тащишься от женской обуви. Представил?

— Такую версию мы тоже отрабатываем.

— Не перебивай. Так вот, представь, что ты придумал, как удовлетворять свое желание. Ты нападаешь на незнакомок в дорогих туфлях, насилуешь их и воруешь у них обувь…

Грейс молча смотрел на Клио.

— И вдруг — нате вам! Ты зашел слишком далеко. Жертва умирает. О деле трубят газеты. Ты решаешь залечь на дно, спрятаться, пересидеть. Но…

— Мы не знаем наверняка, умер ли кто-то из жертв Туфельщика. Известно лишь, что он внезапно прекратил нападать на женщин.

— Слушай дальше! Представь, что ты Туфельщик и по-прежнему тащишься от женских ножек и туфель на шпильках. Рано или поздно желание, которое ты загнал внутрь, прорвется наружу. Тебе снова хочется повторить… Где ты найдешь то, что тебе нужно? В Интернете, конечно! Ты набираешь в поисковике слова «ножки», «фетишисты» и, возможно, «Брайтон». Знаешь, что дальше?

Грейс покачал головой. Логика Клио его увлекла. Он внимательно слушал, стараясь не морщиться от ужасной вони.

— Поисковик выдаст тебе кучу адресов так называемых массажных салонов и садомазопритонов. Мне иногда приходится забирать жмуриков и оттуда… Бывает, старички так распаляются, что…

Зазвонил мобильник.

Извинившись, Клио нажала кнопку «Прием вызова». Выражение ее лица сразу изменилось, сделалось строже. Нажав отбой, она сказала:

— Извини, любимый. На набережной нашли труп. Труба зовет!

Грейс кивнул.

Клио поцеловала его.

— Постараюсь не задерживаться. Увидимся в постели. Надеюсь, продержишься до моего возвращения!

— Постараюсь остаться в живых.

— Пусть в живых останется хотя бы одна часть твоего тела. Та, что для меня важнее всего! — Она легонько ткнула его в низ живота.

— Вот распутница!

— А ты сексуально озабоченный старикашка!

На прощание Клио положила перед ним распечатку:

— Вот, почитай и внеси исправления, какие хочешь.

Грейс посмотрел в текст.

«Мистер и миссис Чарлз Мори
С удовольствием приглашают вас на свадьбу своей дочери
Клио Сюзанны
И Роя Джека Грейса.
Венчание состоится в церкви Всех Святых, Литл-Букэм».

— Не забудь выпустить Хамфри сделать все дела перед тем, как пойдешь наверх! — напомнила Клио с порога.

Не успела она закрыть за собой дверь, как зазвонил его мобильник. Номер звонящего не определился; почти наверняка это кто-то со службы, подумал Грейс.

Так и оказалось.

И новость была вовсе не хорошая.

49

10 января, суббота

В другой части города, в двух милях от тихой жилой улочки в Кемптауне, другая пара тоже обсуждала предстоящую свадьбу.

Джесси Шелдон и Бенедикт Грин уютно устроились друг напротив друга в ресторане «У Сэма» и ели десерт из одной вазочки.

При взгляде на них посторонний увидел бы двоих симпатичных молодых людей лет двадцати пяти-двадцати восьми, явно влюбленных друг в друга. Все сразу становилось ясно по их поведению, по жестикуляции — как говорится, по языку тела. Совершенно не обращая внимания на окружающих их людей, они сидели наклонившись друг к другу, выуживали из вазочки желе и по очереди кормили друг друга.

Несмотря на субботний вечер, наряжаться никто из них не стал. Джесси, которая пришла сюда с тренировки по кикбоксингу, была в сером спортивном костюме с вышитым на куртке логотипом «Найк». Ее обесцвеченные волосы до плеч были собраны в конский хвост, из которого выбилось несколько прядей. У нее было хорошенькое личико, и, если бы не нос, она могла бы сойти почти за классическую красавицу.

В детстве Джесси вечно комплексовала из-за своего носа. По ее мнению, ее нос скорее напоминал птичий клюв. В отрочестве она то и дело косилась на свое отражение в витринах или зеркалах и твердо решила, что в один прекрасный день сделает пластическую операцию.

Но это было давно, в прежней жизни, еще до Бенедикта. Сейчас, в двадцать пять, нос ее больше не волновал. Бенедикт уверял, что обожает ее нос, что и слышать ничего не хочет о пластической операции и надеется, что их дети унаследуют ее форму носа. Последняя мысль не доставляла ей особенной радости. Зачем подвергать детей тем же мучениям, через которые прошла она сама?

«Если у них будет мой нос, сделаю им пластическую операцию», — пообещала себе Джесси.

Как ни странно, такого носа не было ни у ее родителей, ни у бабушек с дедушками. Мама говорила, что нос она унаследовала от прадеда, от которого сохранился лишь выцветший фотоснимок. Проклятому гену крючковатого носа удалось перескочить через два поколения и вплестись в ее ДНК.

Спасибо тебе, прадедушка, огромное!

— Знаешь, с каждым днем я все больше люблю твой нос, — сказал Бенедикт, вручая ей ложку, которую она только что дочиста облизала.

— Только нос? — поддразнила Джесси.

Он пожал плечами и на какое-то время задумался.

— Нет… наверное, и другие части тела тоже!

Она игриво лягнула его под столом.

— Какие именно?

Лицо у Бенедикта было серьезное, открытое; каштановые волосы он аккуратно причесывал. При первом знакомстве он напомнил Джесси чистеньких, почти невозможно красивых актеров, которые играют роль соседских парней в американских телесериалах. Ей так хорошо с ним! Бенедикт спокойный и надежный; едва расставшись, Джесси сразу начинает по нему скучать. Она не могла дождаться, когда они начнут совместную жизнь.

Но кое о чем они предпочитали не говорить.

Проблема нависала над ними и сейчас, отбрасывая на столик свою тень.

— Так ты вчера им сказала или нет?

Вечер пятницы. Шаббат. По традиции Джесси вечером в пятницу приезжала к родителям. Общалась с отцом, матерью, братом, невесткой и бабушкой. Традиционные вечера в кругу семьи ее всегда тяготили. Одно и то же: молитвы и праздничный ужин. Кухарка из мамы никакая; ее фаршированная рыба похожа по вкусу на кошачий корм. Курица пересушена, кукуруза полопалась. Свечи. Ужасное вино, купленное отцом, — на вкус как подогретый гудрон. Как будто распивать спиртные напитки в пятницу — смертный грех, а плохое вино — Божья кара!

Ее братом Маркусом в семье очень гордились. Адвокат, женился на девушке из хорошей еврейской семьи, Рашель, которая сейчас раздражающе беременна. Из-за ее положения братец и невестка ужасно задирают нос.

Джесси давно уже собиралась огорошить родных новостью — четыре пятницы подряд. Она влюблена в гоя и собирается выйти за него замуж! К тому же она выйдет замуж не просто за гоя, но за бедного гоя…

В общем, вчера Джесси опять струсила.

Она пожала плечами:

— Извини, я… собиралась, но… момент был неподходящий. По-моему, пусть они для начала просто с тобой познакомятся. И сразу поймут, какой ты хороший.

Бенедикт нахмурился.

Джесси положила ложку, схватила его за руку:

— Я ведь тебе говорила — с ними бывает непросто…

Бенедикт накрыл ее руку свободной рукой и посмотрел ей в глаза:

— Значит, ты во мне сомневаешься?

Джесси энергично затрясла головой:

— Нет! Конечно нет! Я люблю тебя, Бенедикт, и хочу провести с тобой остаток жизни. У меня нет ни тени сомнения.

Она и правда нисколько в нем не сомневалась.

На пути их счастья стояло кое-что еще. Дело не только в том, что Бенедикт не еврей и небогат. Он совсем не честолюбив в привычном для ее родителей смысле и не стремится разбогатеть. Его честолюбие устремилось в другом направлении. Бенедикт трудится в благотворительном фонде, помогает бездомным. Ему хочется, чтобы неимущие жители Брайтона жили хоть чуточку лучше. Он мечтает о том дне, когда никому в этом богатом городе больше не придется ночевать на улице. Вот за что Джесси особенно восхищается им.

Мама хотела, чтобы Джесси стала врачом; когда-то о том же мечтала и сама Джесси. Когда она, так сказать, опустила планку и вместо медицинской школы поступила на факультет высшего сестринского образования в Университете Саутгемптона, родители еще смирились, хотя мать отнеслась к ее решению не так благосклонно, как отец. Но, закончив университет, Джесси не устроилась на престижную, высокооплачиваемую работу. Она пошла медсестрой-консультантом в приют для бывших наркоманов. Ей хотелось помогать тем, кому плохо. Платят мало, но работу свою она любит.

Правда, перспектив у такой работы никаких. И оснований гордиться дочерью нет ни у отца, ни у матери. Но они восхищаются ее упорством, в этом нет никаких сомнений. Они гордятся ею. И с нетерпением ждут, когда в их жизни появится зять, которым они тоже смогут гордиться. Естественно, они предполагают, что их зять будет хорошо зарабатывать, будет обеспечивать жену, позволит Джесси вести привычный для нее образ жизни.

Вот что больше всего тревожило Джесси.

— Я с радостью познакомлюсь с ними в любое время. Ты ведь знаешь.

Она кивнула и крепче сжала его руку.

— Ты познакомишься с ними на следующей неделе, на балу. Уверена, ты их совершенно очаруешь.

Ее отец, председатель местного благотворительного комитета, собирал деньги для неимущих евреев по всему миру. На следующей неделе в отеле «Метрополь» намечен благотворительный бал; Джесси разрешили привести с собой туда друга.

Платье она уже купила. Недоставало только туфель в тон. Джесси присмотрела себе красивые туфли, но денег на них у нее не хватало. Конечно, она была уверена, что папа с

радостью даст ей необходимую сумму, стоит только попросить. И все же сомневалась — стоит ли. Сегодня утром она присмотрела для себя красивые туфельки «Аня Хайндмарч» — на январской распродаже в местном обувном магазине «Мариэлла». Ужасно красивые и в то же время стильные. Черные лакированные, на двенадцатисантиметровом каблуке, с ремешками вокруг лодыжки и открытым мыском. Но двести пятьдесят фунтов — огромная сумма. Джесси тянула время. А вдруг туфли возьмут да и уценят? Правда, их могут купить до нее… ну и пусть. Она найдет другие. В Брайтоне обувных магазинов хватает. Она обязательно что-нибудь найдет!

Туфельщик согласился с ней.

Сегодня утром он стоял у нее за спиной, у прилавка магазина «Дежа» на Кенсингтон-Гарденз. Слушал, как она объясняла продавщице, что хочет что-нибудь стильное и сексуальное одновременно; ей непременно надо поразить жениха на одном мероприятии, которое состоится через неделю. Потом он следом за ней перешел в другой бутик, «Мариэлла».

Пришлось признать, что в тех черных лакированных туфельках с ремешками, которые она померила, но не купила, она выглядит просто классно. Очень, очень сексуально.

Такие туфли грех тратить на жениха.

Туфельщик искренне надеялся, что она вернется и купит их.

Тогда она наденет их для него!

50

10 января, суббота

На дисплее Ра высветилось:

«Рест. „Китайский дворик". Престон-стрит. Пассажир Стерлинг. Место назн.: Роудин-Креснт».

Двадцать три двадцать. Простояв у ресторана несколько минут, Ра, как положено, включил счетчик. Владелец такси велел включать счетчик через пять минут ожидания. Ра не знал, насколько точны его часы, и хотел быть честным по отношению к пассажирам. Поэтому он всегда давал им еще двадцать секунд форы.

Старлинг… Роудин-Креснт…

Он уже возил этих пассажиров! Своих пассажиров он никогда не забывал, особенно таких. Их адрес: Роудин-Креснт, дом 67. И его жену он хорошо запомнил. Она душится «Шалимаром». Теми же духами, что и его мать. Ага-ага… В тот раз на ней были туфли «Бруно Мальи». У нее четвертый размер. Такой же, как у его матери.

Интересно, какие туфли на ней будут сегодня?

В нем нарастало возбуждение. Двери ресторана открылись, и он увидел выходящую оттуда парочку. Мужчина цеплялся за свою спутницу; похоже, нетвердо держался на ногах. Она помогла ему спуститься со ступенек на тротуар.

На мужа Ра не смотрел. Он смотрел на туфли жены. Красивые! Высокий каблук. Ремешки. В его вкусе.

Мистер Старлинг пригнулся к опущенному окошку:

— Т-такси на Р-роудин-Креснт? Для С-старлинга?

Судя по голосу, как и по внешнему виду, он был пьян в стельку.

Владелец такси много раз твердил Ра: он не обязан сажать пьяных пассажиров, особенно таких, которых может вырвать. Потом придется платить кучу денег, чтобы отчистить салон, потому что вонь проникает везде — в вентиляционные отверстия, в

электромотор, под сиденья. Никому не нравится ездить в такси, которое воняет рвотой. Да и водить такую машину неприятно.

Но сегодня ночь выдалась тихой, пассажиров мало. Владелец такси рассердится, если он привезет ему мало денег. Он уже выражал недовольство тем, как мало Ра зарабатывает после Нового года. По его словам, он и предположить не мог, что таксист способен так мало заработать в канун самого Нового года!

Ему нужно набрать побольше денег; он не хочет, чтобы владелец такси его уволил и нанял вместо него другого. Поэтому он решил рискнуть.

А еще ему хотелось понюхать духи женщины. И потом, приятно знать, что ее туфли едут вместе с ним в такси!

Старлинги сели на заднее сиденье, и Ра тронулся с места. Поправил зеркальце, чтобы лучше видеть лицо миссис Старлинг, после чего сказал:

— Красивые туфли! «Альберта Ферретти», да?

— Вы кто — из-звращенец, что ли? — Судя по голосу, дамочка выпила не меньше мужа. — По-моему, вы уже нас возили, причем недавно. Неделю назад, д-да?

— Тогда на вас были туфли «Бруно Мальи».

— Какая у вас п-память! Не в-ваше собачье дело, какие туфли я н-ношу!

— Любите красивые туфли? — не унимался Ра.

— Д-да, она обожает красивые т-туфли, — вмешался Гэрри Старлинг. — Тратит на них все мои денежки! Все кровно заработанные спускает на свои распроклятые туфли!

— Все потому, дорогой, что у тебя встает, только когда… ой! — громко вскрикнула его жена.

Ра снова посмотрел на нее в зеркальце. Лицо женщины сморщилось от боли. В прошлый раз, когда он вез Старлингов, она его обхамила.

Приятно видеть, что ей больно.

1998

51

10 января, суббота

Последние несколько дней он только и думал о Рейчел Райан, которая лежит в морозилке в его гараже. Избавиться от нее было нелегко. Ее лицо смотрело на него из каждой проклятой газеты. Заплаканные родители обращались к нему лично — к нему одному — из каждого проклятого выпуска новостей по телевизору.

«Пожалуйста, кто бы вы ни были, если вы похитили нашу дочь, верните ее нам! Она славная, невинная девушка, и мы ее любим. Пожалуйста, не причиняйте ей вреда!»

— Ваша проклятая дочь сама виновата! — шипел он им в ответ. — Если бы она не сорвала с меня маску, ничего бы ей не было! Была бы в полном порядке. Была бы с вами по-прежнему… А теперь у меня из-за нее сплошные неприятности!

Мысль, пришедшая ему в голову вчера ночью, медленно, но верно овладевала им. Да, такое решение будет просто идеальным! Он снова и снова прикидывал все за и против. Таким образом он разом решит все свои проблемы. Гораздо рискованнее откладывать, чем действовать.

Почти в каждой газете упоминается белый микроавтобус. О нем пишут в «Аргусе», прямо в заголовках, громадными буквами: «КТО-НИБУДЬ ВИДЕЛ ЭТОТ МИКРОАВТОБУС?» И ниже подзаголовок: «Примерно такой видели на Истерн-Террас».

Полицейские уверяют, что их завалили звонками. Интересно, сколько звонящих сообщают о белых микроавтобусах?

О его белом микроавтобусе?

Белых «фордов-транзитов» по всей стране целая куча. Но полицейские не дураки. Пройдет совсем немного времени, и кто-нибудь сообщит им о белом микроавтобусе, который стоит в его запертом гараже. Надо вытащить оттуда девушку. И как-то обработать кузов — он читал о достижениях современной криминалистики. Но с проблемами нужно разбираться постепенно, по одной.

Снаружи проливной дождь. Суббота, одиннадцать вечера. В городе почти ночь. В такую ужасную погоду на улицах наверняка будет немноголюдно.

Решившись, он вышел из дома, сел в свой фордик-«сиерра». Через десять минут с металлическим лязгом открыл ворота гаража. Фары машины на всякий случай включать не стал, захватил с собой фонарик.

Молодая женщина в морозилке совсем обледенела; ее лицо в ярком луче фонарика показалось ему полупрозрачным.

— Сейчас мы с тобой немного покатаемся, Рейчел. Надеюсь, ты у меня девушка хладнокровная?

Он ухмыльнулся своей шутке. Вот именно — хладнокровная! На душе полегчало. Все получится! Ему тоже нельзя терять хладнокровия. Как там говорится в стихах, которые ему где-то попались? «Когда ты тверд, а все вокруг в смятенье…»

Он достал пачку сигарет, попробовал закурить. Но проклятые руки так дрожали, что не сразу удалось чиркнуть колесиком зажигалки, а потом никак не удавалось поднести пламя к сигарете. По шее заструился холодный пот, как будто где-то в нем подтекал кран.

Около полуночи, пристегнув к поясу нужные инструменты, он выехал на Льюис-роуд, миновал здание морга. «Дворники» энергично очищали ветровое стекло от капель дождя. Потом повернул налево, на бетонную дорогу, которая вела в место назначения: в похоронное бюро «Дж. Банд и сыновья».

Внутри у него все скрутилось в тугой узел; его трясло, на лбу выступил пот. *Дура, дура проклятая, проклятая Рейчел, ну кто тебя надоумил срывать с меня маску?*

Над занавешенной витриной на стене он заметил коробку охранной сигнализации. «Суссекские системы безопасности». Проблем не будет, подумал он, останавливаясь у стальных ворот, запертых на висячий замок. Открыть такой — пара пустяков!

Напротив, через дорогу, агентство недвижимости, а на двух верхних этажах — квартиры. В одной из них горел свет. Наверняка жильцы привыкли к тому, что клиентов в похоронное бюро доставляют круглосуточно.

Он выключил свет, вылез из «сиерры» под дождь. Первым делом надо разобраться с замком. Мимо по дороге проехало несколько машин. Кто там — не полицейские ли? Действительно, патрульная машина с включенными проблесковым маячком и сиреной. Он затаил дыхание, но патрульные не обратили на него никакого внимания. Наверное, спешат на вызов. Через несколько секунд он благополучно въехал на задний двор похоронного бюро и остановил «сиерру» между двумя катафалками и микроавтобусом. Потом под дождем побежал назад и закрыл ворота, повесив на них цепь и оставив висячий замок болтаться сверху. Со стороны ничего не заметно.

На то, чтобы подобрать отмычку к замку «Чабб» на двойных дверях черного хода, у него ушло меньше минуты. Он очутился в темной прихожей и сморщил нос. В похоронном бюро пахло бальзамирующим составом и дезинфекцией. Запищал сигнал тревоги — внутренняя

сигнализация. До включения внешней сирены у него есть шестьдесят драгоценных секунд. Переднюю панель коробки сигнализации он снял за двадцать пять секунд. Еще через пятнадцать секунд сигнализация замолчала.

Стало тихо — слишком тихо.

Он закрыл за собой дверь. И стало еще тише. Слышалось лишь тихое жужжание холодильника и равномерное тиканье часов или какого-нибудь счетчика.

По коже забегали мурашки. Немудрено в таком месте! Он вспомнил, когда был здесь в последний раз; тогда он тоже был один и перепугался до смерти. Здесь ведь одни только жмурики — мертвецы, как Рейчел Райан. Правда, мертвецы не причинят тебе вреда и не станут о тебе сплетничать. Не набросятся на тебя из-за угла.

Но лучше ему от таких мыслей не стало.

Он посветил фонариком вперед и увидел коридор. Попытался сориентироваться. Увидел плакаты в рамочках: требования техники безопасности, лицензии… В специальном шкафчике огнетушитель; рядом автомат с питьевой водой.

Он зашагал по коридору. По кафельному полу его теннисные туфли ступали бесшумно. Он внимательно прислушивался ко всем звукам снаружи и внутри. Справа он увидел лестницу. Вспомнил, что она ведет в отдельные салоны — «залы прощания» или «приделы вечного покоя», где друзья и родные могут в уединении навестить своих усопших и оплакать их. В каждом зале на кушетке лежал труп: мужчины в пижамах, женщины в ночных рубашках. Из-под простыней виднелись только головы. Аккуратно причесаны, лица порозовели от бальзамирующего состава. Все покойники как будто остановились на ночь в каком-то пошлом отеле.

Отличие только в одном: утром они не смогут сбежать, не заплатив по счету. Он невольно ухмыльнулся, хотя ему по-прежнему было не по себе.

Посветив фонариком в открытый проем слева, он увидел лежащую ничком белую мраморную статую. Присмотревшись, он понял: никакая это не статуя. Еще один жмурик на столе. С правой ноги свисают две надписанные от руки бирки. Старик лежит, разинув рот; похож на рыбу, вытащенную из воды. Из разрезов торчат трубки, по которым труп накачивают бальзамирующим составом; бесполезный теперь пенис сморщился, усох.

Рядом со стариком стоят гробы — с покойниками и без. Крышкой закрыт только один. К крышке привинчена медная пластинка с фамилией.

Он остановился и прислушался. Но услышал только глухой стук собственного сердца. Кровь ревела, словно река в наводнение. Он не слышал шума машин на улице. Из внешнего мира за эти стены проникало лишь слабое оранжевое мерцание уличных фонарей.

— Привет всей честной компании! — громко сказал он, обводя помещение лучом фонарика. Ему по-прежнему было очень не по себе. Наконец он увидел то, что искал. На крючках висели отксерокопированные анкеты — листы бумаги формата А-4.

Скорее, скорее! Вот сведения обо всех лежащих здесь трупах. Имя, фамилия, возраст, время и место смерти, распоряжения касательно похорон. Кроме того, список дополнительных расходов. Нужные квадратики помечены галочками: услуги органиста, общие похоронные расходы, покупка места на кладбище, гонорар врачу, снятие кардиостимулятора, кремация, услуги могильщиков, подготовка документов, цветы, открытки, некролог, гроб, урна…

Он быстро прочел первую анкету. Не годится: стоит галочка в графе «Бальзамирование». То же самое было указано и в следующих четырех анкетах. Сердце у него ушло в пятки. Раз заказано бальзамирование, значит, похороны состоятся не раньше чем через несколько дней.

Зато пятая анкета оказалась настоящим подарком:

«Миссис Молли Уинифрид Глоссоп
Ум. 2 января 1998 года, возраст — 81 год».

И ниже:

«Погребение состоится 12 января 1998 года, в 11 часов».

Утром в понедельник!

Слово «погребение» ему, правда, не слишком понравилось. Лучше бы кремация. Сожгут — и делу конец. Так спокойнее.

Он прочел оставшиеся шесть анкет. Но они совсем не подходили. Все похороны пройдут лишь через несколько дней — слишком рискованно, вдруг родственники заметят неладное? И для всех покойников, кроме старушки Молли Уинифрид Глоссоп, заказано бальзамирование.

Раз ее не хотят бальзамировать, значит, у нее жадные родственники. Вполне вероятно, они не станут внимательно рассматривать ее труп. Можно надеяться, что никакой дальний родственник не примчится сегодня ночью или завтра рано утром, чтобы в последний раз взглянуть на усопшую.

Луч фонарика упал на крышку закрытого гроба. Он просиял.

«Молли Уинифрид Глоссоп», как он и ожидал. «Умерла 2 января 1998 года, возраст — 81 год».

Гроб закрыт, крышка привинчена. Хороший знак. Значит, скорбящие родственники не явятся в последний раз взглянуть на дорогую покойницу!

Сняв с пояса отвертку, он отвинтил блестящие медные шурупы, держащие крышку, откинул ее и заглянул внутрь. В ноздри ударил запах свежей стружки, дерева, клея, новой ткани и дезинфицирующей жидкости.

Мертвая старушка лежала на кремовой атласной обивке; голова высовывалась из белого савана, в который закутали тело. С первого взгляда она показалась ненастоящей; какой-то странной куклой-бабушкой. Лицо у нее оказалось истощенным, костлявым, морщинистым и угловатым, все в пятнах. Нитки на губах — рот зашили наглухо. Аккуратные седые кудряшки.

К горлу подкатила тошнота — он кое-что вспомнил. Снова подступил ком — на сей раз от страха. Он обхватил покойницу обеими руками и начал ее поднимать. Изумился тому, какая она легкая. В его руках она казалась просто невесомой. Ничего на ней не осталось, никакой плоти. Должно быть, умерла от рака, решил он, перекладывая старушку на пол. Вот незадача, она гораздо легче, чем Рейчел Райан! Килограммов на тридцать легче. Остается надеяться, что носильщики ничего не заметят.

Он выбежал наружу, рывком открыл багажник «сиерры» и достал оттуда тело Рейчел Райан, которое обернул в два слоя толстой полиэтиленовой пленки, чтобы, когда она оттает, из нее не протекла вода.

Через десять минут, заново включив сигнализацию, привинтив переднюю панель и навесив замок на ворота, он вывел «форд-сиерру» на улицу и вписался в плотный поток машин. Субботний вечер; нескончаемый проливной дождь. Словно гора упала у него с плеч. Он бесшабашно гнал машину вперед, то и дело перестраиваясь из ряда в ряд, резко тормозя на красный свет.

Он то и дело напоминал себе: важно не терять хладнокровия! Ведь не хочет же он привлечь к себе внимание полиции — тем более что в багажнике у него лежит труп Молли Уинифрид Глоссоп. Он включил радио, где как раз пели «Битлз»: «Мы можем это решить».

В приподнятом настроении он хлопнул рукой по рулевому колесу. *Да! Да! Да! Мы можем, это решить!*

О да!

Первая часть задуманного прошла как по маслу. Осталось довести дело до конца. Ему будет нелегко: придется учитывать несколько неизвестных. Но другого выхода у него нет. Он считал, что все продумал замечательно.

Наши дни

52

11 января, воскресенье

По воскресеньям в приюте Святого Патрика вводились некоторые послабления. Хотя уйти обитатели должны были в полдевятого утра, как в будни, вернуться они могли в пять вечера.

Даррен Спайсер считал, что и пять вечера в воскресенье — слишком сурово. В конце концов, приют находится в церкви. Разве церковь не должна предоставлять убежище в любое время? Особенно в такую паршивую погоду. Но качать права он не собирался: важно, чтобы его считали образцовым жильцом. Тогда скоро его переведут в отдельный отсек. Целых десять недель он будет жить один — и приходить-уходить можно когда захочет. Да, красота! Жизнь пойдет на лад, хотя и не в том смысле, как думают те придурки, что заправляют приютом.

На улице дождь лил как из ведра. И холод собачий. Но Спайсеру не хотелось торчать в четырех стенах. Он принял душ, съел миску овсянки и тост. Его соседи включили телик и смотрели повтор футбольного матча, хотя изображение немного дергалось.

Да, футбол! Его родная команда — «Брайтон-и-Хоув Альбион». Единственный раз команда была в зените славы. Тогда Даррен был еще совсем сопляком. В тот волшебный день «Альбион» играл на стадионе «Уэмбли» в финале Кубка футбольной ассоциации. Матч закончился вничью. В Лондон тогда съехалась половина жителей Брайтона и Хоува, а другая половина сидела в гостиных, прилипнув к телевизорам. Взломщику редко выпадает такой удачный день!

Вчера Спайсер в самом деле сходил на стадион «Уитдин» посмотреть матч. Футбол он любил, хотя и не принадлежал к числу ярых фанатов «Альбиона». Он предпочитал «Манчестер Юнайтед» и «Челси», а вчера отправился на стадион по собственным делам. Ему нужно было купить немного кокса; а дешевле добыть дозу не через посредников, а лично. Его всегдашний поставщик сидел, как всегда, на своем месте. В общем, кроме цены и качества товара ничего не изменилось. Цена подскочила до небес, а качество… лучше и не говорить.

После матча он купил себе за сто сорок фунтов мячик — так на улице называют дозу в одну восьмую унции, три с половиной грамма. Покупка пробила брешь в его скудных сбережениях. Два грамма употребил почти сразу, догнался парой кружек пива и несколькими стопками виски. Оставшиеся полтора грамма он сберег на сегодня. С ними легче будет одолеть скуку.

Спайсер надел спецовку и бейсболку. Почти все остальные обитатели приюта валялись на койках, болтали, размышляли каждый о своем или смотрели телевизор. Им, как и ему, некуда было идти, особенно в воскресенье, когда закрыты библиотеки. В библиотеке тепло и можно бесплатно болтаться часами, не вызывая подозрений. Но у Спайсера были на сегодня другие планы.

Круглые часы на стене над раздаточным окошком — его уже закрыли — показывали восемь двадцать три. Через семь минут пора выходить.

В такие времена, как сейчас, он скучал по тюрьме. За решеткой жить просто. Там тепло и сухо. Там привычный распорядок и привычная компания. Не о чем беспокоиться. Зато можно мечтать.

Он напомнил себе о своих мечтах. О зароке, который дал, находясь на нарах. Надо обеспечить себе будущее. Подкопить деньжат и начать честную жизнь.

Нежась последние несколько минут в тепле, Спайсер машинально читал висящие на стенах плакаты:

«Начинаешь новую жизнь? Бесплатные строительные курсы для мужчин!»
«Бесплатные курсы по безвредности пищевых продуктов».
«Бесплатные новые курсы — интеграция в семью и общество».
«Принимаешь анаболики? Будь осторожен!»
«У тебя проблемы с кокаином или другими наркотиками?»

Он шмыгнул носом. Да, у него действительно проблема с кокаином. Сейчас проблема еще небольшая: кокса мало, но он есть. А на то, чтобы купить еще, не хватает денег. И вот это уже серьезная проблема. Он понял: вот что ему нужно. Да! Вчера он купил дозу, заторчал и захотел бабу — так захотел, что аж больно стало. Но какого черта?

Утром его ломало. Очень сильно. Надо купить какого-нибудь пойла, запить им остаток кокса — и будет ему наплевать на паршивую погоду. Он обследует богатые кварталы, которые заранее для себя наметил.

Воскресенье — неважный день для взлома. Богачи сидят по домам. Но даже если их нет, соседи наверняка дома. Сегодня он пойдет на разведку, наметит себе цель, так сказать. У него целый список перспективных домов — не зря же он в тюрьме так упорно переписывался с разными страховыми компаниями. Он выяснил все заранее и теперь не станет тратить зря драгоценное время. Целый список домов и квартир, у чьих хозяев имеются дорогие побрякушки и столовое серебро. В отдельных случаях ему присылали даже подробную опись ценностей. Кое у кого очень даже можно поживиться. Если он будет достаточно осторожен, то скоро скопит достаточно на новую жизнь.

— Даррен!

Услышав свое имя, он вздрогнул и обернулся. Его поманил к себе работающий в приюте волонтер, парень лет тридцати, по имени Саймон, в синей рубашке и джинсах, с короткими волосами и баками.

Спайсер подозрительно покосился на волонтера. Интересно, что не так? Может, кто-нибудь вчера на него стукнул? Видел его расширенные зрачки? Если застукают с наркотой или даже под кайфом, могут сразу вышвырнуть.

— Вас там спрашивают. Два джентльмена.

Его как будто огрели по голове тяжеленным мешком. И внутренности превратились в желе. То же самое он испытывал всякий раз, когда понимал, что прокололся и его сейчас арестуют.

— Ладно, — протянул он, изображая равнодушие и невозмутимость.

«Два джентльмена», надо же!

Следом за Саймоном он вышел в коридор. В голове метались обрывки мыслей. Интересно, из-за чего они явились по его душу? Значит, все-таки прокололся в последние дни!

За пределами общего зала приют снова превращался в церковь. Спайсер прошел длинным сводчатым коридором к приемной. За застекленной дверью топтались двое. Так и есть, судя по костюмам и обуви, легавые.

Один тощий и длинный, как жердь, с короткими жесткими взлохмаченными волосами; глаза красные — похоже, он уже давно не высыпается. Второго, бритоголового чернокожего, Спайсер смутно помнил.

— Даррен Спайсер? — спросил чернокожий.

— Да.

Чернокожий показал ему удостоверение; Спайсер едва взглянул на него.

— Сержант Брэнсон, уголовная полиция Суссекса. Это мой коллега, констебль Николл. С вами можно поговорить?

— Я вообще-то занят, — ответил Спайсер. — Но для вас, думаю, минутка найдется.

— Очень вам признателен.

— Вот и хорошо. Всегда рад помочь стражам порядка и так далее… — Спайсер кивнул. — Да уж! — Он шмыгнул носом.

Парень-волонтер открыл дверь и жестом показал, куда им пройти.

Спайсер оказался в небольшом зале, в котором стояли стол и шесть стульев. Противоположная стена оказалась витражной. Он сел на стул; оба легавых устроились напротив.

— Даррен, мы с тобой, кажется, уже встречались? — спросил сержант Брэнсон.

Спайсер нахмурился:

— Да, может быть. Лицо у вас знакомое. Вот пытаюсь вспомнить, где мы встречались.

— Я допрашивал тебя года три назад, сразу после ареста — тебя взяли за кражу со взломом и непристойное нападение. Теперь припоминаешь?

— Да, теперь припоминаю.

Спайсер ухмыльнулся и обвел взглядом обоих легавых, но ни один из них не улыбнулся в ответ. У лохматого затрезвонил мобильник. Он посмотрел на дисплей, поднес трубку к уху, быстро сказал: «Я занят. Перезвоню» — и нажал отбой.

Брэнсон достал блокнот и некоторое время листал его.

— Тебя освободили из тюрьмы 28 декабря, верно?

— Да, совершенно верно.

— Нас интересует, где ты был и что делал после того дня.

Спайсер фыркнул:

— Видите ли, сержант, дневника я не веду. И личной секретарши у меня тоже нету.

— Ничего страшного. — Лохматый достал из кармана черную записную книжечку. — У меня все записано. Вот этот ежедневник — за прошлый год, а к Новому году я купил другой. С датами мы тебе поможем.

— Очень любезно с вашей стороны, — ответил Спайсер.

— Для того мы сюда и приехали, — сказал Ник Николл. — Хотим сделать тебе любезность.

— Начнем с Рождественского сочельника, — сказал Брэнсон. — Насколько я понимаю, в Открытой тюрьме Форда тебя держали на свободном режиме и ты по будням целыми днями был в городе, работал в отделе техобслуживания в отеле «Метрополь» вплоть до дня досрочного освобождения. Так?

— Да.

— Когда ты в последний раз был в «Метрополе»?

Спайсер ненадолго задумался, а потом ответил:

— В канун Рождества.

— А 31 декабря? — не отставал Брэнсон. — Где ты был накануне Нового года?

Спайсер почесал нос и снова фыркнул.

— Меня пригласили встретить Новый год в Сандринхем, резиденцию королевской семьи, а я подумал: на фиг, нечего тратить время на всяких там расфуфыренных франтов…

— Прекрати, — сухо оборвал его Брэнсон. — Не забывай, что тебя освободили условно. Мы с тобой можем побеседовать хорошо или плохо. Хорошо — это здесь и сейчас. А можем снова арестовать и разговаривать совсем по-другому. Нам-то все равно.

— Нет, уж лучше здесь, — торопливо ответил Спайсер, снова шмыгнув носом.

— Простудился? — осведомился Ник Николл.

Спайсер покачал головой.

Полицейские многозначительно переглянулись.

— Ну ладно, — сказал Брэнсон. — Итак, где ты был в канун Нового года?

Спайсер положил руки на стол и уставился на свои пальцы. Все ногти были обкусаны до мяса — и кожа вокруг них тоже.

— Пил в «Невилле».

— В пабе «Невилл»? — уточнил Ник Николл. — Возле стадиона, где проходят собачьи бега?

— Ну да, у собачек.

— Может кто-нибудь подтвердить, что ты там был? — спросил Брэнсон.

— Я был там с несколькими… ну, вы понимаете… знакомыми. Да. Могу дать вам их имена.

Ник Николл повернулся к коллеге:

— Если там есть камера видеонаблюдения, можно проверить по записи. Кажется, камера у них была — я по прошлому делу помню.

Брэнсон что-то черкнул в блокноте.

— Если только они не стерли запись; как правило, записи сохраняют только в течение недели. — Он перевел взгляд на Спайсера: — В какое время ты вышел из паба?

Спайсер пожал плечами:

— Не помню. Пьяный был. В час или в полвторого, наверное.

— Где ты тогда жил? — спросил Ник Николл.

— В ночлежке в Кемптауне.

— Кто-нибудь видел, как ты вернулся домой?

— В ночлежке-то? Нет! Тамошние не способны ничего запомнить.

— Как ты попал домой? — спросил Брэнсон.

— Позвонил личному шоферу, и он подогнал мне «роллс-ройс». Как же еще?

Вид у Спайсера был такой невинный, что Гленн с трудом удержался от улыбки.

— Значит, шофер может за тебя поручиться?

Спайсер покачал головой:

— Пешком дошел, вот как. На своих двоих.

Брэнсон пролистал в блокноте несколько страничек назад.

— Переходим к прошлой неделе. Где ты был 8 января, в четверг, с шести вечера до полуночи?

Спайсер ответил быстро, как будто заранее подготовился:

— На собачьих бегах! Пробыл там где-то до половины восьмого, а потом вернулся сюда.

— На стадионе для собачьих бегов? Значит, ты завсегдатай в тамошнем пабе, в «Невилле»?

— Ну да, пабов там хватает.

Брэнсон тут же сообразил: стадион собачьих бегов менее чем в пятнадцати минутах ходьбы от дома Пирсов.

— Чем докажешь, что ты там был? Может, сохранил корешки от квитанций? Ты там один был или с кем-то?

— Подцепил одну птичку… — Спайсер замялся.

— Как ее звали? — спросил Брэнсон.

— В том-то и беда. Она замужем. А муж не ночевал дома. Знаете, она не обрадуется, если вы явитесь к ней и начнете допрашивать.

— Какие мы благородные, а, Даррен? Совесть проснулась? — сказал Брэнсон, а про себя подумал: странное совпадение. Мужа Рокси Пирс тоже в ту ночь не оказалось дома.

— Докажи, что в то время ты был на собачьих бегах.

Спайсер смерил легавых тоскливым взглядом. Ужасно хотелось курить.

— А в чем дело-то? Вы уж объясните, что стряслось.

— В городе орудует серийный насильник. Мы опрашиваем возможных подозреваемых.

— Значит, вы меня подозреваете?

Брэнсон покачал головой:

— Нет, но ты, благодаря своим подвигам, входишь в круг наших интересов.

Он не сказал Спайсеру, что проверил архивы и установил: в конце 1997 года его тоже освободили из тюрьмы за несколько дней до того, как Туфельщик совершил свое первое (а может, и не первое) нападение.

— Вернемся ко вчерашнему дню. Где ты был с пяти до девяти вечера?

Спайсер чувствовал, что лицо у него горит. Его загнали в угол. Ему совсем не нравились вопросы, которыми осыпали его легавые. Ответить им он не мог, потому что был в парке за одним домом на Вудленд-Драйв, где живут местные миллионеры, и покупал кокс у одного из тамошних обитателей. Но стоит ему назвать адрес, и вряд ли он доживет до своего следующего дня рождения.

— Ходил на матч с участием «Альбиона». А потом выпили немного с приятелем. В приют я вернулся вовремя, ясно? Вернулся, поужинал и лег спать.

— Паршиво играли наши, а? — спросил Ник Николл.

— Да, тот второй гол им забили, как… — Спайсер в притворном отчаянии вскинул руки и снова посопел.

— Имя у твоего приятеля есть? — спросил Гленн Брэнсон.

— Не-а. Знаете, даже смешно. Время от времени видимся с ним, вот уже много лет подряд, а как его зовут, я до сих пор не знаю. Мы с ним выпиваем после матчей, ну, болтаем о том о сем, и все.

— Почему? — спросил Ник Николл.

Спайсер пожал плечами.

Полицейские долго молчали.

Брэнсон снова полистал блокнот.

— Сюда ты обязан возвращаться в половине девятого вечера. Мне сказали, что вчера ты пришел без четверти девять, еле языком ворочал, а зрачки были расширены. Ты очень обрадовался, что тебя пустили. Ведь здесь наркота под запретом.

— Какая наркота? О чем вы говорите, сэр? — Спайсер снова шмыгнул носом.

— Как же, как же. А сегодня у тебя простуда, верно?

— Да. Наверное, в том и дело. Вы правы! Сильно простудился.

Брэнсон кивнул.

— Ты, наверное, до сих пор веришь в Санта-Клауса?

Спайсер лукаво улыбнулся, не совсем понимая, куда клонит сыщик.

— В Санта-Клауса? Да… Ну да, а что?

— Перед следующим Новым годом напиши ему письмо. Пусть подарит тебе носовой платок!

53

11 января, воскресенье

По воскресеньям Ра не выезжал на смену, потому что у него были другие заботы.

Это выражение он у кого-то подслушал, и ему понравилось. «У меня другие заботы!» Приятно звучит. Иногда он любил произносить вслух отдельные слова или фразы, которые ласкали слух.

— Почему ты никогда не работаешь по воскресеньям? — спросил его недавно владелец такси.

— Потому что вечером в воскресенье у меня другие заботы, — с важным видом ответил Ра.

По воскресеньям у него в самом деле было чем заняться. Важные дела отнимали почти весь день — с раннего утра, когда он вставал, и до поздней ночи.

Сейчас как раз ночь.

Утром по воскресеньям он первым делом проверял, нет ли где протечек: внизу, под ватерлинией, и наверху. Потом он прибирался, наводил порядок. Во всем Шорэме у него был самый чистый плавучий дом. Потом он придирчиво мылся и чистился сам. Он был самым чистым и гладковыбритым таксистом во всем Брайтоне и Хоуве.

Когда владельцы «Тома Ньюбаунда» наконец вернутся из Индии, они — Ра не сомневался — будут им гордиться. Может быть, и дальше позволят ему жить с ними, если он вызовется мыть и чистить баржу каждое воскресенье.

Он очень на это надеялся. Ведь идти ему больше некуда.

Один сосед сказал Ра: его баржа такая чистая, что с палубы можно есть. Если захочется. Ра его не понял. Зачем есть с палубы? Если он поставит еду на палубу, мигом слетятся чайки и все расклюют. Потом придется убирать за ними крошки и грязь и снова драить палубу. Отмывать дочиста. Дурак этот сосед!

За долгие годы он понял: на дурацкие предложения лучше не реагировать. Зачем вообще разговаривать с идиотами? Приличные люди держат свои соображения при себе.

Каждый час он заваривал себе чай и пил его. А вечером ужинал — всегда одинаково: разогревал замороженную лазанью в микроволновке. Перед ужином он пересматривал свою коллекцию туалетных цепочек для спуска воды, которую собирал с детства. Коллекция хранится в трюме, в тайнике. На «Томе Ньюбаунде» Ра нашел несколько отличных тайников. В одном из них лежит и его коллекция туфель.

Ему нравилось не спеша раскладывать свои цепочки на полу в салоне. Сначала он их пересчитывал — убеждался, что ничего не украли. Потом осматривал каждый экспонат — нет ли где пятен ржавчины. Потом чистил их, с любовью натирал полиролью для металла каждое звенышко.

Убрав цепочки на место, Ра подключался к Интернету. Изучал карты, проверял, какие в них внесли изменения. К такому открытию он пришел не сразу. Оказывается, карты изменяются, как и все остальное. На них нельзя полагаться. Ни на что нельзя полагаться. Прошлое — зыбучий песок. Ты что-то прочел, сохранил в голове, а оно р-раз — и меняется. Если ты что-то когда-то выучил, надо обязательно проверять, потому что и факты, и знания тоже меняются. Вот и с картами так. Если полагаться только на карты, хорошим таксистом не станешь. Надо все время быть в курсе, даже в мелочах!

То же самое и с новой техникой.

То, что ты знал пять, десять и пятнадцать лет назад, не обязательно сгодится сегодня. Меняется технология. Здесь, на барже, у него в шкафчике много схем охранной сигнализации. Ему нравилось их разбирать. Нравилось находить недостатки в системе. Давным-давно он понял: во всем, что создано руками человека, можно найти недостаток. Ра коллекционировал и недостатки — в голове. Информация — это знание, а знание — сила!

Сила и власть над теми людьми, которые считают его никудышным. Которые презирают его и смеются над ним. Иногда он сразу понимал, что пассажиры в такси смеются над ним. Он видел их лица в зеркальце. Они сидели на заднем сиденье, ухмылялись и перешептывались. Говорили о нем. Думали, у него не все дома. Считали его дурачком… Да, дурачком!

Да уж!

Совсем как его мать.

Она совершила ту же ошибку. Считала его дураком. Мать не знала, что иногда, днем или по ночам, когда она была дома, он следил за ней. Она понятия не имела, что он провертел дырочку в потолке ее спальни. Бывало, он тихо лежал на чердаке над ее спальней и наблюдал, как она делает мужчине больно своими туфлями. Он видел, как она трахает голых мужчин в зад своими высоченными шпильками.

Иногда она запирала Ра в его комнате, приносила ему еду и ведро и на всю ночь бросала его одного. Щелкал замок, а потом она цокала каблуками. Цокот постепенно стихал вдали.

Мать так и не узнала, что он хорошо разбирается в замках. Что прочел и запомнил все специализированные журналы и все инструкции, какие смог заполучить в справочной библиотеке. Он знал почти все, что нужно знать о скучных цилиндрических, кулачковых, рычажных замках. Ра думал: нет на свете такого замка или охранной сигнализации, с которыми он бы не справился. Нет, он не пробовал сладить со всеми. Он понимал, что на это уйдет очень много времени.

Когда она уходила и оставляла его одного, а цоканье каблуков затихало вдали, он отпирал замок на двери своей спальни и шел к ней в комнату. Ему нравилось лежать голым на ее кровати, вдыхать пряный, терпкий запах духов «Шалимар» и ее сигарет, держать в левой руке ее туфлю, свободную от нее, а правой рукой ублажать себя.

Вот и сейчас он так же заканчивал воскресные вечера.

Но сегодня все даже лучше, чем всегда! У него есть газетные статьи про Туфельщика. Он читал и перечитывал их, и не только «Аргус», но и другие газеты. Воскресные газеты. Туфельщик насиловал женщин и забирал у них туфли.

Да уж!

Переборки своей каюты на барже он обрызгал «Шалимаром», понемногу в каждый угол и побольше — на потолок, прямо над головой, чтобы крошечные, невидимые капельки духов окружали его со всех сторон.

От возбуждения его начинало трясти. Он весь покрывался испариной. Аромат пробуждал в нем столько воспоминаний! Потом он закуривал сигарету «Данхилл

интернешнл» и глубоко вдыхал сладкий дым, задерживая его на несколько секунд в легких. Под конец он выпускал дым через нос — как мать.

Теперь у него пахло как в ее комнате. Да уж!

Между затяжками, все больше возбуждаясь, он начал расстегивать брюки. Потом, устроившись на койке, начал ласкать себя, шепча:

— О, мамочка! О, мамочка! О да, мамочка, я такой плохой мальчик!

И все время думал о том, что только что совершил по-настоящему плохой поступок. Что возбуждало его еще больше.

54

12 января, понедельник

Утро началось для Роя Грейса безрадостно. Новый год только начался, а ему предстоит расследовать три зверских изнасилования, совершенные неизвестным.

Грейс вошел в кабинет, в котором ему всегда делалось не по себе, хотя его прежней обитательницы, властной, временами деспотичной Элисон Воспер, больше здесь не было. Вместо нее за обширным палисандровым столом, теперь заваленным бумагами, сидел помощник главного констебля Питер Ригг. Шла вторая неделя его работы в новой должности. И впервые за всю историю Грейсу предложили в этом кабинете выпить кофе. Суперинтендент с удовольствием вертел в руках тонкую фарфоровую чашку.

Помощник главного констебля, щеголеватый, одетый с иголочки, румяный блондин, стригся аккуратно и коротко. Его выговор выдавал выпускника дорогой частной школы. Хотя ростом Ригг был на голову ниже Грейса, у него была отменная выправка, придававшая ему военный вид. Поэтому он казался выше, чем на самом деле. К темно-синему костюму в мелкую полоску с элегантной белой рубашкой он подобрал яркий галстук. Судя по многочисленным фотографиям на его рабочем столе и на стенах, новый начальник увлекался мотогонками, что понравилось Грейсу. Значит, у них будет хоть что-то общее… Впрочем, разговор сразу начался с главного.

— Не так давно мне звонил новый начальник муниципального совета, — негромко, но веско начал Ригг. — Тогда мы еще не знали об изнасиловании на аттракционе «Поезд-призрак». Весть о сексуальном маньяке сильно взбудоражила город. Не так давно лейбористы отказались проводить в Брайтоне свои съезды — правда, не из-за маньяка, а по другим причинам, но все же… Глава муниципального совета хочет, чтобы в нашем городе проводили крупные съезды и конференции. Но это возможно только в том случае, если мы докажем, что в Брайтоне безопасно. В последнее время все боятся роста преступности; безопасность на улицах становится главным вопросом, когда речь заходит о проведении подобных съездов и собраний.

— Да, сэр. Я это понимаю.

— В наступившем году мы должны сосредоточиться на раскрытии преступлений, которые сеют страх в обществе — страх среди обычных добропорядочных граждан. Необходимо бросить на раскрытие таких преступлений все силы. Мы обязаны внушить людям, что на улицах Брайтона и Хоува так же безопасно, как у них дома. Что скажете?

Грейс кивнул в знак согласия, но его кольнула тревога. Намерения у нового босса самые добрые, но вот аргументы… Рокси Пирс не убереглась от опасности даже в собственном доме! Разумеется, Питер Ригг не придумал ничего нового. Безопасность граждан — главная задача стражей порядка.

Когда Грейса только назначили суперинтендентом уголовной полиции, его непосредственный начальник, тогдашний руководитель уголовного розыска Гэри Уэстон, изложил ему свое кредо вполне лаконично:

— Рой, прежде всего я стараюсь понять, чего ждет и чего хочет от меня население. Чего ждет от меня моя жена? На что надеется моя престарелая мать? Они хотят чувствовать себя в безопасности на городских улицах, они хотят, чтобы плохие парни были изолированы от общества!

Грейс часто повторял про себя слова бывшего шефа как мантру.

Ригг взял со стола отпечатанный документ — шесть страниц бумаги, сколотые скрепкой. Грейс сразу понял, что это такое.

— Свежий отчет отдела внутреннего надзора по ходу операции «Меч-рыба», — пояснил помощник главного констебля. — Вчера вечером я приказал разослать его всем подразделениям. — Он наградил суперинтендента доброй, немного озабоченной улыбкой. — Вашу работу оценивают положительно. Вы все предусмотрели. Впрочем, Рой, судя по отзывам, иного я от вас и не ждал!

— Спасибо, сэр! — ответил приятно удивленный Грейс. Новый начальник явно получил отзывы о нем не от Элисон Воспер, его большой поклонницы — в кавычках.

— Боюсь, как только станет известно о третьем нападении маньяка, на нас начнут давить. Разумеется, мы не знаем, сколько еще ударов нанесет маньяк до того, как мы его арестуем.

— Или до того, как снова исчезнет, — ответил Грейс.

У помощника главного констебля лицо сделалось такое, словно он только что куснул стручок жгучего перца.

55

12 января, понедельник

Компании «Суссекские системы безопасности» (сокращенно ССБ) и «Суссекский дистанционный контроль» (СДК) находились в промышленной зоне Льюиса, в семи милях от центра Брайтона. Обе компании разместились в большом здании постройки восьмидесятых годов прошлого века.

Гэрри Старлинг начинал в крошечном магазинчике в Хоуве. Поняв, что его детище разрослось, он принялся подыскивать себе помещение попросторнее. И тут очень кстати пришелся промышленный кризис. Владелец здания в Льюисе готов был уступить его по дешевке.

Выгодной оказалась не только цена. Само здание занимало стратегически важное положение. Оно находилось совсем рядом с главным полицейским управлением Суссекса. Стерлингу уже приходилось иметь дело с полицией: он установил системы сигнализации в двух полицейских участках в соседних небольших городках — участки закрывались на ночь. Соседство с главным управлением никак не могло ему повредить, даже наоборот!

Гэрри оказался прав. С помощью тонкой лести, ловко разыгранных партий в гольф и демпинговых цен ему удалось заключить несколько выгодных контрактов. Более десяти лет назад, когда уголовный розыск переехал в новое здание, Суссекс-Хаус, подряд на установку системы внутренней сигнализации получила фирма «Суссекские системы безопасности».

Несмотря на то что дела его шли в гору, Гэрри Старлинг не увлекался крутыми тачками. Он считал, что водить супермодные и супердорогие машины — значит привлекать к себе ненужное внимание. Чем круче тачка, тем легче клиенту прийти к выводу, будто ты дерешь с него лишнее. Для Гэрри успех в делах означал свободу. Возможность нанимать на работу

людей, которые будут заниматься тем, чем не хочешь ты, например с утра до вечера торчать в конторе. Свободу играть в гольф, когда захочется. И вообще заниматься всем, чем хочется… А деньги пусть тратит Дениз. Она способна растратить и государственную казну!

Когда они только познакомились, Дениз была настоящей секс-бомбой. Ей нравилось все, что его заводило, и она сама была горячая как печка — и соглашалась практически на все его просьбы. А сейчас сидит на своей толстой заднице, жиреет день ото дня, а о сексе и слышать не хочет — по крайней мере, отказывается делать то, что нравится ему.

Гэрри ехал в своем маленьком сером «вольво» по промышленному пригороду мимо автосалона «Лендровер», мимо магазина «Теско» и огромного ангара под вывеской «Все для дома». Повернул направо, налево… Впереди, в конце тупика, замаячило здание его фирмы. На парковке выстроились в ряд девять белых микроавтобусов с фирменным логотипом его компании на борту.

Гэрри Старлинг не любил напрасных трат. Поэтому микроавтобусы он покупал самые простые, белого цвета. Панели с фирменными логотипами ССБ и СДК крепились к борту на магнитах. Зачем заново платить всякий раз, как он покупает новый микроавтобус? Можно просто снять магнитную панель и перевесить ее с одной машины на другую.

Увидев, что все микроавтобусы на месте, Гэрри совсем не обрадовался. Девять утра, а машины на стоянке. Они должны ездить по заказам, устанавливать сигнализацию или ремонтировать ее по заказу клиентов. И все из-за кризиса!

В последнее время его вообще мало что радовало.

У Данстена Кристмаса чесался зад, но он не смел почесаться. Если он оторвет задницу от стула больше чем на две секунды за смену, предварительно не отключившись, сработает сигнализация и тут же прибежит контролер.

Вот бы посадить на его место типа, который все это придумал, мстительно мечтал Данстен. Нечего сказать, система! Защита от дурака, так сказать.

Конечно, так и должно быть, потому что именно за это платят клиенты СДК: специально обученные операторы в форменных комбинезонах круглосуточно следят за их конторами или жилыми домами в режиме реального времени. Кристмасу тридцать шесть; он весит двадцать стоунов[3]. Сидеть много часов подряд на заднице — работа как раз для него.

Правда, смысла в том, чтобы носить форму, он не видел, ведь он ни разу за смену не покидал комнаты, но большая шишка, мистер Старлинг, требует, чтобы все сотрудники, даже служащие приемной, носили форму. Мистер Старлинг считает, что форма дисциплинирует. Служащий в форме невольно гордится своей работой и своей компанией. Кроме того, служащий в форме производит благоприятное впечатление на клиентов. Все слушались мистера Стерлинга.

Вместе с кнопкой выбора камеры на панели перед ним имелся микрофон. Хотя некоторые дома и конторы, за которыми он следил по двадцати мониторам, находились очень далеко от Льюиса, достаточно было включить микрофон, и Кристмас мог окликнуть любого незваного гостя — например, взломщика. Такая особенность его работы ему очень нравилась. Правда, случай выпадал нечасто, но, когда выпадал, стоило посмотреть, как воришки подскакивали от страха! Животики надорвешь!

Восьмичасовые смены в СДК были плавающими. Кристмас выходил поочередно в утреннюю, дневную и ночную смены. Платили хорошо; зарплата его вполне устраивала. Правда, иногда, особенно ночами, скучно было до одури. Представьте, что перед вами двадцать телевизоров, и ни по одному не показывают ничего интересного. Застывшие картинки — и все. На одном мониторе — заводские ворота. На другом — подъездная дорожка к частному дому. На третьем — тыльная часть огромного особняка на Дьюк-роуд. Время от

времени в кадре появлялась проезжающая машина. Иногда Кристмас видел зверьков: лис, барсуков, белок.

Некоторые картинки нравились ему больше, некоторые меньше. Он любил смотреть на монитор номер семнадцать. Камеры, передававшие изображение на этот монитор, были установлены на старом цементном заводе в Шорэме, закрытом девятнадцать лет назад. Двадцать шесть камер видеонаблюдения развесили по периметру: одну над главным входом, остальные — во всех ключевых местах внутри. Глянув на семнадцатый монитор, Кристмас увидел фасад административного здания, высокую стальную ограду, обвитую сверху колючей проволокой, и запертые на висячий замок ворота.

Там раньше работал его отец; он водил цементовозы. Иногда он сажал Данстена с собой в кабину, когда ехал за цементом. Данстену очень нравился огромный завод. На таком, наверное, может разворачиваться действие в фильме про Джеймса Бонда: огромные вращающиеся печи, мельницы для помола, бункеры для хранения — их называли «силоса». Круглые сутки туда-сюда ездят огромные бульдозеры, самосвалы, экскаваторы… Работа кипит!

Цементный завод, находившийся в огромной чаше каменоломни к северо-западу от Шорэма, в нескольких милях от побережья, раскинулся на обширной территории; сейчас там все заброшено. Ходили слухи, что его собираются расконсервировать, но с тех пор, как из его ворот почти двадцать лет назад выехал последний цементовоз, бывший завод стоял брошенный, похожий на город-призрак. Ангары без окон, ржавые металлоконструкции, остовы старых машин… Рельсы заросли бурьяном. Сюда время от времени наведывались только вандалы да воры, которые тащили или портили все мало-мальски ценное: электромоторы, кабели, свинцовые трубы. Для защиты от воров и установили камеры видеонаблюдения.

Но сегодня, в понедельник утром, смена оказалась интереснее, чем обычно. Во всяком случае, на одном мониторе — номер одиннадцать.

Каждый монитор способен принимать изображения от десяти различных датчиков. Так, если мимо дома проезжает машина, если оттуда кто-то выходит или даже пробегает собака или лиса, срабатывает датчик движения. С семи утра, когда Кристмас заступил на смену, на одиннадцатом мониторе буквально кипела жизнь. Он видел парадный вход особняка Пирсов, обнесенный заградительной лентой. Место преступления охранял член местного комитета содействия полиции. По двору на четвереньках ползали криминалист и три сотрудника опергруппы. Все в синих комбинезонах и резиновых перчатках. Они сантиметр за сантиметром прочесывали двор, ища улики, оставленные незваным гостем, который в четверг напал на миссис Пирс в ее же спальне. Время от времени они втыкали в землю палочки-маркеры, помеченные цифрами.

Кристмас не глядя сунул руку в большой пакет чипсов, стоящий за панелью управления у него на рабочем столе, закинул чипсы в рот и запил большим глотком колы. Хотелось по-маленькому, но он решил немного подождать. Операторы имеют право на так называемые «технические перерывы», но их время строго фиксируется. С начала смены прошло всего полтора часа — слишком маленький срок; нужно выждать подольше, потому что он хотел произвести благоприятное впечатление на начальника.

Он вздрогнул, услышав за спиной голос:

— Рад видеть, что сигнализацию на Дроуввэй уже починили!

Обернувшись, Данстен Кристмас увидел самого босса, Гэрри Стерлинга. Тот стоял за ним почти вплотную и смотрел в монитор.

Имелась у Стерлинга такая странная привычка. Он обожал подсматривать за своими служащими. Тихонько подкрадывался сзади и смотрел им через плечо. Иногда на нем была рабочая одежда: белая рубашка, джинсы, теннисные туфли. Иногда он приходил в строгом

деловом костюме. И всегда тихо, молча, в туфлях на резиновой подошве, как какой-нибудь двинутый охотник. Большие, похожие на совиные глаза пытливо вглядывались в мониторы.

— Да, мистер Старлинг. Когда я заступил на смену, там все работало.

— Известно, что там случилось?

— Я еще не говорил с Тони.

Тони был старшим инженером компании.

Старлинг немного понаблюдал за тем, что происходило у дома Пирсов, и покивал.

— Не очень хорошо, да, сэр? — спросил Кристмас.

— Просто невероятно, — сказал Гэрри Старлинг. — Ничего хуже и случиться не может. Мы наблюдаем за объектом, а сигнализация не работает! Невероятно!

— Может, плохо настроили?

— Надо разбираться…

Кристмас потянул на себя тумблер и увеличил изображение. Криминалист положил в пакет какой-то мелкий предмет, видимо вызвавший его интерес. Предмет был таким мелким, что они не могли его рассмотреть.

— А интересно наблюдать за этими ребятами, — заметил Кристмас. — Дотошные они!

Босс ничего не ответил.

— Как будто в ЦРУ работают.

Старлинг снова промолчал.

Кристмас обернулся и, к своему изумлению, увидел, что Гэрри Стерлинга рядом уже нет.

56

В дорогих туфлях на высоком каблуке вы все такие модницы, такие сексапильные! Вам так кажется, да? Вам приятно, что вы выгодно вложили деньги, купив дорогие туфли. Расставляете ловушку. Знаете, кто вы такие — вы все? Венерины мухоловки! Вот кто вы такие!

Вы когда-нибудь присматривались к листьям венериной мухоловки? Внутри они розовые. Они вам ничего не напоминают? Лично мне они напоминают только одно: хищное, зубастое влагалище. Вот кто вы все такие на самом деле! Повсюду отвратительные резцы, похожие на тюремные решетки.

Как только насекомое прикасается к одному из крошечных волосков на этих манящих, чувственных розовых губах, ловушка захлопывается. Венерина мухоловка выкачивает из бедной жертвы весь воздух. Вот и вы такие же. Потом в дело вступают пищеварительные соки. Они медленно добивают жертву, если ей не повезло и она еще раньше не задохнулась. Так же поступаете и вы все! Потом нежные внутренности насекомого растворяются, и остается только жесткий панцирь, наружный скелет! Через несколько дней, а иногда и недель процесс переваривания завершается и ловушка раскрывается снова. Останки жертвы выдуваются ветром или вымываются дождем.

Вот почему вы носите такие туфли! Вы хотите поймать нас в ловушку, высосать из нас все соки, а непереваренные останки извергнуть.

Но я кое-что придумал…

57

12 января, понедельник

В Первом оперативном штабе, или ОШ-1, можно было одновременно координировать действия по трем операциям. Но поскольку следственная группа Роя Грейса стремительно

разрасталась, весь штаб отвели под операцию «Меч-рыба». К счастью, у Грейса сложились прекрасные отношения с начальником вспомогательной службы Тони Кейсом, который ведал всеми четырьмя оперативными штабами в графстве.

Сейчас, помимо «Меч-рыбы», уголовная полиция расследовала еще одно важное дело: вчера на улице был найден труп неопознанного мужчины с признаками насильственной смерти. Занимавшуюся этим делом следственную группу Кейс перевел в другой оперативный штаб, поменьше.

Хотя вчера Грейс провел две оперативки, утром и вечером, на них не было нескольких его подчиненных, которые допрашивали свидетелей и возможных подозреваемых. Сегодня он потребовал от всех стопроцентной явки.

Усевшись за стол, суперинтендент положил перед собой протокол и отчет отдела внутреннего надзора. Кроме бумаг, на столе стояла чашка кофе — уже третья с утра. Клио ругала его за то, что он пьет слишком много кофе, но после приятной, хотя и нервной, утренней беседы с помощником главного констебля Риггом Грейс ощутил потребность ввести в организм ударную дозу кофеина.

Хотя ОШ-1 уже несколько лет не ремонтировали и не красили, здесь по-прежнему пахло, как во всех современных офисах. Стерильная атмосфера почему-то успокаивала Грейса. До того как ввели запрет на курение в помещении, в полицейских кабинетах было не продохнуть; сизый дым стоял клубами. И все же Грейс иногда скучал по прежним запахам и прежней атмосфере. Теперь все какое-то стерильное… Выхолощенное.

Он кивал в знак приветствия своим сотрудникам по мере того, как те входили в зал. Собрались уже почти все, в том числе Гленн Брэнсон, который, похоже, в очередной раз ссорился с женой по телефону.

— Здорово, старичок! — приветствовал его Брэнсон, нажав отбой. Он сунул телефон в карман, постучал пальцем по бритому черепу и состроил мрачную мину.

— Что не так? — удивился Грейс.

— Бриолин забыл!

— Я с утра встречался с новым боссом; решил, что приличнее выглядеть консервативно.

Брэнсон, который несколько месяцев назад заставил Роя Грейса поменять прическу и общий стиль, чтобы выглядеть современнее, только головой покачал:

— Ну ты и зануда! Будь я на месте нового начальника, я бы нанимал на службу сотрудников поживее, а не таких, которые похожи на моего дедушку и только тоску наводят своим видом!

— Пошел ты знаешь куда? — Грейс улыбнулся и зевнул.

— Вот видишь? — обрадовался Брэнсон. — Все дело в возрасте. Не вписываешься ты в современный ритм!

— Очень смешно. Слушай, мне нужно на несколько минут сосредоточиться. Ты не против?

— Знаешь, кого ты мне напоминаешь? — продолжал Брэнсон, игнорируя просьбу друга.

— Кого? Джорджа Клуни? Дэниэла Крейга?

— Нет. Брэда Питта.

Целую секунду Грейс чувствовал себя польщенным. Но сержант Брэнсон тут же добавил:

— Ну да, в фильме «Загадочная история Бенджамина Баттона», когда Питт выглядит на сто лет и еще не начал молодеть.

Грейс покачал головой, подавляя усмешку и новый зевок. Все нормальные люди терпеть не могут понедельники. Правда, все нормальные люди начинают рабочую неделю свежими, отдохнувшими, а он выходные посвятил работе. Сначала съездил на пирс, осмотрел подсобку

при аттракционе «Поезд-призрак», в которой неизвестный изнасиловал и избил Мэнди Торп, а затем навестил саму жертву. Мэнди увезли в Королевскую больницу графства Суссекс и поместили в охраняемую палату. Несмотря на сотрясение мозга, молодая женщина вполне внятно побеседовала с сотрудницей отдела по борьбе с сексуальными преступлениями. Та тут же позвонила Грейсу.

Слушая очередную жертву, Грейс испытывал острую душевную боль. Начальство торопило его: надо как можно скорее раскрыть дело и поймать маньяка. В довершение всего репортер отдела криминальной хроники «Аргуса» Кевин Спинелла оставил ему уже три сообщения на автоответчике. Спинелла просил суперинтендента срочно перезвонить ему. Грейс вздохнул. Очень важно получить поддержку самой влиятельной местной газеты. Если он хочет, чтобы журналисты действовали заодно с полицией, а не просто публиковали сенсационные статьи на первой полосе, придется обращаться с ними бережно. Надо будет скормить Спинелле несколько лакомых кусочков, пообещать эксклюзивное интервью еще до полуденного брифинга. Но сейчас у него нет для Спинеллы ничего интересного. По крайней мере, ничего такого, что можно сообщить широкой публике.

Он набрал номер репортера; сразу включился автоответчик. Грейс попросил Спинеллу зайти к нему в кабинет за десять минут до начала брифинга. Время еще есть; он что-нибудь придумает.

И еще надо перекрыть канал утечки. Кто-то регулярно сливает Спинелле важную информацию. Грейс не сомневался: это то же лицо, что в прошлом году сообщало пронырливому молодому репортеру все важные подробности следствия через несколько минут после того, как на место преступления вызывали опергруппу. Скорее всего, источник утечек служит либо в дежурной части, либо в компьютерном центре. У компьютерщиков есть доступ к сводкам криминальных происшествий в режиме реального времени. Вряд ли информацию сливает кто-то из уголовного розыска. Ведь утечки касаются абсолютно всех важных дел, а сотрудники отдела особо тяжких преступлений имеют доступ только к тем делам, которые расследуют сами.

Хорошо, что Кевин Спинелла смышленый. С ним можно иметь дело. Пока им везет, но, если Спинеллу повысят, его преемник может оказаться не таким покладистым и сообразительным, и тогда жди беды.

— Проклятый «Альбион»! Что с ними происходит? — В зал вошел Майкл Форман, как всегда в щегольском костюме, в начищенных до блеска модных черных полуботинках.

На ранних стадиях расследования почти все детективы ходили в штатском. Никогда не знаешь, кого тебе предстоит допрашивать; а близким родственникам пострадавших нужно демонстрировать уважение. В том числе и своим внешним видом.

— А уж второй гол! — тут же подхватил констебль Ник Николл, который обычно говорил тихо. Теперь, оживившись, он даже потряс кулаками в воздухе. — Как… как это называется? Прямо как «здрасте» сказать.

— Да… Я-то болею за «Челси», — отозвался аналитик системы ХОЛМС Джон Блэк. — Уже давно махнул рукой на «Альбион». В тот день, когда они покинули «Голдстоун граунд».

— Ничего, вот переедут на новый стадион и сразу заиграют! — возразил Майкл Форман.

— Им не на стадионе выступать, а на гей-параде, вот что я вам скажу! — буркнул Норман Поттинг, вошедший последним. Поджав губы, он покачал головой. От Поттинга, как всегда, несло табачным перегаром.

Он тяжело опустился на стул напротив Грейса.

— Извини, что опоздал, Рой. Бабы до добра не доведут, вот что я тебе скажу. Натерпелся я от них! Но теперь все, хватит! Больше я ни за что не женюсь. Четыре раза женился, но теперь все!

— Половина населения Великобритании очень обрадуется, услышав это, — довольно громко прошептала Белла Мой.

Сделав вид, будто не слышал реплики, Поттинг мрачно воззрился на Грейса:

— Рой, помнишь наш разговор перед Рождеством?

Грейс кивнул. Ему не хотелось отвлекаться на долгую историю катастроф в личной жизни неудачливого сержанта.

— Мне бы очень пригодился твой мудрый совет — не сейчас, а на следующей неделе, — продолжал Поттинг. — Если ты, конечно, не против. Когда у тебя найдется свободная минутка.

Грейс устало подумал: «Когда у меня найдется свободная минутка, мне бы больше всего хотелось выспаться, а не слушать про твои семейные неурядицы!» И все же он кивнул:

— Конечно, Норман!

Грейс, в общем, жалел Поттинга, хотя сержант часто выводил его из себя. По меркам уголовной полиции Поттинг считался настоящим стариком. До его возраста не дослуживал почти никто, а Норман упорно не выходил в отставку. Грейс подозревал, что, помимо работы, у сержанта в жизни мало что осталось.

В зал вошел доктор Джулиус Праудфут с большой желтовато-коричневой сумкой через плечо. Криминалист-психолог — так теперь называют аналитиков поведения — за прошедшие двадцать лет помог расследовать большое число громких дел. Он принимал участие и в следствии по делу Туфельщика. Последние десять лет доктор Праудфут купался в лучах славы. Телевизионщики обожали его; кроме того, Праудфут получал щедрые гонорары за публикации своих трудов. Доктор ухитрился издать целых четыре автобиографии, подробно описывающие его достижения вплоть до последних дней. Он уверял, что нескольких самых жутких преступников удалось предать в руки правосудия только с его помощью.

Многие детективы, особенно рангом повыше, считали, что сочинения Праудфута — чистой воды беллетристика. Так, в нескольких операциях он присвоил себе лавры главного героя, хотя на самом деле его роль оказалась весьма скромной.

Грейс не спорил с коллегами, но считал: благодаря тому, что Праудфут участвовал в розыске Туфельщика — в операции «Гудини», — он может им помочь и в операции «Меч-рыба». В последний раз они работали вместе двенадцать лет назад; с тех пор психолог сильно состарился и заметно располнел. Грейс представил его сотрудникам и глянул в протокол.

— Во-первых, спасибо вам всем за то, что работали в выходные. Во-вторых, рад сообщить, что со стороны отдела внутреннего надзора никаких нареканий в наш адрес нет. Они пока удовлетворены ходом операции. — Он снова быстро глянул в записи. — Итак, сегодня 12 января, понедельник, восемь тридцать. Мы проводим шестое оперативное совещание по операции «Меч-рыба». Некто неизвестный изнасиловал двух женщин, миссис Николу Тейлор и миссис Рокси Пирс. Возможно, он же напал и на третью жертву, мисс Мэнди Торп.

Грейс повернулся к щиту, к которому прикрепили перечень примет трех женщин. Фотографий не было; Грейс считал, что жертвы имеют право на личную жизнь. Они и так пострадали; нужно проявить к ним деликатность.

— Фотографии жертв могут посмотреть те, кому это нужно, — сказал он.

Праудфут, подняв руку, пошевелил жирными пальцами.

— Рой, извините, но почему вы говорите о «возможной» третьей жертве? Судя по тому, что мы имеем, я почти не сомневаюсь и насчет мисс Мэнди Торп.

Грейс окинул взглядом рабочий стол, за которым устроился Праудфут.

— Почерк довольно существенно отличается, — ответил он. — Но к этому я перейду позже, если вы не против; у меня все записано.

Праудфут пару раз открыл и закрыл крошечные розовые губки, не сводя глазок-бусинок с суперинтендента. Видимо, рассердился, что его поставили на место.

Грейс продолжал:

— Во-первых, я хочу вкратце ввести вас в курс дела по ходу операции. Николу Тейлор изнасиловали в канун Нового года; Рокси Пирс — в прошлый четверг. На данный момент у нас шестьсот девятнадцать возможных подозреваемых. В список входят все служащие отеля «Метрополь» и постояльцы, которые останавливались в отеле в ту ночь, а также гости, бывшие там на званом вечере по случаю Нового года. Среди них, напоминаю, было и несколько руководящих сотрудников полиции. О некоторых подозреваемых сообщили по телефону граждане. Кроме того, в число подозреваемых входят все известные нам лица, совершавшие преступления на сексуальной почве в районе Брайтона и Хоува. И еще два извращенца, которые обзванивали брайтонские обувные магазины. Их уже опознали по голосу сотрудники оперативно-следственной бригады. — Грейс отпил глоток кофе. — Один подозреваемый из списка вызывает особый интерес. Зовут его Даррен Спайсер; он местный уроженец. Взломщик-рецидивист и мелкий наркодилер. По-моему, многие из вас с ним лично знакомы.

— Вот говнюк! — воскликнул Норман Поттинг. — Я брал его двадцать лет назад. Тогда он очистил несколько особняков на Ширли-Драйв и Вудленд-Драйв.

— У него сто семьдесят три привода, — вмешалась аналитик Эллен Зоратти. — Настоящий душка. Последний раз сидел за непристойное нападение на хозяйку дома, в который он вломился. Сейчас освобожден условно-досрочно.

— К сожалению, схема довольно распространенная. — Грейс покосился на Праудфута. — Взломщик переквалифицируется в насильника…

— Вот именно! — оживился Праудфут. — Видите ли, сначала они входят в чужие дома. А потом входят в женщин, которых случайно обнаруживают в чужих домах.

Грейс заметил, как нахмурились несколько его сотрудников. Они явно считали, что психолог несет чушь. Но сам он знал: к сожалению, так и бывает.

— 28 декабря Спайсера условно-досрочно освободили из Открытой тюрьмы Форда. Вчера утром с ним побеседовали сержант Брэнсон и констебль Николл.

Грейс кивнул Гленну Брэнсону.

— Совершенно верно, босс, — ответил Брэнсон. — Много мы из него не выжали. Держался он довольно нахально. Хитрая старая калоша! Уверяет, что на то время, когда были совершены все три изнасилования, у него алиби, но алиби неподтвержденные и очень сомнительные. Мы велели ему привести конкретные доказательства. Он говорит, что в прошлый четверг ходил на свидание с замужней женщиной, поэтому, мол, и отказывается назвать ее имя.

— А прежде Спайсера ловили на сексуальных преступлениях? — спросила сержант Белла Мой. — Или на избиении сожительницы, например? Или на фетишизме?

— Нет, — ответила Эллен Зоратти.

— Доктор Праудфут, разве тот, кого мы ищем, не извращенец? Все-таки насильник, который отнимает туфли у своих жертв, не такое распространенное явление, — заметила Белла Мой.

— Серийные насильники и убийцы довольно часто берут трофеи у своих жертв, — ответил Праудфут. — Но вы правы, скорее всего, наш объект совершал и другие преступления.

— В связи со Спайсером я нашла кое-что важное, — вмешалась Эллен Зоратти. — Вчера я перечитывала показания потерпевшей — хозяйки дома, куда Спайсер вломился три года назад. Ее зовут миссис Марси Каллестад. — Она посмотрела на Роя Грейса. — Странно, почему этого до сих пор никто не заметил…

— О чем вы?

— Лучше прочтите сами. После того как Марси Каллестад оттолкнула Спайсера, он ударом повалил ее на пол, снял с нее туфли и сбежал. В тот день на миссис Каллестад были туфли «Роберто Кавалли» на высоком каблуке; они стоили триста пятьдесят фунтов. Она купила их в тот самый день в одном брайтонском магазине.

58

12 января, понедельник

Атмосфера в оперативном штабе заметно изменилась. Грейс сразу забыл про сон. Так случалось всякий раз, как в деле намечался прорыв.

— Жаль, что мы не знали об этом вчера, — сказал Гленн Брэнсон. — Уж мы бы прижали Спайсера как следует!

Ник Николл кивнул в знак согласия.

— Босс, по-моему, его надо брать! — воскликнул Майк Форман.

Грейс посмотрел на Эллен:

— А украденные туфли потом нашлись?

— Вроде бы нет… — Эллен покачала головой. — Таких сведений в деле нет.

— Может, они представляли для него ценность? — предположил Ник Николл.

— Конечно, и еще какую! — воскликнула Белла Мой. — Новенькие туфли «Роберто Кавалли»… В городе полно магазинов подержанной обуви, где их охотно купили бы, да еще по бросовой цене! Я и сама иногда отовариваюсь в таких магазинах. Там бывают потрясающие вещи!

Грейс окинул Беллу задумчивым взглядом. Разменяла четвертый десяток; живет со старушкой-матерью. Совсем не дурнушка, но, судя по всему, помимо работы для нее другой жизни нет. Суперинтенденту стало немного жаль ее.

— Белла, за сколько примерно он мог бы продать туфли в таком магазине? Процентов за десять от их стоимости?

— Не знаю, вряд ли ему заплатили много. Фунтов двадцать, не больше.

Грейс задумался. Новых сведений, наверное, достаточно для того, чтобы арестовать Даррена Спайсера. И все же… как-то не вяжется. Больно уж гладко все выходит. Конечно, рецидивиста очень кстати выпустили из тюрьмы; он в принципе успевал совершить первое изнасилование в канун Нового года. Более того, он как раз работал в отеле «Метрополь», где все произошло. И только что стало известно, что он забрал туфли у женщины, чей дом пытался ограбить. Грейс покачал головой. Неужели Спайсер такой идиот?

Нельзя забывать, что Спайсер — взломщик-рецидивист и наркодилер. Он проникал в чужие дома и вскрывал сейфы. Забирал драгоценности, часы, столовое серебро, наличные деньги. Ни Никола Тейлор, ни Рокси Пирс не сообщали, что у них что-то украли, кроме туфель; у Николы насильник украл и одежду. У Мэнди Торп в субботу вечером пропали только туфли. Разве что Спайсер вышел из тюрьмы другим человеком — в чем, учитывая его биографию, Грейс сомневался. Почерк совсем другой. На Спайсера не похоже.

С другой стороны, нет стопроцентной уверенности в том, что Спайсер не совершал других преступлений на сексуальной почве, кроме уже известного. Может, он и есть

Туфельщик? Эллен Зоратти установила: в то время, когда Туфельщик нападал на своих жертв, Спайсера как раз выпустили из тюрьмы. Но Туфельщик насиловал своих жертв в извращенной форме. Он не просто лез к ним с поцелуями, как Спайсер. Опять не совпадает!

Да, Спайсера можно арестовать. Начальству понравится, что они так быстро произвели арест, но радость эта будет скоротечной. Что у них есть на Спайсера? Как добыть доказательства, необходимые для того, чтобы его осудили? Насильник надевает маску и почти ничего не говорит, так что никаких особых примет жертвы не заметили. И насчет голоса тоже нет ничего определенного. Нет даже приблизительного роста преступника. По самым точным оценкам, он «среднего роста». Хрупкого телосложения. Что еще? Почти нет растительности на теле.

Криминалисты сообщают, что он ни в одном эпизоде не оставил следов спермы. Пока у них нет ни волосков, ни волокон материи, ни земли из-под ногтей, которые могут содержать образцы ДНК. Пройдет еще пара недель, прежде чем им пришлют подробный отчет из лаборатории. Задерживать Спайсера на такой долгий срок, не предъявив ему никакого обвинения, они не могут. Служба исполнения наказаний наверняка решит, что на таком основании нельзя выдвигать никаких обвинений.

Можно, конечно, поинтересоваться у Спайсера, зачем он украл туфли у Марси Каллестад, но, если Спайсер — Туфельщик, вопрос его только спугнет. Как и обыск в его логове — если удастся раздобыть ордер. Судя по докладу Гленна и Ника, Спайсер не сомневается в своей ловкости и думает, что его ответы их полностью удовлетворили. Так что он пока не боится. Чувствует себя безнаказанным. Вот если бы детективы нажали на него, Спайсер наверняка бы подался в бега — или залег на дно. А сейчас Грейсу больше, чем что бы то ни было, нужен результат — а не еще один перерыв в двенадцать лет.

— У Спайсера есть машина? — обратился он к Гленну Брэнсону. — Он умеет водить?

— Вряд ли… Сомневаюсь, босс. Скорее всего, нет.

— Шеф, он сказал, что повсюду ходит пешком, чтобы сэкономить на автобусе, — добавил Ник Николл.

— И все-таки, когда нужно, он умеет раздобыть машину, — возразила Эллен Зоратти. — Предыдущие два раза его арестовывали как раз за угон. Один раз он угнал грузовик, а другой раз — частную машину.

Хорошо, что сейчас у Спайсера нет машины, подумал Грейс. Проще будет вести за ним слежку.

— По-моему, сейчас разумнее последить за Спайсером. Ни к чему хватать его сразу. Нам известно, где он бывает с половины девятого вечера до половины девятого утра: в приюте Святого Патрика установлен комендантский час. Он записался на курсы переподготовки и устроился на работу в Гранд-отель. Следовательно, где он бывает днем по будням, нам тоже известно. Попрошу ребят из отдела наружного наблюдения последить за ним, когда он выходит с работы, и проверить, не покидает ли он приют по ночам.

— Рой, если он в самом деле тот, кого мы ищем, а кажется, что это так и есть, — сказал Праудфут, — я считаю, что действовать нужно быстро.

— Надеюсь, наружники установят за ним слежку уже сегодня, — ответил Грейс. — Кстати, доктор, хочется послушать и ваши соображения!

Криминалист-психолог подошел к белому щиту, к которому он заранее приколол большой лист миллиметровки с несколькими разноцветными графиками. Праудфут заговорил не сразу; он как будто демонстрировал, что он важная персона и ему не нужно торопиться.

— Матрица преступлений Туфельщика и вашего подозреваемого очень похожи, — начал он. — График наглядно демонстрирует сходство почерков. Разные цвета обозначают разные

аспекты: географию, время суток, способ заманивания жертвы, форму нападения, внешность преступника.

Праудфут потыкал в график указкой, отступил на шаг и продолжал:

— Некоторые особенности почерка Туфельщика не предавались огласке, но тем не менее они присутствуют и у того, кого вы ищете сейчас. Я вполне уверен: на данной стадии черты несомненного сходства позволяют прийти к заключению, что мы имеем дело с одним и тем же преступником. Пожалуй, важнее всего имя, Марша Моррис, которое использовали как при регистрации в Гранд-отеле в 1997 году, так и в отеле «Метрополь» 31 декабря прошлого года. А ведь имя Марши Моррис прежде не обнародовалось!

Доктор Праудфут перешел к чистой белой доске:

— Кроме того, я считаю, что насильник — местный житель или, по крайней мере, обладает хорошим знанием местности, то есть жил здесь в прошлом.

Криминалист-психолог нарисовал черным фломастером в верхней половине доски несколько мелких квадратиков и пометил их цифрами от единицы до пятерки, не переставая при этом говорить:

— Первое нападение Туфельщика, о котором нам известно, закончилось неудачей. Оно произошло 15 октября 1997 года. Его я в целях расследования учитывать не буду и сосредоточусь только на тех эпизодах, которые он довел до конца. Первый эпизод произошел в Гранд-отеле рано утром 1 ноября 1997 года. — Над первым квадратиком Праудфут надписал: «Г.-О.». — Второй имел место через две недели в частном доме на Хоув-Парк-роуд. — Над вторым квадратиком он надписал: «Х.-П.-Р.». — Третий — снова через две недели, рядом с Дворцовым пирсом. — Над третьим квадратиком он надписал: «Д. П.». — Четвертый эпизод имел место опять-таки через две недели на автостоянке на Черчилл-сквер. — Над четвертым квадратиком появились буквы «Ч.-С.». — Возможно, пятое нападение он совершил утром на Рождество, еще через две недели, на Истерн-Террас, хотя подтверждения у нас нет. — Над пятым квадратиком он надписал: «И.-Т.» — и, развернувшись к Рою Грейсу, посмотрел на него в упор. — Нам известно, что все пять женщин незадолго до нападения покупали в разных обувных магазинах Брайтона дорогие туфли. Я считаю, что наш объект отлично ориентируется в брайтонских обувных магазинах. Может статься, он все же иногородний, но это маловероятно. Так называемые гастролеры, как правило, надолго не застревают на одном месте: совершают одно, максимум два преступления, а потом уезжают.

Грейс обратился к Майклу Форману, который занимался опросом соседей жертв:

— Майкл, ты побывал в обувных магазинах, где потерпевшие покупали себе туфли? Они оборудованы камерами?

— Сейчас просматривают записи, босс.

Джулиус Праудфут обвел пять черных квадратиков одним кругом.

— Добавлю, что все нападения Туфельщик совершал примерно в одном районе. Переходим к последним эпизодам.

Взяв красный фломастер, он начертил в нижней половине доски три квадратика, пометив их номерами от единицы до тройки.

— Первое нападение произошло в отеле «Метрополь», который, как вам известно, расположен рядом с «Грандом». — Над первым квадратиком он написал букву «М». — Второе нападение, приблизительно через неделю, произошло в частном доме на тихой жилой улице. На Дроуввэй. — Он надписал над вторым квадратиком букву «Д». — Третье нападение — хотя признаю, что здесь почерк несколько отличается, — произошло через два дня на Дворцовом пирсе… ну да, теперь его называют Брайтонским пирсом. — Над третьим квадратиком доктор Праудфут надписал буквы «Б. П.» и обернулся к членам следственной

группы. — Дроуввэй находится совсем рядом с Хоув-Парк-роуд. Для того чтобы увидеть, насколько близко географически совершены нападения, не нужно быть нобелевским лауреатом.

Констебль Форман поднял руку:

— Доктор Праудфут, ваше мнение для нас очень ценно. Исходя из вашего богатого опыта, что вы можете нам сообщить о личности насильника?

Праудфут улыбнулся. Лесть он любил.

— Что ж. — Он картинно развел руками. — Детство у него почти наверняка было трудным. Вполне возможно, он вырос в неполной семье или в семье с суровыми религиозными традициями. Допускаю, что в детстве он подвергался сексуальным домогательствам со стороны одного или обоих родителей или близкого родственника. В прошлом, скорее всего, привлекался за совершение мелких преступлений. Обычно такие начинают с жестокого обращения с животными. Позже совершают мелкие кражи у одноклассников. Живет, скорее всего, один; в детстве у него было мало друзей или вообще не было.

Доктор Праудфут помолчал; прежде чем продолжить, откашлялся.

— В период полового созревания увлекся жестким порно. Возможно, тогда же начал совершать преступления на сексуальной почве: акты эксгибиционизма, непристойные нападения — в общем, вы понимаете. Часто пользуется услугами проституток. Скорее всего, предпочитает тех, кто практикует садомазо. Вполне возможно, он наркоман; скорее всего, кокаинист.

Криминалист-психолог снова помолчал, давая аудитории переварить услышанное.

— Полагаю, он любит переодеваться в женскую одежду, что для меня является показателем как того, что он живет в мире фантазий, так и того, что он очень умен. Кроме того, у него извращенное чувство юмора, что может сыграть в деле решающую роль. Нельзя упускать из виду и выбор мест, где он совершал нападения — и в девяносто седьмом году, и сейчас. Важны и промежутки между эпизодами. На его ум указывает и то, что он осведомлен о достижениях современной криминалистики. Кроме того, он разбирается в методах работы полиции или имеет непосредственный опыт такой работы.

Руку подняла констебль Эмма Джейн Бутвуд:

— Если тот, кого мы сейчас ищем, и Туфельщик — одно лицо, почему он на целых двенадцать лет ушел в тень, а потом взялся за старое?

— Такое случается, и нередко. В Соединенных Штатах был сексуальный маньяк-убийца, Деннис Рейдер. После женитьбы и рождения ребенка он на целых двенадцать лет прекратил нападения. Потом, правда, семейная жизнь ему наскучила и он уже собирался взяться за старое. К счастью, его успели вовремя арестовать. Возможно, тот, кого мы ищем, живет по такому же сценарию. Впрочем, возможно и другое: например, он на двенадцать лет уезжал в другой район страны или даже за границу и насиловал женщин там, а теперь вот вернулся на родину.

Когда оперативка закончилась, Грейс попросил криминалиста-психолога на несколько минут зайти к нему в кабинет. Дверь он плотно закрыл. Когда он сел за стол, в окна ударили первые капли дождя.

— Не хотел спорить с вами при подчиненных, доктор Праудфут, — решительно заявил Грейс, — но меня очень заботит третье нападение, на аттракционе «Поезд-призрак». Почерк-то совершенно другой!

Праудфут кивнул, самодовольно улыбнувшись, как папаша, довольный успехами сынишки в арифметике:

— Скажите мне, суперинтендент, каковы, по-вашему, главные отличия!

Грейса раздражал покровительственный тон психолога, но он старался не поддаваться.

— Во-первых, — он загнул один палец, — в отличие от остальных жертв Мэнди Торп не купила свои туфли недавно. Она приобрела их несколько месяцев назад в Таиланде, куда летала в отпуск. Учтите, в число остальных жертв я включаю и Рейчел Райан, о судьбе которой мы по-прежнему ничего не знаем. Все пять предыдущих жертв купили себе дорогие туфли за несколько дней или даже часов до нападения. Как и две нынешние жертвы, Никола Тейлор и Рокси Пирс. А вот с Мэнди Торп все по-другому… — Грейс поднял второй палец. — Во-вторых, что, по-моему, тоже важно, в отличие от остальных туфли Мэнди Торп недорогие. На ней была подделка под «Джимми Чу».

— Простите, суперинтендент. Не хочу вас обидеть. Хотя я, разумеется, не слишком хорошо разбираюсь в дорогой женской обуви, но мне кажется, что подделки шьются с одной целью: чтобы со стороны их нельзя было отличить от подлинников.

Грейс покачал головой:

— Дело не в том, что их невозможно отличить. Тот, кого мы ищем, находит своих жертв в обувных магазинах. В-третьих, и самое важное, он не заставил Мэнди Торп ублажать себя с помощью туфель. Он ведь именно от этого получает удовольствие, испытывая власть над своими жертвами!

Праудфут пожал плечами; непонятно было, согласен он с Грейсом или нет.

— Молодая женщина была без сознания, поэтому мы точно не знаем, что он с ней сделал.

— Судя по влагалищным мазкам, с ней вступил в половой контакт мужчина в презервативе. Нет внутренних повреждений, указывающих на то, что ей во влагалище или в задний проход вставляли каблук…

— Возможно, его спугнули, и он вынужден был бежать, — ответил Праудфут.

— Возможно… — Грейс с сомнением покачал головой и продолжил: — В-четвертых. Мэнди Торп не из худых — грубо говоря, толстушка. Все предыдущие жертвы Туфельщика стройные.

Доктор Праудфут покачал головой:

— Телосложение жертвы не имеет решающего значения. Он вышел на охоту. Советую обратить самое пристальное внимание на промежутки между эпизодами. Двенадцать лет назад Туфельщик совершал свои нападения с интервалом в две недели. Промежуток между первым и вторым нападениями после длительного перерыва составлял неделю, а между вторым и третьим — всего два дня. Нам неизвестно, чем он занимался целых двенадцать лет, но, возможно, у него усилился аппетит — либо оттого, что он так долго подавлял свои порывы, либо от уверенности в том, что ему все по-прежнему будет сходить с рук. Я уверен в одном: чем дольше ему удается выходить сухим из воды, тем более неуязвимым он себя чувствует — и тем сильнее его тянет на новые, так сказать, подвиги.

— Доктор Праудфут, в полдень мы устраиваем брифинг для журналистов. То, что мы сообщим представителям СМИ, очень важно. С одной стороны, сведения должны быть точными, способными помочь нам в поимке преступника. С другой стороны, я хочу вселить в людей уверенность. Кстати, точность переданной информации и в ваших интересах. Вы наверняка не захотите отвечать за ошибки следствия…

Праудфут покачал головой:

— Я редко ошибаюсь, суперинтендент. Слушайте меня и не прогадаете!

— Теперь я спокоен, — холодно ответил Грейс.

— Вы, как и я, старый профессионал, — продолжал Праудфут. — На вас тоже давит начальство и пресса — я знаю, они давят на всех старших чинов, с которыми я работал. Что хуже всего, по мнению широкой публики? Неприятно сознавать, что по улицам родного города разгуливает опасный сексуальный маньяк. А может быть, маньяк даже не один! — Психолог в упор посмотрел на Грейса. — Уж я-то знаю, что бы я сказал, если бы пытался сохранить лицо и успокоить горожан!

— Никакое давление — ни сверху, ни со стороны — не вынудит меня принять неверное решение, — ответил Грейс.

— Рой… можно вас так называть?

Грейс кивнул.

— Так вот, Рой, сейчас мы имеем дело не с типичным туповатым преступником. Наш маньяк очень умен. Он ведет настоящую охоту за своими жертвами. В голове у него щелкнул рычажок, и он вынужден повторять то, чем занимался раньше. Но он не дурак и понимает, как важно изменять способ действия. Представляю, как его позабавил бы наш с вами разговор! Учтите, им движет не только похоть и стремление к власти над женщинами. Его распаляет и власть над полицией. В его голове настоящая гремучая смесь!

Грейс задумался. По опыту он понимал, как важно прислушиваться к словам специалистов и при этом не подпадать под чужое влияние.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — ответил он.

— Рой, надеюсь, я выражаюсь ясно. Если сомневаетесь, перечитайте материалы прошлых дел с моим участием. В одном я совершенно уверен: нашему объекту нужна зона комфорта, нечто постоянное, незыблемое. Его зона комфорта — схема, шаблон, по которой он действует. Он насилует своих жертв там же, где и двенадцать лет назад, или совсем рядом с ними. Помяните мое слово: еще до конца недели он совершит еще одно нападение на автостоянке в центре города; у жертвы заберут туфли. Так и передайте от меня журналистам.

Самоуверенность Праудфута безумно раздражала Грейса. Но он решил не поддаваться эмоциям. Мнение психолога сейчас очень важно.

— Я не могу оцепить весь центр города, — сказал он. — Для этого у нас просто не хватит личного состава. Кроме того, даже если мы набьем центр полицейскими в форме, не факт, что мы его схватим. Он просто переместится куда-нибудь еще.

— По-моему, тот, кого мы ищем, достаточно смышлен и храбр, чтобы совершать свои злодеяния под самым вашим носом. Возможно, он даже получает от этого дополнительный кайф. Заполните полицией весь город до самых окраин, он все равно найдет свою жертву.

— Спасибо, вы меня очень утешили, — вздохнул Грейс. — Что же вы предлагаете?

— Сделать несколько допущений и надеяться, что повезет. Или… — Психолог замолчал и задумался. — Взять, к примеру, Денниса Рейдера, маньяка, который орудовал в Штатах. Гнусный тип! Он получал удовольствие оттого, что связывал жертв, пытал их, а потом убивал. На нашем профессиональном языке его наклонности сокращенно называются СПУ — связывание, пытки, убийство. Его арестовали после двенадцатилетнего перерыва; толчком послужила статья в местной газете. В статье о насильнике написали кое-что, что ему не понравилось, задело за живое. Это было всего лишь предположение…

— Что именно? — оживился Грейс.

— Кажется, автор статьи усомнился в мужских достоинствах Рейдера. Не сомневайтесь: брайтонский насильник очень внимательно следит за публикациями в прессе. Он читает все статьи о себе, смотрит и слушает все передачи. Они подпитывают его самомнение.

— А вам не кажется, что нарочно распалять его опасно? Ведь тем самым мы провоцируем его на новые преступления?

— Нет, не кажется. Прежние злодеяния сошли ему с рук. Одному Богу известно, чем он занимался целых двенадцать лет. Сейчас он взялся за старое. По-моему, он считает себя непобедимым — умнее всех, могущественнее всех. Вот какие чувства вызывают в нем публикации в прессе. Демонизируйте нашего Туфельщика, назовите его «брайтонским чудовищем» — и попадете в яблочко. Газеты со статьями про Туфельщика раскупают, как горячие пирожки; растут и рейтинги новостных выпусков. А на самом деле Туфельщик — мерзкий извращенец-неудачник, у которого поехала крыша.

— Значит, надо, чтобы в прессе уничижительно отозвались о его мужских достоинствах? Например, написали, что у него маленький член?

— А может, написать правду — что у него не встает или не получается? Такое не понравится ни одному мужчине.

— Это опасно. — Грейс покачал головой. — Он может впасть в буйство.

— Рой, он и без того опасен. Но сейчас он действует умно, рассчитывает шаги, не спешит и не совершает ошибок. Взбесите его, спровоцируйте, чтобы он потерял хладнокровие, — тогда он совершит ошибку. И вы его возьмете.

— Его… Или их…

59

12 января, понедельник

Площадь Суссекс-сквер по праву считается одной из жемчужин в архитектурной короне Брайтона. Она застроена особняками эпохи Регентства; при каждом особняке имеется парк. Из окон открывается вид на пролив Ла-Манш. Вначале на Суссекс-сквер находились в основном летние резиденции. Знать приезжала сюда на выходные. В наши дни почти все особняки поделили на квартиры. Хорошо, что в процессе переделки не пострадал внешний вид зданий.

Он медленно вел микроавтобус, проезжая мимо высоких, внушительных фасадов, одинаково выкрашенных в белый цвет, и смотрел на номера домов. Он искал дом номер пятьдесят три.

Он знал, что в пятьдесят третьем доме обитает всего одна семья. Они занимают все шесть этажей; комнаты для прислуги на самом верху. Отличное жилье! Такой особняк подходит Руди Барчмору, вице-президенту «Американо-восточных банковских услуг» и главе европейского филиала компании. Такой особняк подходит и женушке Барчмора, Ди. Отличный дом для светских вечеринок. Для того, чтобы производить на людей нужное впечатление. В таком доме только и носить дорогие туфли.

Он снова объехал площадь, дрожа и покрывшись по́том от возбуждения. На сей раз он остановился, немного не доезжая до нужного дома. Микроавтобус загнал в проулок, со стороны парка. Отличный обзор! Ему видна ее машина и одновременно парадная дверь, зато сама Ди Барчмор его не заметит, как бы ни вглядывалась.

Он невидимка!

По опыту он знал: обитатели мира богачей многого не замечают. В упор не видят дворников, уборщиков в офисах и чернорабочих. Не обращают внимания и на машины — такие, как, например, грузовики, которые развозят молоко, простые белые микроавтобусы и такси. Вот почему такси так любят наркодилеры. Такси не возбуждают подозрений, даже если ездят по городу поздно ночью. Но микроавтобус в данный момент лучше соответствовал его намерениям, чем такси.

Он улыбнулся. Настроение поднималось. Ноздри до сих пор помнили аромат ее духов «Армани Код». Он ощущал аромат настолько явственно, как будто весь салон был забрызган ее духами.

«Да, сучка ты этакая! — Он зажмурился. — О да! О да! О да!»

Неплохо будет чувствовать этот аромат, пока он заставит ее кое-что сделать с собой с помощью тех туфель, а потом и сам с ней займется. От страха она вспотеет, а на потном теле аромат духов проявляется еще сильнее.

Он представил, как она выходит из дома — в тех синих туфлях «Маноло Бланик», пахнущая «Армани Код». Подойдет к своей машине, сядет за руль. А потом припаркуется где-нибудь в тихом месте — как тогда, в субботу, на подземной стоянке.

Он точно знал, когда Ди Барчмор наденет новые туфли. В субботу она говорила об этом продавщице, пока та выбивала чек. «Это для одной важной речи», — откровенничала она. Речи после благотворительного обеда, к которому она купила «божественное синее платье», а теперь вот подобрала к нему туфли в тон.

Вот был бы облом, подумал он, если бы Ди Барчмор сейчас вышла из дому, но не в новых синих туфлях «Маноло Бланик».

У нее есть собственный сайт, а на нем очень кстати вывешено расписание всех светских мероприятий, в которых она принимает участие. Удобно! Вдобавок она часто заходит на «Фейсбук» и заранее оповещает всех друзей и знакомых, куда пойдет и чем будет заниматься. Кроме того, она активно ведет микроблог на «Твиттере». Какая умница — облегчила ему жизнь!

И на своей страничке в Интернете, и на «Фейсбуке» Ди Барчмор подтвердила, что следующее светское мероприятие с ее участием пройдет в четверг. Она произнесет речь на благотворительном обеде, где будут собирать деньги в фонд местного хосписа «Ласточки». На «Твиттере» она даже опубликовала отрывки из своей речи. На обеде будет весь цвет дамского общества Брайтона и Хоува. В качестве почетной гостьи пригласили супругу лорда-наместника Суссекса.

Благотворительный обед состоится в Гранд-отеле, у которого есть собственная многоярусная парковка.

Что еще более кстати!

60

12 января, понедельник

Без десяти двенадцать Кевин Спинелла довольно развязно вошел в кабинет Роя Грейса, выдвинул себе стул, не дожидаясь приглашения, и сел. Манеры Спинеллы ужасно раздражали Грейса. В то же время суперинтендент вынужден был признать: у молодого честолюбивого репортера есть и свои достоинства.

Спинелла непринужденно развалился на стуле напротив Грейса, сунув руки в карманы расстегнутого плаща. Грейс невольно подметил, что галстук Спинелла так и не научился завязывать как следует. На вид худощавому, узколицему репортеру можно было дать лет двадцать пять-двадцать восемь; он окидывал кабинет цепким взглядом. Черные волосы стояли дыбом — не без помощи геля для укладки. И еще Спинелла, как всегда, жевал жвачку.

— Итак, что у вас для меня есть, суперинтендент?

— По-моему, вам известно больше, чем мне. — Грейс смерил репортера испытующим взглядом. — Давайте выкладывайте!

Репортер склонил голову набок, обнажил в улыбке острые белые зубы:

— Я слышал, что Туфельщик вернулся.

— Кевин, признайтесь, кто ваш источник?

Молодой человек улыбнулся и постучал себя пальцем по носу.

— Я все равно найду источник утечек. Вы ведь понимаете, правда? — с серьезным видом продолжал Грейс.

— Я думал, вы попросили меня прийти пораньше, потому что у вас ко мне дело.

— Так и есть.

— Ну и что?

Грейсу с трудом удавалось сохранять хладнокровие. Он решил пока забыть об утечках информации и сменить тему.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал он. — Если я сообщу вам некоторые конфиденциальные сведения, обещаете ли вы хранить их в тайне, пока я не дам команду, что их можно обнародовать? В данном вопросе мне нужно полностью полагаться на вас.

— Разве я вас когда-нибудь подводил?

Всякое бывало, подумал Грейс. Хотя в прошлом году Спинелла, надо отдать ему должное, всегда держал слово. Вслух же Грейс сказал:

— Как правило — нет.

— Можете ли вы сообщить что-нибудь интересное для «Аргуса»?

— У вас есть шанс помочь нам арестовать преступника. И в связи с этим я готов дать вам эксклюзивное интервью.

— Значит, преступник только один? — многозначительно спросил Спинелла.

Вот черт, подумал Грейс. Интересно, об этом-то он как пронюхал?! О том, что в городе, возможно, орудует не один насильник, они говорили только на утренней оперативке. Может, информацию слил кто-нибудь из его группы? Грейс недовольно посмотрел на Спинеллу и понял: из малого ничего не вытащить.

— На данной стадии мы считаем, что за всеми нападениями стоит один преступник.

Судя по хитрому взгляду, Спинелла ему не поверил.

Грейс сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил:

— Итак, дело в следующем. — Он немного помолчал, взвешивая свои слова. Сейчас он серьезно рискует! — У меня для вас две новости. Одну вы опубликуете только после того, как я разрешу, а вторую должны опубликовать немедленно. Ни о первой, ни о второй я не упомяну на брифинге.

В течение короткой паузы собеседники мерили друг друга взглядами. Спинелла даже ненадолго перестал жевать.

— Ну как, договорились? — спросил Грейс.

Спинелла пожал плечами:

— Договорились!

— Ладно. Итак, первое, пока не для печати. Мы считаем, что до конца недели маньяк совершит еще одно нападение. Где-то в центре города, возможно на автостоянке.

— Для того чтобы прийти к такому выводу, не нужно быть Эйнштейном, ведь за прошедшие три недели он уже напал на трех женщин, — ехидно ответил Спинелла.

— Да, я с вами согласен.

— Не сказать, чтобы ваша новость меня порадовала. Такой прогноз я способен сделать и сам, без вашего участия.

— Если наш прогноз подтвердится, «Аргус» получит преимущество. Вы сумеете написать что-нибудь типа «Один из старших офицеров полиции предупредил „Аргус“ о возможности нападения». Такого рода статейки вам в прошлом хорошо удавались.

Спинелле хватило порядочности покраснеть.

— Автостоянка? — Он пожал плечами. — Значит, по-вашему, преступник действует по привычной схеме?

— Так считает криминалист-психолог.

— Доктор Праудфут? Да ведь он известный болтун!

— Это вы сказали, не я. — У Грейса сверкнули глаза.

— Какие действия предпринимают стражи порядка, чтобы предотвратить следующее нападение?

— Мы делаем все, что в наших силах. Естественно, мы не можем перекрыть весь центр Брайтона. И все же мы намерены привлечь все наши ресурсы. Главное — действовать скрытно. Наша цель — задержать его, а не спугнуть или упустить.

— Как вы собираетесь предостеречь граждан?

— Надеюсь, мы получим поддержку прессы, телевидения и радио и с их помощью предупредим их, так сказать, в общих чертах, не раскрывая никаких подробностей.

Спинелла кивнул и достал блокнот.

— А теперь говорите, что я должен опубликовать немедленно.

Грейс улыбнулся:

— У насильника маленький член.

Репортер ждал, но Грейс больше ничего не сказал.

— И все? — изумился Спинелла.

— И все.

— Вы шутите?

Суперинтендент покачал головой:

— И это называется «эксклюзив»? У преступника маленький член?

— Надеюсь, я вас не смутил, — ответил Грейс.

1998

61

13 января, вторник

Старуха сидела на водительском сиденье угнанного микроавтобуса на вершине крутого холма; он постарался пристегнуть ее как можно туже. Руки лежали на рулевом колесе; мотор работал вхолостую; фары не горели.

Он стоял рядом с ней, открыв водительскую дверцу. От страха его била крупная дрожь. Ночь темная, небо плотно затянуто облаками. При лунном свете было бы легче, но с этим ничего не поделаешь.

Он всматривался в темноту. Два часа ночи; проселочная дорога, совсем недалеко от гольф-клуба «Уотерхолл», в двух милях от окраины Брайтона. Никого. Отсюда начинался крутой спуск в полмили; у подножия холма дорога круто забирала влево и петляла в долине между холмами Южного Даунса. Это место он выбрал не случайно. С вершины открывается отличный обзор в обе стороны; он издали, по лучам фар, заметит приближающуюся машину. Пока все чисто.

Пора прокатиться!

Он перегнулся через старуху, снял машину с ручного тормоза и проворно отскочил в сторону. Микроавтобус тут же покатил вперед, стремительно набирая скорость. Захлопнулась, глухо лязгнув, водительская дверца. Микроавтобус опасно вихлял на узкой дорожке, но не сходил с нее, а все быстрее летел вниз.

Хорошо, что навстречу, от подножия холма, сейчас никто не едет. Старуха не сумеет ни уйти от лобового столкновения, ни вообще как-то среагировать, потому что уже десять дней как умерла.

Он сел на велосипед, крутанул педали и, поджав ноги, покатил следом за ней с холма, так же стремительно набирая скорость. Тяжелый рюкзак бил по спине.

Силуэт микроавтобуса, который он угнал на стройке, маячил впереди, вихлялся у правой обочины. В какой-то миг сердце ушло в пятки: он был уверен, что микроавтобус вот-вот проломит густую живую изгородь из утесника и остановится. Но микроавтобус каким-то чудом дернулся влево, выправился и помчался к подножию холма по прямой, как будто старуха в самом деле вела машину. Как будто участвовала в главной гонке всей своей жизни. Точнее, гонке смерти!

— Вперед, детка, вперед, Молли! — понукал он. — Ты победишь!

Микроавтобус, на борту которого красовался логотип строительной фирмы «Брайан Баркер», мчался под гору так быстро, что ему стало страшно. Больше он ничего не сможет поделать! Он притормозил ногой. Трудно было сохранять дистанцию. Слева и справа мелькала живая изгородь. Что-то пронеслось совсем рядом. Летучая мышь? Сова?

В лицо бил холодный, сырой ветер; глаза наполнились слезами. Он инстинктивно зажмурился.

Они приближались к подножию и тому самому крутому повороту. Велосипед остановился, а микроавтобус устремился в обрыв. Он услышал хруст, скрежет раздираемой колючей проволоки: микроавтобус проделал дыру в живой изгороди и проломил сетчатую ограду. Резиновые подошвы его туфель проехались по гудрону. От волнения он едва не упал с велосипеда.

Глаза слезились, но он уже привык к темноте. Белый микроавтобус медленно падал вниз. До его слуха донесся гулкий удар.

Он соскочил с велосипеда, прислонил его к живой изгороди, включил фонарик и полез в пролом. Скоро луч высветил все, что он хотел увидеть.

— Отлично! О да, отлично! Прекрасно! Да, милая, да, Молли, ты моя умница! Ты справилась, Молли! Ты победила!

Микроавтобус лежал вверх дном; колеса еще вращались.

Он подбежал поближе, выключил фонарик и внимательно огляделся по сторонам. По-прежнему никаких чужих фар. Он снова включил фонарик. Молли Глоссоп висела вниз головой; от падения ее удерживал ремень безопасности. Рот по-прежнему был закрыт, потому что ей сшили губы; неряшливо развевались седые космы.

— Спасибо! — прошептал он, как будто его голос мог пролететь десять миль. — Ты отлично вела машину!

Он сбросил с себя рюкзак и принялся развязывать тесемки, хотя действовать в перчатках было неудобно. Достал пятилитровую пластмассовую канистру с бензином, топча солому и грязь, протопал к водительской дверце и попытался ее открыть.

Дверца не поддавалась.

Выругавшись, он поставил канистру на землю и потянул на себя дверцу обеими руками, напрягая все силы, но она открылась всего на чуть-чуть. Протестующе заскрипел покореженный металл.

Ладно, не важно, окошко-то открыто. И так сойдет! Он снова боязливо огляделся по сторонам. Нет, вроде никто не едет…

Он отвинтил крышку канистры; послышалось тихое шипение. Содержимое он вылил в окошко, стараясь получше полить голову и тело старухи.

Когда канистра опустела, он снова завинтил крышку, поставил ее в рюкзак, затянул лямки и надел рюкзак на плечи.

Затем отошел на несколько шагов от перевернутого микроавтобуса, достал пачку сигарет, вынул одну, сунул в рот. Руки так дрожали, что ему трудно было чиркнуть зажигалкой. Наконец появилось пламя, правда, язычок сразу затушил ветер.

— Черт! Мать твою! Только не это!

Он снова чиркнул колесиком, прикрыв пламя от ветра ладонью, и наконец ему удалось закурить. Он сделал две глубокие затяжки и снова огляделся — нет ли кого поблизости.

Черт!

Сверху спускалась машина.

Не смотрите сюда! Пожалуйста, не смотрите сюда!

Он бросился в кусты, припал к земле. Услышал рев мотора. По нему скользнули лучи фар — и снова все стемнело.

Машина проехала мимо.

Он встал, проследил глазами за красными фонарями чужой машины. Вот они скрылись за поворотом, вот снова мелькнули вдали, а потом исчезли насовсем.

Он выждал еще несколько секунд и вернулся к микроавтобусу. Бросил зажженную сигарету в открытое окошко водительской дверцы, развернулся и побежал. В нескольких шагах остановился, оглянулся.

Ничего. Ни единой искорки! Совсем ничего…

Он выждал — ему показалось, целую вечность. По-прежнему ничего.

Только этого не хватало!

Теперь фары приближались с противоположной стороны. Он взмолился:

— Только бы это оказалась другая машина, а не та, что только что проехала. Только бы водитель не заметил пролом и не вернулся посмотреть, что случилось!

К его облегчению, машина оказалась другая. Взбираясь вверх по склону, она ревела так, словно у нее не было глушителя. Судя по тусклым задним фонарям, это была старая развалюха, чья электропроводка не выносила сырости.

Он выждал еще целую минуту. Вокруг все сильнее воняло бензином. Он закурил вторую сигарету, осторожно приблизился к микроавтобусу, швырнул сигарету в окошко. То же самое — ничего.

Его охватил страх. Может, бензин разбавленный?

Сверху спустилась третья машина; она быстро проехала мимо.

Прикрыв рот и нос платком, он осторожно подошел к микроавтобусу, включил фонарик и увидел обе сигареты: потухшие, они лежали в луже бензина. В чем дело? В кино, стоит только чиркнуть спичкой, и машины моментально взрываются! Он окунул платок в лужицу бензина, отступил на шаг и поджег его.

Пламя вспыхнуло так стремительно, что от неожиданности он уронил платок на землю. Платок горел очень ярко, а он беспомощно наблюдал за тем, как пламя пожирает ткань.

С горы спускалась четвертая машина, чтоб ей провалиться! Он торопливо затоптал горящий платок. С глухо колотящимся сердцем выждал, пока исчезнут красные фонари и стихнет рокот мотора.

Снял рюкзак, снял куртку, смял ее, сунул в окошко и пару секунд подержал в луже бензина. Потом отошел на расстояние вытянутой руки и встряхнул куртку. Чиркнул зажигалкой — раздалось громкое: «БАБАХ!»

Языки пламени метнулись ему в лицо. Не обращая внимания на боль, он сунул в окошко горящую куртку. На сей раз результат получился мгновенным.

Весь салон запылал, как печка. Он несколько секунд ясно видел Молли Глоссоп; потом ее волосы исчезли, а кожа почернела. Он смотрел как зачарованный. Труп корчился и чернел; его пожирало пламя. Потом огонь добрался до бензобака, и микроавтобус превратился в геенну огненную.

Подхватив рюкзак, он, спотыкаясь, побежал к тому месту, где бросил велосипед, сел в седло и как можно быстрее покатил подальше отсюда, в блаженную прохладу и тишину. Потом, как наметил заранее, кружным путем вернулся в Брайтон.

На обратном пути до главной дороги его не обогнала ни одна машина. Он внимательно вслушивался — не раздастся ли вой сирены. Но ничего не услышал.

Наши дни

62

13 января, вторник

Одинокая дурнушка сидела в кафе за столиком у окна и ковыряла вилкой в горе вегетарианского салата, похожего на пышную зеленую шевелюру. Зелени было столько, что веточки водяного кресса и кусочки салата фризе вываливались на стол.

Девица задумчиво жевала, не выпуская из левой руки айфон, и, машинально поднося вилку ко рту, глазела на экран. Выбеленные волосы до плеч были собраны в конский хвост; оттуда выбивались прядки — как в тот раз, в субботу, когда он видел ее в обувном магазине «Мариэлла».

Личико у нее хорошенькое, несмотря на смешной крючковатый нос; вот только одевается она кое-как, неряшливо. На ней простая черная водолазка, сверху какая-то бесформенная серая хламида без рукавов, джинсы и кроссовки с блестками. Он терпеть не мог женщин, которые носили кроссовки.

Джесси Шелдон явно не заботилась о своей внешности на работе — а может, вообще не любила следить за собой. Хотя, судя по снимкам, которые она вывесила на «Фейсбуке», она может быть очень хорошенькой, если захочет. И причесаться может, и одеться… А в некоторых нарядах она выглядит очень даже ничего. Нет, даже не «ничего»! Очень красиво! Потрясающе аппетитно!

И вовсе она не дурнушка-одиночка, хотя сейчас одета кое-как и сидит в кафе одна. В списке ее друзей двести пятьдесят один человек (в последний раз он заглядывал к ней на «Фейсбук» сегодня утром). А один из них, Бенедикт Грин, ее жених — ну, все равно что жених, потому что официально они пока не помолвлены, как она сама объяснила на сайте. «Тихо! Только не говорите моим родителям!»

Она очень общительная. Ежедневно докладывает всему свету о том, чем занималась, занимается и будет заниматься. Все знают, что она будет делать через три часа, через шесть часов, через сутки и следующие несколько недель. И, как и Ди Барчмор, она ведет микроблог на «Твиттере». В основном распространяется о своей диете: «Джесси подумывает, не съесть ли ей батончик „Кит-Кат“… Джесси отказалась от „Кит-Ката“… Сегодня сбросила целый фунт!.. Вот зараза, набрала целый фунт! До конца недели не ем мяса!»

Умница, она здорово ему помогла! Нащебетала даже больше, чем Ди Барчмор. Последнее сообщение появилось всего час назад: «Сижу на диете! На обед ем только овощи. Ищите меня в моей любимой „Лидии"!»

Вот и сейчас стучит по клавиатуре айфона. Может, опять пишет на «Твиттере»?

Ему нравилось следить за своими женщинами. Сегодня утром Ди Барчмор ходила в спа-салон в «Метрополе»; записалась на сеанс талассотерапии — обертывания морскими водорослями. Может, ему тоже пройти такую процедуру? Нет, лучше не стоит. Сегодня у него дела; если честно, ему сейчас нужно находиться совсем в другом месте. Но здесь так хорошо! Ну как тут устоять?

Чуть раньше дурнушка-одиночка написала в «Твиттере»: «В обед опять схожу посмотреть на те туфли; надеюсь, их еще не купили!»

Туфли оказались на месте! Она сфотографировала их на свой айфон и объяснила продавщице, что подумает, стоит ли их покупать, во время обеда. Она попросила отложить для нее туфли до двух часов. Продавщица обещала. Он все слышал.

Туфли просто обалденные! Черные, с ремнями на лодыжках и двенадцатисантиметровыми каблуками стального цвета. Она объяснила продавщице, что хочет надеть их на вечеринку, куда пойдет с женихом. На вечеринке жених должен познакомиться с ее родителями.

Дурнушка стучала по клавиатуре, а потом поднесла айфон к уху. Лицо у нее осветилось, оживилось.

— Привет, Роз! Отправила тебе снимок с туфлями… Получила? Ага! Ну, что скажешь? Правда? В самом деле? Отлично! Я их куплю! А вечером, после сквоша, привезу к тебе… Что будем смотреть? У тебя есть «Пункт назначения»? Класс!

Он улыбнулся. Девчонка любит фильмы ужасов. Может быть, ей даже понравится представление, которое он для нее приготовил! Хотя он вовсе не собирался ей угождать, дарить ей удовольствие.

— Нет, с машиной уже все в порядке, ее починили. Я заеду в китайский ресторан и захвачу нам что-нибудь поесть. Да, напомню, чтобы не брал с нас за морскую капусту. На той неделе он про это забыл… Ага, и соевый соус — скажу, чтобы положил еще один.

У него самого зазвонил мобильник. Он посмотрел на дисплей. С работы. Он нажал красную кнопку. Включился автоответчик.

Потом он развернул только что купленный выпуск «Аргуса». Крупный заголовок на первой полосе гласил:

«ПОСЛЕ ТРЕТЬЕГО СЛУЧАЯ ИЗНАСИЛОВАНИЯ ПОЛИЦИЯ УСИЛИВАЕТ БДИТЕЛЬНОСТЬ!»

Он нахмурился и начал читать. Третье нападение произошло в выходные, на аттракционе «Поезд-призрак». Автор статьи считал, что вернулся так называемый Туфельщик — тот, кто в конце 1997 и начале 1998 года изнасиловал четырех женщин, а может, и больше. Создана особая следственная группа, которую возглавляет суперинтендент уголовной полиции Рой Грейс. Суперинтендент Грейс заявил, что говорить о возвращении Туфельщика со всей определенностью пока рано. У его группы есть несколько версий. Суперинтендент Грейс заверил, что к операции привлечены все силы, которыми располагает полиция Суссекса. Безопасность жительниц Брайтона и Хоува — их первостепенная задача.

Следующий абзац заставил его вздрогнуть:

«В эксклюзивном интервью, данном „Аргусу", суперинтендент Грейс заявил, что у преступника имеется особая примета, которая оказывает влияние на его сексуальные пристрастия, своего рода уродство. От подробностей он воздержался; репортеру лишь удалось выяснить, что гениталии преступника отличаются малыми размерами. Суперинтендент Грейс добавил: любая женщина, которая вступала в контакт с этим

человеком, обязательно запомнит эту его примету. По словам сексолога, к которому обратился за разъяснениями репортер, люди, обладающие подобным уродством, часто стремятся компенсировать его путем насилия. Всех, кто считает, что знает или видел такого человека, просят позвонить по телефону 0845 6070999 и связаться с дежурным по операции „Меч-рыба". Можно также позвонить в Центр приема криминальных сообщений (звонок анонимный)».

Телефон пикнул дважды: на автоответчик поступило голосовое сообщение. Не обращая на него внимания, он смотрел на газету, и в нем вскипала ярость. Так, значит, они считают его уродом?! Что ж, возможно, у суперинтендента уголовной полиции Грейса размеры члена больше, зато он не слишком одарен по части мозгов. Он не поймал его двенадцать лет назад — и сейчас не поймает.

Может, мое добро и маленькое, мистер Грейс, зато мозгов хватает!

Он перечел статью, слово за словом. И еще раз. И еще.

Его отвлек приятный женский голос с южноафриканским акцентом:

— Мадам, вы готовы заказывать?

Он поднял голову и озадаченно посмотрел на молодую официантку. Потом покосился на столик у окна.

Девчонка, за которой он следил, уже ушла.

Ну и ладно! Он знает, где ее можно застать сегодня вечером. Она будет играть в сквош на стадионе «Уитдин», а потом выйдет на автостоянку. Стоянка хорошая — открытая и большая. Вечером там будет тихо и очень темно. Если повезет, ему удастся припарковаться рядом с маленьким черным фордиком этой сучки.

Он перевел взгляд на официантку:

— Да, мне, пожалуйста, ромштекс с жареной картошкой. Мясо с кровью.

— Извините, но у нас вегетарианский ресторан.

— Тогда какого хрена я здесь забыл? — воскликнул он своим нормальным голосом, совершенно забыв, что должен пищать по-женски.

Вскочил с места и выбежал из зала.

63

13 января, вторник

В конце Кенсингтон-Гарденз он повернул налево и зашагал по Трафальгар-стрит, ища телефон-автомат. Увидел будку в конце улицы, зашел. К стеклу были приклеены карточки с изображением полуголых красоток. Карточки предлагали «уроки французского», «восточный массаж» и «уроки послушания».

— Вот суки! — сказал он, оглядывая их. От злости даже не сразу вспомнил, что надо сделать, чтобы позвонить. Порывшись в кармане, отыскал монету и сунул в прорезь автомата единственную, которая у него нашлась, — фунт. Все еще дрожа от ярости, набрал первый номер, напечатанный в «Аргусе».

Когда ему ответили, он попросил соединить его с дежурным по операции «Меч-рыба» и стал ждать.

Через три гудка ему ответил мужской голос:

— Дежурный констебль уголовной полиции Николл.

— Пожалуйста, передайте кое-что суперинтенденту Грейсу.

— Я вас слушаю, сэр. Представьтесь, пожалуйста!

Он выждал секунду — мимо проехала патрульная машина, завывая сиреной, оставил сообщение, повесил трубку и поспешил прочь от телефонной будки.

64

13 января, вторник

В 18.30 следственная группа, задействованная в операции «Меч-рыба», собралась на совещание в ОШ-1. Все молчали. Рой Грейс включил диктофон. Запись им прислали из Центра обработки сообщений.

Сначала на заднем плане слышался шум проезжающих машин. Потом заговорил мужчина — казалось, ему с трудом удается сохранять спокойствие. Шум машин мешал отчетливо разобрать, что он говорит.

«Пожалуйста, передайте кое-что суперинтенденту Грейсу».

Потом все услышали голос Ника Николла:

«Я вас слушаю, сэр. Представьтесь, пожалуйста!»

Несколько секунд звонивший молчал; на заднем плане оглушительно выла сирена. Потом он снова заговорил, чуть громче:

«Передайте, что никакой он не маленький!»

Затем послышался громкий лязг, щелчок — и все стихло.

Никто не улыбнулся.

— Это на самом деле он звонил или кто-то придуривается? — спросил Норман Поттинг.

Ему ответил доктор Джулиус Праудфут — не сразу, а после небольшой паузы:

— Готов заложить все деньги — это на самом деле он звонил. Достаточно послушать его голос!

— Босс, можно еще разок? — попросил Майкл Форман.

Грейс снова включил запись. Когда она закончилась, он обернулся к Праудфуту:

— Что вы можете нам в связи с этим сообщить?

Криминалист-психолог кивнул:

— Кое-что могу, да. Во-первых, если допустить, что звонит тот, кого мы ищем, вам удалось вывести его из равновесия. Вот почему я считаю, что звонит настоящий преступник и это не мистификация. В его голосе слышится неподдельный гнев. Он вне себя!

— Я и собирался вывести его из равновесия.

— Его выдает голос, модуляции, — продолжал Праудфут. — Он просто кипит от злобы. Наверное, закончив разговор, не сразу сообразил, как повесить трубку на место… Или руки дрожат от ярости. Кроме того, могу сказать, что он испугался; интонации напряженные — значит, вы задели нужную струну. Скажите, то, что вы сообщили о нем, — правда? Удалось найти дополнительные сведения в старых протоколах?

— Кое-что угадывается, но никто из свидетелей не говорит ничего определенного. Как в девяносто седьмом, так и сейчас.

— Рой, зачем вы запустили это в «Аргус»? — поинтересовалась Эмма Джейн Бутвуд.

— Затем, что подозреваю: наш подонок решил, что он самый умный. В девяносто седьмом все сошло ему с рук. Он не сомневается, что и сейчас всех обхитрит и выйдет сухим из воды. Если доктор Праудфут прав и девушку на «Поезде-призраке» изнасиловал тот же тип, значит, промежутки между нападениями сокращаются. А еще он обнаглел. Вот мне и захотелось немножко поддеть его самолюбие. Пусть поломает голову, откуда у меня такие сведения. Раз он злится, можно надеяться, что где-нибудь допустит прокол…

— А может, начнет еще ужаснее обращаться со своими жертвами, — возразила Белла Мой.

Грейс покачал головой:

— Белла, если он в девяносто седьмом году убил девушку, чего я совсем не исключаю, велика вероятность, что он убьет снова, в каком бы состоянии ни находился. Первое убийство — своего рода Рубикон. Когда преступники его переходят, все меняется бесповоротно. В первый раз убить человека трудно. Убить во второй раз значительно легче. Особенно если в первый раз они получили от этого удовольствие. Тот, кого мы ищем, — гнусный извращенец. К тому же хитрый. Нам нужно придумать, как заманить его в ловушку. Я стремлюсь не к тому, чтобы его разжалобить. Моя цель — чтобы больше у него не было ни одной жертвы. Точка. Мы обязаны схватить его до того, как он снова нанесет удар!

— По его речи кто-нибудь что-нибудь заметил? — спросил Ник Николл.

— По-моему, он местный, — сказал констебль Форман, — но фон такой шумный, что судить трудно. А можно отсечь посторонние шумы и увеличить звук?

— Сейчас с записью работают эксперты, — ответил Грейс и повернулся к Праудфуту: — Вы можете по голосу приблизительно определить его возраст?

— Только в самых общих чертах. По-моему, ему от тридцати до пятидесяти, — ответил психолог. — Отошлите запись в фонологическую лабораторию, например к доктору Френчу. Голосовые профили — его специальность. Им удается узнать поразительно много даже по таким звонкам. Хотя бы место рождения и национальность звонящего.

Грейс кивнул. Он уже пользовался услугами фонологической лаборатории; в прошлом ему там не раз помогали. Кроме того, они могут изготовить сонограмму, «отпечаток голоса», который у каждого человека так же уникален, как отпечаток пальца или ДНК. Но у них очень мало времени… Успеют ли они?

— Опыт массового забора образцов ДНК уже проводился, — сказала Белла Мой. — Может, есть смысл брать у жителей Брайтона сонограммы?

— Ага, как же, — возразил Норман Поттинг. — Придется попросить каждого парня, живущего в Брайтоне и Хоуве, произнести несколько слов в микрофон. В городе всего-то сто сорок с чем-то тысяч мужчин. Лет за десять управимся!

— Босс, а нельзя еще раз прослушать? — попросил Гленн Брэнсон, который до этого все время молчал. — Помните, в фильме «Разговор» удалось определить местонахождение человека по фоновому шуму транспорта?

Грейс снова включил запись.

— Удалось засечь, с какого номера он звонил? — спросила Эллен Зоратти.

— Номер не определился. Но эксперты не сдаются. Правда, задачка у них не из легких. Вы только представьте, сколько звонков поступает ежечасно в Центр обработки сообщений! — Грейс еще раз нажал кнопку «Воспроизведение».

Прослушав запись, Гленн Брэнсон заметил:

— Похоже, он звонил из центра Брайтона. Если номер не определят, у нас остается еще сирена на заднем плане и время суток. Такое впечатление, что патрульная машина проехала совсем рядом с ним. Проверим, какие машины выезжали на срочный вызов ровно без пяти два; установим маршрут и посмотрим записи с камер. Вдруг нам повезет и в кадр где-нибудь попал подходящий мужик с мобильником?

— Отличная мысль, — кивнул Грейс. — Хотя, судя по качеству звука, он скорее звонил не с мобильника, а с городского телефона.

— Да, — кивнул Майкл Форман. — Такой щелчок, как будто повесили трубку на старомодном аппарате.

— А может, он просто бросил свой телефон, потому что распсиховался, как считает доктор Праудфут, — сказала Эмма Джейн Бутвуд. — Так что и вариант с мобильником исключать нельзя.

— Еще он мог звонить из телефона-автомата, — сказал Форман. — Тогда на трубке должны остаться отпечатки.

— Если он злится, — сказал Праудфут, — по-моему, он, вероятнее всего, скоро снова нанесет удар. В одном я совершенно уверен. Он будет действовать точно так же, как действовал в последний раз. Он не сомневается: тогда все получилось — и сейчас получится. Действия по шаблону доставляют ему удовольствие. Значит, следующее нападение он совершит на автостоянке — как я уже говорил.

Грейс подошел к карте центра Брайтона. Сколько здесь больших автостоянок? У вокзала, на Лондон-роуд, Нью-роуд, Черчилл-сквер, Норт-роуд. Их очень много, больших и маленьких. Есть муниципальные, есть общенациональные; и нельзя забывать о стоянках при супермаркетах и отелях… Он повернулся к Праудфуту.

— Мы не можем разослать констеблей на все автостоянки в городе, — сказал он. — Тем более расставить по человеку на каждом ярусе многоярусных парковок. У нас людей не хватит. И перекрыть все стоянки тоже нельзя.

Грейс встревожился. Может быть, зря он вчера передал Спинелле эксклюзивную информацию? Что, если он подтолкнет Туфельщика к новому убийству? Тогда новая жертва будет на его совести.

— Самое лучшее, что сейчас можно сделать, — разослать сотрудников полиции в штатском в залы видеонаблюдения на тех стоянках, где установлены камеры, и расставить побольше наших машин без опознавательных знаков на всех стоянках, где только можно, — сказал Грейс.

— Я бы посоветовал вам, суперинтендент, особенно присматриваться ко всем, кто необычно себя ведет. Например, к тем, кто превышает скорость. По-моему, тот, кого мы ищем, сейчас очень взвинчен.

65

Думаешь, ты самый умный, суперинтендент уголовной полиции Рой Грейс? Думаешь, я не знаю, зачем ты стараешься меня поддеть? Хочешь, чтобы я разозлился! Я тебя насквозь вижу!

Скажу тебе откровенно, ты — неудачник. Таких, как ты, называют «хромая утка». Твои предшественники не поймали меня двенадцать лет назад, а ты не поймаешь меня сейчас. Я гораздо умнее тебя — тебе до меня далеко. Даже сейчас ты понятия не имеешь, что я оказываю тебе услугу!

Я избавляю всех от хищных и ядовитых растений, выпалываю сорняки! Подумай, и поймешь, что я твой самый лучший друг! Когда-нибудь ты это поймешь! Когда-нибудь мы с тобой вдвоем погуляем по утесам в Роттингдине и подробно все обсудим. Мы погуляем, как ты сейчас гуляешь по воскресеньям со своей любимой Клио! Она тоже любит туфли. Я встречал ее в нескольких своих любимых магазинах. Она без ума от дорогой обуви, да? Она дорого тебе обойдется, но ты этого еще не понял. Хотя когда-нибудь поймешь.

Видишь ли, все женщины — яд, отрава. Все до единой. Венерины мухоловки, которые приманивают мужчин, а потом высасывают их. Им трудно не поддаться. Когда ты не с ними, то без конца звонишь и шлешь эсэмэски; тебе нужно знать, сильно ли они тебя любят.

Сейчас я открою тебе тайну.

Ни одна женщина на самом деле тебя не любит. Она хочет только одного: управлять тобой. Можешь издеваться надо мной. Можешь сомневаться в размере моего члена. Но вот что я тебе скажу, суперинтендент уголовной полиции. Когда-нибудь ты будешь мне

благодарен. Мы с тобой будем гулять в Роттингдине, и ты поблагодаришь меня за то, что я спас тебя от тебя самого.

66

13 января, вторник

Джесси начинала скучать по Бенедикту, как только расставалась с ним. Всего час назад она отправила ему эсэмэску. По вторникам они не ночевали вместе. Джесси играла в сквош с подругой Джеке, которая недавно вышла замуж, потом заезжала в китайский ресторан, набирала там коробок с разными вкусностями и ехала к другой подруге, Роз. Они ели и смотрели какой-нибудь фильм. Так сложилось уже довольно давно. Бенедикт по вторникам тоже был занят. На досуге он играл на гитаре свои композиции. Сейчас они с соавтором готовят к выходу альбом. Бенедикт надеялся, что скажет новое слово в музыке.

Иногда по выходным он выступал с разными поп-группами в суссекских пабах. Постоянной группы у него не было; он подписывал разовый ангажемент. Джесси нравилось смотреть на Бенедикта из зала. Она никак не могла на него насмотреться, насытиться им. Они встречаются уже восемь месяцев, а она может заниматься с ним любовью практически весь день и всю ночь — в те редкие случаи, когда им так долго удается побыть наедине. Бенедикт лучше всех целуется и самый лучший любовник на свете — правда, ей и сравнивать его особо не с кем. Если честно, до него у Джесси было четверо парней, и все — ничего особенного.

Бенедикт добрый, заботливый, внимательный, щедрый. А еще он умеет ее рассмешить. Джесси нравилось, что у ее жениха прекрасное чувство юмора. Голова шла кругом от его запаха. Но больше всего она восхищалась его умом.

И конечно, ей очень льстило, что он очень, на самом деле, любил ее нос.

— На самом деле он тебе не нравится? — спросила Джесси как-то в постели несколько месяцев назад.

— На самом деле нравится!

— Не может быть!

— По-моему, ты красавица!

— Нет. У меня клюв, как у «Конкорда».

— Для меня ты красавица.

— Ты давно ходил к окулисту?

— Знаешь, недавно я прочел один афоризм и сразу подумал о тебе, — вдруг сказал Бенедикт.

— Какой афоризм?

— «Внимание пленяет красота, а сердце пленяет личность».

Джесси улыбнулась воспоминанию. Она сидела в пробке в полной темноте, освещаемой яркими лучами; печка в ее маленьком фордике шумно стрекотала. Джесси грела ноги и вполуха слушала новости по радио, по четвертому каналу. Гордон Браун выступал с речью насчет Афганистана. Браун ей не нравился, хотя она и голосовала за лейбористов, поэтому она переключилась на музыкальный канал. Там как раз группа «Эйр» исполняла «Секси бой».

— Да! — Джесси закивала и широко улыбнулась. Потом побарабанила пальцами по рулю в такт музыке. «Секси бой, вот ты какой, ты у меня красавец!»

Она любит Бенедикта всей душой, всем сердцем — в этом она не сомневалась. Ей хочется провести с ним остаток жизни; она никогда ни в чем не была так уверена. Родители

огорчатся, что она выходит замуж не за еврея, но тут уже ничего не поделаешь. Сама Джесси уважала семейные традиции, но религиозной себя не считала. Она верила в то, что можно сделать мир лучше для всех, кто в нем живет, и пока не нашла для себя религии, которая бы отвечала на все ее вопросы.

Пикнул айфон, лежащий рядом с ней на пассажирском сиденье: ей пришло текстовое сообщение. Она улыбнулась.

Из-за дорожных работ пробки на Лондон-роуд стали еще невозможнее в час пик. Впереди светофор переключился с зеленого на красный свет, потом с красного снова на зеленый — а они не продвинулись вперед ни на дюйм. Машина Джесси по-прежнему стояла напротив ярко освещенной витрины книжного магазина. Она решила, что успеет прочесть эсэмэску.

«Надеюсь, ты победишь! XXXXXXXXXX».

Она улыбнулась. Мотор работал вхолостую; «дворники» то скрежетали, то повизгивали, сметая с ветрового стекла капли дождя. Бенедикт давно говорил ей, что надо поставить новые «дворники», и даже собирался сам купить ей их. Джесси подумала: сейчас новые «дворники» ей бы не помешали.

Она посмотрела на часы. Без десяти шесть. Зараза! Обычно она добиралась от работы до стадиона «Уитдин» за полчаса; времени хватало с запасом. Но сегодня за пять минут она почти не сдвинулась с места. Она должна быть на корте ровно в шесть. Остается надеяться, что после участка, где ведутся дорожные работы, она поедет быстрее.

Из-за пробки нервничала не только Джесси. Помимо партнерши по сквошу, на стадионе «Уитдин» ее поджидал другой человек. И настроение у него портилось с каждой минутой.

Почему ее до сих пор нет?

67

13 января, четверг

Здесь должно было быть темно! Вчера вечером, когда он приезжал на разведку, здесь и было темно. Прошло меньше месяца после самой длинной ночи в году — сегодня только 13 января. В шесть вечера здесь должно быть уже совсем темно. Но проклятая стоянка возле стадиона «Уитдин» освещена, как какая-нибудь дурацкая рождественская елка! Какой идиот именно сегодня придумал проводить здесь соревнования по легкой атлетике?

А она-то куда запропастилась?

Машин на стоянке оказалось гораздо больше, чем он ожидал. Он уже объехал ее три раза, проверяя, не упустил ли маленький черный фордик. Нет, ее точно здесь нет.

На «Фейсбуке» она говорила, что встретится здесь с Джеке без четверти шесть. Корт снят на шесть вечера. Как обычно!

Он на всякий случай посмотрел в «Фейсбуке» и фотографии Роз. «Посмотри фотографии Роз (121)». «Отправь Роз сообщение». «Подразни Роз». «Роз и Джесси — подруги». Роз — такая сексуальная лисичка… И любит рок! Он нашел ее снимки с выпускного бала — просто отпад!

Он сосредоточился на насущной задаче; глаза не отрывались от ветрового стекла. Перед ним быстро прошли двое мужчин; они направлялись к главному входу на стадион. Его они не видели. Белые микроавтобусы всегда невидимы! Его так и подмывало следом за ними войти внутрь, осмотреться — вдруг он все же упустил Джесси Шелдон и она уже на корте.

Она что-то упоминала о своей машине — вроде ее чинили. А если машина опять сломалась и ее кто-то подвез — или она поймала такси?

Наконец он нашел для себя идеальное место, откуда открывался отличный обзор главного въезда на стоянку. Он заглушил мотор и выключил свет. Ночь холодная, промозглая, дождливая — ну и отлично. Микроавтобус никто не заметит, в темноте или при свете. Зрители семенят, опустив голову; спешат попасть под крышу или в машину. И только тупые бегуны носятся по гаревой дорожке как заведенные…

Он заранее подготовился. Надел резиновые перчатки. Тряпка, пропитанная хлороформом, лежит в пакете в кармане его куртки с капюшоном. Он сунул руку в карман, чтобы еще раз все проверить. Потом пошарил в другом кармане, где лежала маска. Беспокоило только одно: он надеялся, что Джесси после игры примет душ, потому что потных женщин он не любил. Он терпеть не может запах пота, немытого тела… Наверное, она все-таки примет душ, ведь со стадиона она собирается заехать в китайский ресторан, а потом к Роз. Смотреть фильм.

Пандус осветили лучи фар. Он застыл. Неужели она? Он включил зажигание; «дворники» очистили залитое дождем ветровое стекло.

На стоянку въехал «ренджровер». Его фары на миг ослепили его. Потом «ренджровер» проехал мимо. Он не выключал «дворники». Печка накачивала приятный теплый воздух.

По стоянке трусил парень в мешковатых шортах и бейсболке, со спортивной сумкой на плече. Парень разговаривал по мобильнику и ничего вокруг не замечал. Послышалось тихое пиканье; мигнули фары у черного «порше». Парень открыл дверцу.

Вот идиот, подумал он.

Он снова посмотрел на пандус. Потом на часы: пять минут седьмого. Черт! Он хватил по рулю кулаком. В ушах послышался тоненький свист. Иногда с ним так бывает, если он весь на нервах. Он зажал себе нос и что было силы дунул, но без толку — свист сделался только громче.

— Перестань! Чтоб тебя! Прекрати!

Свист стал еще громче.

Это у меня-то маленький член?

Скоро Джесси его увидит… и оценит!

В голове как будто заливался свисток футбольного арбитра.

— Заткнись! — закричал он. Его затрясло; перед глазами поплыл красный туман.

Вдруг он услышал совсем рядом голоса и скрип подошв.

— Я говорила ей: не стоит тратить на него время.

— Она сказала, что любит его! Ну а я ей, типа: и чего?

Слева снова запищало. Вспыхнул оранжевый свет. Потом он услышал, как открывают машину и через несколько секунд захлопывают дверцы. Взревел заводимый мотор. В салоне завоняло соляркой. Кто-то нажал на клаксон.

— Отвали, — сказал он.

Снова гуднул клаксон — дважды, слева от него.

— Отвали! Пошел ты! Пошли вы все!

Красный туман застилал глаза, замутнял рассудок. Разгоняя капли дождя, скрежетали «дворники». Дождь припустил сильнее. «Дворники» смели струи воды с ветрового стекла. Но его снова накрыло пеленой.

Клаксон не унимался.

Он в ярости повернулся и увидел горящие фары. Тогда до него дошло. Огромный уродливый автобус пытается выехать со стоянки задним ходом, а он ему мешает, потому что стоит перед ним и заблокировал проезд.

— Пошел ты! Чтоб тебя!

Он завел мотор, включил передачу, проехал несколько дюймов вперед. Мотор заглох. У него тряслась голова. Свист делался все громче; ему показалось, что мозги режет на пластинки — как сырорезка. Он снова завел мотор. Кто-то постучал в пассажирскую дверцу.

— Да пошли вы все! — Включив первую передачу, он пополз вперед, а потом, уже почти ослепнув от ярости, с шумом покатил вниз по пандусу.

В своем тумане он не обратил никакого внимания на фары маленького черного фордика, который прополз по пандусу ему навстречу.

1998

68

14 января, среда

— Извини за опоздание, милая, — сказал Рой Грейс, входя в дом.

— Если бы ты платил мне по фунту каждый раз, когда произносишь эту фразу, я бы уже была миллионершей! — Сэнди покорно улыбнулась и поцеловала его.

В доме уютно пахло ароматическими свечами. Сэнди почти каждый вечер их зажигала, но сегодня ему показалось, что их больше, чем всегда, — в честь особого случая.

— Боже, какая ты красивая! — воскликнул Рой.

Сэнди в самом деле выглядела настоящей красавицей. После салона красоты ее длинные светлые волосы завивались кудряшками. Она надела короткое черное платье, подчеркивавшее все изгибы ее тела, и надушилась его любимым «Пуазоном». Вскинула руку вверх и повертела запястьем, на котором красовался тонкий серебряный браслет — он купил ей его в ювелирном магазине в Льюисе.

— Ну как, нравится? — спросил он.

— Да! — Сэнди полюбовалась на себя в зеркало, украшающее викторианскую вешалку в прихожей. — Он мне нравится. У вас отличный вкус, сержант уголовной полиции Грейс!

Рой обнял жену, ткнулся носом в ее шею.

— Мне хочется заняться с тобой любовью сейчас же, прямо на полу в прихожей.

— Тогда поспеши. Такси придет через полчаса!

— Какое еще такси? Нам не нужно такси. Я сам поведу машину!

— Разве ты не выпьешь в мой день рождения?

Сэнди помогла ему снять пальто, сама повесила его на вешалку и за руку повела в гостиную. Музыкальный автомат, который они купили пару лет назад на ярмарке в Кенсингтон-Гарденз и отреставрировали, играл одну из его любимых песен «Роллинг стоунз», их версию «По променаду». Свет был приглушен; вокруг горели свечи. На журнальном столике стояла откупоренная бутылка шампанского, два бокала и вазочка с оливками.

— Захотелось выпить перед тем, как ехать, — задумчиво сказала Сэнди. — Но сейчас можно и не пить — и так хорошо. Я уберу бутылку в холодильник; выпьем, когда вернемся! Можешь выпить шампанского с моего обнаженного тела.

— М-м-м-м! — воскликнул Рой. — Как соблазнительно… Но сегодня мне нельзя пить, милая, — я на дежурстве.

— Рой, у меня сегодня день рождения!

Он снова потянулся поцеловать ее, но она отстранилась:

— В мой день рождения никаких дежурств! Ты и так дежурил на Рождество. И сегодня с самого утра ушел на работу и был там допоздна. Попроси, чтобы тебя заменили!

— Скажи это Папаю.

Старшего инспектора Джима Дойла по прозвищу Папай назначили руководителем особой следственной группы, которая была задействована в операции «Закат». Они искали пропавшую Рейчел Райан. Операция отнимала все время сержанта Грейса и не давала ему спать по ночам. Даже ночью голова у него работала.

— Продиктуй мне номер его телефона, и скажу!

Грейс покачал головой:

— Милая, у нас отменили все отпуска и выходные. Мы перешли на круглосуточный режим работы. Извини! Будь ты на месте родителей Рейчел Райан, ты бы, наверное, не ожидала от полиции ничего другого.

— Значит, хочешь сказать, что даже не выпьешь за мое здоровье?

— Можно я быстренько перекушу и переоденусь?

— Никуда ты не пойдешь, пока не пообещаешь, что выпьешь на мой день рождения!

— Сэнди, если меня срочно вызовут и кто-нибудь учует, что от меня пахнет спиртным, я мигом вылечу из полиции, потеряю работу. Пожалуйста, пойми меня!

— «Пожалуйста, пойми меня!» — передразнила она. — Если бы мне платили по фунту всякий раз, как ты это говоришь, я была бы не просто миллионершей, а мультимиллионершей!

— Отмени такси. Я сам поведу машину.

— Нет, не поведешь!

— Я думал, мы копим на ипотеку и на ремонт…

— Одна поездка на такси ничего не меняет.

— Не одна, а две — туда и обратно.

— Ну и что? — Сэнди вызывающе подбоченилась.

Тут ожила его рация. Он выхватил ее из кармана:

— Рой Грейс.

Сэнди смерила его испепеляющим взглядом.

Звонил его начальник.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Грейс.

Слышно было плохо из-за помех.

— Рой, один фермер охотился на кроликов и нашел на своем поле сгоревшую машину. Она есть в оперативной сводке; ее угнали вчера вечером. В машине труп; судя по всему, женский. Фермер служил в Ираке в танковых частях и кое в чем разбирается. Похоже, там может оказаться пропавшая Рейчел Райан. В общем, место происшествия нужно немедленно оцепить. Это рядом с Сэддлскум-роуд, в полумиле южнее гольф-клуба «Уотерхолл». Я еду туда. Ты со мной? Когда ты там будешь?

Сердце у Грейса упало.

— Хотите сказать, прямо сейчас, сэр?

— А ты как думал? Через три недели, что ли?

— Н-нет, сэр, просто… сегодня у жены день рождения.

— Передай ей мои поздравления.

Наши дни

69

14 января, среда

Норман Поттинг вошел в ОШ-1 с чашкой кофе в руке. Кофеварка стояла в комнате отдыха, через дверь. Сгорбившись, он вытянул руку с чашкой подальше, как будто боялся обжечься. Пока шел на место, пару раз откашлялся, словно собирался что-то сказать, но передумал.

Как почти все члены особой следственной группы, Поттинг был на рабочем месте с семи утра. Сейчас, в половине девятого, начиналась обычная утренняя оперативка. В штабе временно отсутствовали Рой Грейс, которого с утра вызвал к себе помощник главного констебля Питер Ригг, и Джулиус Праудфут, который мог явиться в любую минуту.

Громко, как фанфары, зазвонил чей-то мобильник. Все переглянулись. Смущенный Ник Николл вытащил из кармана трубку и отключил ее.

Когда в зал вошел Рой Грейс, на чьем-то еще мобильнике заиграла мелодия из «Индианы Джонса». Судя по тому, как покраснел Поттинг, звонили ему.

Невнятно извинившись перед Роем Грейсом, он выхватил телефон из кармана и посмотрел на дисплей. Потом поднял палец:

— Я быстро… Это по делу… Может быть, важно…

Тоже сопровождаемый звонками мобильника, в штаб вошел психолог-криминалист. Он сел и поднес трубку к уху.

Последней пришла сотрудница отдела по борьбе с сексуальными преступлениями Клер Уэстмор, снявшая показания с жертв изнасилования. На оперативном заседании особой группы она присутствовала в первый раз.

Зажав трубку плечом, Поттинг что-то записывал в блокноте.

— Спасибо. Вы нам очень помогли. Спасибо! — Он убрал телефон и с довольным видом посмотрел на Роя. — Шеф, у нас еще один подозреваемый!

— Кто?

— Звонил один мой знакомый, информант. — Поттинг постучал себя по носу. — Он таксист в компании «Стримлайн». Говорит, у них работает один тип. Другие таксисты вечно над ним подтрунивают… Зовут Джон Керридж, но он придумал себе смешную кличку: Ра. Так вот, этот Ра всегда работает в ночную смену. Он очень любит порассуждать о разных странных вещах — в том числе о женских туфлях.

Все замолчали и повернулись к Поттингу.

— Несколько пассажиров жаловались, что он пристает к ним с разговорами, особенно любит спрашивать, какой у них в доме туалет и какая обувь. Я позвонил в отдел муниципального транспорта при городском совете. Мне объяснили, что о приставании речи нет, но таксист действительно иногда заводит странные разговоры. Некоторым пассажирам это не нравится. С Керриджем провели работу, объяснили, что можно, а что нельзя…

— У тебя есть адрес этого Керриджа? — спросил Грейс.

Поттинг кивнул:

— Он живет на барже в Шорэме.

— Молодец, — сказал Грейс. — Сегодня мы как раз должны обсудить подозреваемых; когда до них дойдет, добавим его в список. — Он разложил на столе документы. — Итак, сегодня 14 января, среда, восемь тридцать. Мы проводим десятое оперативное совещание по ходу операции «Меч-рыба». Пострадавшие — три женщины, которых изнасиловал посторонний мужчина. Миссис Никола Тейлор, миссис Рокси Пирс и мисс Мэнди Торп.

Сегодня я пригласил к нам констебля Клер Уэстмор из отдела по борьбе с сексуальными преступлениями. Она расскажет, что ей удалось узнать от пострадавших.

Он кивнул Клер.

Констебль Уэстмор заговорила с едва заметным шотландским акцентом:

— Все три, естественно, сильно травмированы. Начну с первой жертвы, Николы Тейлор, на которую преступник напал в «Метрополе». Она рассказала нам меньше всех. После первого допроса, за ходом которого, сэр, наблюдали вы с сержантом Брэнсоном, ее состояние ухудшилось. Сейчас она дома, в Брайтоне; ей выписали успокаивающее. За ней круглосуточно присматривает подруга. Миссис Тейлор уже дважды пыталась нанести себе увечье. Возможно, придется ненадолго поместить ее в психиатрическую клинику, прежде чем ее снова можно будет начать опрашивать. — Клер Уэстмор сверилась со своими записями. — Несколько больше удалось узнать у миссис Роксанны Пирс, на которую преступник напал в ее собственном доме в прошлый четверг. По ее словам, преступник неожиданно выскочил из платяного шкафа, когда она переодевалась. А ее муж в тот день улетел в Скандинавию по делам. На кухне мы нашли свидетельства того, что миссис Пирс ждала гостя.

Сидевшие в зале сотрудники обменялись удивленными взглядами. Белла Мой сказала:

— А может, она ждала не гостя, а гостью. Подругу, например. Зачем же сразу очернять женщину?

Клер Уэстмор покачала головой:

— Все указывает на то, что миссис Пирс предвкушала вовсе не невинную болтовню с подружкой. На кухонном столе в пакете лежали итальянские закуски. Два размороженных стейка. Открытая бутылка очень дорогого вина и еще одна бутылка в холодильнике. Я спросила, для кого она собиралась пожарить эти стейки, и миссис Пирс сразу закрылась. Она повторяет одно и то же: купила деликатесов, чтобы побаловать мужа, когда он вернется. Но муж собирался вернуться только на следующий день.

— Вино нельзя долго держать открытым. Оно выдохнется, — сказал Майкл Форман. — Я специально этим интересовался. Независимо от качества, вино выдерживает час или, может быть, два. Но чтобы так долго? Ни за что. Я просмотрел протокол. Та открытая бутылка стоит где-то фунтов двести. Не дешевка, которую пьешь за обычным ужином.

— Ну да, — кивнула Клер Уэстмор. — Я не очень разбираюсь в вине, но не могу с вами не согласиться. По-моему, она кого-то ждала.

— Хотите сказать, любовника? — уточнил Ник Николл.

— Ради того, кто собирается тебя изнасиловать, не открываешь бутылку дорогого вина, — возразила Эмма Джейн Бутвуд.

— А может, она извращенка, — перебил ее Норман Поттинг.

— И не мечтай, — сухо ответила Белла Мой.

— Она ни за что не скажет вам правду, если задумала сходить налево, пока муж в командировке, — продолжал Норман Поттинг. — И наверное, ей не хочется, чтобы муж обо всем узнал, да?

— А может, Рокси Пирс никто не насиловал? Может, она развлекалась с любовником, а потом ей разонравилось делать то, что он требовал? — засомневался Праудфут.

— Я так не думаю, — ответила Клер Уэстмор. — Во всяком случае, судя по ней.

— Так кто ее таинственный гость к ужину? — спросил Ник Николл.

— Она уверяет, что никого не ждала.

Голос подал Гленн Брэнсон:

— Свидетель видел, как приблизительно во время нападения от ее дома на большой скорости отъезжал «мерседес». Он запомнил только две цифры и одну букву номера. Мы

пробили по базе все машины с такими цифрами и буквами в номерных знаках. В Брайтоне и Хоуве подходящих насчитывается восемьдесят три. Всех владельцев обзвонили и допросили. Конечно, мы не можем быть уверены, что это была здешняя, местная машина, но такое вполне вероятно.

— Сколько у вас осталось владельцев «мерседесов»? — спросил Рой Грейс.

— Двенадцать, сэр, — ответил молодой констебль Алан Рэмзи. — Оставшихся проверим за ближайшие двадцать четыре часа.

— Значит, это может быть насильник или любовник, — вздохнул Грейс.

— Если в «мерседесе» сидел любовник, почему он уехал, босс, как вы думаете? — спросил Майкл Форман.

— Похоже, у нас есть возможность спросить об этом его самого. — Грейс посмотрел на Клер Уэстмор. — Что с третьей пострадавшей?

— Мэнди Торп еще в больнице; у нее травма головы, но она выздоравливает, если не психически, то хотя бы физически, сэр, — ответила Клер. — И нормально реагирует на вопросы.

— Узнали у нее что-нибудь новое?

— Нет, сэр.

— Мне по-прежнему не нравится, что ее объединяют с первыми двумя. До сих пор не убежден, что во всех трех случаях орудовал один и тот же насильник. — Грейс посмотрел на Праудфута.

Криминалист-психолог промолчал.

— Ладно, переходим к списку подозреваемых. Что у нас нового по Даррену Спайсеру?

Голос снова подал Гленн Брэнсон:

— Мы с констеблем Николлом снова допросили его вчера в приюте Святого Патрика, но сначала убедились в том, что он весь день провел на рабочем месте, в Гранд-отеле. Он ведь уверяет, будто хочет завязать и начать новую жизнь, вот мы и проверяли, не врет ли. Мы спросили, зачем он отнял туфли у последней жертвы — Марси Каллестад — после того, как попытался напасть на нее.

— И что?

— Спайсер ответил: чтобы эта дура перестала за ним гоняться.

Кое-кто прыснул.

— Вы ему поверили? — спросил Грейс.

— Нет, верить ему нельзя. Он скажет все, что вы хотите от него услышать. Но лично мне не кажется, что Спайсер сдвинут на женских туфлях.

Брэнсон обернулся к Нику Николлу. Тот кивнул:

— Я согласен.

— Он объяснил, куда девал эти туфли потом?

— По его словам, загнал их в магазине на Черч-стрит, — сказал Николл.

— Тот магазин еще там? — оживился Грейс. — Мы можем проверить его слова?

— Сэр, по-вашему, они запомнили пару туфель, купленную двенадцать лет назад?

Грейс улыбнулся:

— Нет, наверное, не запомнили. Ладно, Норман, теперь ты. Что можешь рассказать о таксисте Джоне Керридже, или Ра?

— Судя по тому, что я узнал, он тот еще псих. Сегодня собираюсь наведаться к нему и поболтать.

— Хорошо. Если найдешь повод для ареста, бери его. Начальство мне уже в спину дышит. Но бери только в том случае, если в самом деле найдешь что-то серьезное, ясно?

— Ясно, шеф.

— Тебе понадобится ордер на обыск. Главное — захватить его врасплох, чтобы не успел избавиться от улик.

— Вот не знаю, дадут ли нам ордер на обыск, — буркнул Поттинг.

— Судя по тому, что я слышал, потребовать ордер мы можем. Мы проверяем всех потенциальных подозреваемых. В общем, Норман, езжай к Керриджу с ордером! — Грейс посмотрел в свои записи. — Идем дальше. Как у нас обстоят дела с извращенцами, эксгибиционистами и прочими красавчиками? Были в последнее время случаи, когда кто-то из них перешел в другую категорию?

— Нет, сэр, — ответила Эллен Зоратти. — Мы проверяем всех по списку. Возможный подозреваемый четыре года назад орудовал в Шрусбери — очень похожий почерк. Там так никого и не нашли. Еще один действовал в Бирмингеме шесть лет назад. Я запросила более подробные сведения.

Грейс кивнул.

— Эллен, в связи с тем, что вы узнали, возникает один важный вопрос. Арестовали ли мы всех преступников, которые орудовали на нашей территории? Уверены ли мы в том, что никого не упустили? Нам доподлинно известно: всего шесть жертв изнасилования из ста сообщают о преступлении в полицию. Как добыть важнейшие сведения от оставшихся девяноста четырех? До сих пор мы запрашивали полицию соседних графств: Кента, Суррея, Гемпшира — ну и Столичную полицию, конечно. Пока безрезультатно. — Он задумался. — А что известно об изнасилованиях в Аналитическом отделе особо тяжких преступлений? У них что-нибудь есть?

Аналитический отдел особо тяжких преступлений, или сокращенно АООТП, ведет статистику по всей Великобритании, за исключением Лондона, который не подключен к общей сети.

— Пока ничего, сэр, — ответила Эллен Зоратти, — но несколько управлений еще не прислали ответ.

— Как только что-нибудь получите, сразу сообщите мне.

Возникла пауза. Молчание нарушил Праудфут. Откашлявшись, он сказал:

— Я очень удивлюсь, если тот, кого мы ищем, не совершал никаких преступлений за прошедшие двенадцать лет. Очень, очень удивлюсь. Можете считать доказанным, что он совершал преступления.

— Чем он занимался? — спросила Эмма Джейн Бутвуд. — Насиловал?

— Его желания сами по себе не проходят, — ответил Праудфут. — Он должен их удовлетворять! — У криминалиста-психолога снова зазвонил телефон. Быстро глянув на дисплей, он выключил трубку. — Рой, какие у вас отношения с передачей «Нет криминалу»? У них есть горячая линия; звонки анонимные… Они могут помочь нам.

— Джулиус, у нас с ними прекрасные отношения, — ответил Грейс. — К сожалению, они выходят в эфир раз в две недели. А мне хочется взять нашего насильника гораздо раньше.

Он мог бы добавить, но не добавил, что того же требуют от него помощник главного констебля Питер Ригг, главный констебль Том Мартинсон и городские власти.

Неожиданно заверещал его собственный мобильник.

Звонил Джим Дойл из подотдела нераскрытых преступлений.

— Рой, — начал он, — я насчет пропавших страниц из дела Рейчел Райан. В них шла речь о белом микроавтобусе, который видели рядом с ее квартирой на Рождество девяносто седьмого года?

— Да.

— Мы выяснили, кто последним запрашивал то дело. По-моему, тебе это очень понравится.

70

14 января, среда

— Я весь внимание, — сказал Рой Грейс.

То, что он услышал от Джима Дойла, ошеломило его. Переварив услышанное, он сказал:

— Джим, ты, наверное, шутишь.

— Да нет, я серьезно.

За девятнадцать лет службы в полиции Рой Грейс привык к тому, что его коллеги в основном честные и порядочные люди. За очень редким исключением он хорошо ладил со всеми сослуживцами, как на работе, так и вне ее. Разумеется, были и те, кого он недолюбливал: одни, вроде Нормана Поттинга, искупали мерзкий характер профессионализмом. Совсем редко попадались полные тупицы и кретины. И лишь про двоих коллег Грейс мог не кривя душой сказать, что он их терпеть не может.

Во-первых, он не любил бывшую начальницу, кисло-сладкую Элисон Воспер; та, видимо, с самого начала вбила себе в голову, что они с Грейсом не сработаются. Вторым был сотрудник лондонской полиции по имени Кэссиан Пью, который в прошлом году работал в Брайтоне и очень старался Грейса подсидеть.

Грейс извинился и, выйдя из зала, закрыл за собой дверь.

— Кэссиан Пью? Джим, ты серьезно? Хочешь сказать, что Кэссиан Пью последним затребовал дело об исчезновении Рейчел Райан?!

— Ну да, суперинтендент уголовной полиции Кэссиан Пью. Он ведь работал у нас прошлой осенью, помнишь? — ответил Дойл. — Вроде бы его перебросили из Лондона, чтобы помочь тебе разгрести висяки…

— Не для того, чтобы помочь мне, Джим, а чтобы принять их от меня — и не только висяки, а вообще все мои дела. Он меня подсиживал, а Элисон Воспер его поддерживала! Он прямо мечтал выжить меня со службы!

— Я слышал, у вас с ним были трения.

— Можно и так назвать.

Грейс познакомился с Пью несколько лет назад, когда тот еще был инспектором. Тогда в Брайтоне проходил съезд партии лейбористов, и из Лондона прислали подкрепление для охраны делегатов. В числе присланных был и Пью. Возмущенный его высокомерием, Грейс с ним крупно поссорился. В прошлом году Пью перевели в уголовную полицию Суссекса в чине суперинтендента. Элисон Воспер передала ему все нераскрытые дела Грейса и дала понять, что к бывшему сотруднику Столичной полиции постепенно перейдут все обязанности Грейса.

Кэссиан Пью, с золотистыми кудрями, ангельскими голубыми глазками, щеголявший загаром даже зимой, был дамским угодником. Он то и дело любовался на себя в зеркало и держался очень значительно — видимо, считал себя важной шишкой. Он всегда вел себя так, словно он самый главный, — даже в тех случаях, когда самым главным не был. И строил Грейсу козни у него за спиной. Так, он потребовал заново открыть дело об исчезновении Сэнди. Он даже намекал на то, что Грейс сам убил жену. Вернувшись из командировки в Нью-

Йорк, Грейс, к полному своему недоумению, обнаружил, что Пью собрал поисковый отряд, чтобы обыскать сад за домом Грейса для обнаружения предполагаемых останков Сэнди.

К счастью, Пью зарвался и поплатился за это. Пришлось ему вернуться в Лондон, поджав хвост.

Задав Джиму Дойлу еще несколько вопросов, Грейс нажал отбой и задумался. Он пока ни в чем не мог обвинить Пью. Допрос такого высокопоставленного сотрудника полиции, как Кэссиан Пью, надо проводить тактично, независимо от того, какие личные чувства Грейс к нему испытывает.

Он все сделает сам и получит огромное удовольствие.

71

14 января, среда

Микроблог «Твиттер»

Пользователь Джесси:

«Сегодня работаю допоздна. Анализ отчета о ревизии — тоска-а-а-а! Но потом Бенедикт пригласил меня поесть суси в „Моси-Моси". Ура!»

Он перечел сообщение, которое только что пришло ему на мобильник. Суси, неодобрительно подумал он. Не понимает он этой ерунды. Зачем ходить в ресторан и есть там сырую рыбу? Похоже, тамошнему шеф-повару денежки достаются просто задаром. Он где-то читал: вроде бы в Японии есть рестораны, где можно есть суси прямо с голых женщин. Ерунда какая! Он может найти голым женщинам гораздо лучшее применение!

Ему не терпелось сделать это с Джесси Шелдон.

Жаль, что сегодня Джесси занята. Ну и ладно, плевать. Ди Барчмор завтра выступает с речью на благотворительном обеде. Она наденет синие атласные туфельки «Маноло Бланик» с пряжками под бриллиантовые. Он знает, где она оставит машину. Отличное место! Он заранее предвкушал удовольствие.

Но и за Джесси Шелдон надо послеживать. На «Твиттере» у нее триста двадцать два друга. Какая она умница — заранее сообщает обо всех своих передвижениях!

72

14 января, среда

Вернувшись к себе в кабинет после утреннего совещания, Рой Грейс погрузился в глубокое раздумье. Может ли действующий сотрудник полиции оказаться Туфельщиком?

В прошлом среди стражей порядка в Суссексе, как и в других частях страны, то и дело находили оборотней. Убийц, насильников, воров, порноделей, наркоторговцев, жуликов. И все они скрывали свое истинное лицо в организации, призванной олицетворять респектабельность и надежность. Сейчас такие оборотни — редкость, но в Суссексе служит пять тысяч полицейских. При таком количестве ничего нельзя исключать.

И ведь все сходится! Конфиденциальные сведения, которые не сообщались средствам массовой информации по Туфельщику что в девяносто седьмом, что сейчас, мог раздобыть человек, знающий пароли компьютерной сети полиции Суссекса. Кэссиан Пью получил доступ к сети в октябре прошлого года. Кто знал, что он воспользуется служебной информацией в своих целях?

Грейс набрал номер центрального коммутатора лондонской полиции. Он заранее обдумал, что скажет.

Через две минуты, пока его переключали на разные номера, он услышал голос суперинтендента Пью, резкий и противный, как завывание бормашины, и едкий, как пипетка с серной кислотой.

— Рой? Как я рад вас слышать! Соскучились по мне?

Уговаривая себя не поддаваться, Грейс ответил:

— Нет, мне нужно кое-что у вас узнать. Когда вы у нас работали, то выписали из архива одно нераскрытое дело. Ваша подпись стоит в журнале последней. Дело Рейчел Райан, девушки, которая пропала без вести под Рождество девяносто седьмого года. Ну как, припоминаете?

— За то недолгое время, что пришлось работать с вами, Рой, я выписывал целую кучу дел, — страдальческим голосом ответил Пью.

— Так вот, Кэссиан, в деле Рейчел Райан пропали две страницы. Меня интересует, не передавали ли вы их другому лицу? Может быть, следователю?

— Дайте-ка вспомнить. Нет, ничего я не передавал. Ничего подобного! Я все хотел проверить сам.

— Вы читали то конкретное дело?

— Честно, не помню!

— А вы постарайтесь.

Пью явно стало не по себе.

— Рой, куда вы клоните?

— Я задал вам вопрос. Читали ли вы дело Рейчел Райан? Вы брали его из архива всего несколько месяцев назад.

— Кажется, что-то припоминаю, — не без вызова ответил Пью.

— Вы бы заметили, если бы в деле не хватало двух последних страниц?

— Ну конечно, заметил бы!

— Значит, когда вы читали дело, эти страницы были?

— Да. Наверное.

— Помните, о чем в них шла речь?

— Н-нет. Не помню.

— Постарайтесь вспомнить. Именно те две страницы могут сыграть решающую роль в операции, которой мы занимаемся сейчас.

— Рой! — страдальчески воскликнул Пью. — Перестаньте! Вы-то сами разве помните, что было три месяца назад?

— Да, если честно, помню. У меня хорошая память. Как известно, хорошая память хорошему сыщику необходима.

— Рой, извините. Сейчас я очень занят. Пишу рапорт, который должен закончить к полудню.

— А если я отдам приказ о вашем аресте? Если вас привезут сюда, вы, возможно, взбодритесь и сразу все вспомните…

Грейс услышал звук, похожий на скрежет газонокосилки, которая наткнулась на торчащий из земли камень.

— Ха-ха! Вы что, шутите, что ли?

В ходе операции в октябре прошлого года Рой Грейс спас Кэссиана Пью, рискуя собственной жизнью. Но Пью его даже не поблагодарил. Трудно представить, что можно презирать кого-то больше, чем Грейс презирал Пью. Однако он надеялся, что сумеет совладать с личными чувствами и они не повлияют на объективность его суждений.

— Кэссиан, Тони Кейс, глава нашей вспомогательной службы, которого вы наверняка помните по Суссексу, сообщил: с девяносто шестого года, то есть с тех пор, когда уголовная полиция переехала в Суссекс-Хаус, все нераскрытые дела хранятся в архиве в цокольном этаже. Доступ к ним строго ограничен во избежание потери улик. В архиве проведена цифровая сигнализация; чтобы войти в помещение, нужно знать коды доступа. В его журнале регистрации есть ваша подпись, согласно которой вы в октябре прошлого года вернули дело так называемого Туфельщика заместителю Тони Кейса. После вас дело никто не брал до прошлой недели, когда им занялся наш подотдел нераскрытых преступлений. Ясно?

Кэссиан Пью промолчал.

— Вы были в Брайтоне во время съезда лейбористов в девяносто седьмом году, правда? Вас прислали сюда в подкрепление. Затем, сразу после того, вы продолжили работать в Брайтоне; расследовали серию вооруженных налетов на ювелирные магазины в Лондоне, которые были связаны с Брайтоном. Вы даже купили себе в Брайтоне квартиру, потому что собирались здесь поселиться. Так?

— Так. Ну и что?

— Время, когда вы были у нас, точно совпадает со временем, когда Туфельщик совершал свои преступления. Вы ведь и Рождество девяносто седьмого года тоже провели в Брайтоне, да?

— Не помню. Надо будет посмотреть в ежегоднике.

— Кэссиан, можете не смотреть. Одна моя сотрудница вас хорошо запомнила. Ее зовут Белла Мой…

— Почему я-то должен ее знать?

— Однажды вы и еще несколько сотрудников хорошо выпили в баре. Вы провожали Беллу домой и попытались трахнуть ее в салоне своей машины. Теперь припоминаете?

— Нет.

— Что ж, может, это и к лучшему. А вот Белла все отлично помнит. Вам повезло, что она не подала на вас в суд за сексуальные домогательства.

— Рой, неужели вы сами в пьяном виде никогда не обнимались с девушками?

Проигнорировав реплику, Грейс сказал:

— Меня интересует, где вы были и чем занимались после того, как высадили Беллу у ее дома. То есть от полуночи до утра. Я хочу знать, чем вы занимались на Хеллоуин девяносто седьмого года. И в другие дни. Например, за две недели до Нового года. И в прошлый четверг, восьмого января. И в прошлую субботу, десятого. Надеюсь, Кэссиан, вы мне все это изложите в письменном виде.

— Рой, вы напрасно тратите на меня свое драгоценное время! — Пью пытался отвечать добродушно. — Перестаньте! Неужели вы правда считаете, что я способен вспомнить, где я был и что делал в определенный день и час двенадцать лет назад? Сами-то вы можете сказать, где были в те дни?

— Да, Кэссиан, могу. Я могу точно сказать, где был в те дни. Итак, где вы встретили последний Новый год?

Последовала долгая пауза. Потом Пью нехотя ответил:

— Если честно, в Брайтоне.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

После еще одной долгой паузы Пью ответил:

— Извините, Рой. Я не готов продолжать разговор. Мне не нравится ваш тон. Мне не нравятся ваши вопросы.

— А мне, — сказал Грейс, — не нравятся ваши ответы.

73

14 января, среда

Ра устал. В три часа ночи в городе было тихо. Второй вторник января; люди сидят по домам. Он все равно ездил по улицам, потому что владелец такси злился, если он слишком рано заканчивал смену. После полуночи у него было всего два заказа — даже стоимости бензина не покрыли. Он уже собирался ехать домой, как вдруг ему позвонили и велели отвезти двух пассажиров в Лутонский аэропорт. Домой, на баржу, он вернулся лишь к семи утра. Измученный, покормил кота и рухнул в койку.

Его разбудили шаги. Тяжелое «топ-топ-топ» по палубе над головой. Он сел и посмотрел на часы. Два часа!

«Чай! — подумал он первым делом. А потом: — Что там происходит, черт побери?»

В гости к нему никто не приходил. Ни разу. Если не считать почтальона и курьеров из службы доставки. Но сейчас он ничего не заказывал.

Похоже, к нему заявился не один человек. Может, дети? Дети несколько раз забредали на баржу; они хихикали и дразнили его, а Ра их прогонял.

— Уходите! — закричал он, поднимая голову. — Убирайтесь! Проваливайте! Мотайте отсюда! Чтобы я вас здесь не видел! — Ему нравилось употреблять слова, которые он слышал в такси.

Потом раздался стук — резкий, настойчивый.

Тук-тук-тук!

Злясь, он спустил ноги на пол и, как был, в трусах и майке, неверной походкой потопал наверх.

Тук-тук-тук!

— Убирайтесь к черту! — крикнул он. — Кто вы такие? Вы что, не слышите? Чего вам нужно? Вы что, оглохли? Уходите! Я сплю!

Тук-тук-тук!

Он взбежал вверх по деревянному трапу, вышел на палубу. За застекленными дверями салона стоял большой коричневый диван; из окон открывался вид на серый пляж, который обнажался во время отлива.

В салон ломился какой-то тип лет пятидесяти с лишком. Плешь на голове, прикрытая прядями с боков, поношенный твидовый пиджак, серые фланелевые брюки и потертые коричневые башмаки. Вот он поднес к стеклу черный кожаный бумажник и что-то сказал, но Ра не расслышал. За типом толпятся люди в синих мундирах с надписью «Полиция» и шлемах с козырьками. Один из них держит большой желтый цилиндр, похожий на огнетушитель.

— Убирайтесь! — закричал Ра. — Я сплю!

Он развернулся и начал спускаться по трапу. Тут он снова услышал «тук-тук-тук» и страшно разозлился. Нечего им делать у него на барже! Здесь частная собственность!

Услышав звон разбитого стекла, он обмер. Потом его охватил гнев. Вот идиоты! Лысый придурок слишком сильно постучал! Что ж, сейчас он вернется и научит придурка, как себя вести!

Развернувшись, он услышал целую какофонию звуков. По палубе шлепали ноги, обутые в сапоги и туфли на резиновой подошве.

Чей-то голос прокричал:

— Полиция! Стоять! Полиция!

Лысый придурок уже сбегал вниз по трапу, а за ним спешили несколько полицейских в желтых жилетах. Лысый по-прежнему держал в руках бумажник. Ра увидел жетон и какую-то надпись.

— Джон Керридж? — спросил лысый.

— Меня зовут Ра, — ответил он. — Меня зовут Ра. Я таксист.

— А я сержант Поттинг. Уголовная полиция Суссекса! — Лысый показывал ему лист бумаги. — У меня есть ордер на обыск данного помещения!

— Вам придется поговорить с владельцами. Я только присматриваю за баржей. Я должен кормить кота. Сегодня я припозднился, потому что проспал.

— Ра, я хотел бы с вами побеседовать. Может, мы где-нибудь присядем?

— Вообще-то я собирался вернуться в койку. Мне надо высыпаться. Понимаете, я работаю в ночную смену, и мне очень важно высыпаться. — Ра огляделся по сторонам. Полицейские набились в салон, окружили его со всех сторон. — Мне очень жаль, — продолжал Ра. — Прежде чем я пущу вас на баржу, мне нужно поговорить с владельцами. Вам придется подождать снаружи. Правда, связаться с ними будет непросто, потому что они сейчас в Гоа.

— Ра, — сказал Норман Поттинг, — наше общение может быть приятным и неприятным. Либо вы идете нам навстречу и помогаете нам, либо я вас арестую. Так что выбирайте.

Ра склонил голову набок:

— Что выбирать?

Поттинг смерил его недоверчивым взглядом. Он что, не понимает?

— Выбор за вами. Где вы хотите провести сегодняшнюю ночь — в своей постели или в камере предварительного заключения?

— Мне сегодня ночью работать, — ответил Ра. — Владелец такси очень рассердится, если я не выйду на смену.

— Ясно, радость моя. В общем, для тебя же будет лучше, если ты пойдешь нам навстречу.

Ра посмотрел на Поттинга в упор:

— Мы и так рядом. Зачем мне идти вам навстречу?

Поттинг нахмурился, словно не услышав ответ.

— Ты что, рыбак? Любишь порыбачить?

— Я таксист.

Поттинг ткнул большим пальцем себе за спину:

— У тебя там удочки…

Ра кивнул.

— Кого ловишь? Крабов небось?

— Камбалу, — ответил Ра. — Большую и маленькую. Иногда и дуврская попадается.

— Хороший здесь клев? Я и сам люблю порыбачить, но в этих краях никогда не ловил.

— Вы разбили стеклянные двери. Теперь вы обязаны их починить. Хозяева очень на вас рассердятся. Мне не разрешают ничего ломать.

— По правде сказать, Ра, радость ты моя, плевать мне на твои стеклянные двери. Да и на тебя самого тоже. И трусы у тебя дурацкие, но давай не будем переходить на личности. Либо ты идешь нам навстречу, либо я тебя арестую, а потом разберу всю баржу по досочкам.

— Если вы разберете баржу, она потонет, — возразил Ра. — Сколько-то досочек вам самому понадобится. Разве что вы хорошо плаваете.

— Ты что, юморист? В цирке подрабатываешь? — рявкнул Поттинг.

— Нет. Я таксист. Работаю в ночную смену.

Поттинг сдерживался из последних сил.

— Ра, мне здесь нужно кое-что найти. Будет лучше, если ты мне все сам расскажешь и покажешь, где и что у тебя спрятано.

— У меня есть коллекция спускных цепочек от туалетов, но это мое личное дело. Я их вам не покажу. Можете осмотреть только те, что висят у меня в каюте. Их я могу вам показать. — Ра вдруг оживился. — Возле пирса в Уортинге есть отличный туалет с высоким бачком — могу сводить вас туда и, если хотите, показать вам цепочку. Хотите?

— Перестань валять дурака! А то возьму и спущу тебя в унитаз вместе с твоими цепочками, — пригрозил Поттинг.

Ра пристально посмотрел на сержанта и вдруг широко улыбнулся.

— В унитаз я не помещусь, — сказал он. — Там отверстие слишком маленькое!

— Когда я с тобой покончу, ты отлично туда поместишься!

— Н-нет… не помещусь!

— Отлично поместишься, радость моя. Спорим, мы у тебя кое-что здесь найдем. Так почему бы тебе не сэкономить наше время и не показать, где у тебя спрятаны туфли? Дамские туфли!

В глазах странного малого что-то мелькнуло; Поттинг сразу понял, что попал в яблочко.

— Нет у меня никаких туфель. Особенно дамских.

— Точно?

Ра несколько секунд смотрел Поттингу прямо в глаза, а потом опустил голову:

— У меня нет никаких дамских туфель.

— Приятно слышать, радость моя. Сейчас мои люди все проверят. Если мы ничего не найдем, то сразу уедем.

— Хорошо, — сказал Ра. — Только пусть не трогают мои туалетные цепочки.

— Я им передам.

Ра кивнул; он весь покрылся испариной.

— Понимаете, я уже давно их собираю.

— Туалетные цепочки? — спросил Поттинг.

Ра кивнул.

Сержант несколько секунд смотрел на него.

— Знаешь что, радость моя… Мне ужасно хочется спустить тебя в гальюн прямо сейчас!

1998

74

16 января, пятница

Рой Грейс терпеть не мог ездить сюда. У него мурашки бежали по спине всякий раз при виде массивных кованых ворот. Издали казалось, будто за воротами прячется загородное поместье. Потом взгляд падал на золоченую табличку с надписью: «Муниципальный морг Брайтона и Хоува».

Настроение не поднимала даже кассета с записями Рода Стюарта. Поскольку стоянка у ворот была забита машинами, Грейсу пришлось въехать в ворота и парковаться у дверей приемного отделения. И дождь, как назло, припустил еще сильнее; вместо капель по ветровому стеклу хлестали полосы воды. Грейс заглушил мотор, а вместе с ним и песню

«Мэгги Мэй». Со скрипом на полпути замерли «дворники». Грейс дотронулся до ручки дверцы и задумался.

Зрелище ему предстояло не из приятных… В животе свернулся тугой клубок.

Из-за жары и из-за того, что на поле нельзя было доставить огнетушители, горелый остов машины остыл только вчера. Эксперты признали в нем угнанный микроавтобус. От жуткого запаха Роя несколько раз вывернуло. На поле пахло горелой травой, резиной, краской, бензином, пластиком и человеческим мясом. К некоторым запахам так никогда и не привыкаешь, как бы часто ни приходилось с ними сталкиваться. И к некоторым зрелищам тоже. Несчастная обитательница микроавтобуса не являла собой приятную картинку.

Как и выражение лица Сэнди, когда он в четыре утра вернулся домой — ненадолго, только прилечь на несколько часов. Потом он снова должен был ехать на место преступления.

Сэнди ничего не сказала — наказывала его молчанием. Так она всегда поступала, когда злилась по-настоящему. Надолго умолкала и не разговаривала с ним. Делала вид, будто его не существует. Иногда такие приступы продолжались у нее по нескольку дней. Ее не смягчил даже купленный им по дороге огромный букет цветов.

Рою не спалось, но не из-за Сэнди. Он знал: со временем жена сменит гнев на милость и простит его. Он ворочался с боку на бок и напряженно думал, думал. Его мучило только одно. Неужели обгорелый труп, найденный в машине, — все, что осталось от Рейчел Райан?

Обгорелые трупы для него были страшнее всего. Как-то, еще новичком-констеблем, ему пришлось выносить из сгоревшего дома в Портслейде останки двоих детей — пяти и семи лет. Тогда все было в десять раз ужаснее, потому что от рук поджигателя пострадали дети. После того дела ему несколько месяцев подряд снились страшные сны.

Рой знал: то, что он увидит в морге, вызовет в нем такую же реакцию и будет мерещиться еще долго. Но у него не было выбора.

Он и без того опаздывал; утренняя оперативка, которую проводил начальник следственной группы Джим Дойл, затянулась. Грейс вылез из машины, запер ее и, подняв воротник плаща, поспешил к главному входу в морг.

На оперативке присутствовал сержант из группы расследования несчастных случаев, которая осматривала все машины, попавшие в серьезные ДТП. Сержант сказал: конечно, следствие только началось, но, судя по характеру повреждений, вряд ли микроавтобус сгорел в результате несчастного случая.

Грейс позвонил; через несколько секунд дверь открыла сама Элси Суитмен, старший прозектор. Поверх синей хирургической пижамы она надела зеленый пластиковый фартук, а штанины заправила в высокие белые резиновые сапоги.

По добродушному лицу сорокавосьмилетней Элси Суитмен трудно было определить, чем она занимается. Элси всегда держалась чрезвычайно весело и бодро. Глядя на эту жизнерадостную кудрявую женщину, трудно было представить, с какими ужасами ей приходится сталкиваться каждый день. Рой Грейс с благодарностью вспоминал, как тепло она заботилась о нем на самом первом вскрытии, где ему пришлось присутствовать по долгу службы, — его тогда едва не вывернуло прямо на прозекторский стол. Элси увела его в комнату отдыха, напоила чаем и посоветовала «не брать в голову». Она заверила его, что с половиной полицейских случается то же самое.

Рой вошел в дверь, напоминавшую дверь загородного особняка, миновал тесный вестибюль, и сходство с загородным особняком кончилось: в нос ударила всепроникающая вонь дезинфицирующих средств. Ее перебивал другой запах, от которого ему стало совсем нехорошо.

Зайдя в раздевалку, он надел через голову зеленый фартук и завязал тесемки за спиной. Рот и нос закрыл маской — ее завязал особенно плотно. На обувь натянул короткие белые резиновые бахилы, которые оказались ему велики. Неуклюже топая, вышел из раздевалки и повернул направо. Прошел мимо зала с застекленными опечатанными дверями — в нем производили вскрытие тех, кто, предположительно, скончался от инфекционных болезней, — и очутился в главной операционной. Дышать он старался исключительно ртом.

В просторном зале находились три стальных стола на колесиках. Два из них небрежно придвинули к стене. Третий стоял посередине; его окружали люди, одетые так же, как и он.

Грейс сглотнул слюну. При виде обгорелого трупа его пробила дрожь. Почерневшие останки напоминали ужасное чудовище, плод воображения киношников, которые выдумывают спецэффекты для фильмов ужасов или научной фантастики.

Ты Рейчел Райан?! Что с тобой случилось? Если это ты, как ты оказалась в угнанном микроавтобусе?

Над останками склонился доктор Фрейзер Теобальд, патологоанатом министерства внутренних дел. В одной руке он держал зонд, в другой — пинцет. Внешне доктор Теобальд, по мнению Грейса, очень напоминал комика Граучо Маркса.

По обе стороны от Теобальда стояли Дональд Уайтли, бывший полицейский, а теперь сотрудник коронерской службы, Элси Суитмен и ее помощник прозектор Артур Трамбл, пятидесятилетний шутник с диккенсовскими бакенбардами в форме котлеток, чье чувство юмора Грейс находил, мягко говоря, своеобразным. Кроме них, в зале находился фотограф бригады криминалистов Джеймс Гартрел. Он наводил объектив камеры на левую ногу трупа, поперек которой лежала масштабная линейка.

У покойницы сгорели почти все волосы, а лицо напоминало оплавленный черный воск. Невозможно было определить, какая она была при жизни. Несмотря на то что дышать Грейс старался только ртом, а лицо закрывала маска, запах все равно чувствовался. Примерно такой, как в детстве, перед воскресным обедом, когда пахло жареной свининой и горящим углем.

Грейс понимал, что сравнение хромает. Но запах посылал в мозг и желудок определенные сигналы. Его мутило все сильнее; он весь покрылся испариной. Он оглядел присутствующих в зале. Все находились в том же положении, что и он; и запах вызывал у всех точно такие же ассоциации, как у него. Как-то они обсуждали это с коллегами. Почему же они реагируют гораздо спокойнее? Неужели настолько привыкли?

— Есть кое-что любопытное, — как ни в чем не бывало заметил патологоанатом министерства внутренних дел, показывая Рою пинцет, в котором был зажат какой-то овальный предмет шириной около дюйма.

Овал оказался полупрозрачным; он сильно обгорел по краям и частично оплавился.

— Видите, сержант Грейс? — Доктор Теобальд как будто обращался исключительно к нему.

Грейс нехотя подошел к трупу:

— Похоже на контактную линзу.

— Похоже, — кивнул патологоанатом. — А все-таки не то. Такую штучку совсем не ждешь найти у человека, который вел машину.

— Что же это такое? — спросил Грейс.

— Глазной щиток.

— Глазной щиток?

Теобальд кивнул:

— Ими пользуются в похоронных бюро. После смерти глаза быстро западают, поэтому между веком и глазным яблоком вставляют специальные щитки — чтобы приятнее было смотреть. — Патологоанатом криво улыбнулся. — Повторяю, такую штучку меньше всего ждешь увидеть у дамы, которая погибла за рулем!

Грейс нахмурился:

— Зачем ей понадобился глазной щиток?

— Можно предположить, что у дамы был вставной глаз или она перенесла пластическую операцию и щиток вставили с косметическими целями. Но я нашел два таких щитка…

— Доктор Теобальд, хотите сказать, она была слепая? — Артур Трамбл лукаво подмигнул.

— Если бы! — воскликнул патологоанатом. — Боюсь, дама скончалась задолго до того, как ее посадили за руль машины.

Все долго молчали.

— Вы совершенно уверены? — спросил сотрудник коронерской службы.

— Уцелела крошечная доля легочной ткани, мы отправим ее в лабораторию на анализ, хотя я и невооруженным глазом не вижу признаков отравления дымом и ожога слизистой… Грубо говоря, когда машина загорелась, она уже не дышала.

— То есть она умерла до того, как произошел несчастный случай?

— Да, — ответил доктор Теобальд. — В этом я не сомневаюсь.

— А вы можете приблизительно определить ее возраст? — спросил Грейс.

— По-моему, она довольно старая; ей под восемьдесят или за восемьдесят. Разумеется, точно все будет ясно через пару дней, после лабораторных анализов, но она, безусловно, не моложе пятидесяти пяти.

— Значит, точно не моложе пятидесяти пяти?

Теобальд кивнул:

— Да. Точно.

— А зубы? — спросил Грейс.

Патологоанатом ткнул зондом в челюсть покойницы:

— От взрыва коронки оплавились. По зубам мы мало что узнаем. Думаю, лучше всего вам положиться на ее ДНК.

Грейс вгляделся в обгорелый труп.

Если ты не Рейчел Райан, то кто ты такая? Что делала в угнанном микроавтобусе? Кто посадил тебя в него?

И зачем?

Наши дни
75

14 января, среда

Следом за Тони Кейсом Рой Грейс спускался по каменной лестнице в цокольный этаж. Оглядывая давно не крашенные стены, все в трещинах, от которых отваливались целые пласты штукатурки, он думал: никакая комиссия не обвинит полицию Суссекса в том, что она транжирит деньги на архитектурные излишества!

Глава вспомогательной службы повел его по знакомому, слабо освещенному коридору, похожему на путь в старинную темницу. Кейс остановился перед закрытой дверью и ткнул указательным пальцем в пульт охранной сигнализации на стене.

— Итак, Рой, во-первых… — Тони загнул палец. — Все, кто хотят сюда войти, должны знать код. Код известен очень немногим, например твоему покорному слуге. Остальным я сообщаю код лично.

Кейс, крепкий здоровяк с ежиком волос на голове и морщинистым дружелюбным лицом, разменял шестой десяток. Сегодня он надел желтовато-коричневый костюм, рубашку и галстук. Бывший кадровый полицейский, после выхода в отставку он вновь поступил на службу как вольнонаемный и стал начальником вспомогательной службы. Во главе небольшого штата подчиненных он ведал оборудованием Суссекс-Хаус и трех примерно таких же полицейских центров по всему графству. Для коллег, которых Тони ценил, он становился неоценимым помощником, зато уж для тех, кого не уважал, он был настоящей занозой. К счастью для Роя Грейса, они с Тони отлично ладили. И их мнения о сослуживцах, как правило, совпадали.

Тони загнул второй палец:

— Электриков, уборщиков, в общем, всех, кто обслуживает помещение, постоянно сопровождают.

— Ясно… Но неужели их даже ни на минуту не оставляют без присмотра?

Кейс с сомнением покачал головой:

— Только не здесь. Архив — место уж больно щекотливое.

Грейс кивнул. Раньше он мог бы найти нужное дело в архиве с завязанными глазами, но новые сотрудники все переставили по-новому. Кейс открыл дверь, и они вошли. Вдаль уходили выкрашенные в красный цвет решетки от пола до потолка, на каждой навесной замок. На полках за решетками лежали красные и зеленые ящики, заполненные папками, и запечатанные пакеты с вещественными доказательствами.

— Хочешь посмотреть что-то конкретное?

— Да, дело Туфельщика. — Хотя в кабинете Грейса ждал краткий отчет по делу, все вещдоки хранились здесь.

Кейс прошел вперед несколько шагов, остановился, выбрал ключ из связки на поясе, открыл замок. Затем потянул на себя зарешеченную дверь.

— Я знаю, где они хранятся, — пояснил он, — потому что недавно выдавал дело твоим ребятам.

Грейс кивнул.

— Помнишь суперинтендента Кэссиана Пью, который работал здесь прошлой осенью?

Кейс хмыкнул:

— Да, такого не забудешь! Обращался со мной, будто я его персональный лакей! Хотел, чтобы я в его кабинете фотографии развесил… Надеюсь, с ним ничего не случилось? Может, он брякнулся еще с одной скалы, а тебя рядом не оказалось, и никто его не спас…

Грейс ухмыльнулся. Оказывается, спасение Пью не способствовало его популярности среди коллег!

— К сожалению, нет.

— Рой, по-моему, за такой подвиг тебя обязаны были наградить медалью за храбрость. Не понимаю, почему не наградили…

— Зато я понимаю, — улыбнулся Грейс. — Меня бы наградили, если бы я позволил ему упасть.

— Не волнуйся. Он — дерьмо. Знаешь, как про дерьмо говорят?

— Нет.

— Дерьмо всегда в конце концов падает под собственной тяжестью.

14 января, среда

Через полчаса, в четыре часа дня, Грейс сидел за огромным столом Питера Ригга в Мэллинг-Хаус — резиденции высших полицейских чинов.

— Итак, Рой, вы хотели меня видеть. У вас есть хорошие новости по делу Туфельщика?

— Возможно, сэр. — Грейс вкратце сообщил о том, как продвигается следствие, и добавил, что после вечерней оперативки надеется сообщить больше подробностей. Потом он сказал: — Следствие выявило одно довольно деликатное обстоятельство, о котором я хотел бы вам сообщить.

— Говорите!

Грейс рассказал Риггу о Кэссиане Пью и о том, что случилось за тот короткий промежуток времени, пока Пью был прикомандирован к уголовной полиции Суссекса. Затем изложил суть своих подозрений.

Ригг слушал его не перебивая и время от времени что-то записывал. Когда Грейс закончил, он сказал:

— Итак, позвольте я повторю, чтобы все стало ясно. В девяносто седьмом году, когда в Брайтоне орудовал Туфельщик, местонахождение суперинтендента позволяет включить его в список потенциальных подозреваемых?

— Похоже на то, сэр.

— И в последние две недели его передвижения снова позволяют подозревать его?

— Я попросил его отчитаться о том, где он был во время трех последних нападений… Да, сэр!

— Вы считаете, что именно суперинтендент Пью мог изъять важные вещественные доказательства?

— Пью один из немногих имел доступ к делу Туфельщика.

— Как по-вашему, не он ли сливает прессе важные сведения?

— Вполне возможно, — ответил Грейс.

— Почему? Что заставляет его так поступать?

— Может быть, он хочет запутать нас, особенно меня?

— Но зачем?

— Сэр, мне кажется, дело ясное. Ему хочется унизить меня или доказать мою профессиональную несостоятельность. В общем, он добивается, чтобы меня уволили или отстранили от дела, обвиняемым по которому может оказаться он сам.

— Это только ваши предположения или у вас есть что-то конкретное?

— Пока только предположения. Но все сходится. — Грейс пожал плечами. — Надеюсь, что личная неприязнь не мешает моей объективности.

Помощник главного констебля смерил его внимательным взглядом и вдруг добродушно улыбнулся:

— Пожалуйста, не принимайте происходящее так близко к сердцу.

— Сэр, я стараюсь любой ценой избежать этого.

— Знаю, ваши с Пью отношения складывались не лучшим образом. Тем не менее, спасая его, вы рисковали своей жизнью. Все записано в вашем личном деле. С другой стороны, Пью — старший офицер полиции, прежде не замеченный ни в чем подозрительном. Не стоит наживать себе врагов… Помните, как говорится в пословице?

Грейс подумал, что пословиц на сегодня, пожалуй, многовато.

— Нет…

— Тысяча друзей — слишком мало; один враг — слишком много.

Грейс улыбнулся:

— Значит, оставить Пью в покое, хотя он может оказаться тем, кого мы ищем?

— Нет-нет, что вы. Я хочу, чтобы наша с вами совместная работа начиналась со взаимного доверия. Если вы в самом деле считаете, что Пью и Туфельщик — одно лицо, мы арестуем Пью, и я встану на вашу сторону. Но дело очень щекотливое, вы понимаете. Будет не очень хорошо, если мы облажаемся.

— То есть если я облажаюсь?

Ригг улыбнулся:

— Заодно с вами облажаемся и мы с главным констеблем. Вот и все, что я имею в виду. Виновность Пью должна быть доказана наверняка. Если окажется, что мы не правы, нас забросают тухлыми яйцами.

— Нас забросают тухлыми яйцами и в том случае, если я окажусь прав, но пострадает еще одна невинная жертва, а мы будем выжидать и сидеть сложа руки!

— Главное, убедитесь, что улики против него столь же неопровержимы, сколь и ваша логика.

77

14 января, среда

Особой группе, занимавшейся операцией «Меч-рыба», в ОШ-1 стало тесновато. Поэтому вечернюю оперативку Грейс созвал в конференц-зале.

Вокруг прямоугольного стола умещалось двадцать пять красных стульев. Еще человек тридцать могли стоять вдоль стен. На противоположной от входа стене, рядом с экраном, висела доска двух оттенков синего, шести футов в высоту и десяти футов в ширину. На доске помещался интернет-адрес полиции Суссекса и телефон Центра приема криминальных сообщений.

Грейс сидел спиной к этой доске и лицом к двери. Зал постепенно заполнялся членами его особой группы. Многие из них разговаривали по телефону. Последним вошел Норман Поттинг. Вид у него был чрезвычайно самодовольный.

Ровно в половине седьмого Рой Грейс открыл совещание, объявив:

— Прежде чем мы приступим к повестке дня, сержант Поттинг сделает важное заявление. — Он дал знак Поттингу.

Поттинг откашлялся и сказал:

— Рад доложить, что я арестовал подозреваемого.

— Здорово! — воскликнул Майкл Форман.

— Сейчас он сидит в Центре предварительного заключения. А эксперты обыскивают его дом — баржу, которая стоит в устье Адэра, в Шорэм-Бич.

— Норман, кто он? — спросил Ник Николл.

— Его зовут Джон Керридж. Я докладывал о нем на утренней оперативке. Местный водитель такси. Придумал для себя странную кличку — Ра. В ходе обыска у него на барже мы обнаружили в трюме тайник с восьмьюдесятью семью парами дамской обуви на высоком каблуке. Обувь лежала в нескольких сумках.

— Восемьдесят семь пар?! — ошеломленно переспросила Эмма Джейн Бутвуд.

— А может, и больше. Обыск еще не закончен, — ответил Поттинг. — Подозреваю, что мы найдем на барже туфли, украденные у первых двух жертв.

— Но пока их еще не нашли? — уточнил Ник Николл.

— Пока нет. А еще он собрал целую коллекцию газетных вырезок про Туфельщика, а также распечатки из Интернета о его подвигах в девяносто седьмом.

— Он живет один? — спросила Белла Мой.

— Да.

— У него есть жена? Он разведен? Есть у него подружка или друг?

— Похоже, нет.

— Как он объяснил, зачем ему столько туфель и столько вырезок? — спросила Белла.

— Никак. Когда я задал ему этот вопрос, он надулся и отказался отвечать. Кроме того, мы нашли у него множество туалетных цепочек, спрятанных в трюме, как и туфли. Из-за цепочек он страшно распсиховался.

Брэнсон нахмурился и изобразил рукой спуск воды в туалете.

— Туалетные цепочки?! Хочешь сказать, сортирные?!

Поттинг кивнул.

— Зачем они ему?

Поттинг хмыкнул и посмотрел на Роя Грейса:

— Не знаю, шеф, политкорректно ли так говорить, но…

— Мы умираем от любопытства, — улыбнулся Грейс.

Поттинг постучал себя пальцем по голове:

— По-моему, у него не все дома.

Сидящие в зале расхохотались. Грейс очень радовался успеху сослуживца. Старый сержант умеет работать! И все же… кое-что остается непонятным. Несмотря на то что многое совпадает, у него пока нет ответа на один важный вопрос.

Он подумал об арестованном. Замечательно, что его взяли. Будет что скормить «Аргусу» на завтра. Но арест — не главное. Главное — доказать, что подозреваемый и есть преступник.

— Норман, как он реагирует? — спросил Грейс.

— Злится, шеф, — ответил Поттинг. — Кстати, у нас проблемка. К нему приставили Кена Акотта.

— Черт! — воскликнул Ник Николл.

Как известно, подозреваемым положен адвокат. Тем, у кого нет личных адвокатов, выделяют общественных защитников, и тут уж как повезет. Из всех общественных защитников Кен Акотт был самым смышленым. Его терпеть не могли полицейские, которые производили арест.

— Что говорит Акотт? — нахмурился Грейс.

— Требует, чтобы провели медицинское освидетельствование его клиента, — ответил Поттинг. — Сейчас я как раз этим занимаюсь. Керридж переночует в камере; надеюсь, наши ребята отыщут у него на барже еще что-нибудь ценное.

— Может, удастся сличить ДНК, — сказал Форман.

— Туфельщик проявлял поразительную осведомленность в криминалистике, — возразил Грейс. — Эксперты ни разу ничего не нашли. Ни единого волоска, ни волоконца! — Он посмотрел в свои записи. — Ну ладно. Молодец, Норман, отлично поработал! Давайте двигаться дальше. Гленн, что у нас по второму подозреваемому?

— Кое-что есть, босс. Мы нашли водителя «мерседеса» класса E с кузовом седан, который на большой скорости уезжал от дома Пирсов приблизительно в то время, когда изнасиловали миссис Роксанну Пирс. Мы его уже допросили. Прояснилось дело с романтическим ужином на двоих, который она готовила, но, боюсь, это не очень нам поможет. — Брэнсон пожал плечами. — Его зовут Яннис Стефанос, он местный ресторатор. Ему принадлежат рестораны «Тимон» на Престон-стрит и «Салоники».

— Я его знаю! — воскликнул констебль Форман. — Только неделю назад мы с женой ходили туда на годовщину свадьбы!

— Да… Так вот, мы с Эммой Джейн сегодня беседовали со Стефаносом. Хоть и не сразу, он признался в том, что у них с миссис Пирс интрижка. В конце концов она тоже это подтвердила. Она пригласила его к себе, потому что муж улетел по делам. Стефанос приехал к дому любовницы, а войти не смог. По его словам, он немного постоял у входа, звонил в дверь и по телефону. Он был уверен, что она дома, потому что видел тени за занавесками. Он ничего не понял, но в конце концов решил, что муж неожиданно вернулся раньше, и испугался. Вот почему он так быстро уехал.

— Вы ему верите? — Грейс посмотрел сначала на Брэнсона, потом на Эмму Джейн Бутвуд.

Оба кивнули.

— Раз она его сама пригласила, зачем ему насиловать ее?

— А может, после возвращения мужа ее замучили угрызения совести, вот она и заявила в полицию об изнасиловании? — предположил Майкл Форман.

— Ее муж узнал обо всем только от нас, на следующий день, — ответил Брэнсон.

— Он знает, что у жены любовник? — спросил Грейс.

— Пока нет… а зачем ему знать? — удивился Брэнсон. — По-моему, пока лучше ничего ему не рассказывать.

— Мистер Пирс несколько раз звонил мне по телефону и спрашивал, как идет расследование, — сказал Грейс и перенес свое внимание на Клер Уэстмор из отдела по борьбе с сексуальными преступлениями. — А вы как считаете? Сказать мужу или нет?

— По-моему, ни к чему еще больше осложнять жизнь миссис Пирс. Ей и так несладко, — ответила Клер.

После совещания Грейс вызвал констебля Формана к себе в кабинет. Там он, попросив никому ничего пока не говорить, рассказал о своих подозрениях в отношении суперинтендента Пью.

Когда Пью прислали в Суссекс, Форман еще не служил в уголовной полиции. Констебля трудно обвинить в предвзятости. Лучше его кандидатуры не найти!

— Майкл, прошу вас, проверьте алиби суперинтендента Кэссиана Пью — и давнишние, в девяносто седьмом, и сейчас. Пока у меня лишь дурное предчувствие: уж слишком многое сходится. Но для ареста улики должны быть неопровержимыми. Пока у нас их нет. Может быть, вам что-нибудь удастся нарыть. И помните, вам предстоит иметь дело с очень нечестным и очень изворотливым типом.

— Босс, не волнуйтесь! Я ему ни в чем не уступлю.

Грейс улыбнулся:

— Потому-то я вас и выбрал!

1998

20 января, вторник

Лабораторные анализы подтвердили, что возраст покойницы из сгоревшего микроавтобуса колеблется между восьмьюдесятью и восьмьюдесятью пятью годами.

Кем бы ни была старушка при жизни и после смерти, ясно одно: она не Рейчел Райан. В голове сержанта Роя Грейса замаячили новые вопросы. Кто она такая? Кто и зачем посадил ее в угнанный микроавтобус и поджег?

Три вопроса, на которые нет ответов.

Хотя покойницы не хватились ни в одном похоронном бюро, Грейс не оставлял стараний. За прошедшие два дня он узнал о старушке много нового. Рост — пять футов четыре дюйма.[4]Белая. Судя по анализу легочной ткани и уцелевших частиц кожи на спине, проведенному доктором Фрейзером Теобальдом, она скончалась за несколько дней до того, как очутилась в сгоревшем микроавтобусе. Причина смерти — рецидив рака.

Грейс и не подозревал, что в графстве Суссекс столько старушек, которые страдают смертельной болезнью. Многие из них живут в маленьких городках — Уортинге, Истборне и Бексхилле, чье население стремительно стареет. Эти городки даже называли в шутку «Господни залы ожидания». Обойти все похоронные бюро и все морги — непосильная задача. Благодаря находкам патологоанатома происшествие из разряда тяжких преступлений можно было перевести в разряд курьезов, поэтому на установление личности старушки выделили ограниченные средства. Точнее, ею занимался практически один Рой Грейс.

Покойница была чьей-то дочерью. У нее самой были дети, значит, она была чьей-то женой или любовницей. Матерью… Бабушкой… Возможно, она была заботливой, доброй, порядочной женщиной.

Почему же она завершила свой жизненный путь, пристегнутая к водительскому креслу угнанного микроавтобуса?

Может, это идиотская выходка каких-нибудь хулиганов?

Но если и так, откуда они ее забрали? Если они вломились в какое-нибудь похоронное бюро и украли труп, о происшествии наверняка бы сразу сообщили в полицию! Но в сводках ничего подобного не было. Грейс добросовестно изучил все сводки за три недели.

Ерунда какая-то получается!

Грейс искал и за пределами Суссекса; навел справки в соседних графствах — безрезультатно. Он предполагал, что у старушки должны остаться родственники. Но она могла быть и одинокой. При этой мысли ему стало грустно. И еще грустнее оттого, что никто не заметил ее пропажи.

Он почему-то страшно оскорбился за несчастную старушку.

Но если покойница не стала беспомощной жертвой чьей-то гнусной шутки, что же с ней произошло? Может, он что-то упустил?

Грейс снова и снова проигрывал в голове случившееся. Зачем кому-то понадобилось угонять микроавтобус, сажать в него мертвую старушку, спускать с обрыва и поджигать?

Неужели преступник настолько глуп, что не понимает: эксперты сразу разберутся, что мертвая не могла управлять машиной… Да и возраст установить не проблема…

Скорее всего, мертвая старушка все же стала жертвой чьей-то безобразной выходки. Остается вопрос: как шутник раздобыл тело? День за днем Рой обзванивал похоронные бюро и морги, надеясь, что где-то в графстве найдется похоронное бюро, в котором недосчитались трупа…

Прошло двенадцать лет, а он так ничего и не выяснил.

Наши дни

79

15 января, четверг

Норман Поттинг сидел на зеленом стуле в кабинете для допросов Центра предварительного заключения, находящегося напротив штаб-квартиры уголовной полиции. В кабинете имелось окно, расположенное высоко под потолком, камера видеонаблюдения и микрофон. Тяжелая зеленая дверь с маленьким смотровым окошком была закрыта и заперта на замок.

Напротив сержанта, по другую сторону столика цвета гранита, сидел Джон Керридж, одетый в обязательную для здешних заключенных форму: плохо сидящий синий хлопчатобумажный спортивный костюм и легкие парусиновые туфли. Рядом с ним расположился назначенный для его защиты адвокат Кен Акотт.

В отличие от многих своих коллег, которые не слишком заботились о своем внешнем виде, когда им поручали защиту неимущих клиентов, сорокачетырехлетний Акотт всегда одевался с иголочки. Сегодня на нем был хорошо сшитый темно-синий костюм, белая рубашка — только из прачечной — и модный галстук. Чертами лица и стрижкой он напоминал многим актера Дастина Хоффмана. Он и правда обожал театральные жесты, когда пикировался с ведущим допрос полицейским в Центре предварительного заключения и когда обращался к присяжным в суде. Для полицейских Кен Акотт был настоящей костью в горле.

Керриджу, которому на вид можно было дать лет сорок с небольшим, видимо, с трудом удавалось спокойно усидеть на месте. Он то и дело приглаживал короткие, зачесанные назад волосы, ерзал на стуле, дергался, словно пытаясь освободиться от невидимых оков, и то и дело поглядывал на часы.

— Мне не принесли чай, — встревоженно заметил он.

— Уже несут, — заверил его Поттинг.

— Да, но они опаздывают на десять минут! — испуганно ответил Ра.

На столе стоял диктофон с окошками для трех кассет. Одна — для полиции, вторая — для адвоката и третья — резервная копия. Поттинг заранее вставил все три кассеты. Он собрался нажать кнопку «Запись», как вдруг адвокат сказал:

— Сержант Поттинг, прежде чем вы и дальше будете напрасно тратить мое время и время моего клиента, прошу вас взглянуть вот на что. Это было найдено ночью в доме у моего клиента, на барже «Том Ньюбаунд».

Он подтолкнул к сержанту Поттингу большой коричневый конверт.

Поттинг нехотя вскрыл его.

— Не спешите, — посоветовал Акотт.

От уверенности адвоката Поттингу стало не по себе.

Первым Поттинг вынул лист формата А-4. Компьютерная распечатка чека с интернет-аукциона eBay за покупку пары туфель «Гуччи» на высоком каблуке.

Следующие двадцать минут Норман Поттинг, все больше мрачнея, перебирал копии чеков из комиссионных магазинов и с интернет-аукционов. Чеки подтверждали покупку восьмидесяти трех из восьмидесяти семи пар туфель, найденных на барже.

— Не хватает чеков за еще четыре пары, — сказал Поттинг, хватаясь за соломинку.

— Мой клиент уверяет, что чеки остались в такси, — ответил Кен Акотт. — И поскольку ни одна пара не подходит под описание туфель, которые вы разыскиваете, я прошу

немедленно освободить моего клиента из-под стражи, чтобы он больше не страдал от потери заработка.

Поттинг потребовал продолжить допрос. Но Керридж, по настоянию Акотта, на все вопросы отвечал одно и то же:

— Без комментариев.

Через полтора часа Поттинг вышел из Центра предварительного заключения посоветоваться с Роем Грейсом. Вернувшись, он признал себя побежденным.

— Ваш клиент освобождается условно на срок до двух месяцев, пока идет следствие, — предложил Поттинг в качестве компромисса.

— Мой клиент также требует, чтобы ему вернули его собственность, — заявил Кен Акотт. — У вас есть основания для того, чтобы не возвращать ему изъятые туфли, газетные вырезки, компьютер и мобильный телефон?

Поттинг отказался возвращать туфли и газетные вырезки, несмотря на то что Керридж закатил истерику. Зато мобильник и ноутбук ему вернули — все равно сотрудники Компьютерного центра уже скопировали их содержимое.

На такой компромисс Акотт согласился. Через двадцать минут Ра освободили. Адвокат отвез подзащитного домой на своей машине, прихватив его компьютер и телефон.

80

15 января, четверг

Пришлось добираться до места второпях; он уже забыл, какие пробки скапливаются у набережной. Ему показалось — возможно, только показалось, — что сегодня полиции здесь больше, чем обычно.

В начале четвертого он заехал на стоянку за Гранд-отелем. Вдруг он упустил ее и она уже уехала?! В своих новых синих атласных туфлях «Маноло Бланик»… Заметив ее черный «фольксваген-туарег», он вздохнул с облегчением.

Какая она умница — выбрала для стоянки прекрасное место! Ему крупно повезло: «туарег» стоял в так называемом кармане, который не просматривался камерой видеонаблюдения.

И что еще лучше, место сзади оказалось свободным.

Ключики от ее машины лежат у него в кармане. Запасной комплект, который он нашел там, где и думал, — в прихожей ее дома, в ящике комода.

Загнав свой микроавтобус куда нужно задним ходом, он позаботился о том, чтобы остановиться на некотором расстоянии от стены: ему ведь придется открывать задние дверцы. Потом торопливо вылез из машины, чтобы все проверить. Он понимал, что времени у него в обрез. Осторожно огляделся по сторонам. Вокруг ни одной души!

Скоро благотворительный обед закончится, и Ди Барчмор придет сюда. Ей надо домой — в четыре часа она проводит у себя встречу Общества по реставрации Западного пирса. Потом опять должна вернуться в центр города; в семь вечера она приглашена на коктейль в здании брайтонской ратуши. Там, в помещении Музея полиции, она посетит собрание по сбору средств на Центр приема криминальных сообщений. Ди Барчмор — сознательная гражданка; она состоит в правлении многих брайтонских благотворительных организаций. И в списках постоянных покупателей многих обувных магазинов!

Он надеялся, что она не передумала и наденет синие атласные туфли «Маноло Бланик» с пряжками из искусственных бриллиантов. Женщины то и дело меняют планы; вот, кстати, еще почему он их ненавидит. Он очень на нее рассердится, если на ней будут другие туфли. Тогда придется ее наказать… Будет знать, как разочаровывать людей!

Конечно, он накажет ее еще сильнее, если она их все-таки наденет!

Он нажал на брелке кнопку. Вспыхнул огонек, и послышался тихий щелчок. В салоне «туарега» зажегся свет.

Он распахнул переднюю правую дверцу и немного посидел на водительском сиденье, вдыхая богатый аромат кожаной обивки и следы духов «Армани Код».

Глянув в ветровое стекло, убедился, что все чисто. Как тут выключается свет? Найдя нужную кнопку, нажал ее.

Все готово.

Столько мелочей надо постоянно держать в голове! И не забывать о камерах, которые здесь натыканы повсюду. Недостаточно привинтить на микроавтобус фальшивые номера. Во многих патрульных машинах имеется бортовой компьютер, с помощью которого копы через несколько секунд получают все нужные им сведения из Центра регистрации транспортных средств в Суонси. Пришлось изготовить копию настоящих номерных знаков — он заранее заприметил такой же микроавтобус, как у него, припаркованный на одной улице в Шорэме.

Пришлось также позаботиться о том, чтобы шорэмский микроавтобус в ближайшие день-два никуда не поехал. Вдруг какой-нибудь смышленый патрульный вспомнит о двух одинаковых машинах? Поэтому он предусмотрительно всыпал в бензобак шорэмского микроавтобуса два пакета сахару. Приятно сознавать, что у тебя все под контролем. Только так и можно оставаться на свободе. Всегда заметать следы. Всегда иметь наготове ответ на любой вопрос.

Он перелез на заднее сиденье, натянул на голову черную маску, поправил, чтобы прорези пришлись точно против глаз и рта. Потом соскользнул на пол, между передними и задними сиденьями, чтобы его не было видно снаружи, — правда, снаружи не очень-то много увидишь, ведь теперь у всех затемненные стекла. Он глубоко вздохнул и нажал кнопку блокировки дверей на брелке.

Уже скоро!

81

15 января, четверг

У Ди Барчмор имелось золотое правило: не пить перед выступлением. Но потом… После речи она ощутила настоятельную потребность выпить. Хотя ей довольно часто приходилось выступать на публике, она всегда волновалась и дрожала как осиновый лист. А сегодня, непонятно почему, дергалась даже больше обычного. Наверное, все дело в том, что в зале столько важных гостей. В общем, речь в поддержку хосписа «Ласточки» далась Ди Барчмор с огромным трудом.

После выступления она решила чуть задержаться, пообщаться со знакомыми. Недолго — ей надо было успеть домой, в четыре у нее гости. Ди сама не понимала, как ухитрилась одним махом выпить три больших бокала совиньон-блана. Зря, конечно, — особенно без закуски.

Подходя к стоянке, она поняла, что у нее подкашиваются ноги и двоится в глазах. В таком состоянии за руль садиться нельзя. Значит, надо вызвать такси или пройтись пешком — ее дом не так далеко. Но начался дождь, а ей не хотелось мочить новенькие туфли «Маноло Бланик».

Все равно, садиться в таком состоянии за руль не стоит. Во-первых, она подвергает опасности свою жизнь и жизнь других людей. Во-вторых… как расстроится муж, если ее остановят за вождение в нетрезвом виде! Остановившись у паркомата, Ди долго рылась в сумочке, ища талон. Наконец нашла, но талон выпал у нее из рук.

Выругавшись, она нагнулась, но поднять талон оказалось не так просто.

Ну и пьяная же я!

Она попыталась вспомнить, есть ли в машине зонтик. Вроде бы есть. А самое главное, в багажнике лежат удобные туфли на плоской подошве, в которых она водит машину! Значит, решено. Она переобуется и пойдет домой пешком. Заодно и протрезвеет.

Ди Барчмор сунула талон в сумочку и, пошатываясь, направилась на второй ярус.

82

15 января, четверг

Он услышал гулкое цоканье ее каблучков по бетонному полу. Она приближается!

Ему нравилось, когда цоканье приближалось. Делалось все громче. Он терпеть не мог, когда «цок-цок-цок» постепенно стихало вдали. В детстве он, правда, пугался. Если каблуки удалялись, значит, мать куда-то уходила. Если звук делался громче, значит, она возвращалась.

И часто наказывала его. Или заставляла себя ублажать.

Сердце у него забилось чаще. И кровь быстрее побежала по жилам — как будто он вколол себе дозу. Он затаил дыхание. Она все ближе!

Пожалуйста, пусть на тебе будут синие атласные туфли «Маноло Бланик»!

ЩЕЛК!

Он вздрогнул от неожиданности. Как будто одновременно раздались пять выстрелов из пистолета — это все пять дверей машины открылись одновременно. Он чуть не вскрикнул.

Потом послышался другой звук.

Цок-цок-цок!

Шаги удаляются… Она подняла заднюю дверцу. Покупки складывает, что ли? Может, купила еще какие-нибудь туфли?

Почти неслышно, опытной рукой, он сдвинул крышку лежащего в кармане пластикового контейнера, в котором находилась тряпка с хлороформом. Зажал тряпку рукой в перчатке. Заставил себя успокоиться. Через секунду она сядет в машину, захлопнет дверцу и пристегнет ремень. И тогда — его выход!

Он вскинул голову и увидел прямо перед собой ошеломленное лицо Ди Барчмор. Заметив в своей машине незнакомца в маске, она ахнула и попятилась.

А еще через миг громко закричала.

Он рывком поднялся с пола и метнулся к ней, собираясь прижать тряпку к ее лицу, но не рассчитал расстояния. Поскользнувшись, полетел ничком, а когда с трудом поднялся на ноги, Ди Барчмор снова заорала — еще громче, развернулась и побежала прочь.

Высокие каблуки гулко цокали по бетону.

Черт, черт, черт, черт!

Он наблюдал за ней, скорчившись между «туарегом» и своим микроавтобусом. Погнаться за ней или нет? Сейчас она в том месте, которое хорошо просматривается камерами. Кто-нибудь услышит ее вопли.

Черт, черт, черт, черт!

Он лихорадочно соображал, что теперь делать. Ничего не придумывалось. Мысли в голове путались.

Скорее выбираться отсюда!

Он обежал микроавтобус, влез в салон через задние двери, захлопнул их, прополз вперед, кое-как взгромоздился на водительское сиденье, завел мотор. Выбравшись из кармана, повернул налево, прибавил газу и помчался по стрелкам в сторону выхода.

Повернув еще раз налево, он увидел Ди Барчмор. Спотыкаясь на высоких каблуках, она бежала вниз по пандусу и истерически размахивала руками. Достаточно немножко прибавить скорости, и он сметет ее с пути! Новая мысль вихрем мелькнула в голове, но он отогнал ее. Нет, зачем еще больше осложнять себе жизнь?

Услышав рев мотора, она обернулась и завопила истошным голосом:

— Помогите! Пожалуйста, помогите!

Чтобы не сбить ее, пришлось вдавить в пол педаль тормоза.

Ди Барчмор вгляделась в лицо водителя, и ее глаза расширились от ужаса.

Он сообразил, что забыл снять маску. Вот облом!

Она пятилась — как ему показалось, очень медленно, а потом повернулась и побежала со всех ног, спотыкаясь, крича, теряя туфли — сначала одну, потом вторую.

Вдруг справа распахнулась дверь запасного выхода, и на стоянку выбежал полицейский в форме.

Он вдавил педаль газа в пол, микроавтобус со свистом миновал очередной поворот и устремился к двойному шлагбауму, перегородившему выезд.

Он вдруг вспомнил, что не заплатил за стоянку.

В будке никого — да у него и времени нет. Он продолжал давить на газ, приготовившись к удару. Но удара не последовало. Шлагбаум отлетел, как будто был сделан из картона, и он понесся дальше. Вылетел на улицу, вильнул влево, потом вправо, объезжая отель. Наконец вписался в транспортный поток на перекрестке у набережной.

И только тут снова вспомнил про маску. Торопливо стащил ее с головы, запихнул в карман. Сзади нетерпеливо загудел клаксон. Светофор переключился на зеленый.

— Ладно, ладно, ладно!

Мотор на секунду заглох. Сзади снова загудели.

— Пошел ты!

Он завел мотор, рывком двинулся вперед, повернул направо и направился вдоль набережной на запад, в сторону Хоува. Дыхание срывалось. Катастрофа! Настоящая катастрофа… Надо выбираться отсюда как можно скорее! И поскорее избавиться от микроавтобуса.

Впереди на светофоре зажегся красный свет. От измороси ветровое стекло покрылось корочкой инея. Он задумался. Может, успеет проскочить? Но большой грузовик уже начал поворот. Он затормозил, испуганно вцепившись в рулевое колесо, и включил «дворники».

Ему показалось, что грузовик поворачивает целую вечность. Да еще и с прицепом, черт бы его побрал!

Краем глаза он уловил какое-то движение. Справа ему кто-то махал. Он повернул голову и увидел патрульную машину.

Кровь застыла у него в жилах.

Его загнали в угол! Проклятый тягач с эмблемой какого-то цирка ползет с черепашьей скоростью. А за ним пристроился громадный рефрижератор…

Может, выскочить из машины и бежать?

Полицейский патрульной машины все махал ему и с улыбкой жестикулировал. Ткнул себя в плечо, потом в него, потом опять в свое плечо.

Он нахмурился. Что происходит, черт возьми?

И вдруг до него дошло.

Полицейский приказывает ему пристегнуться!

Он помахал рукой в ответ и быстро пристегнул ремень. Щелк!

Наконец тягач повернул, а светофор переключился на зеленый. Он покатил вперед, заставляя себя не гнать. К его облегчению, патрульная машина свернула в перекресток. Тогда он сразу прибавил газу — насколько возможно.

Впереди всего одна миля. Одна миля, и ему ничего не грозит…

В отличие от той сучки.

83

15 января, четверг

Манера вождения Гленна Брэнсона всегда повергала Роя Грейса в состояние шока, но после того, как Брэнсон закончил курсы экстремального вождения, все стало еще хуже. Грейс и врагу не пожелал бы оказаться рядом с Брэнсоном в машине, когда тот гонится за преступником…

И все же, пока сержант лавировал в пробках на служебном «форде-фокусе» без опознавательных знаков, Грейс молчал. Он был погружен в раздумья. Он не сделал другу замечания, даже когда из автобуса впереди вышла старушка и поспешно отскочила от машины, со свистом пронесшейся мимо.

— Все в порядке, старичок. Я ее видел! — сказал Гленн.

Грейс ничего не ответил. Подозреваемого, арестованного Норманом Поттингом, освободили в полдень, а через несколько часов неизвестный попытался напасть на женщину — причем именно в таком месте, о котором говорил доктор Джулиус Праудфут.

Конечно, сегодняшний случай может и не иметь отношения к Туфельщику, но, судя по тому, что он слышал, прослеживается известное сходство. Интересно, что будет, если выяснится, что подозреваемый, освобожденный из-под стражи, сразу поспешил на очередное дело?

Гленн включил проблесковый маячок и сирену, чтобы легче было лавировать в плотном потоке машин у пирса. Каждые несколько секунд он нагибался к приборной панели и менял звучание сирены. Половина брайтонских водителей страдает от непрошибаемой тупости. Ни за что не пропустят, хоть ты им оперные арии пой! Попадаются и глухие, и слепые — а то и вовсе слепоглухонемые. «Форд-фокус» намертво застрял на Кингз-роуд. Гленн выехал на островок безопасности у пересечения с Уэст-стрит, вывернул на встречную полосу и ловко развернулся под носом у грузовика.

Грейс вжал голову в плечи. Нельзя сажать за руль человека, который только что развелся! А вдруг Брэнсон решил, что ему больше незачем жить? К счастью, они уже приближались к месту своего назначения. Грейс немного приободрился. Есть надежда, хотя и слабая, что их не придется вырезать из машины автогеном и они выйдут сами, живые и невредимые.

Через несколько секунд они повернули на дорожку за Гранд-отелем. Открывшаяся перед ними картина напоминала полномасштабную осаду. У въезда на автостоянку столпилось несчетное множество патрульных машин и микроавтобусов, все со включенными мигалками.

Грейс выскочил из машины, не дожидаясь, пока Гленн выключит мотор, и направился к толпе полицейских. На одних были светоотражательные жилеты, на других — бронежилеты. Въезд на стоянку перегораживала сине-белая лента. Как всегда, сбоку стояли зеваки.

Для полноты картины не хватало лишь Кевина Спинеллы из «Аргуса».

К Грейсу подошел инспектор Рой Аппс:

— Второй ярус, шеф. Я провожу вас.

Гленн Брэнсон, державшийся позади, на ходу разговаривал по телефону. Они по очереди поднырнули под ленту и зашагали по пандусу. На стоянке пахло машинным маслом и пылью. По пути Аппс наскоро вводил их в курс дела.

— Нам повезло, — сказал он. — Вместе со смотрителем в зале мониторинга сидел констебль Алек Дэвис, очень способный парень. Он сразу понял, что дело важное, и еще до нашего приезда огородил место происшествия.

— Что-нибудь нашли?

— Да. Похоже, кое-что любопытное. Сейчас покажу.

— А микроавтобус?

— Камера видеонаблюдения засекла его. Он несся в западном направлении по Кингсуэй в сторону Хоува. Последний раз его видели, когда он повернул на Куин-Виктория-авеню. Мы отдали приказ всем доступным патрульным машинам перехватить его, но пока результата нет.

— Номерные знаки зафиксировали?

— Да. Микроавтобус зарегистрирован на имя одного дизайнера, который живет в Мулскуме. Я выслал опергруппу к его дому. Кроме того, перекрыты все выезды из города в том направлении, куда он ехал. В воздух подняли «отель-900».

Так на профессиональном жаргоне именуется полицейский вертолет.

Они поднялись на второй ярус; въезд на него тоже оказался перегорожен заградительной лентой. Место происшествия охранял высокий молодой констебль с папкой в руке.

— Вот он, — сказал Рой Аппс.

— Констебль Дэвис? — спросил Грейс.

— Да, сэр.

— Отлично поработали!

— Спасибо, сэр!

— Машину показать можете?

Констебль замялся:

— Бригада криминалистов уже в пути, сэр.

— Это суперинтендент Грейс, — сказал парню Аппс. — Он возглавляет операцию «Меч-рыба»!

— Ах вот оно что! Извините, сэр. Сюда, пожалуйста.

Они поднырнули под ленту, и Грейс последовал за молодым констеблем мимо пустых стояночных мест. В конце помещения находился черный блестящий «фольксваген-туарег» с открытой задней дверцей.

Рядом с машиной констебль Дэвис предостерегающе поднял руку, призывая не подходить ближе. Потом указал на какой-то комок, похожий на кусок ваты. Комок валялся на полу, под задним бампером машины. Констебль включил фонарик и посветил на него.

— Что там такое? — спросил Грейс.

— Пахнет как-то странно, — ответил констебль. — Я решил, раз оно валяется совсем рядом с местом происшествия, может, как-то связано… ну, с преступником. В общем, трогать его я не стал. Может, на нем сохранились отпечатки пальцев или ДНК.

Грейс посмотрел в серьезное лицо молодого констебля и улыбнулся:

— Сынок, у тебя есть все задатки хорошего детектива!

— А я именно детективом и хочу стать, сэр, когда отслужу положенные два года.

— Может быть, тебе и не придется так долго ждать. Через год попробую перевести тебя в уголовный розыск.

Глаза у констебля загорелись.

— Спасибо, сэр! Большое вам спасибо!

Рой Грейс опустился на колени и осторожно понюхал непонятный комок. От него исходил знакомый сладковатый запах. У суперинтендента закружилась голова. Он встал и сделал несколько глубоких вдохов. Он прекрасно запомнил этот запах по курсам токсикологии,[5] которые посещал несколько лет назад.

Показания Николы Тейлор и Рокси Пирс сходились в одном — и совпадали с показаниями нескольких женщин, пострадавших от Туфельщика еще в 1997 году. Преступник прижимал к их лицу тряпку, пропитанную каким-то пахучим веществом, после чего они теряли сознание.

Он усыплял их хлороформом.

84

Вы ведь не знаете, кто я и где я, правда, суперинтендент Рой Грейс? У вас нет ни одной зацепки! Да, вы кого-то там арестовали, но арестованного пришлось освободить «за недостатком улик». Вы паникуете.

А я — нет.

Ну да, сегодня я немножко облажался. Ничего, выпутывался и из ситуаций похуже. Двенадцать лет назад меня так и не поймали, а теперь я вернулся. Может быть, через какое-то время я снова уйду в тень, но обязательно вернусь. Как говорил Терминатор, «Аста ла виста, беби! Я вернусь!» Может, на следующей неделе, может, через месяц, может, через год или через десять лет! И когда я вернусь, вы очень пожалеете о том, что унизили меня — объявили, будто у меня маленький член.

Но пока я еще не ушел. Люблю доводить все дела до конца.

Я уйду, только когда вы испугаетесь по-настоящему. А новый начальник решит, что вы — полный идиот. Что вы там плели в интервью «Аргусу»? Охота! Вы сказали, что Туфельщик вышел на охоту.

Да, вы правы, я действительно вышел на охоту! Я сижу в засаде!

Я упустил добычу на стадионе «Уитдин», но обязательно поймаю ее завтра вечером.

Я знаю, куда она пойдет.

85

16 января, пятница

У Роя Грейса нечасто бывало плохое настроение, но на пятничном утреннем инструктаже оно у него испортилось окончательно. Спать накануне практически не пришлось. До начала второго ночи он и несколько сотрудников просидели в оперативном штабе, снова пересматривая все материалы по Туфельщику, относящиеся как к прошлому, так и к настоящему. Потом он поехал к Клио, но через несколько минут после его прихода ее срочно вызвали на работу — на кладбище обнаружили труп…

Целый час Рой сидел без сна рядом с громко храпящим Хамфри, пил виски, курил одну сигарету за другой и думал, думал. Что он упустил? Он захватил с собой отчет компьютерного центра. С помощью специально созданной программы удалось проникнуть на целую группу сайтов, где тусуются фетишисты, особенно любители женских ножек и

туфелек. Таких сайтов оказались сотни! И проверить за шесть дней удалось лишь малую долю от общего количества. Практически без результатов.

Грейс в некотором ошеломлении отложил отчет. Наверное, он все эти годы вел слишком уединенную жизнь. Даже будь он сам фетишистом, вряд ли бы ему захотелось делиться своими мечтами с совершенно незнакомыми людьми.

Потом он лег и попытался заснуть. Но мозг даже во сне продолжал напряженно работать. Примерно в половине пятого утра вернулась Клио. Она приняла душ, легла и сразу заснула. Грейса всегда изумляла эта ее способность. Только что она возилась с трупом, но, вернувшись домой, тут же засыпает как младенец! Наверное, именно ее способность переключаться и позволяет ей заниматься такой работой.

Пролежав без сна, в напряжении, еще полчаса, Грейс решил встать и пробежаться по набережной. Может, в голове прояснится и он будет лучше готов к предстоящему дню.

В результате в половине девятого утра голова у него раскалывалась, а руки дрожали — слишком много выпил крепкого кофе. А хотелось еще чашечку… Он сидел в переполненном оперативном штабе и оглядывался по сторонам. В операции «Меч-рыба» задействовали уже пятьдесят с лишним человек, считая сотрудников вспомогательных служб.

Перед ним лежал сегодняшний выпуск «Аргуса». Рядом с газетой высилась целая груда документов. Наверху — очередной отчет отдела внутреннего надзора; недельная сводка по ходу операции «Меч-рыба». Сводку принесли только что, с небольшим запозданием.

На первой полосе «Аргуса» красовался снимок белого «форда-транзита» с подписью: «Микроавтобус, похожий на тот, в котором находился подозреваемый».

Рядом поместили увеличенный снимок номерного знака-клона. Всех, кто видел машину с такими номерами с 14 до 17 часов, просили срочно позвонить в дежурную часть или в Центр приема криминальных сообщений.

Дизайнеру, владельцу белого микроавтобуса, чьи номера скопировал преступник, сильно не повезло. Он руководил ремонтом в доме одного клиента и собирался поехать в магазин, чтобы срочно докупить недостающие материалы, но оказалось, что у него не заводится мотор. Зато алиби у него было — лучше не придумаешь. Вчера с двух до пяти вечера он был на улице и с помощью сотрудника Королевского автомобильного клуба выливал из бака бензин и прочищал карбюратор. По мнению дежурного автоклуба, кто-то высыпал в его бензобак сахар.

Еще одна выходка Туфельщика?

Единственная хорошая новость на сегодня только одна: отдел внутреннего надзора отзывается об их действиях положительно. По крайней мере, ошибок следственная группа пока не допускает. Следующий отчет появится через девять дней. Потом — через двадцать восемь. Грейс от всей души надеялся, что до того времени Туфельщик уже будет примерять тюремную обувь.

Грейс отхлебнул кофе и, встав, обратился ко всем присутствующим.

— Как вам это нравится? — спросил он без всякого предисловия. — В полдень мы отпускаем подозреваемого, а во второй половине дня происходит очередное нападение. Ерунда какая-то… Может, этот Джон Керридж, то есть Ра, издевается над нами? «Аргус», будь он неладен, как с цепи сорвался!

Он поднял повыше газету. Крупный заголовок на первой полосе гласил: «Новая жертва Туфельщика: легко отделалась?»

Почти никто не сомневался в том, что вчера в машину Ди Барчмор забрался именно Туфельщик. На это указывали и место, где он караулил жертву, и анализ, доказавший, что найденный на месте происшествия кусок тряпки действительно пропитан хлороформом. Машину Ди Барчмор теперь тщательно осматривали эксперты-криминалисты. В их

лаборатории она пробудет несколько дней. В ней будут искать волокна, волосы, частицы кожи и другие фрагменты, пусть даже микроскопические, по которым можно установить личность преступника.

Норман Поттинг проверил алиби на тот день Джона Керриджа и пришел к выводу, что его можно исключить из списка подозреваемых. Адвокат таксиста, Кен Акотт, лично отвез его домой. Алиби Керриджа подтвердил сосед: Керридж накануне был дома до половины шестого вечера, а потом, как всегда, выехал в ночную смену.

Настроение у Роя Грейса испортилось еще и по другой причине. Констебль Майкл Форман доложил, что Пью отказался отвечать на его вопросы. Грейсу ужасно хотелось арестовать Пью. Но он напоминал себе слова нового начальника, советовавшего не принимать происходящее близко к сердцу.

Пришлось признаться самому себе: если он арестует Пью сейчас, на основании косвенных улик, это будет означать, что он действительно принимает дело близко к сердцу. Что о нем подумают, если и второго подозреваемого придется освободить за недостатком улик? Все решат, что суперинтендент Грейс паникует. И все же Форман продолжал проверять алиби Пью.

Ник Николл добавил соли на его раны, доложив, что отсмотрел записи камер видеонаблюдения в баре «Невилл». Картинка оказалась нечеткой; один раз в кадр попал мужчина, вроде бы похожий на Даррена Спайсера. В канун Нового года этот человек просидел в пабе до половины второго ночи. Если алиби Спайсера подтвердится, взломщика-рецидивиста можно исключать из списка подозреваемых в нападении на Николу Тейлор. Однако на тот день, когда изнасиловали Рокси Пирс, алиби у Спайсера нет. Он твердил одно и то же: был на ипподроме, где проводятся собачьи бега, — то есть в пятнадцати минутах ходьбы от дома Пирсов. И на вечер субботы, когда на аттракционе «Поезд-призрак» изнасиловали Мэнди Торп, алиби у Спайсера тоже не было.

Третий эпизод сильно беспокоил Роя Грейса. На Мэнди Торп напали около половины восьмого вечера — то есть за час до того, как приют Святого Патрика, где временно обитает Спайсер, закрывается на ночь. Спайсер вполне успевал напасть на Мэнди Торп и вернуться в свою ночлежку вовремя.

Но улики против него пока косвенные, и ордера на арест им, скорее всего, не выдадут. А если Спайсеру попадется ловкий адвокат, вроде Кена Акотта, он их на кусочки порвет. Им нужны доказательства посерьезнее, но на данном этапе их нет как нет.

— Ладно, — подытожил Грейс. — Давайте вспомним все, что нам известно. Факт первый: наш аналитик установила, что все известные жертвы Туфельщика в девяносто седьмом году, а также шестая возможная жертва, пропавшая и до сих пор не найденная Рейчел Райан, за несколько дней или часов до нападения купили себе в брайтонских магазинах дорогие дизайнерские туфли.

Факт второй: три из четырех пострадавших в последние две недели, в том числе и потенциальная жертва, миссис Ди Барчмор, поступили точно так же. Исключение составляет Мэнди Торп. Ее мы тоже причисляем к жертвам Туфельщика, хотя в связи с ней у меня серьезные сомнения…

Грейс посмотрел на Джулиуса Праудфута. Криминалист-психолог ответил ему довольно враждебным взглядом.

— Факт третий: место вчерашнего нападения в точности соответствует предсказанию нашего психолога. Джулиус, вы ничего не хотите добавить?

Праудфут самодовольно выпятил грудь:

— Мм… ну да, как видите, в деле пока много неясного. Но нам известны о Туфельщике несколько очень важных вещей. Для начала, он человек ущербный, если можно так

выразиться, неполноценный. После того как последняя попытка сорвалась, он, скорее всего, вне себя от ярости. Судя по всему, в детстве его обижала мать. Поэтому сейчас он мучается, ему больно. Мать, которую для него олицетворяла миссис Барчмор, его отвергла. В детстве он реагировал на отторжение слезами и обидой. Позже обида переросла в нечто другое… Предполагаю, что сейчас он особенно опасен. Вчера ему помешали, но он намерен вскоре повторить попытку.

— Он будет караулить ту же жертву? — спросил Майкл Форман.

— Нет, по-моему, он перейдет к другой жертве. К вчерашней жертве, Ди Барчмор, он вернется в будущем, не сейчас. Скорее всего, он переключится на более легкую добычу.

— Как сейчас миссис Барчмор? — спросила Белла Мой.

Ей ответила Клер Уэстмор:

— Она сильно травмирована. Для нее болезненным является вопрос, как преступник проник в ее машину, оборудованную новейшей системой сигнализации. По словам мужа, из дома пропал комплект запасных ключей.

— Женщины вечно теряют ключи от машины, — буркнул Норман Поттинг. — Бросают их где попало…

— А мужчины что, никогда ничего не теряют? — сразу вскинулась Белла Мой.

Не обратив внимания на их перепалку, Клер Уэстмор продолжала:

— Барчморы держат ключи в комоде в прихожей. Напрашивается вывод: преступник проник к ним в дом и украл запасные ключи. Супруги Барчмор очень встревожены.

— Ага! — воскликнул Праудфут с победоносной улыбкой. — Проникновение в дом жертвы! Как раз в духе Туфельщика. Он получает удовольствие от проникновения любого рода!

— Нам известно, — сказала Белла Мой, — что он умеет взламывать замки. Это доказывает нападение на Рокси Пирс и на другую пострадавшую в девяносто седьмом году. Ту он тоже изнасиловал в собственном доме!

— На взломе специализируется Даррен Спайсер, — заметил Гленн Брэнсон. — Правильно? Пока в связи с ним многое сходится.

— Есть еще одна важная деталь, — сказал Праудфут. — В девяносто седьмом Туфельщик совершал нападения поздно ночью. Нынешние нападения, если не считать нападения на Николу Тейлор в канун Нового года, происходили в конце дня или ранним вечером. Осмелюсь предположить, что он женат. Кстати, вот вам и ответ на вопрос, почему он на целых двенадцать лет замолчал. А теперь семейная жизнь ему наскучила, и он снова взялся за старое.

Руку подняла сержант Белла Мой:

— Извините, доктор, я не понимаю. Как связано время нападений и то, что он, может быть, женат?

— Дело в том, что по ночам ему нужно быть дома, чтобы жена ничего не заподозрила, — объяснил Праудфут.

— А может, ему нужно вовремя возвращаться в приют Святого Патрика? — возразила Белла.

— Может, и так, — согласился Праудфут. — Да, может, и так…

— Как же он тогда сумел выкрутиться в канун Нового года, если он женат? — спросил Майкл Форман. — Кто-нибудь проверял показания счетчика в такси Керриджа? Можно ли точно установить, где он был и чем занимался в то время, как в «Метрополе» напали на Николу Тейлор?

— Я говорил с владельцем такси, которое водит Керридж, и запросил полный отчет о его передвижениях начиная с 31 декабря, — ответил Поттинг. — К сожалению, для того, чтобы конфисковать такси и снять показания счетчика, у нас пока недостаточно улик.

— Норман, а чего нам, по-твоему, недостает? — спросил Рой Грейс.

— Туфель жертв, босс. Хотя бы их следов. Нам бы доказать, что они были у Керриджа! Но пока у нас ничего нет. И не будет, если мы снова его не арестуем. С виду он как будто безобидный придурок, который просто любит женские туфли. Адвокат говорит, что у него проблемы с психикой. Вроде он аутист…

— Разве аутизм избавляет от уголовной ответственности за изнасилование? — спросил Гленн Брэнсон.

— Это сильно затрудняет следствие, — ответил Рой Грейс. — Прежде чем его допрашивать, придется провести освидетельствование по полной программе. Сержант Поттинг прав. На Керриджа у нас недостаточно улик. — Он снова отхлебнул кофе. — Норман, тебе удалось установить, не возил ли Керридж в своем такси кого-то из жертв в качестве пассажирок?

— Я показал ему их снимки, — ответил Поттинг. — Он говорит, что никого из них не знает.

Грейс повернулся к констеблю Николу:

— Скоро ли укрупнят кадры из «Невилла»?

— Обещали сегодня к вечеру, сэр.

Слово взял Праудфут:

— Я очертил вероятную территорию будущих нападений.

Криминалист-психолог развернулся к белому щиту, к которому прикрепил карту центра Брайтона. На карте были очерчены пять красных кружков.

— Я выделил общие черты почерка Туфельщика в девяносто седьмом и сейчас. После первой неудачной попытки изнасилования, совершенной двенадцать лет назад, Туфельщик напал на женщину в Гранд-отеле. В этом году его первое нападение было совершено в «Метрополе», который находится в двух шагах от «Гранда». Второе нападение в девяносто седьмом он совершил в частном доме на Хоув-Парк-роуд, а второе известное нам нападение в этом году совершено в частном доме на Дроуввэй, то есть на соседней улице. Третье нападение в девяносто седьмом он совершил у пирса — тогда его еще называли не Брайтонским, а Дворцовым. На теперешнюю третью пострадавшую он набросился на аттракционе «Поезд-призрак» — на том же самом пирсе. Тогдашнее четвертое нападение Туфельщик совершил на автостоянке на Черчилл-сквер. А вчера он попытался наброситься на жертву на стоянке за Гранд-отелем. Всего в сотне шагов от прежнего места.

Праудфут помолчал, давая слушателям возможность проникнуться важностью его слов.

— Пятое нападение, если суперинтендент Грейс прав, произошло на Истерн-Террас, рядом с Пастон-Плейс и Сент-Джеймс-стрит. — Он снова повернулся к карте и ткнул указкой в пятый кружок. — В отсутствие других версий предсказываю, что на следующую свою жертву Туфельщик нападет вблизи от этого района. Вчерашняя неудача сильно ранила его. Он в ярости. И его тянет в собственную «зону комфорта». — Праудфут обвел указкой улицы, соседние с Сент-Джеймс-стрит. — Советую обратить особое внимание на Истерн-роуд и Приморский парад. На Приморском параде дома расположены лишь по одной стороне, вдоль набережной. Истерн-роуд во многом похожа на Сент-Джеймс-стрит. От нее отходит много улиц; именно там, по моему мнению, он и совершит следующее нападение, либо сегодня вечером, либо завтра. Скорее всего, все-таки завтра, потому что завтра на улицах будет больше народу и он легче сумеет затеряться в толпе.

— Истерн-роуд длинная улица, — заметил констебль Форман.

— Будь у меня хрустальный шар, я бы сообщил вам и номер дома. — Праудфут самодовольно ухмыльнулся. — Но если бы операцию возглавлял я, я бы сосредоточил главные силы именно там.

— Как вы думаете, он уже наметил себе следующую жертву? — спросил Грейс.

— В связи с этим у меня есть кое-что любопытное, — сказала аналитик Эллен Зоратти. — Сейчас я вам покажу…

86

16 января, пятница

Эллен Зоратти взяла пульт дистанционного управления и нажала кнопку. С потолка опустился экран, заслонив карту Джулиуса Праудфута.

— Нам известно, что номер в Гранд-отеле, в котором Туфельщик изнасиловал свою первую жертву в девяносто седьмом году, был забронирован на имя Марши Моррис, — начала Эллен. — Нам известно также, что номер в «Метрополе», в котором под Новый год изнасиловали Николу Тейлор, был забронирован на то же имя. Я получила запись, сделанную камерой у стойки регистрации «Метрополя», и прошу вас внимательно ее просмотреть. К сожалению, запись без звука.

Эллен нажала кнопку на пульте. На экране поплыли черно-белые кадры. К стойке стояла небольшая очередь людей с чемоданами. Эллен отложила пульт, взяла лазерную указку и навела красную точку на голову стоящей в очереди дамы с пышными светлыми волосами до плеч. Почти всю верхнюю часть ее лица закрывали большие темные очки. На плечи дама накинула шаль, закрывавшую рот и подбородок.

— По-моему, это и есть таинственная Марша Моррис. Она регистрируется в три часа дня в «Метрополе» в канун Нового года, чуть больше двух недель назад. А теперь прошу вас обратить особое внимание на ее волосы!

Эллен Зоратти нажала кнопку, и на экране поплыли другие картинки: запись, сделанная камерой на оживленной торговой Ист-стрит.

— Я наткнулась на это, когда просматривала записи со всех камер, расположенных около обувных магазинов. Рядом с тем местом, где установлена камера, находятся несколько дорогих бутиков: «Последний писк», «Л.К. Беннетт», «Расселл и Бромли», «Джонс». А теперь — внимание на экран!

В кадре появилась элегантно одетая светловолосая дама лет сорока-сорока пяти, в длинном черном пальто и сапожках на высоком каблуке. Дама энергично шла навстречу камере, а потом свернула в сторону.

— Это Ди Барчмор, на которую напали вчера, — пояснила Эллен Зоратти. — Запись сделана в прошлую субботу, 10 января. Смотрите дальше!

Через несколько секунд в кадре появилась стройная дама с пышными светлыми волосами до плеч, в длинном верблюжьем пальто и шали, в блестящих сапожках. На плече у нее висела сумка на ремне. Шагала она размашисто и решительно.

Неожиданно она налетела на встречного пешехода и упала ничком. Пышные светлые волосы, оказавшиеся париком, упали на тротуар. Пешеход заслонил упавшую даму, но на секунду все разглядели, что это мужчина.

Через несколько секунд мужчина, переодетый женщиной, подхватил парик и кое-как нахлобучил его на голову. С трудом поднялся на ноги и, поправляя парик, тут же вышел из кадра.

Из-за плохого качества изображения невозможно было как следует разглядеть его лицо. Но в том, что перед ними именно мужчина, никто из детективов не сомневался.

— Марша Моррис? — уточнил Майкл Форман.

— Гомосеков, которые гуляют в женском платье, всегда выдает кадык, — заметил Поттинг. — От него не избавишься.

— А вот и нет, Норман, — возразила Белла Мой. — Я читала, что сейчас научились удалять адамово яблоко хирургическим путем — или хотя бы уменьшать. Кстати, не очень красиво обзывать их гомосеками.

— На том типе водолазка, — заметил Ник Николл, не обращая внимания на пикировку коллег. — И не увидишь, есть ли у нее — или у него — адамово яблоко.

— Эллен, это у вас уже укрупненное изображение? — спросил Грейс.

— Боюсь, что да, сэр, — ответила Эллен Зоратти. — Четче в лаборатории не получилось. Качество не очень, зато теперь мы знаем кое-что важное. Во-первых, Туфельщик, скорее всего, подкарауливает жертв, переодевшись женщиной. Во-вторых, миссис Барчмор купила в тот день дорогие туфли. Посмотрите на следующие кадры. К сожалению, изображение тоже не очень. Это запись, сделанная камерой видеонаблюдения в магазине.

Она нажала кнопку на пульте, и на экране появилось изображение торгового зала обувного магазина.

— «Профиль» на Дьюкс-Лейн, — пояснила Эллен.

На стуле сидела блондинка; она склонилась над чем-то похожим на коммуникатор — айфон или «блэкберри» — и нажимала на клавиши. Эллен навела на ее лицо лазерную указку.

— Это Ди Барчмор через пять минут после того, как мы видели ее на Ист-стрит.

В кадр вошла продавщица; она держала в руках туфли на высоком каблуке.

На заднем плане все увидели даму с пышными светлыми волосами, в длинном пальто, темных очках и шали, закрывающей почти всю нижнюю часть лица. Дама только что вошла в магазин. Та же самая, которая только что упала на улице.

Эллен навела на нее лазерную указку.

— Опять наша старая знакомая Марша Моррис! — воскликнул констебль Форман. — И паричок успела поправить!

Мужчина в женской одежде то выходил из кадра, то снова попадал в него. Он все время держался чуть поодаль и явно следил за тем, как Ди Барчмор покупает туфли. Подойдя к кассе, Ди Барчмор как будто вступила с продавщицей в разговор. Девушка ввела какие-то данные в компьютер. В это время Марша Моррис подошла к ним почти вплотную. Хотя она стояла к ним спиной, притворившись, будто рассматривает туфли, она явно подслушивала.

Потом Ди Барчмор вышла из магазина с фирменным пакетом. Через несколько секунд за ней последовала Марша Моррис. Эллен выключила запись.

— А тот, кто вчера напал на Ди Барчмор, тоже был в женской одежде? — спросил Норман Поттинг.

— Она успела заметить только черную маску с прорезями для глаз, — ответила Клер Уэстмор. — Пока нам известны два эпизода, когда Туфельщик переодевался женщиной: в Гранд-отеле в девяносто седьмом и в «Метрополе» в канун последнего Нового года. Другие пострадавшие о маскараде не упоминают.

— Вот именно — маскарад! — оживился доктор Праудфут. — Он переодевается женщиной вовсе не потому, что в глубине души сам чувствует себя женщиной. В женской одежде он может беспрепятственно, не возбуждая подозрений, ходить по магазинам женской обуви. Да и в отелях это неплохо ему помогает.

Грейс кивнул в знак согласия.

Праудфут продолжил:

— Судя по, так сказать, первой серии нападений девяносто седьмого года, жертва, на которую Туфельщик набросился на автостоянке на Черчилл-сквер, во всем следовала привычкам. Она всегда оставляла машину в одном и том же месте, на верхнем ярусе, где свободнее. Так же поступает и Ди Барчмор. Она всегда паркуется на втором ярусе стоянки за Гранд-отелем. Они обе облегчили задачу тому, кто их подкарауливал.

— По словам миссис Барчмор, она активно пользуется социальными сетями и регулярно сообщает о своих передвижениях в «Фейсбуке» и «Твиттере», — сказала Клер Уэстмор. — Я просмотрела ее блоги за прошлую неделю. Не нужно быть нобелевским лауреатом, чтобы рассчитать, где она будет находиться в то или иное время, с точностью практически до часа. Все предыдущие жертвы тоже активно пользовались «Фейсбуком», а Мэнди Торп, кроме того, еще и вела микроблог в «Твиттере».

— Итак, — подытожил Ник Николл, — мы сузили круг возможных жертв Туфельщика до женщин, которые на прошлой неделе купили дорогие туфли и зарегистрированы либо в «Фейсбуке», либо в «Твиттере», либо и там, и там. — Он удовлетворенно улыбнулся.

— Профиль потенциальных жертв можно еще более уточнить, — сказала Эллен Зоратти. — Обратите внимание на их возраст. Николе Тейлор тридцать восемь, Рокси Пирс тридцать шесть, Мэнди Торп двадцать, а Ди Барчмор — сорок два. Снова прослеживается параллель с возрастом женщин, пострадавших от Туфельщика в девяносто седьмом. — Аналитик помолчала, дав всем возможность переварить новую информацию, и продолжила: — Если суперинтендент Грейс прав и Рейчел Райан двенадцать лет назад тоже стала жертвой Туфельщика, возможно, нам удастся точнее очертить признаки потенциальной жертвы. Если, конечно, допустить, что Туфельщик задумал еще одно нападение.

— Задумал, не сомневайтесь, — уверенно заявил Праудфут.

— Рейчел Райан было двадцать два года, — сказала Эллен, оборачиваясь к психологу. — Доктор Праудфут, вы считаете, что Туфельщик действует по шаблону и стремится не выходить из своей «зоны комфорта». Имеет ли к этому отношение возраст следующей жертвы? Соотносится ли он как-нибудь с возрастом пятой жертвы из первой серии? То есть возможно ли, что следующей жертве тоже будет двадцать два года?

Праудфут задумчиво кивнул.

— Конечно, насчет Рейчел Райан мы не можем быть уверены до конца, — высокопарно произнес он, смерив Роя Грейса многозначительным взглядом. — Но если предположить, что Мэнди Торп тоже стала жертвой Туфельщика и что Рой прав насчет Рейчел Райан… тогда да, Эллен, мы должны учесть ваше умозаключение. Вполне вероятно, что Туфельщик будет подкарауливать жертву примерно такого возраста. Если несчастная Рейчел Райан все же стала его жертвой и он сделал с ней что-то ужасное, то вполне вероятно, что и со своей следующей жертвой он намерен сотворить то же самое. Сейчас, после вчерашней неудачи, он охотится на более легкую добычу, чем опытная женщина среднего возраста. Поэтому, скорее всего, выберет девушку, к которой легче подобраться. Да, мне кажется, именно на таких мы и должны сосредоточиться. Молодые женщины в туфлях на высоком каблуке, которые регулярно общаются в социальных сетях.

— То есть почти все молодые жительницы Брайтона и Хоува. И вообще всей страны, — возразила Эмма Джейн Бутвуд.

— Среди них немногим по карману дорогая обувь, которая заводит Туфельщика, — сказала Белла Мой. — По-моему, надо составить список молодых женщин, которые в последнее время покупали в местных магазинах дорогие туфли.

— Отличное предложение, Белла, но время нас поджимает, — заметил Грейс.

— Круг поисков можно сузить, сэр, — сказала Эллен Зоратти. — И связующим звеном послужит тот тип в парике. Пересмотрим еще раз записи, сделанные в обувных магазинах. И особое внимание обратим на молодых женщин, рядом с которыми он крутится.

— Группа слежения отсматривает все записи, сделанные камерами видеонаблюдения в обувных магазинах, но это настоящий кошмар, потому что сейчас везде идут распродажи, — вздохнула Белла Мой. — Я видела некоторые из этих записей. Там толпятся сотни женщин, в том числе и молодые. Трудность в том, что проверять придется сотни и сотни часов записи.

Грейс кивнул.

Голос подала Клер Уэстмор:

— Многие дорогие магазины заносят сведения о постоянных покупателях в свои базы данных. Возможно, в магазине, где следующая потенциальная жертва купила или собирается купить себе туфли, найдется ее имя и адрес.

Грейс задумался.

— Да, попробовать можно. У нас есть список брайтонских магазинов, в которых продается дорогая дизайнерская обувь. — Он глянул в свои записи. — Их двадцать один. Можно обойти эти магазины и выписать фамилии и адреса покупательниц, соответствующих нашему профилю, но, учитывая, как мало у нас народу, задача займет несколько дней. Трудность в том, что такой роскоши мы себе позволить не можем.

— Сэр, а может, подбросить ему приманку? — спросила Эмма Джейн Бутвуд.

— Приманку?

— Послать кого-нибудь из нас по обувным магазинам за покупками.

— Хотите сказать — дать вам денег на дорогие туфли?

Эмма Джейн просияла:

— Считайте меня добровольцем!

Грейс поморщился:

— Молодые женщины и красивые туфли на январских распродажах… Все равно что искать иголку в стоге сена! Понадобится целая толпа приманок, одна из которых, если повезет, окажется в нужном магазине в нужное время. Доктор Праудфут считает, что Туфельщик нанесет следующий удар сегодня вечером или завтра. — Грейс покачал головой. — Мне нравится твое предложение, Эмма Джейн, но, к сожалению, время поджимает. К трем часам дня нам нужно незаметно для граждан оцепить всю Истерн-роуд.

Он посмотрел на часы. Скоро девять. Осталось всего шесть часов. Камеры видеонаблюдения — вещь, конечно, полезная. В городе и сейчас круглосуточно работают сотни таких камер. Но на то, чтобы отсмотреть все записи, физически не хватает людей — к тому же половина записей паршивого качества. Нужна какая-то компьютерная суперпрограмма, которая будет непрерывно отсматривать пленки в автоматическом режиме, но такой программы нет. Есть немного людей и совсем немного времени.

— Сэр, вы ведь расследовали дело об исчезновении Рейчел Райан? — спросила Эллен Зоратти.

Грейс улыбнулся:

— Я расследую его до сих пор. Оно ведь до сих пор не раскрыто. Да, я занимался им двенадцать лет назад. Несколько раз допросил обеих подруг, с которыми она тогда встречала Рождество. Рейчел очень любила дорогую обувь, вот почему я сразу заподозрил, что она тоже стала жертвой Туфельщика. За неделю до своего исчезновения она купила очень дорогие туфли, кажется, в магазине «Расселл и Бромли» на Ист-стрит. — Грейс вздохнул. — Кстати, даже будь у меня время, я бы не стал рассылать по обувным магазинам молодых сотрудниц… По-моему, тот, кого мы ищем, заранее намечает себе жертву.

— Вчера он сильно обломался, — возразил Гленн Брэнсон. — И может не так все точно просчитать, как обычно. Или вообще решит напасть на кого-то наудачу.

— Пока, — вмешался Праудфут, — мы можем лишь надеяться, что после вчерашнего провала он взбешен, а потому следующий удар нанесет второпях, не подготовившись как следует. А началось все с того, что вы потрясли его, когда в интервью «Аргусу» публично усомнились в его мужских достоинствах. С тех пор он и начал совершать ошибки.

— Тогда нам лучше придумать, как снова его потрясти, да посильнее, — ответил Грейс.

87

16 января, пятница

Работа в Гранд-отеле оказалась не такой выгодной, как рассчитывал Даррен Спайсер. Из-за внутренней охранной сигнализации никак не удавалось сделать себе дубликаты ключей для входа в систему, а старший смены с раннего утра и до самого конца рабочего дня не спускал глаз с Даррена и его напарников.

Конечно, трудился он не бесплатно. Меняя старую электропроводку, Спайсер тянул мили и мили проводов в лабиринте подвальных коридоров, где размещались прачечная, кухня, отопительные котлы, аварийные генераторы и склады. Но ведь не для того же он так стремился попасть в отель, чтобы целыми днями таскать тяжеленные катушки и заменять провода, погрызенные мышами!

В «Гранде» двести один номер. Во всех останавливаются богатенькие постояльцы. Они хранят свои ценности и деньги в сейфах… Спайсер пока так и не придумал, как ему попасть к содержимому этих сейфов. Тут главное — не торопиться. На выдержку он вроде бы пока не жаловался. Терпение очень пригождалось и на рыбалке, и когда он околачивался возле какого-нибудь дома, дожидаясь, когда хозяева уйдут.

Но в отеле соблазн оказался слишком велик: ему не терпелось поскорее начать.

В двести одном номере есть двести один сейф. И почти все они загружены: круглый год в «Гранде» занято восемьдесят процентов номеров.

Один сокамерник учил его, как лучше брать сейфы в отелях. Нет, не как их взламывать — в таких уроках Даррен не нуждался, и у него были все необходимые инструменты. Сокамерник давал ему советы, как воровать из сейфов и не попадаться.

Все просто: нельзя жадничать. Брать надо из каждого понемногу. Если увидишь, скажем, двести фунтов наличными или иностранную валюту, бери процентов десять. И всегда только деньги, никаких побрякушек! Иногда так и подмывает прихватить еще и украшения, но из-за них поднимется шум. А из-за двадцатки — нет. А десять раз по двадцать — уже двести. Обходи номера по нескольку раз на дню, и скоро у тебя образуется кругленькая сумма. Даррен подсчитал: так можно получать по штуке в неделю. Пятьдесят штук в год. Да… Заманчиво!

Он дал себе слово, что на этот раз не попадется. Больше за решетку не сядет. Конечно, в тюрьме Льюиса в чем-то даже удобнее, чем в приюте Святого Патрика, но скоро его переведут в отдельный отсек, а попозже, если удастся скопить, он внесет залог за собственное жилье. Начать можно с чего-то скромного. Потом он найдет себе женщину. Если жить экономно, за несколько лет можно накопить на квартиру. А может, и на дом… Ха! Вот какая у него мечта.

В половине седьмого вечера он неспешно брел по Уэстерн-роуд в сторону приюта. Под вечер подморозило; Спайсер шел понурив плечи, сунув руки в карманы спецовки. До осуществления его мечты еще очень далеко.

По пути он заглянул в паб «Норфолкский щит» у Норфолк-сквер и выпил кружку пива с прицепом из виски. Хорошо пошло! Вот еще по чему он скучал, пока мотал срок. По возможности не спеша выпить в пабе. По таким вот простым вещам. Маленьким

удовольствиям. Он купил еще одну кружку пива, вышел на улицу и закурил. Какой-то старик, тоже с пивной кружкой в руке, курил трубку. Старик попытался завязать с ним разговор, но Спайсер не стал отвечать ему. Он думал. На один только отель рассчитывать не стоит, надо и другим заняться… Осмелев от выпитого, он решил: «Почему бы и не сейчас?»

Грабить дома удобнее всего зимой, от четырех до пяти вечера. Уже темно, а хозяева еще на работе. Сейчас уже поздновато. Но в прошлое воскресенье, гуляя по окрестностям и присматриваясь, он нашел в Хоуве одно очень перспективное местечко. В половине седьмого вечера в пятницу там почти наверняка никого нет. Любопытно, любопытно!

Спайсер не сомневался: то место — не пустышка.

Он не спеша допил пиво и докурил сигарету. У него еще масса времени. Он зайдет в приют, возьмет сумку с набором инструментов, купленных или сделанных им собственноручно за много лет. Он успеет и дело сделать, и вернуться в приют к закрытию. Да, точно успеет!

К закрытию… К закрытию… После выпивки в голове зашумело. К закрытию… Закрытие… Крытка…

Спайсер невольно улыбнулся.

— Смешное вспомнил? — спросил старик. — Не хочешь рассказать?

Спайсер покачал головой.

— Не-а, — ответил он. — Не хочу!

88

16 января, пятница

Без четверти семь Рой Грейс сидел в отдельном кабинетике сбоку от общего зала на четвертом этаже главного полицейского управления. Огромное семиэтажное здание стояло на Джон-стрит, совсем рядом с районом Кейптаун и всего в паре сотен шагов от Эдвард-стрит — то есть от того места, где, по прогнозу Джулиуса Праудфута, Туфельщик нанесет следующий удар. Отсюда удобнее всего было координировать действия подчиненных.

За короткий промежуток времени после утренней оперативки суперинтендент успел заручиться поддержкой помощника главного констебля Ригга. Тот нажал на нужные кнопки, и Грейс организовал оцепление, в котором участвовали двадцать сотрудников полиции в штатском. Он надеялся, что завтра число участников операции удастся довести до тридцати пяти человек.

Восемь человек из отдела наружного наблюдения патрулировали улицы квартала — пешком и на машинах. Еще двенадцать человек, в том числе кое-кто из особой следственной группы плюс несколько патрульных и дорожных инспекторов, которых временно прикомандировали к ним, разместились на верхних этажах жилых домов, в стратегически важных пунктах на Эдвард-стрит, Истерн-роуд и в близлежащих переулках. Как бывает в таких случаях, сотрудники полиции следили за улицами из окон квартир — с согласия владельцев.

Перед Грейсом на столе стояли мониторы, на которые передавалось изображение с камер, расположенных во всех ключевых местах. Грейс мог немедленно получить изображение с любой из трехсот пятидесяти камер в центре города, а также увеличить изображение, кадрировать его или повернуть под нужным углом. В этом кабинете во время важных мероприятий, например съездов политических партий, демонстраций или, как сейчас, полицейской операции, обычно сидел тот, кому поручали координировать деятельность по обеспечению безопасности.

Заместитель Грейса, в обычной жизни начальник оперативно-следственного отдела брайтонской полиции, руководил из дежурной части действиями двух своих помощников. Одна из них, женщина в чине инспектора уголовной полиции, сейчас сидела на одной из улиц Брайтона в машине без опознавательных знаков и координировала действия уличных групп слежения. Второй помощник, Рой Аппс, старший инспектор участка на Джон-стрит, принимал сообщения от сотрудников, следящих за улицами из жилых домов. Они сообщали ему по рации обо всем, что привлекло их внимание.

Пока все было спокойно. Грейс радовался, что нет дождя, — многие сотрудники полиции в шутку называют плохую погоду «полицейским душем». Во время сильных ливней преступлений совершается меньше. Ворам, убийцам и прочим злодеям так же не нравится мокнуть под дождем, как и добропорядочным гражданам. Хотя, судя по опыту, Туфельщик питал склонность к небольшому, моросящему дождику.

Приближался к концу час пик; Истерн-роуд постепенно затихала. Грейс не сводил глаз с мониторов. В какой-то момент он позвонил Клио, сказал, что, скорее всего, вернется поздно — пусть она его не ждет. Клио ответила, что устала после вчерашней ночи и сегодня ляжет спать пораньше.

— Постараюсь тебя не разбудить, — сказал Грейс.

— А я как раз хочу, чтобы ты меня разбудил, — ответила Клио. — Хочу знать, что ты дома, живой и невредимый.

— Целую, — попрощался Грейс и вернулся к работе.

Вдруг зазвонил внутренний телефон: это был его заместитель.

— Шеф, — сказал он, — только что поступил сигнал от одной машины; они засекли такси Джона Керриджа. Такси только что повернуло на Олд-Стейне со стороны набережной.

Грейс напрягся, как всегда, когда что-то начиналось.

— Ясно. Предупредите всех.

— Есть, сэр!

Грейс переключил рацию на канал, которым пользовались группы слежения. Как раз вовремя. Он услышал взволнованный голос патрульного сквозь треск радиопомех:

— Объект повернул направо, на Эдвард-стрит!

Через несколько секунд отозвался наблюдательный пункт в конце Джон-стрит:

— Объект проехал мимо, продолжает двигаться на восток. Погодите… останавливается. Сажает пассажира — мужчину.

«Вот поганец! — подумал Грейс. — Неужели он?»

Раз Керридж взял пассажира, значит, он сейчас не охотится за очередной жертвой. И все же странно: он повернул именно на ту улицу, где, по их предположениям, Туфельщик нанесет следующий удар.

Совпадение?

Грейс уже давно не верил в совпадения. К тому же что-то в личности Джона Керриджа беспокоило его. По многолетнему опыту он знал: чудовища вроде Туфельщика на поверку часто оказываются странноватыми одиночками, а Керридж как раз из таких. Да, его пришлось отпустить за недостатком улик, но это не значит, что он — не тот, кто им нужен.

Если я таксист и надеюсь ночью побольше заработать, зачем мне ехать по почти пустынной Истерн-роуд в пятницу вечером? Почему бы, например, не поехать по Сент-Джеймс-стрит, параллельной улице, где всегда полно народу? Или по Норт-стрит, или по Лондон-роуд, или по Уэстерн-роуд?

Грейс позвонил в компанию «Стримлайн», где числился Керридж, представился и спросил, есть ли у Керриджа вызов с Истерн-роуд.

— Да, — ответила девушка-диспетчер.

Грейс поблагодарил ее. Значит, таксист находится здесь по вполне объяснимой причине. И все же в нем нарастало предчувствие беды.

89

16 января, пятница

Несмотря на холод, Спайсер покрылся испариной. Ничем не приметная сумка из супермаркета «Теско», набитая инструментами, весила целую тонну, а прогулка от приюта Святого Патрика до пересечения шоссе и Дэвигдор-роуд далась ему сегодня гораздо тяжелее, чем в воскресенье. Две кружки пива и рюмка виски, которые еще час назад добавляли ему храбрости, сейчас высасывали последние силы.

Впереди слева замаячил высокий жилой дом. Машин на дороге было мало; по пути Спайсер обогнал нескольких прохожих. Справа, на перекрестке, стояли несколько машин; они ждали, пока светофор переключится на зеленый. Спайсер замедлил шаг и тоже стал ждать, когда загорится зеленый свет. На всякий случай. Лучше не рисковать. Вдруг кто-нибудь его запомнит? Никогда не знаешь…

Наконец машины тронулись с места. Он поспешно свернул налево, на крутую улочку, которая вела в гору, пересек автостоянку у парадного входа в жилой комплекс и завернул за угол. Его интересовали крытые гаражи; ряд таких гаражей тонул сейчас в полной темноте. Территорию освещали лишь лучи света из окон верхних этажей.

Спайсер подошел к последнему гаражу слева — тому, что привлек его внимание во время воскресной разведки. Соседние закрывались на примитивные навесные замки. А этот почему-то заперт на четыре массивных врезных замка без ручки — по два с каждой стороны. Зачем делать такие замки на гараже, если не хранишь в нем ценности?

Конечно, может статься, там всего лишь долбаный старинный автомобиль, но у Спайсера есть знакомый дилер, который щедро платит за запчасти с таких машинок: руль, рычаг передачи, фирменные значки, эмблемы с капота и все остальное, что можно свинтить. Но, если повезет, он найдет здесь и еще кое-что. По опыту Спайсер знал: взломщики вроде него сами предпочитают хранить свое добро в неприметных гаражных боксах. Он и сам много лет подряд пользовался таким импровизированным складом. Здесь удобно держать ценные вещи, которые без труда опознают владельцы, до того времени, пока все затихнет. А через годик-другой барахлишко можно и толкнуть…

Он немного постоял в темноте, задрав голову, вглядываясь в окна дома: не маячит ли у какого-нибудь тень. Нет, вроде никого.

Порывшись в сумке, достал нужные инструменты и приступил к первому замку. Вскрыть его удалось меньше чем за минуту. За первым последовали и остальные — с ними тоже не пришлось долго возиться.

Спайсер отошел в тень и быстро огляделся. Потом снова вскинул голову вверх. Все спокойно!

Тогда он поднял навесные ворота — и обмер от изумления. Что это такое?! Во всяком случае, совсем не то, что он ожидал найти!

Дрожа от волнения и страха, он вошел в бокс, опустил ворота и включил карманный фонарик.

— Ах ты, мать твою так и растак! — воскликнул он, когда луч света подтвердил его подозрения.

Перепуганный до смерти, он попятился назад. Мысли в голове путались. Дрожащими руками он снова запер гараж: главное — не оставлять следов. И торопливо убежал в ночь.

90

17января, суббота

«Фейсбук»

Джесси Шелдон

Посмотреть фотографии со мной (128)

У Джесси уже 253 друга в «Фейсбуке»!

«Сегодня Бенедикт познакомится с моими родителями на благотворительном балу! Ох, как я боюсь! Перед балом у меня тренировка по кикбоксингу, так что если вы, мама с папой, обидите моего любимого, берегитесь! И еще… я надену новые туфли „Аня Хайндмарч" на двенадцатисантиметровых шпильках!»

Улыбаясь про себя, он перечитал последнее сообщение Джесси. Какая ты умница, Джесси! На стадионе ты не оправдала моих ожиданий, огорчила меня, но сегодня будешь умницей, правда? Ты закончишь свой кикбоксинг в обычное время, потом пешком пройдешь полмили до своей квартиры на Садли-Плейс, переоденешься в красивое платье и новые туфли — оденешься сногсшибательно и сядешь в машину Бенедикта, которая будет ждать тебя у подъезда. Ты ведь так собираешься поступить? Извини, что нарушаю твои планы…

91

17 января, суббота

Из-за слежки Рой Грейс отменил вчерашнюю вечернюю оперативку, поэтому сегодня, на субботнем утреннем совещании, которое он созвал, как всегда, в восемь тридцать, пришлось выслушивать от подчиненных отчет за целые сутки.

Все работают не жалея сил, а толку мало.

Аналитики Эллен Зоратти и ее напарница продолжают выискивать в центральной базе сексуальных маньяков, чей почерк напоминает Туфельщика. Пока безрезультатно. Сотрудники компьютерного центра тоже не могут пока дать никаких серьезных зацепок.

Ребята из оперативно-следственного отдела успели допросить управляющих и девиц из всех тридцати двух городских борделей, но тоже не выяснили ничего существенного. У нескольких постоянных клиентов пунктик на почве обуви и склонность к фетишизму, но, поскольку журналов регистрации в борделях нет, управляющие всего лишь обещали позвонить, когда подозрительные клиенты объявятся в следующий раз.

Грейс все больше и больше склонялся к мысли: чем бы Туфельщик ни занимался те двенадцать лет, что о нем не было ни слуху ни духу, ему оказалось довольно просто скрывать свои делишки.

Вчерашняя ночь прошла спокойно. В городе тихо, как на кладбище. Похоже, после шумных рождественских и новогодних праздников жители Брайтона отсиживаются по домам, приходят в себя. И такси Джона Керриджа или Ра в районе Истерн-роуд больше не появлялось, хотя его специально отслеживали.

Положительным результатом можно было считать то, что теперь Грейсу выделили тридцать пять человек, о которых он просил. Если сегодня Туфельщик объявится в окрестностях Истерн-роуд, они готовы к встрече.

Доктор Джулиус Праудфут с уверенностью утверждал: объявится.

Едва закончилось совещание, зазвонил внутренний телефон. Гленн Брэнсон в этот момент пробирался к выходу из переполненного конференц-зала. Он спешил перезвонить

Эри. Она звонила ему во время совещания, но он сбросил вызов. Брэнсон знал, что ей нужно: чтобы он на сегодня забрал детей. Как назло! Именно сегодня он не может… Хотя больше всего на свете ему хочется сейчас пообщаться с сыном и дочкой.

Но выйти в коридор он не успел.

— Гленн! Тебя! — крикнул Майкл Форман.

Брэнсон с трудом пробился в толпе выходящих из зала и взял трубку со стола, на который ее положил Форман.

— Сержант уголовной полиции Брэнсон, — представился он.

— А-а-а, да. Ну, здрасте, сержант Брэнсон.

Гленн нахмурился, узнав скрипучий голос.

— Сержант уголовной полиции Брэнсон, — поправил он.

— Говорит Даррен Спайсер. Мы с вами недавно встречались…

— Я тебя помню.

— Слушайте, у меня к вам… можно сказать, щекотливое дельце.

— Выкладывай!

Брэнсону не терпелось закончить разговор и позвонить Эри. Она всегда злилась, когда он сбрасывал ее звонки. А еще ему на адрес Роя Грейса, в чьем доме он сейчас жил, пришло очередное неприятное письмо от ее адвоката. Он нашел письмо вчера ночью, точнее, рано утром, когда наконец дополз до дому. Теперь ему не терпелось обсудить с бывшей женой подробности.

Спайсер натянуто, нерешительно хохотнул.

— Ну, в общем, у меня проблема. Мне нужно кое о чем вас спросить.

— Отлично, спрашивай.

— В общем, понимаете… проблема у меня.

— Я это уже слышал. В чем проблема?

— В общем, типа… я вроде бы… так сказать… кое-что видел, понимаете? То есть… типа, один мой знакомый кое-что увидел, когда… в общем, попал в такое место, где не должен был находиться, ясно? Ну и если этот, типа, знакомый сообщит вам важные сведения, которые вам нужны, вы подадите на него в суд за то, что он оказался там, где не должен был находиться?

— Хочешь сказать, ты находился в таком месте, где не должен был находиться, и что-то там увидел?

— Нет, я не нарушал условия освобождения, ничего такого.

— Может, перейдешь наконец к сути дела?

Спайсер какое-то время молчал, а потом сказал:

— Если я видел кое-что, что поможет вам найти вашего Туфельщика, меня не тронут? Ну, понимаете, не привлекут к ответственности?

— Я один такие вопросы не решаю… О чем ты — хочешь получить награду, что ли?

На том конце линии долго молчали. Потом Спайсер переспросил:

— Чего? Награду?!

— Ну да.

— Какую еще награду? За что?

— За сведения, ведущие к аресту человека, который в четверг напал на миссис Ди Барчмор. О награде объявил ее муж. Пятьдесят тысяч фунтов.

Снова молчание, потом:

— А я и не знал…

— Об этом пока никто не знает, мистер Барчмор позвонил нам только сегодня утром. Мы еще не сообщили новость журналистам, так что у тебя фора. Ну и что ты там собирался мне сказать?

— Я не хочу обратно за решетку. Хочу, понимаете, остаться на свободе, начать новую жизнь, — сказал Спайсер.

— Если ты правда узнал что-то важное, но боишься, звони анонимно в Центр приема криминальных сообщений. А уж они передадут все нам.

— Но если я позвоню анонимно, то не получу награду?

— А знаешь, может, и получишь. Кстати, ты в курсе, что сокрытие важных сведений тоже уголовно наказуемо? — спросил Брэнсон.

В голосе взломщика послышался страх.

— Ну да, ну да, погодите! Я же ведь вам позвонил! Я просто хочу вам помочь.

— Значит, ты у нас альтруист?

— Чего?

— Давай выкладывай, что у тебя там!

— Знаете, я сейчас подброшу вам один адресок… А если вы там что-нибудь найдете, мне дадут награду?

— Хватит ходить вокруг да около! Говори, в чем дело?

92

17 января, суббота

В начале третьего Рой Грейс въехал в ворота большого и довольно старого жилого комплекса «Мандалай-Корт» и обогнул здание сбоку, как ему сказали. Ему не терпелось увидеть то, на что косноязычно намекал Даррен Спайсер.

Снова заморосил мелкий дождь; Грейс включил «дворники». Перед ним стояли в ряд крытые дешевые гаражные боксы, которыми, похоже, уже много лет никто не пользовался. У боксов он увидел три машины. Серебристый служебный «форд-фокус» Гленна Брэнсона — брат-близнец машины, в которой приехал сам Грейс. Маленький синий микроавтобус — наверное, слесаря. И еще один микроавтобус, белый; в нем сидели два добровольца из местного отделения общества содействия полиции. Их пригласили на тот случай, если придется взламывать ворота гаража. Они даже захватили с собой трамбовку. Правда, на памяти Грейса почти ни один замок не мог устоять против неунывающего Джека Танкса, слесаря, который по совместительству служил охранником в Льюисской тюрьме.

Танкс, в синем рабочем комбинезоне, поставив на землю тяжелую сумку с инструментами, деловито осматривал замки.

Прихватив фонарик, Грейс вылез из машины, поздоровался с коллегой и кивнул в сторону гаражного бокса:

— Этот?

— Точно. Номер семнадцать, но цифры уже стерлись. — Брэнсон снова сверился с ордером на обыск, выданным полчаса назад. — Да!

— Чтоб мне провалиться, — сказал Танкс. — Что хозяин здесь хранит? Королевские регалии, что ли?

— Замков многовато, — согласился Грейс.

— Тот, кто их навесил, в замках понимает. Вот увидите, он наверняка укрепил ворота и с той стороны.

Грейс уловил в голосе Танкса уважительные нотки. Танкс отдавал должное чужому профессионализму.

Пока Танкс занимался делом, Грейс растирал замерзшие пальцы.

— Что удалось узнать о владельце гаража? — спросил он у Брэнсона.

— Пока ничего. Сейчас два констебля обходят жильцов — может, кто знает владельца или нанимателя. Если ничего не выясним, наведаемся на сайт земельно-кадастрового управления.

Грейс кивнул, вытер нос платком. Он надеялся, что не простудился, — особенно не хочется заражать беременную Клио.

— Проверил, сюда нельзя заехать с другой стороны?

Брэнсон, в длинном дождевике кремового цвета с поясом, эполетами и в коричневых блестящих кожаных перчатках, досадливо помотал головой:

— Понимаю, что я не самый умный, старичок, но… да, я все проверил.

Грейс ухмыльнулся и все же обошел гараж с другой стороны, чтобы убедиться во всем лично. Бокс довольно внушительный, но ни окон, ни второго выхода нет. Вернувшись к Брэнсону, спросил:

— Что слышно от Эри?

— Видел фильм «Война роз»?

Грейс задумался.

— С Майклом Дугласом?

— В точку. И еще с Кэтлин Тернер и Дэнни де Вито. У них все разбилось вдребезги. У нас почти то же самое — только хуже.

— Жаль, что я тебе ничего не могу посоветовать, напарник, — сказал Грейс.

— Зато я тебе могу дать совет, — ответил Брэнсон. — Не женись! Лучше сразу найди женщину, которая тебя ненавидит, и отдай ей дом, детей и половину твоих доходов.

Слесарь объявил, что закончил, и подергал ворота, чтобы показать, что они открываются.

— Кто из вас первым туда войдет? — спросил он и отошел подальше, как будто боялся, что из гаража вот-вот выпрыгнет чудовище.

Брэнсон глубоко вздохнул и потянул ворота вверх. Они оказались гораздо тяжелее, чем ему казалось. Танкс был прав: изнутри их укрепили стальными листами.

Когда ворота поднялись вверх, все нетерпеливо заглянули внутрь бокса.

В гараже было пусто.

В полутьме они различили лишь неровное темное пятно напротив входа. Похоже, раньше здесь стояла машина, из которой вытекал бензин. Рой Грейс потянул носом и ощутил слабый запах — такой бывает на автостоянке, где стоят перегретые машины. У стены справа находился высокий, от пола до потолка, деревянный стеллаж. Напротив сиротливо притулилась старая покрышка. Над ней на крючках висели несколько гаечных ключей и старый столярный молоток. А больше ничего.

Гленн мрачно уставился в темноту:

— Он что, издевается над нами?

Грейс ничего не ответил; он водил лучом фонарика по стенам и потолку.

— Я этому проклятому Спайсеру башку снесу! — прошипел Гленн.

И вдруг оба замерли, заметив на полу два плоских белых прямоугольника. Грейс надел резиновые перчатки, опустился на колени, взял в руки один из них.

Он увидел передний регистрационный знак машины: черные буквы на белом светоотражательном фоне.

Он сразу узнал номер. Копия номера того микроавтобуса, который уехал с автостоянки Гранд-отеля вечером в четверг. За его рулем почти наверняка сидел Туфельщик!

Второй прямоугольник оказался задним регистрационным знаком.

Неужели они нашли логово Туфельщика?!

Грейс подошел к стеллажу. На одной из полок лежали в ряд рулоны липкой ленты. Остальные полки были пустыми.

Гленн Брэнсон шагнул к левой стене. Грейс его остановил:

— Не шляйся тут, напарник. Давай осторожненько выйдем, чтобы не наследить. Сейчас вызову бригаду криминалистов.

Он внимательно оглядывался, о чем-то размышляя.

— По-твоему, Спайсер увидел здесь именно это? Номерные знаки?

— По-моему, Спайсеру ума не хватит запомнить номерные знаки… Нет, он наверняка видел что-то еще.

— Например?

— Он отказывается говорить. Требует, чтобы мы гарантировали ему неприкосновенность. Хотя бы ворота за собой запер — молодец! Не ожидал от него, если честно…

— Я поговорю с помощником главного констебля, — сказал Грейс, направляясь к выходу. — Мы должны знать, что он увидел. И что могло здесь быть такого, чего сейчас здесь нет.

— Намекаешь на то, что он отсюда что-то свистнул?

— Нет. — Грейс покачал головой. — Вряд ли Спайсер что-то отсюда свистнул. По-моему, он увидел здесь белый микроавтобус. Последние несколько часов в боксе явно работал мотор — чувствуешь, как пахнет? Если микроавтобус уехал, то куда он подевался? И что еще важнее, почему он вдруг уехал? Езжай к Спайсеру, поговори с ним. Нажми на него, если надо. Скажи, если он хочет получить награду, то должен рассказать, что видел, а иначе пусть даже не надеется.

— Он боится, что его опять засадят за взлом.

Грейс смерил друга многозначительным взглядом:

— Пусть соврет, скажет, что ворота были подняты… Лично меня его делишки не волнуют!

Брэнсон кивнул:

— Ладно, поеду поговорю с ним. Я только вот о чем подумал… Если сюда нагрянут эксперты, а в это время вернется Туфельщик и увидит их, он подастся в бега. Может, лучше установим за гаражом скрытое наблюдение? Пусть Танкс снова запрет гараж — нельзя, чтобы Туфельщик догадался, что мы здесь побывали!

— Если только он уже не догадался и сейчас не следит за нами, — возразил Грейс.

Брэнсон огляделся и настороженно поднял голову:

— Да, если…

* * *

Через двадцать минут Грейс вернулся в здание главного полицейского управления на Джон-стрит и приказал своим заместителям и помощникам отслеживать белые

микроавтобусы марки «форд-транзит» в окрестностях Истерн-роуд. То же самое он передал по рации экипажам всех патрульных машин.

Двенадцать лет назад, судя по всему, Туфельщик тоже ездил на белом микроавтобусе. Предположение Праудфута о шаблоне оправдывалось.

Может, поэтому из дела вырвали именно те конкретные страницы? Протокол допроса свидетеля, видевшего, как женщину затаскивали в белый микроавтобус? А может, на тех страницах содержатся важные сведения о поведении преступника? О его почерке? Особые приметы микроавтобуса?

С той самой минуты, когда Грейс очутился перед гаражным боксом, его неотступно грыз вопрос. Если Туфельщик убрал важную улику из бокса, зачем запер ворота на все четыре замка? Ведь красть там нечего, кроме двух бесполезных номерных знаков…

В самом деле, бессмыслица какая-то!

93

17 января, суббота

Больше пьяных пассажиров Ра терпеть не мог только наркоманов под кайфом. У девчонки, которая плюхнулась на заднее сиденье, прямо крышу срывало.

Она болтала и болтала без умолку. С тех пор, как он подобрал ее по указанному адресу — недалеко от пляжа в Лэнсинге, — она безостановочно тараторила. И трясла длинными патлами, выкрашенными в цвет кетчупа и горохового супа. Девчонка несла какую-то чушь, и туфли на ней были дрянные. От нее воняло сигаретами и духами «Дольче-Габбана Фам», и выглядела она отвратно. Как кукла Барби, которая повалялась в помойке.

Девчонка вообще ничего не соображала; если бы Ра повез ее на Луну, она бы и то, наверное, не заметила. Правда, как попасть на Луну, Ра не знал. Еще не придумал.

— Прямо беда, — тараторила девчонка, — здесь все только и норовят ободрать тебя до последнего гроша! А все потому, что я люблю хороший товар. Говорю: давайте высший сорт! А мне впаривают дерьмо — да, дерьмо! С тобой так бывало?

Ра не знал, к кому она обращается — к собеседнику в мобильном телефоне или к нему. Она почти всю дорогу болтала по мобильнику. Поэтому он продолжал ехать молча. Он то и дело косился на часы и все больше тревожился. Девицу надо было отвезти в Кемптаун; после того как он ее высадит, тут же где-нибудь припаркуется, отключит рацию и ровно в семь выпьет чаю.

— Ну так что? — спросила девица. — С тобой так бывало?

Она ткнула его в спину. Ра это не понравилось. Он не любил, когда пассажиры его трогали. Неделю назад один пьяный пассажир все время хохотал и хлопал его по плечу. Ра ужасно захотелось врезать ему по морде тяжелым куском трубы, лежащим в багажнике.

Интересно, что скажет девица, если он ей сейчас врежет куском трубы? Ему ничего не стоит остановиться, выйти из машины и достать трубу из багажника. Может быть, она вообще ничего не заметит и по-прежнему будет болтать, даже после того, как он ее ударит. Он видел однажды такое в фильме по телевизору.

Девица снова ткнула его в спину:

— Ну так что? С тобой так бывало?

— Что бывало?

— Мать твою, да ты меня не слушал! Типа того, что… ну ладно. Не важно! У тебя хоть музон есть?

— Четвертый размер? — спросил Ра.

— Какой еще четвертый размер?!

— Ноги. У вас туфли четвертого номера.

— А ты, наверное, когда не за рулем, в обувной мастерской подрабатываешь?

Туфли у нее были просто ужас. Подделка под леопардовую кожу, на плоской подошве, потертые по краям. Ра подумал, что такую он вполне мог бы убить. Да, убить! Легко! Многие пассажиры ему не нравились. Но девица оказалась первой, кого ему на полном серьезе захотелось убить.

Нет, лучше, наверное, не стоит. Если убьешь человека и тебя поймают, жди крупных неприятностей. Ра смотрел сериалы «Место преступления», «Живые мертвецы» и другие. Там показывали, как работают эксперты-криминалисты. Телесериалы очень полезные. Из них можно многое узнать. Например, как убить дуру вроде этой девицы — с идиотскими патлами, идиотскими черными ногтями и в идиотской ярко-алой маечке, из которой вываливается грудь.

У Брайтонского пирса он повернул налево и покатил к Олд-Стейне. Пассажирка вдруг замолчала.

Ра подумал: может, она прочитала его мысли?

94

17 января, суббота

Рой Грейс сидел в своем временном кабинете в главном управлении и без всякого аппетита поглощал скользкую, остывшую лапшу по-тайски с курицей и креветками — какая-то добрая душа принесла ему поесть. Если бы он не проголодался как волк, то непременно выкинул бы холодную лапшу в мусор. Но последний раз он ел утром — позавтракал овсянкой. Нужно подзарядить аккумуляторы…

Никто не объявлялся в гаражном боксе за жилым комплексом «Мандалай-Корт». Грейс неотступно думал о нем. Зачем там столько замков на воротах? Помощник главного констебля Ригг не возражал против того, чтобы не привлекать Даррена Спайсера к уголовной ответственности за взлом, если тот расскажет, что увидел в гараже. К сожалению, Спайсер как сквозь землю провалился. Брэнсону никак не удавалось его найти. Грейс надеялся, что серийный насильник не играет с ними чудовищную шутку.

Он машинально тыкал одноразовой вилкой в контейнер из фольги, глядя в стоящий перед ним монитор с картой города. Карта была поделена сеткой на участки. Все патрульные машины и каждого из тридцати пяти участников операции оцепления снабдили ретрансляторами. Грейс мог отслеживать положение каждого из них. Он по очереди осмотрел все наблюдательные пункты и стал изучать записи камер видеонаблюдения. Ночью изображение передавалось с такой же четкостью, как и днем. Сегодня в городе явно оживленнее. Возможно, в субботу горожанам захотелось повеселиться.

Вдруг его рация ожила, и взволнованный голос произнес:

— Объект-один замечен! Поворачивает направо на Эдвард-стрит!

Объектом-один они называли между собой Джона Керриджа. Объектом-два и дальше назывались все белые микроавтобусы или пешеходы, возбуждавшие подозрение.

Проглотив недожеванную креветку, Грейс нетерпеливо отпихнул контейнер с лапшой и увеличил картинку с перекрестка Эдвард-стрит и Олд-Стейне. Он увидел такси — «пежо» с кузовом универсал, бирюзово-белого цвета. Такси въехало в кадр и помчалось по дороге.

— Одна пассажирка. Женщина. Он движется в восточном направлении! — услышал Грейс.

Через несколько секунд вторая машина «пежо» проехала в том же направлении. Экипаж номер четыре следовал за Ра.

Грейс приблизил картинку со следующей камеры. Такси Джона Керриджа проехало перекресток с Эгремон-Плейс. После Эгремон-Плейс Эдвард-стрит плавно перетекала в Истерн-роуд.

Почти в точности то же самое, что и вчера ночью, подумал Грейс. Но сегодня он чувствовал себя по-другому — хотя и не мог объяснить почему. И тревога его не отпускала. Не слишком ли он полагается на суждения Праудфута?

Он позвонил своему заместителю.

— Выяснили в таксомоторном парке, куда Керридж везет пассажирку?

— Нет, шеф. Не хочу его спугнуть. Диспетчер может ему проболтаться… Пока он в этом районе, будем за ним следить. Машин у нас хватает.

— Ладно!

В рации послышался еще один взволнованный голос, заглушаемый треском:

— Он поворачивает направо… как называется эта улица… на Монтэгю, по-моему. Да, на Монтэгю! Останавливается! Открывается задняя дверца! Женщина выходит из машины! О господи! Она бежит!

95

17 января, суббота

Он специально приехал пораньше, чтобы успеть занять свободное место на платной стоянке рядом с ее домом. Она непременно пройдет мимо него, когда будет возвращаться с тренировки по кикбоксингу.

Но когда он добрался до стоянки, она оказалась заполнена. Поэтому пришлось долго ждать в тупичке в конце переулка.

Переулки, отходящие от Истерн-роуд, застроены еще в Викторианскую эпоху трех-четырехэтажными домами с общей стеной. В этом квартале любят селиться студенты, холостяки обоих полов и геи. Рядом с некоторыми домами — объявления о продаже или сдаче внаем. По обе стороны дороги припаркованные машины — в основном неброские малолитражки или универсалы.

Пришлось ждать больше часа, до половины четвертого. Он вздохнул с облегчением, когда со стоянки наконец выехал старый ржавый «лендкрузер». Теперь ему хватит места! Стоянка всего в тридцати шагах от крыльца голубого дома с эркерами, на верхнем этаже которого находится квартира Джесси Шелдон. Сегодня боги ему улыбаются!

Все замечательно. Он опустил в паркомат побольше монет — до половины седьмого. Ночью стоянка превращается в бесплатную. Сейчас как раз миновало полседьмого.

Час десять минут назад Джесси вышла из двери своего дома в спортивном костюме и кроссовках. Она направлялась на тренировку по кикбоксингу, куда ходила каждую субботу. Можно было бы схватить ее еще тогда, но на улице было довольно светло и много прохожих.

А сейчас уже стемнело, и на улице ни души.

Он знал, что Джесси должна спешить домой. Она ведь сама растрезвонила на весь свет, что должна переодеться в платье и туфли и скорее познакомить своего Бенедикта с родителями.

Как она там написала на «Фейсбуке»? «Я о-о-о-очень волнуюсь! А вдруг он им не понравится?»

Еще она добавила, что «о-о-о-очень взволнована» из-за новых туфелек «Аня Хайндмарч»!

Он тоже был «о-о-о-очень взволнован» из-за туфель «Аня Хайндмарч», которые он тоже купил. Туфли лежали на полу у него за спиной и ждали ее! И он тоже «о-о-о-очень боялся». Но страх был сладким — он приятно волновал и покалывал.

Где-то ты сегодня, суперинтендент уголовной полиции Рой Грейс — огромный член?

Где угодно, только не здесь! У тебя опять нет ни одной зацепки! Как тогда!

Он специально припарковался так, чтобы наблюдать за ее приближением через щель между шторками на задней дверце. Сказать по правде, вешать шторки было не обязательно, потому что на задние и боковые стекла он наклеил плотную тонированную пленку. Увидеть что-либо в его доме на колесах снаружи невозможно даже при свете дня. Разумеется, фанаты классических туристских кемперов «фольксваген» не похвалят его за такое нововведение, как тонированные стекла. Пошли они куда подальше!

Он посмотрел на часы, надел резиновые перчатки, бейсболку и приставил к глазам бинокль ночного видения. Она появится из-за угла в любую минуту — будет идти или, скорее, бежать. От угла до ее дома двести ярдов. Если она побежит, у него двадцать секунд; если пойдет шагом, времени немного больше.

Сейчас самое главное, чтобы она возвращалась с тренировки одна и чтобы на улице по-прежнему никого не было.

Если же что-то пойдет не так, как он задумал, у него остается запасной вариант: войти за ней в дом и схватить ее там. Правда, тогда будет труднее выволочь ее на улицу и без лишнего шума затолкать в дом на колесах. Хотя для него нет ничего невозможного; он заранее все продумал.

В очередной раз проверяя, все ли в порядке, он дрожал от возбуждения. Сердце колотилось часто-часто. Он открыл боковую дверцу, схватил фальшивый холодильник, который сколотил из фанеры и покрасил, и сел на корточки. Снял бейсболку, надел на голову маску, а сверху снова нахлобучил бейсболку — пониже, так, чтобы издали маски не было заметно. Бросил взгляд на туфли, которые лежали на полу. Очень похожи на те, что купила Джесси Шелдон!

У него все готово. После прокола в четверг он подготовился тщательнее — как обычно. Он не сомневался в том, что предусмотрел все.

96

17 января, суббота

— Эй! — в бешенстве вскричал он. — Эй! Эй!

Невероятно! Она сбегает не заплатив! Он вез ее из самого Лэнсинга, наездил на двадцать четыре фунта, привез по адресу, который она ему продиктовала, а она открыла заднюю дверцу — и ноги!

Ну ничего, с ним этот номер не пройдет!

Он рывком отстегнул ремень, распахнул дверцу и, спотыкаясь, трясясь от злости, выбрался из машины. Не заглушив мотор и не захлопнув дверцу, он погнался за девицей, стремительно исчезающей вдали.

Она неслась по мостовой, вниз под горку, потом повернула налево. Он понял, куда она спешит: на оживленную, ярко освещенную Сент-Джордж-роуд, где полно людей, магазинов и ресторанов. Расталкивая прохожих, он гнался за ней. Расстояние между ними стремительно сокращалось. Пассажирка обернулась через плечо и вдруг метнулась через дорогу, едва не попав под автобус. Возмущенный водитель нажал на клаксон. Ни на кого не обращая

внимания, Ра бежал за ней. Некоторое время он бежал по мостовой, следом за автобусом. Ехавшая сзади машина резко затормозила.

Он ее догоняет!

Жаль, что он не прихватил с собой кусок стальной трубы из багажника. Сейчас ударил бы подлую, повалил на землю!

Между ними осталось несколько шагов.

В одной из многих школ, где он учился, его заставляли играть в регби — игру, которую он ненавидел. Но он был неплохим полузащитником и отлично ставил подножки. Скоро его отстранили от игры: сказали, что он травмирует других мальчиков и пугает их.

Пробегая под уличным фонарем, патлатая девица снова покосилась на него через плечо; он заметил в ее глазах страх.

Они стремительно приближались к ярко освещенному Приморскому параду. Он ничего вокруг не замечал. И очень удивился, когда вдруг неизвестно откуда появились двое мужчин в джинсах и куртках с капюшонами. Его волновало только одно: его деньги.

Двадцать четыре фунта.

Она от него не уйдет!

Он уже ближе!

Совсем близко!

Одним прыжком он подскочил к девице и схватил ее за плечо. Услышал, как она кричит от страха.

И вдруг его обхватили сзади за талию железной хваткой — как будто клещами стиснули. Он полетел ничком на тротуар; что-то ударило его по спине, и из него как будто выпустили весь воздух.

Потом ему заломили руки за спину. Запястья обхватило что-то холодное, металлическое. Он услышал два сухих щелчка — щелк, щелк!

Его грубо вздернули на ноги. Лицо саднило, болело все тело.

Его окружили трое мужчин в куртках и джинсах; все тяжело дышали. Один продолжал больно выкручивать ему руку.

— Джон Керридж, — сказал он, — вы арестованы по подозрению в сексуальном нападении и изнасиловании. Вы имеете право хранить молчание, но, возможно, ваши показания облегчат вам защиту на суде. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас… Вы меня понимаете?

97

17 января, суббота

И вдруг он увидел ее. Она вышла из-за угла, вернее, выбежала трусцой; ее стройная фигурка зеленела в объективе ночного видения на сером ночном фоне.

Наконец-то! Сердце почему-то стиснул холодный страх. Он быстро огляделся по сторонам. Никого — если не считать стремительно приближающейся Джесси.

Он отодвинул боковую дверцу, обеими руками схватил фальшивый холодильник и, спотыкаясь, шагнул на тротуар. Громко вскрикнул, словно от боли:

— Ох, спина, моя спина! Господи, помогите мне!

Джесси остановилась, заметив странную фигуру в куртке, джинсах и бейсболке, стоящую к ней спиной. Человек вытаскивал холодильник из дома на колесах…

— О господи! — снова воскликнул он.

— Вам помочь? — спросила Джесси.

— Пожалуйста, скорее! Не могу удержать!

Она поспешила к нему на помощь. Дотронувшись до холодильника, невольно удивилась. Вместо металла почувствовала деревяшку.

И тут кто-то грубо толкнул ее сзади. Она упала ничком на пол кемпера, ударившись головой о какой-то выступ. Встать она не могла — на спину взвалили что-то тяжелое. К носу прижали тряпку, которая пахла резко и сладковато. От этого запаха сразу заслезились глаза и запершило в горле.

Ее охватил ужас.

Джесси пыталась сообразить, что делать. Она начала заниматься кикбоксингом сравнительно недавно, считалась еще новичком, но главное правило усвоить успела: «Прежде чем бить, сгруппируйся». Если просто лягнуть ногой, удар выйдет несильный. Перед тем как наносить удар, нужно чуть согнуть колени, сгруппироваться — и уже потом бить. Слезы градом катились из глаз. Джесси закашлялась, стараясь не вдыхать ядовитые испарения. Предательски закружилась голова. Она согнула руки в локтях, прижала их к корпусу, перекатилась на бок. Перед глазами все расплывалось в огромное пятно. В отчаянной попытке освободиться Джесси согнула ноги в коленях и резко распрямила их, стараясь нанести удар посильнее.

Удар попал в цель. Она услышала крик. Что-то с глухим стуком упало на пол. Она нанесла еще один удар, извернулась, освободив голову от захвата. На нее накатила слабость. К лицу снова прижалась тряпка — мокрая, со сладковатым резким запахом. Глаза застилали слезы. Джесси снова перекатилась на бок, освободилась от тряпки, согнула колени и еще раз ударила. Ее затошнило.

С силой захлопнулась раздвижная боковая дверца. Джесси попыталась встать. На нее сверху вниз смотрела голова в черной маске с прорезями для глаз. Она открыла рот, собираясь закричать, но голос пропал. С губ не слетело ни звука. Черная маска начала расплываться. Джесси силилась понять, что происходит, но голова кружилась. Ее затошнило сильнее; все вокруг поплыло.

Ноздри снова заполнил тошнотворно-сладковатый резкий запах.

Силы оставили Джесси. Ее окутала темнота. Она падала во мрак, крутясь все быстрее. Падала в пустоту.

98

17 января, суббота

В управлении царило почти праздничное настроение. Грейс распустил сотрудников, которые участвовали в слежке, — пусть выспятся. Впрочем, сам он не разделял радости подчиненных. У него впереди еще очень много дел, и домой он попадет не скоро.

Ему по-прежнему не давал покоя странный тип Джон Керридж, или Ра. Уж слишком быстро его освободили, даже не допросив как следует! Слава богу, мерзавца успели схватить до того, как он успел изнасиловать очередную жертву. Хороши бы они были, если бы упустили его!

Грейс ругал себя за то, что не провел сам первый допрос Керриджа, а уступил эту честь Норману Поттингу. Кроме того, он не возражал, когда Поттинг сообщил ему, что Керриджа придется выпустить. Во второй раз он такой ошибки не допустит. Сам допросит подозреваемого. К допросу необходимо тщательно подготовиться…

Обдумывая свою стратегию, он вышел из управления и отправился в Суссекс-Хаус, точнее, в Центр предварительного заключения, расположенный напротив, куда доставили

задержанного Керриджа. По пути Грейс то и дело поглядывал на свой телефон. Он в любую минуту ждал звонка от Кевина Спинеллы из «Аргуса».

В начале восьмого он поставил свой «форд-фокус» на служебной стоянке перед длинным трехэтажным строением штаб-квартиры уголовной полиции. Тут же позвонил Клио и предупредил, что, если повезет, приедет домой раньше, чем предполагал, во всяком случае до полуночи.

Телефон заверещал, когда он вылезал из машины. Но звонил ему не Спинелла, а дежурный инспектор по городу Роб Лит, отличавшийся отменной выдержкой и очень способный.

— Сэр, возможно, вас это заинтересует. Мне только что сообщили о пожаре. Туда выехала опергруппа. На отдаленной ферме возле Патчема горит микроавтобус…

Грейс нахмурился:

— Подробности есть?

— Похоже, пожар начался уже довольно давно; микроавтобус здорово обгорел. Вместе с нашими едет скорая и пожарные. А вам я звоню вот почему. Горящий микроавтобус марки «форд» белого цвета… Он похож на тот, чьи приметы нам сообщили.

Рою Грейсу стало не по себе.

— Жертвы есть?

— Нет… Судя по всему, в микроавтобусе никого нет.

— Возле места происшествия никого не видели?

— Нет.

— Что с номерными знаками?

— Мне доложили, что они обгорели до неузнаваемости.

— Ладно, спасибо, — сказал Грейс. — Подозреваемый сидит под стражей. Возможно, ваш микроавтобус и ни при чем, но на всякий случай держите меня в курсе.

— Хорошо, сэр.

Грейс нажал отбой и вошел в здание Суссекс-Хаус, кивнув в знак приветствия охраннику из ночной смены.

Высокий, атлетически сложенный сорокалетний охранник горделиво улыбнулся:

— В выходные пробежал полумарафон! Пришел пятнадцатым из семисот участников.

— Молодец!

— Готовлюсь к Лондонскому марафону. Надеюсь, сэр, к вам можно будет обратиться за финансовой поддержкой — сбор пойдет в пользу хосписа Святого Уилфрида.

— Конечно!

Грейс вышел во внутренний двор, где стояли мусорные контейнеры и микроавтобусы экспертно-криминалистической службы. Поднялся по крутому пандусу в Центр предварительного заключения, приложил электронный пропуск к панели кодового замка. Заверещал телефон. В трубке снова раздался голос инспектора Роба Лита:

— Это опять я. Я знаю, что Туфельщика вроде арестовали, но мы только что выслали опергруппу в Кейптаун, на Садли-Плейс. Похоже на первую категорию…

Район, где находится Садли-Плейс, Грейс отлично знал. Это совсем недалеко от Истерн-роуд. Интонации Лита его встревожили. Но то, что дежурный сказал дальше, встревожило еще больше.

— Одна местная жительница посмотрела в окно и увидела, как женщина и мужчина дерутся из-за холодильника.

— Из-за холодильника?!

— По ее словам, холодильник вытаскивали из микроавтобуса, а может, туристского кемпера — она не очень хорошо разбирается в машинах. В общем, свидетельница утверждает, что мужчина ударил женщину и уехал на большой скорости.

— Вместе с женщиной?

— Да.

— Когда?

— Минут тридцать пять назад — около половины седьмого.

— Сейчас он может оказаться где угодно. Она запомнила номерные знаки?

— Нет. В общем, у нас подозрение на похищение человека. На всякий случай я огородил место происшествия — проезжую часть и тротуар. И передал в транспортный отдел, чтобы досматривали все микроавтобусы и дома на колесах. Попозже проверим записи камер видеонаблюдения.

— Хорошо, хотя я не совсем уверен, что дело имеет отношение к нам. Предполагаемый Туфельщик сидит в камере предварительного заключения. Сейчас я как раз к нему иду.

— Я решил, что это может оказаться для вас важным, потому что… — Лит помолчал. — Мои сотрудники нашли на тротуаре женскую туфлю!

— Как она выглядит?

— Похоже, совсем новая… Черная, кожаная, лаковая, на шпильке. По словам свидетельницы, туфля выпала из микроавтобуса, в котором уехали мужчина и женщина.

У Грейса засосало под ложечкой. В голове все смешалось. Они ведь взяли Туфельщика! Сейчас Джона Керриджа как раз обыскивают…

Но горящий микроавтобус ему очень не понравился.

А последнее происшествие понравилось еще меньше.

99

17 января, суббота

Данстен Кристмас вошел в зал мониторинга компании «Суссекский дистанционный контроль», плюхнулся всей тушей в кресло и включил датчик. Сейчас половина седьмого вечера. Черт! Придется ждать еще полтора часа, прежде чем ему позволят отлучиться на пять минут в туалет.

Он должен был выходить в ночную смену только через две недели, но согласился подменить заболевшего сотрудника, потому что ему нужны были сверхурочные. Время сейчас даже не ползло; оно, похоже, вовсе остановилось. Может, даже пятилось назад, как в научно-фантастическом фильме, который он недавно смотрел по каналу «Скай». Ночь впереди длинная.

Подбадривала лишь мысль о том, сколько он за сегодня заработает. Пусть мистер Старлинг и странный босс, но платит он хорошо. Здешняя зарплата очень приличная; гораздо больше, чем на предыдущей работе, в аэропорту Гатуик, где он досматривал багаж пассажиров.

Данстен нагнулся вперед, достал пригоршню чипсов из большой упаковки «Дорито», похрустел, запил кока-колой из двухлитровой бутыли и рыгнул. Пробегая, как положено, взглядом по всем двадцати мониторам, он держал руку рядом с кнопкой микрофона: вдруг удастся засечь какого-нибудь домушника? Тут он заметил, что на мониторе номер семнадцать, который был отключен, когда он заступал на смену, по-прежнему нет картинки. Изображение на семнадцатый монитор подавалось как раз со старого цементного завода, где когда-то работал его отец.

Он передвинул тумблер на панели управления, переключаясь с одной камеры на другую: всего на заводе их установлено двадцать шесть, наверное, какая-нибудь вышла из строя. Но монитор не ожил. Кристмас снял трубку и позвонил механику ночной смены.

— Привет, Рей. Это Данстен из второго зала. У меня с начала смены не работает семнадцатый монитор.

— Все в порядке, — ответил механик. — Его отключили по распоряжению мистера Старлинга. Клиент просрочил платеж. Уже четыре месяца не переводит деньги. Вот мистер Старлинг и приостановил обслуживание. Так что не волнуйся.

— Ясно, спасибо, — ответил Данстен Кристмас. — Значит, не буду волноваться.

Он взял еще горсть чипсов.

100

17 января, суббота

Джесси очнулась от ужасной боли. Голову как будто зажали в тисках. От боли и растерянности она не сразу сообразила, где находится.

В комнате Бенедикта?

Ее по-прежнему тошнило; кружилась голова. Что случилось вчера ночью? Что случилось на благотворительном ужине? Она что, напилась?

Ее трясло. Внизу, под ней, что-то посвистывало. И еще слышался ровный гул мотора. Может, она в самолете?

Затошнило сильнее. Она поняла, что ее вот-вот вырвет.

Еще один толчок — и еще один. Рядом слышались равномерные гулкие удары — похоже, хлопает незакрытая дверца. Джесси стало страшно. С ней случилось что-то ужасное. В голове постепенно прояснялось. Она с трудом вспоминала, что произошло.

Она не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Страх усилился. Она лежала лицом вниз на чем-то жестком, ее то и дело трясло и подбрасывало. Нос заложило, было трудно дышать. Она отчаянно пыталась вдохнуть через рот, но рот был чем-то заткнут, и воздух едва попадал в легкие. Она попробовала закричать, но услышала лишь слабый стон, который вибрировал внутри головы и во рту.

Дрожа всем телом, она изо всех сил старалась вдохнуть. Ничего не получалось! Джесси извивалась, стонала, перевернулась на бок, затем на спину и, почти теряя сознание, тянула, тянула, тянула носом, стараясь вдохнуть хоть немного воздуха. Через несколько секунд лежания на спине нос немного разложило, и она сумела сделать вдох, потом еще один и еще. После нескольких глубоких вдохов, чуточку успокоившись, она попыталась снова крикнуть. Но звуки из ее рта не вылетали.

На секунду справа зажглись яркие огни, она увидела крышу машины, и ее снова окружила тьма.

При очередной вспышке света она разглядела на водительском сиденье сгорбленную фигуру, точнее, плечи и бейсболку. Огни мелькнули и пронеслись мимо, почти сразу фигуру осветили другие огни. Джесси догадалась: это фары встречных машин.

На долю секунды она разглядела его голову в зеркальце и обмерла от ужаса. Лицо похитителя по-прежнему закрывала черная маска с прорезями.

Он смотрел на нее.

— Лежи спокойно и наслаждайся поездкой! — тихим, вкрадчивым голосом приказал он.

Джесси попробовала ответить, попыталась шевельнуть руками. Руки оказались связаны у нее за спиной — чем-то туго стянуты локти и запястья. Она попробовала шевельнуть ногами, но они тоже оказались связаны в коленях и лодыжках.

Который сейчас час? Сколько времени она здесь пробыла? Сколько времени прошло с тех пор, как…

Сейчас она должна быть на благотворительном ужине! Там Бенедикт познакомится с ее родителями. Бенедикт собирался заехать за ней на машине. О чем он, интересно, сейчас думает? Что делает? Может, стоит на пороге ее квартиры и звонит в дверь? Звонит ей по телефону? Когда ее передвижную тюрьму снова осветили лучи фар, Джесси увидела интерьер, напоминающий походную кухню. У одного шкафчика то и дело хлопала дверца. Машина замедлила ход.

Куда они едут?

Вдруг сзади завыла сирена. Сначала едва слышно, потом все громче и громче. Вот сирена совсем рядом… Оглушительно воет! Джесси приободрилась. Да! Бенедикт приехал за ней, понял, что ее нет дома, и вызвал полицию! Они уже рядом! Она спасена. Ох, слава богу, слава богу!

В окошках замелькали проблески синего — как будто от разбитой люстры. Пронзительно завывала сирена. Но еще через миг синие огни пропали. Джесси услышала, как сирена стихает вдали.

Нет же, идиоты, нет, нет, нет, нет! Пожалуйста, вернитесь! Пожалуйста, вернитесь!

Когда микроавтобус резко повернул направо, ее бросило влево. Еще два сильных, мощных толчка, и они остановились. Джесси услышала скрежет рычага ручного тормоза.

Пожалуйста, вернитесь!

Она зажмурилась, когда в глаза ей ударил яркий луч фонарика.

— Почти приехали! — сказал мужчина.

Ей удалось разглядеть лишь его глаза в прорезях маски. Она попробовала заговорить с ним, спросить: «Кто вы такой? Что вам нужно? Куда вы меня везете?» Но сумела издать лишь слабый стон.

Распахнулась водительская дверца. Мотор работал на холостых оборотах. Потом она услышала металлический лязг и скрежет — как будто скрипели ржавые петли и цепи. Что он делает? Открывает ворота?

До слуха донесся знакомый звук: тихая вибрация. В ней вспыхнула надежда. Ее мобильник! На время тренировки она перевела его в режим виброзвонка. Похоже, звук доносится откуда-то спереди. Может, телефон лежит на пассажирском сиденье?

Интересно, кто ей звонит? Наверное, Бенедикт… Он не может понять, куда она пропала! Через четыре гудка телефон переключился на автоответчик.

Ее похититель запрыгнул в кабину, проехал немного вперед, вышел, снова не заглушив мотор. Повторился такой же, как раньше, скрежет; звякнула металлическая цепь. Значит, они проехали в ворота, которые он за ними запер… Джесси охватила паника. Они в каком-то уединенном месте. Сюда не заглянут патрульные машины. Во рту пересохло. К горлу подступила желчь, резкая и горькая. Она с трудом заставила себя проглотить ее.

Дом на колесах дернулся, машину тряхнуло, будто она проехала по решетке. Потом они покатили под гору; Джесси швырнуло вперед, и она обо что-то больно ударилась плечом. Дальше шел подъем в гору — ее, беспомощную, как тряпичную куклу, отбросило назад. Наконец дорога стала ровной, если не считать толчков, как будто на стыках между бетонными плитами. Кругом царила настоящая тьма. Похититель, похоже, ехал не включив фар.

На какое-то время страх сменился гневом, потом дикой, животной яростью.

Выпусти меня! Выпусти меня! Развяжи меня! Сволочь, ты не имеешь никакого права!

Она забилась на полу, стараясь растянуть сковавшие ее путы. Стала кататься по полу. Но освободиться не удавалось. Он связал ее крепко.

Обмякнув, она тяжело задышала. Глаза наполнились слезами. Сегодня она должна была пойти на благотворительный ужин! В нарядном платье и новых туфлях, под руку с Бенедиктом. Он развлек бы ее родителей остроумной беседой и непременно понравился бы им — она в этом не сомневалась. Бенедикт страшно волновался. Джесси убеждала его, что ему без труда удастся очаровать маму с папой. Мама сразу его примет, а папа… он, конечно, может сначала показаться жестким, неуступчивым, но в глубине души он очень мягкий. Джесси обещала Бенедикту: ее родители непременно его полюбят!

«Ну да, пока не выяснят, что я не еврей», — сказал Бенедикт.

Тем временем они ехали дальше. Повернули налево. В лучах слабого света Джесси заметила нечто похожее на забор, а за ним — огромное заброшенное строение с выбитыми стеклами. Совсем как здание в фильме «Хостел», в котором богатые садисты держали и пытали невинных людей. Она похолодела от ужаса.

Воображение рисовало страшные картины. Джесси всегда любила фильмы ужасов. Ей невольно вспоминались все киношные психопаты-убийцы и маньяки, которые похищали жертв, а потом не спеша мучили и убивали их. Как в «Молчании ягнят», «Техасской резне бензопилой», «У холмов есть глаза»…

От страха голова отказывалась соображать. Она дышала часто, резко, неглубоко. Сердце в груди колотилось.

Они остановились. Ее похититель снова выпрыгнул из кабины. Загрохотали металлические ворота. Похититель вернулся в кабину, захлопнул дверцу и покатил вперед, включив фары.

Надо с ним каким-то образом поговорить!

Они очутились в просторном пустом ангаре. Потолки высокие, здесь уместился бы и самолет. Или даже несколько. Лучи фар высветили наверху узкую металлическую площадку, огороженную перилами. Площадка располагалась над громадными цилиндрами, похожими на старые, пыльные топливные ракетные баки. Цилиндры лежали на массивных железобетонных блоках. Невдалеке на рельсах, заваленных горами мусора, стояла ржавая вагонетка, изрисованная граффити.

Микроавтобус остановился.

Похититель выпрыгнул из кабины и заглушил мотор. Джесси услышала, как удаляются его шаги, потом заскрежетал металл — похоже, железная цепь. Потом похититель вернулся.

Он отодвинул боковую дверцу и зашел к ней. Включил фонарик, посветил ей в лицо, обвел лучом всю ее фигуру. Дрожа от ужаса, Джесси смотрела снизу вверх на черную маску.

В голову пришла дикая мысль: надо его ударить. Ноги у нее, правда, связаны, но можно чуть согнуть колени… Нет, она все равно ничего не сможет поделать. У нее связаны не только ноги, но и руки. Она лишь разозлит его.

Обязательно нужно с ним поговорить. Джесси часто читала в газетах статьи о заложниках и помнила советы экспертов. Если хочешь остаться в живых, постарайся установить с похитителем доверительные отношения. Человеку, с которым у тебя установилась связь, труднее причинить вред. Если он расклеит ей рот, она сможет с ним поговорить. Убедит его отпустить ее. Или хотя бы выяснит, что он хочет.

Вдруг он покачал головой и сказал:

— Зря ты меня лягнула! Я купил тебе красивые новые туфли, такие же, как те, что ты собиралась надеть сегодня, чтобы познакомить Бенедикта с родителями. Все вы, женщины, одинаковы! Считаете себя всесильными. Надеваете на себя красивые тряпки, чтобы заманить

мужчину в ловушку, но проходит лет десять, вы жиреете, страшнеете, все в целлюлите, с отвисшим животом. Придется тебя поучить — хотя придется обойтись всего одной туфлей.

Он нагнулся и внезапно резко перевернул ее на живот. Затем сел ей на ноги. Она забилась. Он чем-то обмотал ее лодыжки. Потом встал, и ее неожиданно дернуло влево, потом вправо. Джесси попробовала шевельнуть ногами, но не смогла.

Раздался металлический лязг, и что-то холодное и твердое обмоталось вокруг ее шеи. Клацнул язычок замка… Голову дернуло вперед и вправо. Снова щелчок. Еще один замок! Потом голову повернули влево. Снова щелчок.

Он растянул ее на полу, как на средневековой дыбе. Она не могла ни повернуть голову, ни шевельнуть руками или ногами. Попробовала вдохнуть, но у нее снова заложило нос. Ее затрясло.

— Мне пора, — сказал он. — Меня ждут к ужину. Так что до завтра… *Аста ла виста!*

Она застонала в ужасе, не сводя с него умоляющих глаз.

Прошу тебя, нет, не надо! Не оставляй меня лежать лицом вниз! Я не могу дышать, я задохнусь! У меня клаустрофобия… Прошу тебя…

Захлопнулась раздвижная дверь.

Шаги удаляются. Снова лязгнул металл.

Джесси услышала, как похититель заводит мотоцикл и уезжает прочь. Страх обрушился на нее, как лавина. Неожиданно внизу живота стало тепло и мокро…

101

17 января, суббота

Рой Грейс сидел в маленьком кабинете для допросов в Центре предварительного заключения рядом с констеблем Майклом Форманом. Форман, как и Грейс, проходил психологическую спецподготовку ведения допросов свидетелей и подозреваемых. Но сейчас спецподготовка им не помогла. Джон Керридж на все вопросы отвечал одинаково:

— Без комментариев.

Это его Кен Акотт научил, пройдоха адвокат… Вот спасибо так спасибо!

На столе стоял диктофон с тремя пустыми кассетами. Со стен под потолком на них смотрели объективы двух камер видеонаблюдения, похожие на склоненные набок головы любопытных птиц. Обстановка в кабинете все больше накалялась. Грейсом овладело кровожадное настроение. Сейчас он бы с радостью схватил Джона Керриджа за шею и душил до тех пор, пока тот не скажет ему правду! И плевать на то, что парень якобы инвалид…

Кен Акотт сообщил им о том, что он аутист. Точнее, у Джона Керриджа, который упорно утверждает, что его зовут Ра, синдром Аспергера. По словам адвоката, его подзащитный сообщил ему, что погнался за пассажиркой, которая хотела сбежать не заплатив. Совершенно очевидно, что задержать нужно было пассажирку, а не его клиента. Мистера Керриджа, инвалида, подвергают дискриминации. Он ни слова не скажет, если при допросе не будет присутствовать медицинский эксперт.

Проклятого Кена Акотта Грейс сейчас тоже с радостью задушил бы. Он в упор смотрел на гладенького, сытого адвокатишку в элегантном, сшитом на заказ костюме, рубашечке, при галстуке; он даже чувствовал запах его одеколона. В отличие от адвоката его подзащитный являл собой жалкое зрелище. Костюм помят, галстук съехал на сторону. Короткие черные волосы зачесаны вперед. Лицо угрюмое, насупленное. Оно было бы вполне симпатичным, если бы не слишком близко посаженные глаза. Тощий, с покатыми плечами, Керридж все время вертелся, ерзал — как школьник, который не может дождаться конца урока.

— Сейчас девять часов, — сказал Акотт. — Моему подзащитному нужно выпить чаю. Он регулярно, каждый час, выпивает по чашке чаю. Такой у него ритуал.

— А вы передайте вашему подзащитному… — Грейс смерил Керриджа мрачным взглядом, — что здесь у нас не отель «Ритц-Карлтон». И чай он получит только тогда, когда я решу, что он может его выпить. Вот, например, если сейчас он пойдет нам навстречу — а может, и вы захотите помочь следствию, — возможно, мне и удастся договориться о том, чтобы ему принесли чаю.

— Я уже вам сказал, мой клиент отказывается от каких-либо комментариев.

— Я должен выпить чаю, — вдруг сказал Ра.

Грейс повернулся к нему:

— Выпьете, когда я разрешу.

— Я должен выпить чаю в девять часов.

Грейс посмотрел на него в упор. В кабинете воцарилось недолгое молчание. Вдруг Ра, глядя ему прямо в глаза, спросил:

— У вас дома какой туалет — с высоким бачком или компакт?

Вдруг Грейсу стало жалко несчастного таксиста. Странный у него голос. И вопросы странные. Два часа назад стало известно о похищении в Кемптауне; рядом с тем местом, откуда увезли девушку, на тротуаре обнаружили дамскую туфлю. С этого момента все завертелось. Через полчаса после похищения к дому приехал молодой человек; он объяснил, что собирался везти свою невесту на благотворительный ужин. Он звонил в дверь, но невеста не открыла. Звонил ей на мобильник, но телефон переключался в режим автоответчика.

Уже установили, что последней похищенную девушку, Джесси Шелдон, видел ее тренер по кикбоксингу в местном спортзале. Она была в хорошем настроении, рассказывала всем о благотворительном ужине. По словам тренера, она немножко волновалась: как пройдет первая встреча жениха с родителями?

Конечно, девушка могла в последний момент струсить и сбежать. Но, изучив все материалы дела, Грейс пришел к выводу: Джесси Шелдон не похожа на паникершу, способную подвести жениха и огорчить родителей. Чем больше он узнавал, тем меньше ему нравилось все, что произошло. Вот почему сейчас он так злился.

Его выводило из себя высокомерие Кена Акотта.

Его выводил из себя паршивец подозреваемый, который на все вопросы отвечал как попугай: «Без комментариев». Инвалид хренов! О том, что такое синдром Аспергера, Грейс знал не понаслышке. Синдромом Аспергера страдал сын одного его сослуживца; с его родителями Грейс дружил много лет. Сейчас мальчик уже подросток. Он немного странный, но очень милый и добрый. У него пунктик: коллекционирует батарейки. Да, мальчик не очень ладит с людьми; он постоянно пребывает в своем внутреннем мире. И часто не понимает, что такое хорошо и что такое плохо. И все же, по мнению Грейса, человек с синдромом Аспергера вполне способен отличать добро от зла и отдавать себе отчет в своих действиях. Особенно если речь заходит о таких тяжких преступлениях, как изнасилование или убийство.

— Почему вы так интересуетесь туалетами? — спросил Грейс у Керриджа.

— Не туалетами, а туалетными цепочками! Я собрал коллекцию. Когда-нибудь могу вам показать.

— Спасибо, с удовольствием посмотрю.

Глаза Акотта метали молнии.

— Вы мне так и не ответили, — напомнил Керридж. — У вас дома туалет с высоким бачком или компакт?

Грейс задумался, вспоминая.

— Компакт.

— Почему?

— Джон, а вы почему любите женские туфли? — вдруг спросил Грейс.

— Извините, — вмешался Акотт, у которого от злости сел голос. — Я не разрешаю вести допрос!

Сделав вид, что не слышит адвоката, Грейс продолжал:

— По-вашему, они сексуальные?

— Сексуальность — это плохо, — ответил Ра.

102

17 января, суббота

Рой Грейс покинул кабинет для допросов в еще большем смятении, чем когда входил туда. Джон Керридж — странный тип; в нем угадывается склонность к насилию. И все же не верится, что Керридж и есть хитрый, искушенный Туфельщик, которому удавалось безнаказанно творить зло двенадцать лет назад и который сейчас возобновил преступления.

Особенно его сейчас заботило похищение Джесси Шелдон. Туфля на тротуаре — очень тревожный знак. Джесси Шелдон возвращалась с тренировки в спортивном костюме и кроссовках. Чья же это туфля? Новенькая дамская туфля на высокой шпильке… Как раз во вкусе Туфельщика.

И еще одно мучило его — даже сильнее, чем Джон Керридж и Джесси Шелдон. Суперинтендент и сам уже точно не помнил, когда его впервые осенило, — наверное, между тем, как он вышел из гаража за жилым комплексом «Мандалай-Корт», и прибытием в штаб операции.

Он вышел из Суссекс-Хаус на стоянку. Дождь почти перестал, зато усиливался ветер. Грейс сел за руль и включил зажигание. И тут же ожила рация. Докладывал констебль, находившийся на ферме, где горел микроавтобус. Обыск провести пока невозможно — слишком раскалился металл кузова.

Через несколько минут Грейс остановил служебный «форд-фокус» без опознавательных знаков, немного не доезжая до места назначения. Сунув в карман дождевика фонарик, он прошел двести шагов к жилому комплексу «Мандалай-Корт», стараясь ничем не выделяться в толпе вечерних пешеходов. Очень не хотелось нечаянно спугнуть Туфельщика — или того, кто пользуется гаражом, — если тот вдруг вернется.

Он заранее предупредил о своем приходе сотрудника группы наружного наблюдения. Едва Грейс спустился по пандусу, как из тени навстречу ему шагнул констебль Джон Экстон.

— Все спокойно, сэр, — доложил Экстон.

Грейс велел Экстону продолжать наблюдение и немедленно передать ему по рации, если кто-нибудь подъедет или подойдет к гаражу. Затем он повернул за угол и остановился у самого дальнего гаражного бокса в левом ряду. У бокса номер семнадцать.

Включив фонарик, он принялся измерять длину фасада шагами. У него вышло примерно двадцать восемь футов[6]. Грейс перепроверил себя, пройдясь несколько раз туда и обратно. Затем он вернулся к воротам и надел резиновые перчатки.

Они специально попросили Джека Танкса не запирать гараж на замки, только навесить их. Грейс поднял ворота, закрыл их за собой и посветил фонариком. Потом стал шагать вдоль стены, считая шаги.

Двадцать футов!

Восемь футов разницы!

Он обстучал стену костяшками пальцев. Услышал глухой звук. Стенка фальшивая! Грейс осмотрел закрывающий ее сверху донизу открытый стеллаж. Полки ошкурены грубо — сразу видно, самоделка. На одной лежат рулоны изоленты — такой герметизируют трубы. А еще заклеивают рты похищенным… Он водил фонариком туда-сюда и вдруг заметил то, на что не обратил внимания в прошлый раз. Оказывается, у стеллажа имелась задняя стенка; полки отступали от стены на добрый дюйм.

Грейс не считал себя любителем постолярничать на досуге, но и его скромных познаний хватало на то, чтобы задаться вопросом: зачем паршивому самоделкину, который сработал стеллаж, понадобилась задняя стенка? Если бы стеллаж стоял в жилом доме — еще понятно; например, хотели скрыть дефекты стены. Но здесь-то, в паршивом, заброшенном гараже, зачем стараться?

Сунув фонарик в зубы, Грейс потянул за среднюю полку, пробуя ее на прочность. Ничего. Он потянул сильнее — по-прежнему без толку. Тогда он ухватился за другую полку, повыше, потянул — и вдруг стеллаж качнулся. Сняв полку, суперинтендент заметил, что в пазу, в который она вдвигалась, скрыта крохотная задвижка. Он прислонил снятую полку к стене и открыл задвижку. Потянул стеллаж на себя. Потом толкнул. Ничего не изменилось. Подергал все оставшиеся полки. Самая нижняя тоже сидела в пазах неплотно. Под ней оказалась вторая задвижка, скрытая в углублении паза. Открыв ее, он толкнул стеллаж… Без толку! Потянул на себя — и чуть не упал: стеллаж неожиданно отъехал в сторону.

Стеллаж оказался дверью.

Грейс схватил фонарик и посветил в темноту.

Сердце замерло у него в груди, а кровь застыла в жилах.

Он озирался по сторонам, а по спине бежали мурашки.

На полу стоял ящик для чая. Все стены были оклеены старыми, пожелтевшими газетными вырезками. В основном из «Аргуса», но попадались вырезки и из центральных газет. Подойдя поближе, Грейс прочел заголовок на вырезке, датированной 14 декабря 1997 года: «Полиция подтвердила сведения о последней жертве Туфельщика».

В луче фонарика высвечивались все новые и новые заголовки. Перед глазами плясали буквы и фотографии жертв. Он увидел снимки Джека Скеррита, который тогда возглавлял следственную группу. А потом увеличенный снимок Рейчел Райан, который смотрел на него со страницы «Аргуса», датированной январем 1998 года: «Без вести пропавшая Рейчел — шестая жертва Туфельщика?»

Грейс отлично помнил эту статью. И страшный заголовок… Об исчезновении Рейчел Райан трубили все брайтонские газеты.

Он склонился над ящиком для чая. Крышка открылась без труда. Грейс смотрел на содержимое, широко раскрыв глаза.

Ящик оказался набит дамскими туфлями на шпильках. Каждая туфля была завернута отдельно и упакована в целлофан. Грейс вытащил несколько свертков наугад. В одних лежали туфля и трусики. В других — пары туфель. Судя по виду туфель, их почти не носили.

Дрожа от волнения, Грейс попробовал пересчитать свертки. Стараясь не слишком наследить, он доставал их из ящика и выкладывал на пол. Он насчитал их двадцать три…

В одном запечатанном пленкой целлофановом пакете лежали женское платье, трусики, колготки и бюстгальтер. Может быть, маскарадный костюм Туфельщика. Интересно… А может, это вещи, которые он украл у Николы Тейлор в «Метрополе»?

Грейс сел на корточки и несколько секунд задумчиво разглядывал туфли. Потом вернулся к газетным вырезкам на стенах. Ему хотелось убедиться в том, что он ничего не упустил. Сейчас любая зацепка может навести на след зверя…

Он просмотрел все вырезки по очереди, обращая особое внимание на те, что были посвящены Рейчел Райан. Они занимали большую часть целой стены. И вдруг его взгляд упал на лист бумаги формата А-4, который отличался от всего остального. Перед ним была не газетная вырезка, а готовая форма, частично заполненная от руки гелевой ручкой. Сверху шла шапка: «Дж. Банд и сыновья. Похоронное бюро».

Грейс подошел поближе, чтобы разобрать, что написано более мелким шрифтом. Ниже было напечатано:

«РЕГИСТРАЦИОННЫЙ БЛАНК
Вх. № D5678
Миссис Молли Уинифрид Глоссоп
Ум. 2 января 1998 г. Возраст — 81 год».

Грейс внимательно перечел строчки, перед которыми стояли квадратики. В некоторых квадратиках стояли галочки:

√ Церковный взнос
√ Гонорар врачу
□ Плата за удаление кардиостимулятора
□ Плата за кремацию
√ Плата могильщикам
√ Плата за распечатку документов
√ Цветы
√ Памятные открытки
√ Объявления о смерти
√ Гроб
□ Урна для останков
□ Гонорар органисту
√ Плата за могилу
□ Плата за похороны на церковном дворе
√ Гонорар священнику
√ Церковный взнос
Похороны — 12 января 1998 г. в 11 часов на кладбище в Вудингдине.

Он снова перечел бланк. Потом еще раз. Он не мог двинуться с места.

Память отбросила его на двенадцать лет назад. К обгорелому трупу, который лежал в морге Брайтона и Хоува. Грейс вспоминал старушку, чьи обгорелые останки они тогда нашли в сгоревшем микроавтобусе «форд-транзит» и которую так и не опознали. По инструкции останки хранили два года, а потом за счет казны похоронили на кладбище в Вудвейле.

За годы службы в полиции суперинтенденту Грейсу довелось видеть много ужасов; он научился вытеснять страшные зрелища из головы. Но были такие воспоминания — совсем немного, он мог пересчитать их по пальцам на одной руке, — которые он сохранит до самой смерти. Одним из таких ужасных зрелищ стала никому не известная маленькая старушка. Прошло много лет, но он все помнил, как будто это было вчера.

И вдруг в потайной комнатке старого, полузаброшенного гаражного бокса перед ним наконец-то забрезжил свет.

Грейс почти не сомневался в том, что знает, кто она такая.

Молли Уинифрид Глоссоп!

Но кого же тогда похоронили на Мемориальном Вудингдинском кладбище 12 января 1998 года, в понедельник, в одиннадцать часов утра?

Грейс почти не сомневался в том, что знает ответ и на этот вопрос.

18 января, воскресенье

В полутьме Джесси в очередной раз услышала виброзвонок телефона. Потом на время телефон замолчал и завибрировал снова. В горле и во рту пересохло; она понятия не имела, который сейчас час. Глаза различали слабый серый свет. Может, уже рассвело? Время от времени она задремывала, но вскоре просыпалась, потому что у нее закладывало нос и она не могла дышать.

Плечи свело судорогой. Вокруг постоянно что-то скрипело, лязгало, хлопало, скрежетало. С каждым новым звуком Джесси вздрагивала. Ей казалось, что тот тип возвращается, что, может быть, он крадется к ней. Мысли метались в голове. Кто он такой? Зачем привез ее сюда? Что хочет с ней сделать? Что ему надо?

Вспоминались страшные кадры из когда-то любимых фильмов ужасов. Джесси старалась переключиться на приятные картины. Например, как они с Бенедиктом на ее прошлый день рождения поехали на греческий остров Наксос. Как они обсуждали свадьбу и будущую совместную жизнь.

Где же ты теперь, милый Бенедикт?

Завибрировал телефон. Четыре гудка — и переключился на автоответчик. Может, ей прислали сообщение? Кто звонит — Бенедикт? Родители? Она снова и снова безуспешно пыталась освободиться. Старалась повернуться, ослабить узы на запястьях, высвободить хотя бы одну руку. Но лишь снова и снова ударялась головой. Плечи как будто вылезли из суставов. Спина больно билась о жесткий пол.

Наконец истощились последние силы. Она лежала неподвижно, в полной неизвестности. Влага внизу живота и на бедрах уже не была теплой. Там все зудело и горело. Чесалась и щека — ужасно хотелось ее почесать. И еще все время приходилось глотать желчь, которая подступала к горлу. Джесси помнила, что уступать слабости нельзя. Если ее вырвет с заклеенным ртом, она задохнется.

Она опять заплакала; от соленых слез жгло глаза.

А может, позволить себе подавиться желчью и умереть? И тогда все закончится до того, как тот тип вернется и сделает с ней что-то ужасное! Лишить его хотя бы такого удовольствия.

Доверие к любимому мужчине слабело. Джесси закрыла глаза и впервые за очень долгое время стала молиться. Ей не сразу удалось вспомнить все слова молитвы.

Не успела она закончить, как телефон завибрировал снова. Четыре звонка — и тишина. Потом она услышала другой звук.

Она его узнала и обмерла от ужаса.

Рев мотоциклетного мотора.

104

18 января, воскресенье

Коронером Брайтона и Хоува была отважная дама. Но когда она пребывала в дурном настроении, не только ее подчиненным, но и закаленным опытным сотрудникам полиции становилось не по себе. Впрочем, Грейс знал эту даму не первый год и помнил, что здравомыслия ей не занимать и что она способна на сочувствие и сострадание. Лично у него до сегодняшнего дня не было с ней никаких трений.

Наверное, все дело в том, что он позвонил ей домой после полуночи и разбудил — судя по сонному голосу. Немного придя в себя, коронер, естественно, не могла скрыть досады. И

все же, будучи профессионалом, дослушала его до конца, время от времени задавая уточняющие вопросы.

— Вы, суперинтендент, просите об очень большом одолжении, — сказала она, когда Грейс замолчал. Теперь ее голос напоминал голос суровой директрисы школы.

— Понимаю.

— У нас в Суссексе таких контор всего две. И добиться разрешения обычно бывает очень и очень нелегко. Вы многого хотите.

— Мадам, обычно речь не идет о жизни и смерти. — Грейс решил обращаться к коллеге сухо и официально. — Но сейчас, по-моему, вопрос именно такой.

— Только на основании слов приятеля пропавшей девушки?

— В ходе поисков Джесси Шелдон мы связались с рядом ее друзей — жених составил список. В прошлый четверг лучшая подруга Джесси получила от нее текстовое сообщение и снимок туфель, которые девушка купила специально к сегодняшнему вечеру. Пара на снимке идентична с туфлей, которую мы нашли на тротуаре рядом с ее квартирой — точно на том месте, откуда ее увезли.

— Вы уверены в том, что жених не замешан в похищении?

— Да, у него алиби, мы проверили. В похищении также не могли участвовать и остальные трое подозреваемых по делу Туфельщика.

Кэссиан Пью в то время находился на курсах повышения квалификации в Брамсхилле. Даррен Спайсер вернулся в приют Святого Патрика в девятнадцать тридцать, то есть тоже физически не мог совершить похищение. А Джон Керридж в это время сидел в Центре предварительного заключения.

Немного помолчав, коронер сказала:

— Они предпочитают работать рано утром — на рассвете, чтобы не пугать народ. Значит, раньше утра понедельника ничего не получится.

— Слишком долго ждать! До понедельника еще тридцать часов. Нам нужно как можно скорее найти улики. Если мы что-нибудь обнаружим, придется посылать улики в лабораторию. Результаты появятся не раньше середины следующей недели — и это в самом лучшем случае. А сейчас у нас каждый час на счету! Мы не можем ждать так долго. Это в самом деле вопрос жизни и смерти!

Коронер долго молчала. Грейс понимал, что сильно рискует. На карту поставлена его репутация. Он по-прежнему не уверен на все сто процентов, что Джесси Шелдон похитили. И потом, где гарантия, что за двенадцать лет что-то сохранилось? Но Джоан Мейджор, криминалист-археолог, с которой Грейс регулярно консультировался, сказала, что попробовать стоит.

Сейчас на него так давят со всех сторон, что он готов схватиться за любую соломинку!

И все же Грейс верил, что его просьба не напрасна.

Коронер подытожила:

— Суперинтендент, вы собираетесь провести эксгумацию на действующем кладбище, при свете дня, да еще в воскресенье! Представляете, что почувствуют скорбящие родственники, которые пришли навестить могилы своих близких?

— Да, им, конечно, будет плохо, — ответил Грейс. — Но и вполовину не так плохо, как чувствует себя пропавшая Джесси Шелдон. Я считаю, что ее похитил Туфельщик. Я могу и ошибаться. Может статься, мы уже опоздали. Но шанс спасти ей жизнь гораздо важнее, чем чувства нескольких скорбящих, которые, выйдя с кладбища, скорее всего, поедут за покупками в супермаркет, чтобы затовариться продуктами, — ехидно закончил он.

— Ладно, — ответила коронер. — Я выпишу ордер. Но прошу вас, постарайтесь провести все как можно тактичнее. Я на вас надеюсь.

— Разумеется!

— Через полчаса жду вас у себя. Насколько я понимаю, прежде вы еще ни разу не проводили эксгумацию?

— Нет, не проводил.

— Вы и не представляете, сколько бумаг при этом требуется…

Грейс отлично себе все представлял. Но сейчас ему важнее было спасти Джесси Шелдон, чем думать о бюрократических препонах и бумажной волоките. Поэтому он лишь поблагодарил коронера и обещал приехать к ней на службу через полчаса.

105

18 января, воскресенье

Джесси услышала уже знакомый скрежет отодвигаемой боковой дверцы. Потом микроавтобус покачнулся, и совсем рядом раздались шаги. Она дрожала от ужаса.

Через миг ей в лицо направили луч фонарика.

Он был в ярости.

— От тебя воняет! — прошипел он. — От тебя воняет мочой! Ты обмочилась, грязная корова!

Он отвел луч от ее лица. Моргая, она посмотрела вверх. Теперь он нарочно светил на свою черную маску, чтобы она его видела.

— Не люблю грязных коров! — продолжал он. — А ты меня подвела! Испачкалась! Теперь ты вся грязная… Как ты доставишь мне удовольствие, если от тебя воняет?

Джесси не сводила с него умоляющего взгляда.

Пожалуйста, развяжите меня! Пожалуйста, освободите мне рот! Я все, что угодно, сделаю. Я не буду сопротивляться. Я все для вас сделаю. Пожалуйста… Я сделаю все, что вы захотите, а потом отпустите меня, ладно? Договорились?

Вдруг ей снова отчаянно захотелось по-маленькому, хотя она уже целую вечность ничего не пила и во рту все пересохло. Сколько сейчас времени? Судя по свету, который ненадолго проник внутрь ее тюрьмы, уже наступило утро.

— Сегодня я должен быть на воскресном обеде, — сказал он. — Нет у меня времени возиться с тобой, чтобы ты помылась. Вернусь попозже, тогда и посмотрим. Жаль, взять тебя с собой на обед я не могу. Проголодалась?

Он снова посветил ей в лицо.

Джесси взглядом умоляла: воды! Заклеенные губы не пропускали членораздельных звуков, из пересохшего горла вырывался лишь хриплый стон.

Ужасно хотелось пить. И помочиться. Но делать этого при нем нельзя…

— Не понимаю, что ты там бормочешь… Желаешь мне приятного аппетита?

— М-м-м-м-м…

— Очень мило с твоей стороны!

Она снова бросила на него умоляющий взгляд.

Воды! Воды!

— Ты, наверное, пить хочешь? Ну да, наверное. Догадаться нетрудно. Но, если я дам тебе попить, ты ведь снова лужу нальешь!

Джесси замотала головой.

— Нет? Ну что ж, посмотрим. Если обещаешь быть умницей, может быть, я и принесу тебе воды.

Она зажалась изо всех сил. Но не успел он выпрыгнуть из машины, как она почувствовала, что между ногами снова стало тепло и мокро.

106

18 января, воскресенье

Мемориальное Вудингдинское кладбище раскинулось на вершине холма на восточной окраине Брайтона. С холма открывается красивый вид на Ла-Манш. Хотя, думал Рой Грейс, здешним обитателям наверняка все равно, какой здесь вид. Он вышел из длинной, похожей на гусеницу, синей палатки и, ежась от пронизывающего ветра, направился ко второй палатке, стоящей неподалеку. Во второй палатке можно было переодеться и перекусить. Свой синий защитный костюм с капюшоном он наглухо застегнул до самого горла.

Коронер знала, что говорила, когда предупреждала Грейса, что эксгумация сопровождается страшной бюрократической волокитой. Получить разрешение — только полдела. Гораздо труднее собрать необходимых людей, тем более утром в воскресенье.

Одна брайтонская фирма проводила эксгумацию на коммерческой основе. Главным образом ей поручали заказы по перенесению массовых захоронений на новое место, если, например, на территории бывшего кладбища вели застройку. Иногда эксгумацию проводили по просьбе церкви. Руководство фирмы соглашалось прислать своих рабочих только за солидные сверхурочные. Иначе они приступили бы к работе только в понедельник.

Грейс не мог ждать до завтра. Он позвонил помощнику главного констебля Риггу, и тот дал добро на дополнительные расходы.

* * *

На совещание, которое Грейс провел час назад на Джон-стрит, прибыла крепкая команда. Представитель коронерской службы, два эксперта-криминалиста, в том числе один фотограф, пять работников компании, проводящей эксгумации, сотрудница департамента защиты окружающей среды — она не преминула выразить неудовольствие испорченным выходным. Кроме того, на совещание пригласили сотрудника бюро охраны труда, чье присутствие с недавних пор стало обязательным, и священника — поскольку захоронение находилось на освященной земле. Также Грейс вызвал Джоан Мейджор, криминалиста-археолога, Гленна Брэнсона, в чьи обязанности вменялось охранять место эксгумации от посторонних, и Майкла Формана, которому поручалось вести протокол.

На кладбище приехали также Клио, ее заместитель Даррен Уоллес и Уолтер Хордерн. Они прибыли на неброском темно-зеленом микроавтобусе с логотипом коронерской службы. Никто из них ни разу не был на эксгумации, поэтому все пожелали присутствовать. Грейс мысленно удивлялся им. Простых трупов им, оказывается, мало! Иногда он гадал, почему Клио его полюбила.

Любопытство проявили не только прозекторы. Все утро, едва разнеслась весть о том, что суперинтендент Грейс получил разрешение на эксгумацию, ему звонили сотрудники уголовного розыска и спрашивали, нельзя ли им тоже приехать. Для многих возможность поприсутствовать на эксгумации выпадает всего раз за все годы службы. Грейсу пришлось всем отказать, сославшись на нехватку места. Он так устал и издергался, что ему ужасно хотелось одернуть просителей: здесь вам не цирк, черт побери!

В четыре часа дня подморозило. Грейс вышел из палатки, держа в ладонях чашку с горячим чаем и грея о нее руки. День стремительно угасал, зато ярче стал свет прожекторов, расставленных по периметру кладбища. Прожекторы освещали дорожку к палатке, которой накрыли могилу Молли Глоссоп и еще несколько соседних могил.

Участок оцепили двойным полицейским кордоном. Все подходы к кладбищу охранялись сотрудниками полиции; правда, меры предосторожности, вместо того чтобы отпугнуть обывателей, лишь разжигали их любопытство. Обе палатки, как и вход на кладбище, обнесли заградительной лентой. Журналистов на территорию кладбища не пропускали.

В главной палатке рабочие уже заканчивали копать. Грейс не давал никаких указаний, все и так было ясно по усилившемуся специфическому запаху. Он всегда считал, что запах смерти — самый страшный запах на земле. Даже после того, как он вышел отдышаться, он никак не мог отделаться от этого страшного запаха. Из могилы несло сточной канавой, которую вдруг раскопали, тухлым мясом, забытым в летнюю жару на две недели в отключенном холодильнике… Тяжелый всепроникающий запах, вырвавшись из-под земли, обволакивал, пропитывал насквозь.

Никто из экспертов не мог заранее сказать, в каком состоянии окажется труп, — слишком много факторов приходилось учитывать. Неизвестно было, сколько времени прошло с момента смерти до похорон. Решающее значение имела также влажность. Но поскольку почва известковая, а кладбище располагалось на возвышенности, над уровнем подземных вод, то могила оказалась относительно сухой. Судя по тому, что запах усиливался, гроб должны были вот-вот обнаружить.

Грейс допил чай и уже собирался возвращаться в палатку, когда заверещал его телефон. Кевин Спинелла.

— Золотое перо «Аргуса» в воскресенье решило прокатиться на кладбище? — спросил Грейс, вместо приветствия.

Голос Спинеллы заглушали ветер и рокот переносного генератора, рядом с которым, видимо, стоял репортер.

— Извините! — крикнул Спинелла. — Я вас не слышу!

Грейс повторил свои слова.

— Нет, я приехал специально… Вас ищу! Как мне попасть на кладбище?

— Очень просто. Купите себе участок, а потом бросьтесь под автобус.

— Ха-ха! А сейчас?

— Извините, никак.

— Ладно. Вы что-нибудь можете мне сообщить?

— Пока ничего особенного. Перезвоните через час; возможно, тогда будут какие-то новости.

— Извините, но я думал, что вы ищете молодую даму, которая пропала вчера вечером, Джесси Шелдон! Зачем выкапывать из земли труп восьмидесятилетней старухи?

— Вы ведь часто выкапываете свои материалы из земли; иногда и я занимаюсь тем же самым, — ответил Грейс. Его снова неприятно поразила осведомленность репортера. Как он раздобыл сведения, не предназначенные для посторонних?

Из палатки высунулась голова Джоан Мейджор. Криминалист-археолог помахала ему рукой и крикнула:

— Рой! Докопались до гроба!

Не попрощавшись, Грейс нажал отбой.

— Хорошая новость, — продолжала Джоан. — Гроб целый! И на табличке написано: «Молли Уинифрид Глоссоп», так что мы нашли то, что нужно.

Следом за Джоан Грейс вошел в палатку. Вонь стала просто невыносимой; он старался дышать только ртом. В палатку набилась целая толпа, как на съемочной площадке. Могилу освещали яркие прожекторы, чуть поодаль высился холмик земли. Несколько видеокамер на штативах фиксировали происходящее.

От страшного запаха мутило всех присутствующих, за исключением четырех сотрудников особого отдела, облаченных в белые защитные биохимические костюмы с дыхательными аппаратами. Двое, опустившись на колени, ввинчивали в гроб толстые крючья, за которые можно будет зацепить канаты, а еще двое с трудом подтаскивали к могиле лебедку.

К работе приступила Джоан Мейджор. Целый час она старательно отгребала от гроба землю и прокапывала канавки, под которые следовало подвести канаты. В отдельные пакеты она раскладывала образцы почвы — возможно, в нее проникли какие-то жидкости из гроба.

Когда она закончила, двое рабочих прикрепили канаты ко всем четырем крюкам и подвели под гроб специальные ремни, готовясь вытащить его из могилы.

— Вот, — сказал один, отряхиваясь. — Есть!

Все отступили.

К гробу подошел священник с молитвенником в руках. Попросив всех присутствующих соблюдать тишину, он прочел короткую молитву — общую, поскольку неизвестно было, к какой конфессии принадлежит лежащий в гробу труп. В молитве останки человека в гробу приветствовались на земле.

Грейса поразили и растрогали эти простые слова. Они как будто встречают вернувшегося из долгого путешествия и давно забытого странника. Точнее, странницу…

Рабочие потянули за толстые канаты. Что-то чавкнуло, хлюпнуло; звук напоминал тяжкий вздох. Как будто земля нехотя отпускала то, что по праву считала своим. Гроб медленно поплыл вверх.

Покачиваясь и ударяясь о стенки могилы, он поднимался все выше; скрипела лебедка. Наконец днище гроба оказалось на несколько дюймов выше уровня могилы. Гроб качался. Все присутствующие в палатке смотрели на него с благоговейным ужасом. С днища в могилу упало несколько комьев земли.

Простой гроб светлого дерева сохранился на удивление хорошо, как будто пролежал в земле не двенадцать лет, а несколько дней.

Какие же тайны ты скрываешь? Господи, пожалуйста, пусть там найдется что-то, выводящее на след Туфельщика!

Грейс заранее предупредил Надюшку Де Санча, патологоанатома министерства внутренних дел. Надюшка обещала приехать в морг, как только труп доставят туда.

Вдруг послышался оглушительный треск, похожий на раскат грома. Все невольно вздрогнули.

Что-то по форме и размеру похожее на человеческое тело, уложенное в черные пластиковые мешки и обмотанное изолентой, проломило днище гроба и упало на дно могилы.

107

Воскресенье, 18 января

Джесси снова не могла дышать. Испугавшись, она заметалась, отчаянно стараясь повернуть голову набок, чтобы нос хоть немного разложило.

Бен, Бен, пожалуйста, приди за мной! Пожалуйста, помоги мне! Пожалуйста, не дай мне здесь умереть! Я не хочу умирать…

Когда она с трудом повернула голову, ей стало ужасно больно; мышцы шеи свело, как будто голову отрывали от плеч. Но ей хотя бы удалось вздохнуть. Воздуха было еще недостаточно, но страх тут же ослабел. Ужасно хотелось пить. Глаза жгло от слез. Слезы текли по щекам, мучая ее. Очень хотелось их слизнуть, но она не могла из-за наглухо заклеенного рта.

Джесси снова стала молиться: *«Господи, прошу Тебя, пощади меня! Я ведь только что обрела счастье! Бен такой хороший. Пожалуйста, не отнимай меня у него, тем более сейчас. Пожалуйста, помоги мне!»*

Несмотря на то что она находилась все равно что в аду, она старалась сосредоточиться, рассуждать здраво. Скоро — неизвестно когда, но скоро — ее похититель вернется.

Если он в самом деле принесет ей воды, как обещал, — хотя, конечно, возможно, он просто издевался над ней, — ему придется ее развязать, чтобы она смогла сесть и попить. Если и появится у нее возможность убежать, то только тогда.

У нее всего один шанс.

Хотя у нее болит все тело и она устала, измучилась, сила у нее еще есть. Джесси прокручивала в голове разные варианты. Насколько он умен? Что ей сделать, чтобы одурачить его? Притвориться мертвой? Изобразить припадок? Наверное, можно что-то придумать.

Главное — чтобы он ни о чем не догадался.

Сколько сейчас времени? Она словно подвешена в вакууме, в бесконечной темной пустоте. Вдруг ей очень захотелось хоть как-то измерить время. Вычислить, который сейчас час и долго ли она здесь пробыла.

Сегодня воскресенье. Вот и все, что Джесси знала наверняка. Значит, ее мучитель наверняка пошел на воскресный обед. Сколько прошло времени с тех пор, как он ушел, — час? Полчаса? Два часа? Четыре? Раньше она видела слабый свет, но сейчас он исчез. Она находилась в кромешной тьме.

Кстати, что за звуки она слышит? Бесконечный лязг, скрип, скрежет и хлопанье незакрытых окон, дверей, листов кровельного железа за пределами ее тюрьмы. А кроме того, совсем рядом регулярно повторяются глухие удары. Как будто хлопает плохо прилаженная дверца кухонного шкафчика. Открывается и хлопает, открывается и хлопает… Джесси прислушалась и стала считать.

Тысяча один, тысяча два, тысяча три, тысяча четыре. Бум! Тысяча один, тысяча два, тысяча три, тысяча четыре. Бум!

Ее отец увлекался фотографией. Когда Джесси была маленькой — цифровые фотокамеры еще не появились, — отец сам проявлял пленки в темной комнате. Она любила стоять рядом с ним в темноте — либо в абсолютной темноте, либо при мерцании слабой красной лампочки. Отец распечатывал новую катушку с пленкой, а ей велел отсчитывать секунды — он ее научил. Надо не спеша говорить вслух: тысяча один, тысяча два и так далее.

Скоро Джесси сумела подсчитать: хлопанье доносится через каждые четыре секунды. Пятнадцать раз в минуту.

Она отсчитала минуту. Пять минут. Десять. Двадцать минут. Полчаса. Потом ее охватил гнев. Чем она занимается?

Господи, если Ты существуешь, ответь: почему я? Почему Ты так стремишься помешать нам с Бенедиктом? Потому что он не еврей, да? В этом дело? Ну и дурак же Ты, Господи! Бенедикт хороший. Он посвятил жизнь тому, что помогает людям, которым живется хуже, чем ему самому. И я тоже стараюсь помогать тем, кому хуже, чем мне… Если Ты этого еще не заметил, мне Тебя очень жаль!

Джесси снова расплакалась.

Но, даже плача, она продолжала машинально считать секунды. Удары служили своего рода метрономом. Бум! Четыре секунды. Бум! Четыре секунды. Бум!

Потом она услышала громкий лязг открываемых ворот.

Рев мотора.

Шаги.

108

18 января, воскресенье

Морг Брайтона и Хоува недавно отремонтировали. Внесли кое-какие конструктивные изменения. Дело в том, что в наши дни все больше людей страдают ожирением — так сказать, обжираются до смерти. Толстяки не помещаются в стандартные морозильные камеры. Пришлось установить новые морозилки, увеличенного размера.

Правда, останки, лежащие сейчас на стальном столе в недавно отремонтированной главной операционной, свободно уместились бы и в обычную камеру. Даже и место еще осталось бы.

Проведя здесь полчаса, Грейс так и не привык к ужасному запаху; он дышал ртом, но это почти не помогало. Он понимал, почему почти все патологоанатомы курили и обрабатывали трупы, не вынимая сигарет изо рта. Некурящие забивали запах ментоловыми пастилками «Викс». Жаль, что несколько лет назад в морге, как и везде, запретили курить. Иначе сейчас он бы непременно закурил.

Кроме Грейса, в зале присутствовали — все в защитных костюмах и масках — следователь-коронер, криминалист-археолог Джоан Мейджор, фотограф экспертно-криминалистической службы Джеймс Гартрел, который то снимал происходящее на видео, то фотографировал, Клио и ее заместитель Даррен Уоллес. В центре группы стояла Надюшка Де Санча, патологоанатом министерства внутренних дел. Красавица испанка с русскими корнями напоминала античное изваяние; Надюшку вожделели почти все мужчины, служившие в полиции Суссекса. Кроме того, с ней любили работать — она отличалась умом и неординарным чувством юмора.

На вскрытии присутствовал Гленн Брэнсон — находиться здесь он вовсе не был обязан, но Грейс решил занять друга делом, а не бросать его на произвол судьбы. Пусть хоть на время забудет о своей загубленной семейной жизни.

Грейс всегда испытывал странное чувство, наблюдая Клио за работой. Любимая женщина превращалась почти в незнакомку. Деловитая, холодная и безличная, она проворно сновала туда-сюда. Правда, иногда Клио поглядывала на него и улыбалась.

Надюшка работала очень тщательно, скрупулезно исследовала каждый дюйм кожи покойницы, раскладывала пробы тканей по отдельным пакетам в надежде, что на них обнаружатся следы кожи или спермы, не видимые невооруженным глазом, волосок или волокно одежды.

Грейс смотрел на тело — и не мог оторваться. Кожа почернела от обезвоживания; труп практически мумифицировался. Зато длинные каштановые волосы сохранились хорошо. Как и грудь, лобковые волосы и таз.

На затылке виднелась зазубрина — похоже, след от удара тупым орудием или от падения. По словам Надюшки, только на основании первичного, наружного осмотра, такой удар по затылку вполне мог стать причиной смерти.

Голос подала криминалист-археолог: судя по состоянию зубов, покойнице было от восемнадцати до двадцати восьми лет.

Возраст Рейчел Райан.

Неужели ты Рейчел?

Иначе кто же это — мертвый, как ты?

Желая точнее определить возраст, Надюшка отодвинула кожу с шеи, обнажив ключицу. Джоан Мейджор оживилась:

— Да, да, смотрите! Видите ключицу? На срединной части нет следов перерождения тканей. А этот процесс обычно начинается в возрасте около тридцати лет. Следовательно, можно с большой долей уверенности утверждать, что ей гораздо меньше тридцати, — я бы дала ей двадцать с небольшим. Точнее смогу установить возраст, когда осмотрим скелет.

Грейс посмотрел в лицо мертвой женщины. Его охватила отчаянная грусть.

Рейчел Райан, неужели это все-таки ты?

В глубине души нарастала уверенность в том, что перед ним действительно Рейчел Райан.

Он живо помнил, как разговаривал с убитыми горем родителями в те ужасные дни после ее исчезновения в конце 1997 года. Он припоминал ее лицо во всех подробностях, несмотря на то что с тех пор произошло много других событий. Он отлично помнил ее улыбающееся, счастливое, милое лицо; такое молодое, полное жизни!

Неужели я наконец нашел тебя, Рейчел? Знаю, сейчас слишком поздно. Прости за то, что опоздал. Я прошу у тебя прощения. Я сделал все, что мог.

Анализ ДНК скажет, прав ли он, а взять образец для исследования труда не составит. Состояние трупа произвело сильное впечатление и на патологоанатома министерства внутренних дел, и на криминалиста-археолога. По словам Надюшки, труп, пролежавший в земле двенадцать лет, сохранился лучше многих трупов недельной давности. А все потому, что покойницу завернули в два слоя целлофана и закопали в сухом месте.

Надюшка приступила к влагалищным мазкам. Каждый образец она клала в отдельный пакет.

Грейс продолжал пристально разглядывать тело. Прошедших двенадцати лет как будто и не было. Вдруг он подумал: однажды он вот так же будет стоять в морге, смотреть на труп и, кивая, подтверждать: да, это Сэнди.

— Очень интересно! — воскликнула Надюшка. — Влагалище совершенно не повреждено!

Грейс смотрел на красивые каштановые волосы на ссохшемся черепе, которые выглядели почти непристойно. Говорят, что волосы и ногти продолжают расти еще долго после смерти. Это не так. Дело в том, что кожа ссыхается, — вот и все объяснение. После смерти не растет ничего, кроме клеток-паразитов, потому что мозг больше не вырабатывает антитела, которые их убивают. И вот по мере того, как постепенно усыхает кожа, уменьшается в объеме, пожираемая изнутри, волосы кажутся гуще, а ногти больше.

— О господи! — воскликнула Надюшка. — Вы только посмотрите!

Грейс, вздрогнув, повернулся к ней. Надюшка зажала маленьким пинцетом что-то мягкое. Сначала Грейсу показалось, что он видит полоску оторванной кожи.

Вглядевшись пристальнее, он понял, что это такое.

Презерватив!

109

18 января, воскресенье

Мучитель расклеил Джесси рот; последний слой изоленты оторвался вместе с кожей. Она захрипела от боли, но, тут же забыв об адской боли, начала жадно хватать ртом воздух. Какое облегчение! Сейчас она хотя бы может нормально дышать!

— Рад познакомиться с тобой как положено, — произнес он своим тихим, вкрадчивым голосом через прорезь в маске.

Он включил освещение салона, и Джесси впервые получила возможность разглядеть его. Похититель сидел на сиденье и смотрел на нее сверху вниз. Несмотря на кожаный байкерский костюм, он не производил впечатления особенно сильного или крупного мужчины. Хочет казаться настоящим мачо! Больше всего Джесси пугала черная маска, закрывающая голову. На полу лежал шлем; в нем толстые кожаные перчатки. На руках у похитителя тоже были перчатки — тонкие, хирургические.

— Пить хочешь?

Он кое-как усадил ее, прислонив спиной к стенке, но развязывать не стал. Джесси в отчаянии посмотрела на открытую бутыль с водой, которую он держал в руке, и кивнула.

— П-пожалуйста… — Говорить было трудно, так пересохло во рту и так склеились губы. Потом взгляд ее упал на зазубренный охотничий нож, который он держал в другой руке. Зачем ему нож? Руки у нее связаны за спиной, а ноги тоже перетянуты изолентой в коленях и лодыжках.

Конечно, можно лягнуть его двумя ногами вместе. Чуть согнуть колени, резко распрямить их и причинить ему нешуточную боль. Но что толку? Он только еще больше взбесится и поступит с ней хуже, чем задумал…

И все-таки нельзя упускать удобный случай. Дипломированная медсестра, Джесси знала, где у человека самые слабые точки. На тренировках по кикбоксингу она научилась наносить сильные удары. Если угодить в нужное место, можно вырубить его на несколько секунд, а если ей повезет, то и дольше.

Если он, конечно, предоставит ей такую возможность.

Шанс у нее будет только один. И для нее жизненно важно не упустить его.

Давясь, Джесси жадно пила воду. Вода текла по подбородку. Она на миг оторвалась от бутылки, откашлялась и снова стала пить. Рот и горло все равно казались ссохшимися. Джесси поблагодарила своего мучителя. Она улыбнулась, глядя ему прямо в глаза, как будто он был ее новым лучшим другом. Она помнила: важно наладить с ним контакт.

— Пожалуйста, не делай мне больно, — хрипло попросила она. — Я сделаю все, что ты захочешь.

— Конечно, — ответил он. — Конечно сделаешь! — Он нагнулся и поднес к самому лицу Джесси нож. — Острый, — предупредил он. — Хочешь узнать, какой он острый? — К ее щеке прижалось холодное стальное лезвие. — Такой острый, что им можно бриться. Можно сбрить все твои противные волосы на теле — особенно на лобке, где все слиплось от мочи. А знаешь, что еще им можно сделать?

Лезвие по-прежнему прижималось к щеке. Дрожа от ужаса, Джесси почти неслышно прошептала:

— Нет!

— Им можно сделать тебе обрезание.

Он подождал, пока до нее дойдет.

Джесси молчала и лихорадочно думала: «Контакт! Надо наладить контакт!»

— Зачем? — спросила она, стараясь казаться спокойной, но голос выдал ее. — Я хочу сказать… зачем вам это нужно?

— Разве обрезание не делают всем еврейским мальчикам?

Джесси кивнула. Острие ножа проткнуло кожу — под самым правым глазом.

— Традиция, — сказала она.

— А девочкам — нет?

— Нет. Некоторые народы делают обрезание и девочкам, но у евреев это не принято.

— Точно?

Нож все больнее колол ее; она не смела пошевелить головой.

— Да, — произнесла она одними губами; от страха у нее отнялся голос.

— Если сделать женщине обрезание, она не сможет получать удовольствие от секса. Обрезанная женщина не способна достичь оргазма, поэтому через какое-то время она и пытаться перестает. Значит, она уже не сможет изменять мужу — смысла нет. Ты об этом знала?

Джесси снова не смогла ответить в полный голос и лишь прошептала:

— Нет…

— Я знаю, как надо делать обрезание, — продолжал ее мучитель. — Специально изучал. Ты не хочешь, чтобы я сделал тебе обрезание, а?

— Нет! — Ей удалось прошептать последнее слово чуть громче. Дрожа всем телом, она уговаривала себя успокоиться, дышать ровно. Ей нужна трезвая голова! — Зачем тебе делать мне обрезание? — сказала она чуть громче. — Обещаю, с тобой я буду хорошо себя вести…

— И вымоешься для меня?

— Да.

— Везде?

— Да.

— И сбреешь волосы на лобке?

— Да.

Не отнимая ножа от ее щеки, мучитель продолжал:

— У меня здесь есть вода — теплая водопроводная вода. Мыло. Губка. Полотенце. Бритва. Сейчас ты снимешь с себя всю одежду и вымоешься как следует. А потом мы поиграем с этой туфелькой. — Он ткнул бутылкой куда-то вниз. — Узнаешь? Точно такую пару ты купила во вторник в магазине «Мариэлла». Жаль, ты выкинула одну из фургона, а то поиграли бы с парой. Но мы и с одной неплохо позабавимся, верно?

— Да, — сказала Джесси и, притворившись веселой, продолжала: — Я люблю туфли. А ты?

— Да, очень люблю. Особенно на шпильках. Женщины могут пользоваться ими вместо вибратора.

— Вместо вибратора? То есть ублажать себя?

— Вот именно.

— Хочешь, чтобы я ввела в себя шпильку?

— Я сам тебе скажу, что делать, когда буду готов! — вдруг рявкнул он. Гнев вспыхнул словно ниоткуда. Он убрал нож от ее щеки и начал резать им изоленту, стягивавшую ей колени. — И вот еще о чем я хочу тебя предупредить, Джесси, — сказал он, снова смягчаясь. — Не хочу, чтобы нам испортили удовольствие, поняла? Нашу маленькую игру.

Она поджала губы и закивала в знак согласия, силясь улыбнуться.

Тогда он поднес нож к самому ее носу:

— Если вздумаешь шутки шутить, если попробуешь ударить меня или бежать, тогда я снова тебя свяжу, только на тебе уже не будет ни спортивного костюма, ни трусов, поняла? А потом сделаю тебе обрезание. Ты только представь, как тебе будет грустно, когда вы с

Бенедиктом уедете на медовый месяц. И как тебе будет грустно всякий раз, когда муж будет заниматься с тобой любовью! Так будет всегда, до конца жизни. Представь, чего ты лишишься. Мы с тобой поняли друг друга?

— Да, — проговорила Джесси одними губами.

Она лихорадочно соображала.

Он не сильный. Он просто запугивает ее. Ему нравится унижать ее, издеваться над ней. Нравится видеть ее страх.

В школе ее одно время тоже унижали, травили. Высмеивали ее крючковатый нос, издевались за то, что она из богатой семьи и родители приезжали за ней на дорогих машинах. Но Джесси придумала, как отомстить обидчикам. Они ждут, что жертва будет им подчиняться. Они не готовы к тому, что им дадут отпор. Больше всех ей досаждала Карен Уолдергрейв. И вот однажды Джесси во время хоккейного матча со всей силы треснула Карен клюшкой по колену. Она сломала ей коленную чашку; пришлось делать операцию. Разумеется, происшествие признали несчастным случаем. Учителя знали, что в спорте такие травмы не редкость. Но после того случая Джесси уже никто не травил.

Как только она получит возможность отомстить, этот тип тоже больше не посмеет ее запугивать!

Похититель разрезал изоленту, стянувшую ей лодыжки. Джесси с блаженной улыбкой пошевелила ногами, восстанавливая кровообращение. Тем временем он подошел к раковине и отвернул кран.

— Сейчас пущу тебе тепленькую! — Он обернулся и смерил ее тяжелым взглядом. — А потом развяжу тебе руки, чтобы ты смогла помыться и побриться для меня. Помнишь, что я тебе говорил?

Она кивнула.

— Скажи вслух!

— Я помню, что ты мне говорил.

Он перерезал изоленту, стянувшую ей запястья, и приказал ей самой освободиться.

Несколько секунд Джесси трясла затекшими руками, потом принялась разматывать остатки изоленты. Мучитель не отходил от нее. Он держал нож у самого ее лица и все время поглаживал лезвие пальцем в резиновой перчатке.

— Кидай на пол, ничего, — сказал он, заметив, что она обводит глазами фургон, видимо думая, куда девать обрывки ленты.

Вдруг он нагнулся и поднял с пола кожаную туфлю.

— А ну, понюхай! — приказал он.

Джесси недоуменно нахмурилась.

— Поднеси к носу. Насладись запахом!

От туфли пахло новой кожей.

— Правда, здорово?

Ненадолго он перевел взгляд с нее на туфлю. Джесси заметила, как сверкнули его глаза. Туфля отвлекает его! Он невольно переключает внимание с нее на туфлю! Она снова поднесла туфлю к носу, притворившись, будто наслаждается запахом, а сама незаметно перехватила ее за мысок. И принялась приседать, пружиня — как будто для того, чтобы восстановить кровообращение в ногах.

Вдруг она спросила:

— А правду о тебе в газете написали, что у тебя крошечный корешок?

Услышав оскорбление, он резко повернул к ней голову. Джесси сгруппировалась, подпрыгнула и нанесла ему удар обеими ногами. Мыски кроссовок угодили куда нужно — в

подбородок. От удара он подскочил, ударился головой о потолок и рухнул на пол. Нож выпал из его руки и отлетел прочь.

Не дожидаясь, пока он очухается, Джесси нагнулась и сорвала маску с его головы. Без маски он казался каким-то жалким, похожим на маленького испуганного крота. Джесси размахнулась и что было сил ткнула его шпилькой в правый глаз.

Он издал душераздирающий вопль. Из его глаза хлынула кровь. Подобрав с пола нож, Джесси открыла боковую дверцу и, спотыкаясь, выбралась наружу. В темноте она едва не упала. Сзади доносился жуткий вой обезумевшего раненого зверя.

Она побежала вперед и ударилась головой обо что-то твердое. Неожиданно сзади вспыхнул луч яркого света.

Черт, черт, черт!

Ну как она могла оказаться такой дурой? Надо было захватить фонарик!

В свете фонаря она сразу разглядела ржавую вагонетку на рельсах, которые уходили неизвестно куда. Мостки наверху. Огромные емкости, похожие на турбины…

Где же выход?

До нее донесся голос, исполненный боли и ярости:

— Сбежать захотела? Нет, не уйдешь, сука!

Джесси крепче сжала нож и обернулась. Яркий свет ослепил глаза. Увидев в конце рельсов массивные двойные двери, она метнулась к ним, сопровождаемая лучом.

Двери оказались заперты на висячий замок.

110

18 января, воскресенье

Джесси оглянулась и посмотрела прямо в луч света. Мысли в голове путались. Пистолета у него нет — конечно нет, иначе он угрожал бы ей пистолетом, а не ножом. Он ранен. Он совсем не сильный. У нее есть нож. Она владеет приемами самообороны. И все равно ей страшно.

Отсюда должен быть другой выход!

Вдруг фонарик погас.

Джесси зажмурилась, стараясь поскорее привыкнуть к темноте. Ее била дрожь. Она слышала собственное частое дыхание. Она пыталась успокоиться.

Сейчас их силы равны, но у него есть преимущество. Он здесь ориентируется, а она — нет.

Может, сейчас он подкрадывается к ней?

Когда он еще светил на нее фонариком, она успела разглядеть слева обширное пустое пространство, а в конце его — что-то вроде бункера. Она сделала несколько шагов в ту сторону и споткнулась. Послышался громкий металлический лязг: от ноги откатилось что-то круглое и через несколько секунд с громким плеском плюхнулось в воду.

Черт!

Джесси замерла на месте и вдруг вспомнила: телефон!

Если удастся незаметно подобраться к машине, она возьмет телефон и позвонит… Кому? И что она скажет? Ее охватил страх. Где она? Похоже, в каком-то производственном здании — может, в заброшенном заводском цеху? Но где он находится? Что она скажет, даже если дозвонится в Службу спасения?

Он вернулся в свой автодом. Правым глазом, в котором пульсировала боль, он ничего не видел — но ему было все равно, по крайней мере сейчас. Главное — поймать эту суку, все остальное не важно. Она видела его лицо!

Он должен ее найти. Нельзя позволить ей уйти!

Он должен ее найти, потому что она его выдаст!

И он ее обязательно найдет. Он знает, что делать.

Не желая выдавать себя и потому не включая фонарика, он осторожно, ощупью перемещался в кузове автодома, пока не нашел то, что искал, — прибор ночного видения.

Он засек ее через несколько секунд. Зеленая фигурка медленно, как в замедленной съемке, перемещалась влево.

Думаешь, ты самая умная, да?

Он огляделся, ища нужное приспособление. Что-нибудь тяжелое, массивное. Надо сбить ее с ног одним ударом! Он открыл шкафчик под раковиной, но из-за темноты не сумел разглядеть, что в нем лежит, несмотря на прибор ночного видения. Пришлось ненадолго включить фонарик. Ослепительный луч сразу ожег болью раненый глаз. Он невольно выронил фонарик и, попятившись, упал.

Джесси услышала грохот и, обернувшись, увидела освещенный изнутри автодом. Она что было сил помчалась к замеченному раньше бункеру. Споткнувшись, ударилась головой о какой-то выступ и приглушенно вскрикнула. Потом побежала дальше, ощупывая стены. Рука наткнулась на стальной столб.

Подпорка бункера?

Она осторожно зашла за бункер. Кое-где приходилось пригибаться. Ноздри забивала пыль. И вдруг она нащупала металлическую ступеньку.

Лестница?!

* * *

Он продолжал искать подходящий инструмент, светя себе фонариком. Рывком выдвигал ящики. То, что нужно, он нашел в последнем ящике: большой и тяжелый гаечный ключ. Он взвесил его в руке. Правый глаз болел невыносимо, по лицу бежала кровь. Он взял прибор ночного видения, подошел к дверце и огляделся.

Сука пропала!

Ну и пусть. Все равно он ее найдет. Он знает этот заброшенный цементный завод как свои пять пальцев. Сам руководил здесь установкой камер видеонаблюдения. В этом цеху раньше работали огромные вращающиеся печи, в которых при высокой температуре — полторы тысячи градусов Цельсия — производили обжиг смеси известняка, глины и различных добавок. После обжига смесь охлаждалась, поступала на мельницу для помола, а оттуда — в бункеры для хранения. Потом сухую смесь грузили в вагонетки… В общем, здесь масса мест, где можно спрятаться.

Зато выход только один.

А ключи от висячего замка у него в кармане!

18 января, воскресенье

Вечернюю оперативку Рой Грейс перенес на половину восьмого, чтобы успеть доложить начальству о том, что удалось установить при эксгумации.

В морге он оставил Гленна Брэнсона; тот должен был докладывать ему о ходе вскрытия, которое еще не закончилось. У покойницы оказалась сломана челюсть. Кроме того, Надюшка диагностировала перелом основания черепа. Скорее всего, причиной смерти послужил удар по затылку.

Надежды Грейса, основанные на идентификации личности покойницы, были связаны с волосяными фолликулами и клетками кожи. Да и найденный презерватив был очень кстати. Надюшка Де Санча и Джоан Мейджор не исключали, что им удастся обнаружить в нем следы спермы. По мнению криминалиста-археолога, провести анализ ДНК возможно, хотя прошло уже двенадцать лет.

Собранные материалы положили в специальный контейнер и с курьером доставили в криминалистическую лабораторию «Орхидея», услугами которой Грейс часто пользовался. Он знал, что сотрудники лаборатории действуют очень быстро. Они обещали сразу сообщить, как только что-нибудь обнаружат. К сожалению, процесс секвенирования ДНК занимает довольно много времени; даже если эксперты будут работать круглосуточно, первые результаты появятся только завтра, в понедельник, к середине дня. Грейса заверили, что ему сразу же позвонят.

Суперинтендент Грейс наскоро проинформировал подчиненных о ходе расследования и спросил, что им удалось узнать за день.

Первой откликнулась Белла Мой. Она раздала всем фотографии молодой женщины с растрепанными волосами.

— Ее разыскивает полиция нескольких графств. Настоящее имя — она использует несколько псевдонимов — Донна Аспиналл. Известная наркоманка; несколько приводов за неоплаченный проезд, как в поездах, так и на такси. Судима за антиобщественное поведение. Объявлена в розыск в трех графствах за нападение с применением насилия и нанесение тяжких телесных повреждений. Вчера ее опознали два наших информанта. Это за ней гнался Джон Керридж, водитель такси.

Грейс внимательно посмотрел на снимок. Опять они влипли!

— То есть Керридж, по-вашему, говорит правду?

— По-моему, он не врет насчет пассажирки, которая хотела удрать не заплатив.

Грейс задумался. Керриджа продержали в Центре предварительного задержания уже двадцать четыре часа. Максимальный срок для содержания под стражей без предъявления обвинения или санкции суда на продление срока задержания составляет тридцать шесть часов. Завтра в девять тридцать таксиста придется выпускать, если они не соберут достаточно улик и не убедят судью, что содержание Керриджа под стражей необходимо продлить. У них пока даже нет доказательств того, что Джесси Шелдон похитили и что похищение — дело рук Туфельщика. Если Акотт, защитник Керриджа, еще не в курсе — а он, скорее всего, в курсе или скоро обо всем узнает, — получить санкцию суда будет трудновато. Надо будет не забыть к вечеру дать запрос о продлении срока содержания Керриджа под стражей.

— Хорошо, спасибо. Молодец, Белла!

Руку поднял Норман Поттинг:

— Босс, мне сегодня здорово помогли в компании сотовой связи «02». Утром я побеседовал с женихом Джесси Шелдон; парень сказал, что именно в этой компании зарегистрирован ее айфон. Полчаса назад они отследили местонахождение ее телефона. Возможно, это нам поможет.

— Продолжай, — кивнул Грейс.

— Последний исходящий звонок с него поступил вчера вечером, в восемнадцать тридцать две, на номер, который, как я установил, принадлежит ее жениху Бенедикту Грину. Грин подтверждает, что Джесси звонила ему примерно в то время; сказала, что идет домой с тренировки по кикбоксингу. Он попросил ее поторопиться, потому что должен был заехать за ней в девятнадцать пятнадцать. Далее телефон оставался в режиме ожидания. Исходящих звонков больше не было, но, судя по сигналам, поступившим от базовых станций, он последовательно перемещался в западном направлении, начиная приблизительно с восемнадцати сорока пяти. Время совпадает с временем похищения. В девятнадцать пятнадцать сигнал перестал перемещаться и с тех пор подается из одного места.

— Откуда?

— Сейчас покажу.

Поттинг подошел к подробной карте, прикрепленной к белому щиту. По всей длине ее пересекала волнистая синяя линия. На карте был нарисован красный овал, помеченный сверху и снизу крестиками.

— Двумя крестиками помечены вышки компании сотовой связи, на которые сейчас поступает сигнал с телефона Джесси Шелдон, — пояснил Поттинг. — Район достаточно большой; к сожалению, вышек всего две. Построили бы они здесь еще одну, и у нас получился бы треугольник. Тогда мы сумели бы точнее определить место, в котором она находится… — Сержант ткнул указкой в волнистую синюю линию. — Это река Адэр, устье которой находится в Шорэме.

— В Шорэме живет Джон Керридж, — заметила Белла Мой.

— Да, но нам это ничего не дает, потому что Керридж уже сидит, — со снисходительным видом ответил Поттинг и продолжил: — В том районе только одна оживленная дорога, Кумбз-роуд, которая как раз и соединяет две вышки. В окрестностях интересующей нас территории есть несколько частных особняков, улочка коттеджей, в которых раньше жили рабочие бывшего цементного завода, и сам цементный завод. Либо сама Джесси Шелдон, либо ее телефон находятся где-то там. Но территория очень большая…

— Цементный завод можно вычеркнуть, — вмешался Ник Николл. — Пару лет назад я был там с опергруппой. Там отличная сигнализация — за заводом следят круглосуточно. Если птичка пролетит, и то запищит сигнал тревоги.

— Прекрасно, Ник! — сказал Грейс. — Спасибо. Итак… Каковы наши дальнейшие действия? С рассветом мы прочесываем весь район. Привлекаем поисково-спасательные отряды, рядовой состав и группы особого назначения. И водолазов тоже — пусть обыщут реку. Кроме того, уже сейчас поднимаем в воздух полицейский вертолет. Он может вести поиски даже ночью; на борту есть спецсредства.

Грейс что-то черкнул в блокноте.

— По сведениям, полученным на сайте земельно-кадастрового управления, интересующий нас гараж принадлежит компании-застройщику, — сказала Эмма Джейн Бутвуд. — Завтра же с утра я наведу у них справки.

Грейс кивнул. Несмотря на то что за гаражом установили круглосуточное наблюдение, пока рядом с ним никто не появлялся. И теперь уже вряд ли появится — такое у него было предчувствие.

Что дальше?

Он повернулся к криминалисту-психологу:

— Джулиус, что у вас?

Праудфут откашлялся и, как всегда, с важностью заявил:

— Человек, похитивший Джесси Шелдон, и есть тот, кто вам нужен! А несчастный, который сидит в камере предварительного заключения, ни при чем.

— Похоже, вы нисколько в этом не сомневаетесь?

— А вы помяните мое слово. Время, место, способ действия — все совпадает! — Праудфут говорил с таким напыщенным видом, что Грейсу вдруг — ненадолго — ужасно захотелось доказать, что психолог ошибается.

Вернувшись после совещания к себе в кабинет, Грейс нашел на столе небольшую бандероль из «ФедЭкса».

Вскрыв пакет, он помрачнел.

В пакете была записка, нацарапанная от руки на бланке курсов повышения квалификации в Брамсхилле. К записке прилагалась фотокопия электронного письма, датированного октябрем прошлого года.

Отправителем адресованного Грейсу послания значился суперинтендент уголовной полиции Кэссиан Пью. В письме сообщалось, что в деле Туфельщика, которое Грейс просил его просмотреть, недостает нескольких страниц, а именно показаний свидетеля, который видел микроавтобус, возможно увезший Рейчел Райан в 1997 году.

В записке же Пью писал:

«Рой, я нашел это в папке отправленных писем. Надеюсь, это вам поможет. Видите, память у вас уже не та, что прежде, но не волнуйтесь, с кем не бывает! Всего наилучшего, Кэссиан».

Грейс включил компьютер и, порывшись минут десять в своем почтовом ящике, нашел то письмо от Пью. В прошлом году здесь творился настоящий хаос, а Пью как будто получал удовольствие, забрасывая его десятками электронных посланий ежедневно. Если бы Грейс их все читал, он бы не успевал работать.

Тем не менее Пью его уел. А в списке подозреваемых еще на одного человека стало меньше.

112

18 января, воскресенье

Джесси всю жизнь боялась высоты, поэтому сейчас она очень радовалась тому, что вокруг темно. Она понятия не имела, где находится, и все же упорно взбиралась вверх по металлической лесенке — похоже, по ней раньше в бункер спускались рабочие.

Она поднималась так долго, что ей показалось, будто лесенка достает до самого неба. Хорошо, что ничего не видно, иначе она непременно посмотрела бы вниз… Через каждые несколько ступенек Джесси прислушивалась. Что, если он нашел ее и теперь поднимается следом? Но похититель не подавал признаков жизни — и вообще не издавал никаких звуков.

Наконец руки нащупали ровную площадку. Она кое-как вскарабкалась на решетчатый металлический настил, на котором лежали какие-то мешки — судя по запаху, со старым цементом. Джесси взобралась на мешки и, пригнувшись, принялась вглядываться во мрак, окружавший ее со всех сторон. Она сидела тихо, боясь пошевельнуться.

Кроме тех звуков, к которым она уже привыкла за долгие часы лежания в фургоне автодома, она не слышала ничего. Равномерные гулкие удары, скрежет и скрип здесь, наверху, казались громче. Наверху, над самой головой, в покореженных металлоконструкциях завывал ветер.

Джесси лихорадочно соображала. Что он задумал? И почему не включает фонарик?

Можно ли подняться сюда как-нибудь по-другому?

В темноте слабо светился циферблат ее наручных часов. Половина десятого вечера. Сегодня воскресенье. Прошло больше суток с тех пор, как ее похитили. Что сейчас творится у нее дома? Что с Бенедиктом? Жаль, что она так и не успела познакомить его с родителями. Трусиха! Если бы они уже знали друг друга, то непременно вместе что-нибудь придумали бы!

Ищет ли ее полиция? Да, скорее всего, ищет. Джесси знала своего отца. Он наверняка поднял тревогу и забил во все колокола.

Как они там? Как сейчас мама? Папа? Бенедикт?

Она услышала вдали рокот вертолета. Вот уже во второй раз за последние полчаса.

Может быть, он как раз ищет ее.

Он тоже услышал вертолет — уже во второй раз. Мощная машина, а не маленькая тренировочная «стрекоза» из вертолетной школы в Шорэмском аэропорту. Кстати, не все вертолеты могут летать по ночам. По ночам в основном летают военные, спасатели, медики — и полицейские.

Вертолет полиции Суссекса тоже базируется на шорэмском аэродроме. Скорее всего, поводов для паники нет. Его могли поднять в воздух по многим причинам. Рокот двигателей постепенно стихал, отдаляясь на восток.

И вдруг до его слуха донесся другой звук, обеспокоивший его гораздо сильнее.

Резкий, настойчивый виброзвонок доносился спереди, из кабины. Он снял прибор ночного видения, посмотрел туда и увидел слабый, пульсирующий свет.

Ах ты, черт! Нет, нет, нет!

Мобильник сучки, который он вынул у нее из кармана… Он думал, что выключил его!

Спотыкаясь, он шагнул вперед, схватил трубку, в ярости швырнул на пол и со всей силы наступил на нее каблуком, раздавив, как большого жука.

Он никак не мог успокоиться. Давил и давил.

Обезумев от боли в глазу, злости на сучку и на себя, он весь дрожал.

Боже, боже! Ну как он мог свалять такого дурака?!

Ничего не стоит засечь местоположение мобильника, даже если он находится в ждущем режиме. Любой следователь, если у него в башке есть хоть какие-то мозги, первым делом свяжется с оператором сотовой связи…

А может, по воскресеньям компании сотовой связи не работают? Может, они не сразу дадут подробный отчет?

И все-таки рисковать нельзя. Он должен как можно скорее увезти отсюда Джесси Шелдон. Сегодня же ночью! Пока темно…

Тем важнее как можно скорее найти ее.

Она уже больше часа не подает голоса. В прятки играет. Не дура! Наверное, решила, что победила его, раз сумела забрать нож. Ничего, у него найдется еще кое-что полезное. Фонарик и прибор ночного видения.

Никогда он не увлекался книжками и прочей ерундой. Но запомнил откуда-то строчку, которая сейчас вдруг всплыла в гудящей голове: «В стране слепых и одноглазый король».

Прямо как он сейчас.

Он спрыгнул на пол и опустил на глаза прибор ночного видения. Охота началась!

113

18 января, воскресенье

Для Роя Грейса вечер тянулся медленно. Он сидел у себя в кабинете и изучал генеалогическое древо Джесси Шелдон, составленное кем-то из подчиненных. Содержимое ее компьютера и мобильного телефона сейчас просматривали два усталых сотрудника компьютерного центра. Работы у них всегда было выше крыши, а людей не хватало. Вот и сейчас им пришлось отправиться на службу в выходной.

Пока удалось узнать только одно: Джесси очень активно пользуется социальными компьютерными сетями — и в этом она похожа на Ди Барчмор, которая чудом не стала жертвой Туфельщика в четверг.

Может, именно в социальных сетях он находит будущих жертв?

Мэнди Торп зарегистрирована в «Фейсбуке» и еще где-то. Зато Никола Тейлор, которую изнасиловали в «Метрополе» под Новый год, и Рокси Пирс, изнасилованная в собственном доме, своих сайтов не имеют и в «Фейсбук» не заходят. И микроблогов не ведут.

Пострадавших от Туфельщика пока объединяет только одно. Все они недавно купили в брайтонских магазинах дорогие туфли. Все, кроме Мэнди Торп.

Несмотря на заверения доктора Праудфута, суперинтендент Грейс по-прежнему считал, что Мэнди Торп изнасиловал не Туфельщик, а кто-то другой. Может быть, подражатель.

Зазвонил телефон: констебль Майкл Форман из ОШ-1.

— Только что докладывали с «отеля-900». Они идут на заправку, сэр. Ничего особенного не заметили, кроме двух возможных аномалий на старом цементном заводе.

— Аномалий?! — ошеломленно повторил Грейс. Интересно, что вертолетчики называют аномалиями?

Он знал, что у них на борту имеется инфракрасное оборудование, тепловизор, способный различить человека в темноте или густом тумане по теплу, испускаемому телом. С помощью тепловизора можно обнаружить, например, угонщика, который прячется от полиции в лесу или в темном переулке. К сожалению, прибор реагирует не только на людей, но и на животных — и вообще на любой источник тепла.

— Совершенно верно, сэр. Но кто там, они сказать не могут. Может, люди, а может, на завод забрели лисы, барсуки, кошки или собаки.

— Ладно, вышли туда опергруппу, пусть все проверят. И держи меня в курсе.

Через полчаса констебль Форман перезвонил Грейсу. Ворота старого цементного заводы закрыты. Забор высокий, в десять футов, сверху колючая проволока. И везде камеры.

— Куда попадает картинка? — спросил Грейс.

— В зал видеомониторинга обслуживающей фирмы. Фирма местная, брайтонская, надежная. Называется «Суссекский дистанционный контроль». Если бы там что-нибудь происходило, они бы сразу заметили, сэр.

— Знакомое название, — сказал Грейс.

— Полицейское управление тоже заключило с ними контракт. Кажется, именно они обслуживают Суссекс-Хаус.

— А, ну ладно…

Как и все местные жители, Грейс отлично знал старый цементный завод. Если подъезжать к Брайтону с запада, он виден издалека. Ходили слухи, что завод снова собираются запустить после почти двадцатилетнего перерыва. Завод занимает огромную территорию. На ней несколько строений — бывших цехов. Каждый размером со стадион, а то и больше. Грейс не знал, кто сейчас владеет заводом, но, несомненно, на воротах имеется вывеска.

Чтобы провести там обыск, нужно либо заручиться согласием владельцев, либо добыть ордер. А чтобы обыск прошел успешно, туда придется направить большую бригаду. И искать придется днем.

Он сделал пометку в блокноте — дела на утро.

114

18 января, воскресенье

— Джесси! — крикнул он. — Тебе звонят!

Голос у него звучал так убедительно, что она почти ему поверила.

— Джесси! Это Бенедикт! Предлагает мне сделку, чтобы я тебя выпустил! Но сначала он хочет убедиться, что ты в порядке. Он хочет поговорить с тобой!

Она продолжала молчать, пытаясь сообразить, что делать. Неужели Бенедикт правда позвонил, что вполне вероятно, и этот подонок ответил?

Или он бьет наугад?

Никаких денег у Бенедикта нет. О чем он может договариваться с ее похитителем? И потом, эта мразь — настоящий извращенец, Туфельщик или как там его. Он хотел, чтобы она ввела в себя шпильку от туфли… О чем с таким можно договариваться? Скорее всего, он врет.

Кроме того, Джесси понимала: стоит ей подать голос, и она выдаст себя.

Она скорчилась на старых мешках с цементом. Руки и ноги затекли, отчаянно хотелось пить. И все же здесь, наверху, она в относительной безопасности. Она слышала, как он почти два часа ползал по ангару, сначала внизу, потом по площадке у нее над головой, потом обследовал еще один уровень, который, судя по звукам, находился почти под ней. Однажды он подобрался так близко, что Джесси услышала его сопение. Он тоже старался не выдать себя ни единым звуком. Иногда это у него не получалось — когда он с размаху врезался в какой-нибудь выступ или спотыкался. Но фонарик он все равно не включал.

Может, разбил? Или батарейка села…

Неожиданно Джесси заметила внизу красный огонек, и по спине у нее побежали мурашки.

В технике она не очень разбиралась, зато помнила кино, в котором маньяк надел прибор ночного видения. От него тоже исходил едва различимый красный огонек. Неужели у Туфельщика тоже есть такой?!

Значит, он может следить за ней, оставаясь при этом невидимым!

Тогда почему он до сих пор не набросился на нее? Ответ может быть только один: он не может ее найти.

Для того и врет про звонок от Бенедикта.

Одно он знал наверняка. Внизу ее нет. Он обшарил каждый сантиметр пола. Должно быть, она поднялась выше, но куда? На верхнем ярусе — шнеки подачи сыпучих материалов и печи для обжига. Там много мест, где можно спрятаться, но он обыскал их все.

А она не дура, эта сучка! Может, она все время перемещается с места на место? С каждой минутой он все больше тревожился. Надо во что бы то ни стало увезти ее отсюда. А еще надо завтра обязательно показаться на работе. Завтра очень важный день. У него переговоры с потенциальным крупным клиентом и встреча с руководством банка — пора расширять дело. Перед важными переговорами необходимо хоть немного поспать.

А еще нужно показаться окулисту.

— Джесси! — снова позвал он ласковым голосом. — Тебя к телефо-о-о-о-ну! — И через несколько секунд: — Джесси, я знаю, где ты! Я вижу тебя наверху! Если гора не идет к Магомету, тогда Магомет идет к горе!

Ответом ему было молчание. Снова хлопнула дверца кухонного шкафчика. И снова — через четыре секунды:

— Джесси, лучше отзовись. Когда я тебя найду, тебе же будет хуже… Тебе будет очень-очень плохо!

* * *

Джесси не издала ни звука. Одно она знала точно. Пока здесь темно, у этой мрази есть перед ней преимущество. Но как только взойдет солнце и в заброшенный цех начнут проникать слабые лучи света, все сразу изменится. Он пытается ее запугать; вполне возможно, он способен на многое. Но она не сомневалась, что сильно поранила ему глаз. И нож по-прежнему у нее — под рукой.

Сейчас полночь. Солнце взойдет часов в семь утра. Ей надо каким-то образом собраться с силами, забыть о мучительной жажде и усталости. О том, чтобы поспать, не может быть и речи.

Завтра сюда проникнет луч света. Ангар очень старый. Он уже рассыпается. Где-нибудь наверняка есть дыра, через которую она сможет проползти. Даже если придется лезть на крышу.

115

19 января, понедельник

Несмотря на решительные возражения Кена Акотта, Грейс отказался освободить его подзащитного, Джона Керриджа, или Ра. Он добился в суде продления срока содержания таксиста под стражей еще на тридцать шесть часов. Ему охотно пошли навстречу; дело в том, что допросы Керриджа еще и не начинались — ведь адвокат потребовал непременного присутствия на них врача-психиатра.

Подозреваемый Ра по-прежнему очень не нравился Грейсу. Тем не менее он понимал, что улики против него пока выглядят не очень убедительно. Его мобильный телефон ничего не дал. В списке контактов всего пять номеров. Один принадлежал владельцу такси, второй — таксомоторной компании, еще два — мобильный и городской — хозяевам баржи, на которой он сейчас жил. Хозяева баржи уже несколько лет обитали в Гоа. Последний номер принадлежал психиатру, у которого Керридж не был больше года.

И компьютер таксиста не показал ничего интересного. Он почти каждый день заходил на сайты крупных обувных магазинов и смотрел коллекции дамских туфель. Посещал интернет-аукцион. Заходил на сайты парфюмерных магазинов. Кроме того, интересовался туалетным оборудованием Викторианской эпохи и картами местности.

Они пригласили эксперта — даму, специалиста по синдрому Аспергера. В том случае, если она даст добро, Акотт позволит допросить своего клиента. Остается надеяться, что тогда им удастся выяснить еще что-нибудь.

Как только Грейс вернулся к себе в кабинет после утренней оперативки, зазвонил его мобильный телефон.

— Рой Грейс, — ответил он.

Он узнал голос заведующей криминалистической лабораторией «Орхидея». Голос у нее был очень довольный.

— Рой, есть данные по ДНК!

Он страшно удивился:

— Но ведь мы послали образцы только вчера ночью!

— У нас новое оборудование; правда, оно пока проходит испытания. Не уверена, что результаты, полученные с его применением, достаточны для суда. Но в обоих образцах ДНК такого хорошего качества, что мы взяли часть для эксперимента. Мы ведь понимаем, как важно срочно получить результат.

— Ну и что?

— У нас два совпадения — по одному для каждого образца. Одно полное, на сто процентов, второе частичное — родственная связь. На сто процентов подтверждается личность покойницы. Это Рейчел Райан, пропавшая в девяносто седьмом году. Ну как?

— Вы уверены?

— Не я уверена, а машина. Мы продолжаем обрабатывать ДНК традиционными способами, поэтому окончательные результаты будут чуть позже. А в общем… да, я вполне уверена.

Грейс позволил себе сделать паузу, чтобы осознать то, что он только что услышал. Хотя результат был ожидаемый, он все равно испытал потрясение. Двенадцать лет назад ему не удалось спасти жизнь молодой женщины… Грейс сделал пометку в блокноте: найти родителей Рейчел Райан. Вдруг они еще живы. Хотя данная весть для них совсем нерадостная. Но по крайней мере, они узнают, какая судьба постигла их дочь.

— А второй образец? — спросил он. — Что там с родственной связью?

Он помнил: наличие родственной связи означает близкое, но не точное подобие. Обычно такое сходство ДНК бывает у братьев и сестер или детей и родителей.

— Мы исследовали следы спермы из презерватива, найденного на теле Рейчел Райан. Сходство прослеживается у одной дамы по имени миссис Элизабет Уаймен-Бентам.

Грейс взял ручку, уточнил, как пишется фамилия. От волнения у него дрожали руки. Следом за именем он записал адрес.

— Почему она оказалась в нашей базе данных?

— Ее задерживали за вождение в нетрезвом виде.

Он поблагодарил заведующую лабораторией и, едва отключившись, набрал номер справочной. Назвав фамилию женщины и ее адрес, он через несколько секунд получил номер телефона и набрал его.

Телефон сразу переключился на автоответчик. Он оставил сообщение, представившись и назвав свою должность, и попросил срочно перезвонить ему на мобильный телефон. Потом ввел фамилию женщины в поисковик «Гугл». Вдруг о ней удастся что-нибудь узнать? Особенно — где она работает. Сейчас четверть десятого утра. Скорее всего, она уже на службе или едет туда.

Вскоре на мониторе появилась заставка сайта какой-то фирмы. Сбоку он увидел шапку: «Лиззи Уаймен-Бентам, начальник отдела по связям с общественностью». Экран заполнила фотография женщины средних лет, с пышной шапкой кудрявых волос; ниже шли номера ее рабочих телефонов и информация о компании. Как только он нажал на ссылку «Контакты», зазвонил его телефон.

Грейс услышал запыхавшийся женский голос:

— Извините, я вам не ответила… звонок услышала уже с порога, спешила на работу! Чем могу вам помочь?

— Возможно, мой вопрос покажется вам странным, — сказал Рой Грейс. — У вас есть брат или сын?

— Брат… — Женщина осеклась. — Что с ним? Что-то случилось? Он попал в аварию?

— Нет-нет, с ним все в порядке, насколько нам известно. Мне нужно побеседовать с ним в связи с расследованием одного дела.

— Господи… А я так перепугалась!

— Вы не скажете, как мне его найти?

— Говорите, расследование? Ах да, конечно… Он ведь часто с вами работает! Его зовут Гэрри Старлинг, а его компания… точнее, у него их две, «Суссекские системы безопасности» и «Суссекский дистанционный контроль», — находятся обе в одном и том же здании в Льюисе.

Грейс все аккуратно записал и спросил рабочий номер Стерлинга.

— Я все же не понимаю, почему… вы сначала позвонили мне?

— Боюсь, ответить будет сложно, — ответил Грейс.

Голос собеседницы омрачился:

— У Гэрри действительно никаких неприятностей? Я хочу сказать… он ведь вполне уважаемый бизнесмен; у него прекрасная репутация!

Не желая больше ничего говорить, Грейс заверил ее: нет, с ее братом все в порядке. Закончив разговор, он тут же позвонил Стерлингу на работу. Ему ответил приятный женский голос. Не называясь, он просто попросил позвать Гэрри Старлинга.

— Он еще не приехал, — ответила женщина, — но, наверное, скоро будет. Обычно он в это время уже на работе. Я его секретарь. Что ему передать?

— Я перезвоню, — сказал Грейс. Ему с трудом удавалось сохранять хладнокровие.

Отключившись, он поспешил в оперативный штаб, на ходу составляя план действий.

116

19 января, понедельник

Света оказалось меньше, чем представлялось Джесси; она решила, что в каком-то смысле это даже хорошо. Если она будет очень, очень осторожной и не зашумит, то сумеет на цыпочках пройти несколько шагов по металлическим мосткам и посмотреть вниз, на его машину.

Его автодом кремового цвета стоял на прежнем месте. Весь грязный, боковая дверца открыта. Такие дома на колесах она видела в фильмах про «детей цветов». Один из символов эпохи хиппи… Занимайтесь любовью, а не войной…

Этот мерзавец не очень-то похож на хиппи!

Его нигде не видно. Наверное, сидит внутри. Спит? Нет, вряд ли… Сама Джесси в темноте то и дело задремывала. Однажды она едва не вскрикнула: к ее плечу прикоснулось что-то мягкое. Может, летучая мышь? Чуть позже, когда с восходом солнца внутрь начал проникать тусклый, слабый свет, к ней подошла крыса и внимательно посмотрела на нее.

Джесси терпеть не могла крыс, зато сон после той встречи как рукой сняло.

Что он задумал? Что происходит за стенами ее узилища? Вертолет больше не возвращался; может быть, он вовсе и не ее искал. И сколько еще будет продолжаться этот ужас?

Наверное, в его доме на колесах есть еда. Вода есть точно. Наверное, и продукты он тоже припас. Он может выжидать там очень долго. А если у него работа или семья? Зато она

без воды и еды долго не протянет. Силы еще есть, но они тают. Она смертельно устала. Держится на одном адреналине.

И на решимости.

Она непременно выйдет замуж за Бенедикта. И эта мразь ей не помешает! Ничто ей не помешает!

Я обязательно выберусь отсюда!

С рассветом поднялся сильный ветер; казалось, он с каждой минутой становился все сильнее. Какофония звуков вокруг усилилась. Вот и хорошо; громкие звуки заглушат шум, который она произведет. Когда начнет двигаться.

Вдруг она услышала снизу его яростный рев:

— ЛАДНО, СУКА! ХВАТИТ С МЕНЯ ТВОИХ ПРОКЛЯТЫХ ИГР! Я ИДУ ЗА ТОБОЙ, СЛЫШИШЬ? Я ПОНЯЛ, ГДЕ ТЫ, И ИДУ ЗА ТОБОЙ!

На цыпочках Джесси прокралась назад, к своему наблюдательному пункту, и посмотрела вниз. Увидев своего мучителя — по-прежнему без маски, — она невольно вздрогнула. Правый глаз заплыл; вся правая сторона лица посинела. Он бегал по бетонному полу, сжимая в одной руке большой гаечный ключ, а в другой — нож для мяса.

Он бежал прямо ко входу в бункер!

Потом до нее снова донесся его торжествующий крик:

— АГА, ОЧЕНЬ УМНО, СУКА! ЛЕСТНИЦА НАВЕРХ ВНУТРИ БУНКЕРА! КАК ТЫ ЕЕ НАШЛА?

Через несколько секунд загремели металлические ступеньки.

117

19 января, понедельник

Гленн Брэнсон уже ждал Роя Грейса в машине без опознавательных знаков у въезда в промышленную зону. В кармане у него лежал подписанный ордер на обыск.

Судя по карте, которую они изучили, второпях готовясь к операции, во владения Гэрри Старлинга вели две дороги. Обе компании, «Суссекские системы безопасности» и «Суссекский дистанционный контроль», расположились в одном здании. Очень удобно! Патрульные машины перекрыли обе дороги; чуть дальше, вдали от посторонних глаз, стояли еще несколько машин. Если Старлинг объявится, его немедленно арестуют.

На территорию уже прошли четверо детективов в штатском. В переулке дежурили две бригады кинологов с собаками. Они перекрывали выходы из офисного здания. Сбоку стоял микроавтобус вспомогательной службы, в котором сидели еще шестеро полицейских в бронежилетах. Четыре патрульные машины дежурили у выезда на шоссе — в случае, если Старлинг решит бежать.

Свою машину Грейс оставил на соседней улице, а сам пересел к Гленну Брэнсону. Его мучило беспокойство. Да, он еще в девяносто седьмом подозревал, что Рейчел Райан погибла… Его опасения подтвердились через двенадцать лет, и никакого облегчения он не испытал.

Суперинтендент не переставал напряженно думать. Туфельщик ни разу не подарил им следов своей ДНК. По словам пострадавших, у него проблемы с эрекцией. Может, Гэрри Старлинг — все-таки не Туфельщик? Или убийство Рейчел Райан — если ее убил он — так потрясло Старлинга, что он лишился мужской силы?

Почему сегодня утром его нет в офисе?

Как они докажут, что Рейчел Райан убил Старлинг? Пока им известно только одно: двенадцать лет назад он занимался с ней сексом, а позже Рейчел Райан погибла. Умерла

насильственной смертью. Важно, какую позицию займет в деле служба исполнения наказаний.

Миллион вопросов без ответов.

Грейс уже не сомневался: Джесси Шелдон похитил тот же, кто двенадцать лет назад убил Рейчел Райан. Главное — ничего сейчас не упустить. Они не имеют права повторять старые ошибки. Если все пойдет как надо, есть надежда, что они застанут Джесси живой. И не придется еще через двенадцать лет извлекать из могилы ее труп…

Они подъехали к красивому парадному входу в «Суссекские системы безопасности» и «Суссекский дистанционный контроль». На служебной стоянке стояли машины сотрудников. Грейс заметил свободное место с пометкой «Генеральный директор». Но гораздо больше его заинтересовали белые микроавтобусы с логотипами двух компаний.

В четверг, после неудавшегося нападения на Ди Барчмор, со стоянки за Гранд-отелем на огромной скорости выехал белый микроавтобус. И Рейчел Райан двенадцать лет назад тоже увезли в белом микроавтобусе.

Грейс и Брэнсон вылезли из машины и зашагали к парадному входу. За изогнутой стойкой, украшенной, как и микроавтобусы, логотипами обеих компаний, сидела женщина-администратор среднего возраста. Справа от стойки стояли удобные кресла и журнальные столики — наверное, здесь ждали своей очереди клиенты. На столиках лежали выпуски журнала «Суссекс лайф» и несколько сегодняшних газет, в том числе и «Аргус».

В голову Грейсу пришла мрачная мысль: судя по всему, завтрашний выпуск «Аргуса» они уже не выложат. Можно себе представить, какой заголовок появится на первой полосе…

— Чем я могу вам помочь?

Грейс показал удостоверение.

— Мистер Старлинг уже приехал?

— Н-нет… его еще нет, — взволнованно ответила администраторша.

— Он часто приезжает поздно?

— Н-нет… обычно по понедельникам он приходит на работу первым!

Грейс показал администраторше ордер на обыск и дал несколько секунд на то, чтобы она его прочитала.

— Мы намерены обыскать здание. Буду вам очень признателен, если вы приставите к нам человека, который покажет, где что находится.

— Сейчас… сейчас позову управляющего, сэр!

— Отлично. Мы приступаем. Пусть сам нас найдет!

— Д-да… хорошо. Вам сообщить, когда приедет мистер Старлинг?

— Не надо, — ответил Грейс. — Мы сами узнаем.

Администраторша смерила его ошеломленным взглядом.

— Где зал мониторинга? — спросил Грейс.

— На втором этаже. Сейчас позову мистера Адденберри; он вас проводит.

Грейс ткнул рукой в дверь на лестницу:

— Так можно?

— Да; как подниметесь на второй этаж, поверните направо по коридору. Пройдете бухгалтерию, потом колл-центр, а следующая дверь — зал мониторинга…

Грейс и Брэнсон поднялись на второй этаж. Вскоре их догнал лысеющий коротышка лет сорока, с испуганным лицом. На нем был серый костюм; из нагрудного кармана торчали авторучки.

— Здравствуйте. Чем могу вам помочь? Меня зовут Джон Адденберри, я генеральный управляющий, — немного заискивающе представился коротышка.

Когда Грейс объяснил, кто они, и показал ордер на обыск, лицо у Адденберри сделалось такое, словно он прикоснулся к оголенному проводу.

— Ясно, — промямлил он. — Ясно… Конечно. Мы сотрудничаем с полицией Суссекса. Уголовный розыск тоже пользуется нашими услугами… У нас крупный заказ…

Он повел их в зал мониторинга. В кресле перед телемониторами сидел жирный парень в форменном комбинезоне, который еле на нем сходился, с сальными волосами. Парень жевал жвачку и выдувал пузыри. Грейс невольно подумал, что для таких развлечений оператор все же староват. На столе перед парнем стояла большая бутыль кока-колы и огромный пакет с чипсами «Дорито». Рядом помещался микрофон и панель управления, а также компьютерная клавиатура.

— Это Данстен Кристмас, — представил парня Адденберри. — Дежурный оператор.

Но Грейс уже разглядывал мониторы. На одном он увидел картинку: фасад красивого жилого особняка.

— У вас здесь дом семьдесят шесть по Дроуввэй. Фамилия владельца Пирс? — спросил он, хмурясь.

— Ага, — кивнул оператор. — Там ведь хозяйку изнасиловали, да?

— Когда я там был, то не заметил никаких камер.

— Конечно, не заметили, — ответил Кристмас, грызя ноготь. — Потому что там все камеры — скрытые.

— Почему никто не сказал нам об этом? Ведь в объектив мог попасть насильник! — рассердился Грейс.

Кристмас покачал головой:

— Не-а, в ту ночь камеры как раз не работали. С полудня отключились. А снова заработали только на следующее утро.

Грейс смерил парня тяжелым взглядом; покосившись на Брэнсона, он понял по выражению лица напарника, что у того сходные мысли. Этот жирдяй что-то скрывает или он ни при чем? Он перевел взгляд на монитор. Картинка уже сменилась: теперь изображение шло с камеры, расположенной в саду за домом.

Именно в тот вечер, когда хозяйку дома изнасиловали, камеры почему-то не работали… Компанию возглавляет их новый главный подозреваемый.

Слишком много совпадений!

— И часто у вас ломаются камеры?

Кристмас покачал головой и снова принялся грызть ноготь.

— Нет. Очень редко. Система хорошая, и обычно срабатывает аппаратная защита.

— Но в ту ночь, когда напали на миссис Пирс, аппаратная защита не сработала?

— Ну да, я же и говорю.

— А что с этим монитором? — спросил Гленн Брэнсон, показывая на черный экран под номером двадцать.

Грейс кивнул:

— Да, я собирался спросить то же самое.

— Там сигнализацию отключили за неуплату.

— А до того, как отключили, что здесь было?

— Старый цементный завод в Шорэме, — ответил Кристмас.

19 января, понедельник

Джесси знала, что ей делать, но, когда важный миг настал, она словно обмерла. Впала в ступор.

Он приближался. Ступеньки размеренно гремели. Она уже слышала, как он дышит. Все ближе. Ближе… Уже почти добрался до верха!

Над ней раздался звук, напомнивший стрекотание вчерашнего вертолета. Но она не обратила на него внимания. Сейчас нельзя отвлекаться. Сжав в руке нож, она заставила себя посмотреть вниз и от страха едва не выпустила нож. Он уже совсем рядом, в нескольких футах под ней!

Его правый глаз нелепо раздулся, как будто глазное яблоко вылезло наружу из черепа. Вокруг раны запеклась кровь и еще что-то серое. Вся правая сторона лица была багрово-синей. Из наружного кармана куртки торчал массивный гаечный ключ; одной рукой он держался за верхнюю ступеньку, а в другой сжимал нож для мяса. Он смотрел на нее одним глазом снизу вверх, и этот его единственный глаз дышал ненавистью. Как высоко она, оказывается, забралась!

Стараясь успокоиться, Джесси вспоминала тренировки по кикбоксингу. Правда, ее не учили наносить удар из такого положения, в каком она находилась сейчас. Если она сильно ударит его ногами в лицо, то ей, возможно, удастся сбросить его с лестницы.

Джесси снова глянула вниз — и снова закружилась голова. Она присела на корточки, стараясь думать не о том, как она высоко, а о своем мучителе. Потом она оперлась обеими руками о металлический помост. Сгруппировалась, согнула колени и, уцепившись пальцами за прутья, распрямила ноги.

И сразу правую ступню ожгло, словно огнем!

Она вскрикнула от боли. Он крепко схватил ее за левую ногу — зажал, как в тисках. Он тащил ее к себе. Пытался сбросить вниз! Джесси поняла, что совершила ужасную ошибку. Он вонзил ей нож в правую ногу и схватил ее обеими руками, отпустив лестницу. Джесси поняла, что он гораздо сильнее, чем кажется на вид. И тут же поняла другое: если он сбросит ее, то вместе с ней упадет и сам. И тоже разобьется! Он что, собирается покончить с собой? Если она не хочет упасть с такой высоты, значит, придется тащить его наверх.

Он то и дело колол ее ножом: в ступню, в лодыжку. Он повис на ее ногах, держась левой рукой, а правой наносил удары ножом. Вдруг правую ногу охватила ужасная боль; нога сразу как будто онемела.

Джесси поняла: он проткнул ей ахиллесово сухожилие.

В отчаянии она не глядя пнула его ногой. А сама повалилась назад, на спину.

Он выпустил ее.

Джесси с трудом поднялась, но тут же снова упала на спину. Послышался лязг — нож выпал из рук и, к ее ужасу, провалился вниз, в щель между металлическими прутьями мостков, на которых она стояла. Далеко внизу послышался металлический удар: бумм! Правая нога больше не действовала.

О Господи! Пожалуйста, помоги мне!

Он уже карабкался к ней на мостик, по-прежнему сжимая в руке нож для мяса.

Несмотря на боль, Джесси старалась вспомнить, чему ее учили на тренировках. Сейчас она находится в более выгодном положении. И левая нога еще действует.

Он уже вскарабкался на мостик и, стоя на коленях всего в шаге от нее, начал приподниматься.

Она лежала неподвижно и наблюдала за ним.

Его лицо расплывалось в злобной ухмылке. Он опять улыбается. Думает, что все в порядке. Что он снова хозяин положения!

Он навис над ней, сжимая в правой руке окровавленный нож, а левой доставая из нагрудного кармана гаечный ключ. Пошатываясь, он шагнул к ней и замахнулся ключом…

В голове Джесси вихрем пронеслась мысль: сейчас он опустит этот тяжеленный ключ ей на голову!

Она согнула левое колено и из последних сил лягнула его, метя точно в коленную чашку. Послышался хруст — она попала! Как тогда, на хоккее, угодила клюшкой в колено своей главной обидчице…

Его лицо перекосилось от боли. Он страшно взвыл и повалился на спину. Джесси кое-как встала и на одной ноге отпрыгнула подальше от него.

— О-о-о-о! Мое колено! Ах ты, сука проклятая!

На другом конце мостков находилась другая лестница. Джесси заприметила ее некоторое время назад и теперь, забыв о том, что боится высоты, заковыляла к ней. Ухватилась за перила и, где ступая на ногу, где скользя на руках, устремилась вниз. Скорее, скорее!

Ее мучитель за ней не гнался.

Едва нога коснулась пола, кто-то обхватил ее за талию.

Джесси закричала от ужаса.

Спокойный, мягкий незнакомый голос спросил:

— Вы Джесси Шелдон?

Она обернулась. На нее смотрел высокий мужчина в бейсболке; из-под бейсболки, на которой было написано слово «Полиция», выбивались серебристые пряди…

Джесси упала ему на грудь и разрыдалась.

119

23 января, пятница

— Невероятно! Какая же ты, оказывается, сволочь! Уму непостижимо… ты хоть представляешь, что тебе теперь грозит? Сволочь, мразь! Грязный извращенец! Ты… ты… чудовище!

— Потише, — устало попросил он.

Дениз Старлинг в упор посмотрела на мужа. Правый глаз у него не видел. Его переодели в бесформенный синий тюремный костюм. Они разговаривали в просторном зале для свиданий, обставленном пестрой, яркой мебелью. С потолка за ними следила камера; разговор записывался через микрофон. Их разделял синий пластиковый стол.

Справа и слева от них другие заключенные тоже беседовали с родственниками.

— Ты газеты читал? — спросила Дениз. — Тебе приписывают изнасилования, которые Туфельщик совершал еще в девяносто седьмом! Значит, и они твоих рук дело?

— Потише, черт тебя дери!

— Почему? Боишься, как с тобой обойдутся сокамерники? В тюрьме извращенцев не любят! Будут тыкать тебе в зад шпильки в душе! А что, тебе такое нравится!

— Да заткнись ты! Нам надо кое-что обсудить.

— Мне нечего с тобой обсуждать, Гэрри Старлинг! Ты сломал мне жизнь! Я всегда знала, что ты — мерзкий извращенец! Но я понятия не имела, что ты еще насильник и убийца. Надо

же, изнасиловал девушку на аттракционе «Поезд-призрак»! Я помню, как на одном из первых свиданий ты и меня потащил на этот аттракцион и в темноте сунул мне палец в задний проход! Совсем спятил!

— Я ничего не знаю ни о каком «Поезде-призраке». Там был не я. Поверь мне!

— Ага, так я тебе и поверила. Ха-ха!

— Там был не я. Я этого не делал!

— Ну да, конечно. И на цементном заводе тоже ничего не делал? Наверное, там орудовал твой брат-близнец, которого у тебя нет!

Старлинг ничего не ответил.

— А кто меня связывал? Кто заставлял засовывать шпильки от туфель во все дырки, а сам смотрел и кончал?!

— Дениз! Замолчи!

— А мне плевать. Пусть все слышат! Ты мне жизнь поломал! Забрал мои лучшие годы! И вешал лапшу на уши — мол, не хочешь заводить детей, потому что у тебя было трудное детство. Ты чудовище! Здесь, в тюрьме, тебе самое место! А потом ты будешь вечно гнить в аду. Кстати, найми себе хорошего адвоката, потому что от меня послабки не дождешься. Наоборот, при разводе отсужу все до последнего пенни!

Она разрыдалась.

Он молчал. Что тут скажешь? Если бы он только мог, то сейчас же задушил бы эту суку голыми руками!

— Я думала, ты меня любишь, — рыдала Дениз. — Думала, мы сможем прожить вместе… Я знала, что у тебя с головой не в порядке, но думала, что, если буду любить тебя, ты изменишься… Я ведь соглашалась делать все, что ты меня просил!

— Прекрати!

— Я правду говорю… Когда-то ты мне доверял… Двенадцать лет назад, когда мы поженились, ты говорил, что я — единственная, с кем тебе спокойно. Кто понимает тебя. Ты признался, что мать заставляла тебя трахать ее, потому что твой отец был импотентом. И из-за этого, мол, у тебя отвращение к женским половым органам, даже к моим… Сколько мы с тобой денег угрохали на всяких психологов и психиатров!

— Дениз, заткнись!

— А ты мне рот не затыкай! Когда мы стали жить вместе, я поняла, что тебя по-настоящему заводят только туфли. Я и с этим смирилась, потому что любила тебя!

— Заткнись, сука!

— А все-таки нам иногда бывало хорошо! Я и не догадывалась, что замужем за чудовищем!

— Да, нам с тобой бывало хорошо, — вдруг согласился он. — До последнего времени. Когда ты изменилась.

— Изменилась?! Что значит «изменилась»? Хочешь сказать, мне надоело трахаться с туфлями? Вот что, по-твоему, значит «изменилась»?

Он снова замкнулся.

— Что меня ждет? — не унималась Дениз. — Теперь я — жена Туфельщика! Ты доволен? Радуешься, что поломал мне жизнь? Помнишь наших лучших друзей, Мориса и Уллу? Мы с ними каждую субботу вместе ужинали в «Китайском дворике»… А теперь, едва услышав мой голос по телефону, они бросают трубку!

— Просто они тебя не любят, — ответил он. — Они дружили со мной, а тебя, старую уродину, просто терпели, потому что ты была моей женой!

— Знаешь, что я сейчас сделаю? — воскликнула Дениз. — Вот вернусь от тебя и покончу с собой! Тебе все равно?

— Ты уж покончи как следует, чтобы не пришлось переделывать, — посоветовал он.

120

23 января, пятница

Дениз Старлинг мчалась домой в черном спортивном «мерседесе» с откидным верхом. Сквозь пелену слез она смотрела на мокрую дорогу впереди. «Дворники» хлопали по ветровому стеклу. По каналу Би-би-си ведущая щебетала об испорченных выходных и приглашала радиослушателей звонить в студию.

А у меня, выходит, испорчены все выходные… Вся жизнь! Жизнь с Гэрри Старлингом была катастрофой! А сейчас все еще хуже.

Ах он гад!

Через три года после свадьбы Дениз забеременела. Гэрри заставил ее сделать аборт. Объяснил, что ему страшно растить детей в таком страшном мире. Даже стихи цитировал — какого-то поэта, она не запомнила фамилию, про то, как ребенка портят родители.

Оттого, что с ним случилось в детстве, у него совсем поехала крыша. И в башке у него такое, что она и понять-то не в состоянии.

Дениз Старлинг гнала машину по Лондон-роуд, не глядя на спидометр. Поняв, что ее засекла камера, она громко заорала:

— Да пошли вы!

Она повернула на Эдвард-стрит, проехала мимо здания суда, Брайтонского колледжа и Королевской больницы графства Суссекс. Затем повернула направо и оказалась напротив Брайтонского гольф-клуба, в котором состоял Гэрри. Вдруг ей немного полегчало: теперь-то его наверняка исключат из всех клубов. И он тоже станет парией, как она!

Дорога пошла в гору. Вырулив на Роудин-Креснт, Дениз повернула направо, на дорожку, ведущую к их огромному дому в псевдотюдоровском стиле, проехала мимо гаража на две машины и остановилась перед серым «вольво» Гэрри.

Глаза по-прежнему застилали слезы. Она отперла парадную дверь. Сигнализация почему-то не отключалась. В голове промелькнула мысль: «Вот так всегда! Единственный раз, когда у нас проблемы с сигнализацией, Гэрри рядом нет, и некому починить!»

Она с силой захлопнула дверь и накинула цепочку.

Будьте вы все прокляты! Объявили мне бойкот? Делаете вид, будто меня нет? А мне плевать! Я тоже сделаю вид, будто вас не существует. Сейчас вот открою бутылку самого дорогого вина — где там у Гэрри кларет? — и напьюсь в хлам!

Вдруг тихий голос у нее за спиной произнес:

— «Шалимар»! Мои любимые духи! Я сразу их узнал, когда встретил тебя!

Чья-то рука больно сдавила ей горло. К носу прижалось что-то влажное, пахнущее сладко и вяжуще. Несколько секунд она вырывалась, но потом в голове все завертелось.

Перед тем как потерять сознание, Дениз услышала:

— Ты похожа на мою мать… Ты обижала мужчин. Делала с ними плохие вещи и развращала их. Ты мерзкая! Ты дьяволица, как моя мать! Ты обидела меня, когда ехала в моем такси. И своего мужа ты тоже погубила! Пора тебя остановить, иначе ты погубишь кого-нибудь еще! — Поскольку она не отвечала, он зашептал ей на ухо: — Сейчас я кое-что сделаю с тобой… То же самое, что и с матерью. Правда, с ней я немного опоздал —

пришлось придумать кое-что. Зато потом было хорошо. Я знаю, после этого мне тоже будет хорошо. Может быть, даже лучше… Ага-ага!

Ра поволок безжизненное тело вверх по лестнице. Черные туфли «Кристиан Лубутэн» стучали по ступенькам.

Дойдя до площадки второго этажа, он остановился отдышаться. От усилий он весь вспотел. Похлопал друг о друга ладонями в перчатках. Нагнулся, поднял с пола синий буксирный трос, найденный в гараже, и прочно привязал его за один конец к псевдотюдоровской потолочной балке. С площадки второго этажа до балки было рукой подать. На другом конце троса он заранее завязал скользящую петлю. И высчитал высоту.

Накинув петлю на шею обмякшей женщины, он с трудом перекинул ее через перила.

Посмотрел, как она падает, потом дергается, потом крутится — все крутится и крутится.

Прошло несколько минут, прежде чем она совсем затихла.

Он покосился на ее туфли. Он помнил ее туфли с первого раза, когда она села к нему в такси. Ужасно хотелось отнять их у нее.

Теперь, когда она неподвижно висела на тросе и выглядела совсем мертвой, она снова напомнила ему мать.

Она больше никому не сделает больно.

Совсем как его мать!

— Ее я придушил подушкой, — сказал он, обращаясь к Дениз. Но она не ответила. Правда, он особенно и не ждал от нее ответа.

Туфли он решил оставить, хотя его так и подмывало их забрать. В конце концов, забирать туфли — это стиль Туфельщика. А не его.

121

25 января, воскресенье

Стояло погожее воскресное утро. Начинался прилив, и младенец на соседней барже не плакал. Может, умер, с надеждой подумал Ра. Он читал о синдроме внезапной детской смерти. Может, и этот младенец тоже скончался внезапно? А может, живой. Но лучше бы умер.

Перед ним на столе лежали все выпуски «Аргуса» за неделю. По ним разгуливал кот Боцман. Ну и пусть себе разгуливает! Они с котом пришли к взаимопониманию. Зато Боцман больше не ходит по его туалетным цепочкам. А если хочет походить по газетам — что ж, пожалуйста.

Ему очень нравилось то, что он читал.

Жена Туфельщика покончила с собой. Все вполне понятно. Арест мужа стал для нее настоящим ударом. Гэрри Старлинг был в Брайтоне человеком известным. Большой шишкой. Скорее всего, жена не вынесла позора. Она сама ему сказала, что хочет покончить жизнь самоубийством, — и вот в самом деле повесилась.

Все просто замечательно и логично.

Ага-ага!

Начинался прилив; баржа «Том Ньюбаунд» покачивалась на волнах. Просто замечательно!

В прилив можно вытащить удочки.

Он забросил две лески и к каждой привязал грузила — чтобы во время отлива они утопли в иле. Конечно, он рисковал, потому что полицейские обыскивали баржу. Но оказалось, что бояться ему нечего. Они отодрали все доски с пола трюма. Порылись во всех

потайных местах. Но никому и в голову не пришло вытащить лески и поинтересоваться его уловом.

Вот и хорошо!

К концу второй лески был привязан водонепроницаемый пакет с грузилом. В пакете лежали туфли Мэнди Торп — не настоящие «Джимми Чу», а дешевая подделка. Ему не нравятся поддельные туфли. Им самое место в иле!

И ее он тоже правильно наказал — нечего покупать такую дешевку.

Но, надо признаться, ему понравилось ее наказывать. Мэнди Торп очень напомнила ему мать! Такая же толстуха. От нее так же пахло. С матерью он слишком долго дожидался удобного случая. Ему очень хотелось посмотреть, как это будет. И потому он промедлил. К тому времени, как он набрался храбрости, мать уже тяжело заболела. А с Мэнди Торп вышло хорошо. Как будто он наказывал мать. Очень, очень хорошо!

А с Дениз Старлинг все вышло еще лучше. Ему понравилось, как он ее наказал.

Она очень долго вращалась — как юла. Замечательно!

Зато в тюрьме ему совсем не понравилось. Плохо, что полицейские столько всего забрали с баржи. Они рылись в его вещах, ворошили его коллекции. Очень плохо!

Зато теперь ему все вернули. Похоже, как будто ему вернули жизнь.

И лучше всего, ему позвонили хозяева баржи и сказали, что остаются на Гоа еще на два года, а то и дольше. Он очень обрадовался.

Жизнь внезапно стала очень хорошей. Очень мирной.

Вот и прилив начинается. С ним ничто не сравнится!

Ага-ага!

122

20 февраля, пятница

Даррен Спайсер зашел в паб в прекрасном настроении. Постепенно у него вошло в привычку заходить туда по пути домой. Теперь, возвращаясь с работы, он обязательно выпивал две кружки пива «с прицепом». У него появляются привычки! Чтобы следовать режиму, не обязательно сидеть в тюрьме; жить по режиму можно и на воле.

Новый режим ему очень нравился. Из приюта Святого Патрика он ходил на работу в Гранд-отель — всегда пешком, чтобы сэкономить мелочь и поддерживать форму. В этом отеле горничной работала симпатичная молодая женщина по имени Тиа; она ему нравилась, а он, как он догадывался, нравился ей. Хорошенькая филиппинка немного за тридцать. Она рассказала, что ушла от своего прежнего сожителя, потому что тот ее избивал. Они постепенно сходились все ближе, хотя до главного дело еще не дошло. Но теперь это — лишь вопрос времени.

Завтра у них свидание. Вечерами ему трудно выбираться, потому что в приюте комендантский час, но завтра они проведут вместе весь день. Тиа с напарницей снимают квартирку на Льюис-роуд. Сегодня Тиа со смехом призналась ему: напарница уезжает на все выходные. Завтра, если повезет, они будут трахаться целый день!

Надо бы заказать еще рюмочку виски — отметить важное событие. Только хорошего виски, «Гленливет». Спайсер понимал, что слишком напиваться нельзя, потому что, если он вернется в приют пьяный в стельку, его тут же вышвырнут оттуда. А пока он на хорошем счету; его уже совсем скоро переведут в отдельный отсек. Поэтому он позволит себе всего одну рюмочку «Гленливета». Правда, и деньги для него не лишние — но положение с наличностью постоянно улучшается.

В Гранд-отеле удалось перевестись в обслуживание номеров: в богатых отелях вечная текучка персонала. Теперь у него есть запасной ключ от всех номеров. И сегодня он уже успел пошарить по сейфам. Кое-что прикарманил. Жадничать он не станет. Он собирался сдержать данное себе слово и больше не садиться за решетку. Из каждого сейфа он брал небольшую долю того, что там хранится. Конечно, так и подмывало стянуть что-нибудь посолиднее, например дорогие часы или побрякушки, но Спайсер держал данное себе слово и гордился тем, какой он дисциплинированный.

За прошедшие четыре с половиной недели он отложил уже почти четыре штуки. Заначка хранится в запертом чемодане в его личном шкафчике в приюте Святого Патрика. Цены на недвижимость падают, спасибо кризису. Если сложить зарплату Тиа и часть его доли, где-нибудь через год они прикупят себе квартирку в центре Брайтона. Или на окраине, зато подешевле. А может, сумеют выбраться за границу и купить недвижимость в теплых краях.

Например, в Испании.

Наверное, Тиа понравится жить в теплой стране.

Конечно, пока это только мечты. Воздушные замки. Он еще не говорил с Тиа ни о каком совместном будущем. Завтра, если повезет, он ее трахнет, — вот и все. Но она ему нравится. От нее исходит тепло, которое радует его всякий раз, как он стоит рядом с ней или разговаривает. Иногда надо слушать свой внутренний голос…

Через десять минут, когда Спайсер свернул с Уэстерн-роуд на Кембридж-роуд, тот же внутренний голос подсказал: что-то не так.

У входа в приют стоял серебристый «форд-фокус». Не пустой — за рулем маячила фигура.

Если всю жизнь крутишься, стараясь, чтобы тебя не сцапали, у тебя появляется что-то вроде шестого чувства. Полицейских опознаешь всегда, в любом обличье. Как и их машины.

Взгляд Спайсера упал на четыре короткие антенны на крыше «форда».

Вот влип!

Его охватил страх. С одной стороны, хотелось развернуться и побежать, с другой — остановиться и демонстративно вывернуть карманы. Но оказалось, что уже поздно. Плотный лысый чернокожий детектив, стоящий на пороге, уже заметил его. Спайсер решил, что лучше всего валять дурака. Блефовать.

Влип, снова подумал он. Мечты таяли как дым. Можно забыть о завтрашнем свидании со сладкой Тиа. Вместо соблазнительных постельных сцен перед его мысленным взором выросли угрюмые зеленые стены Льюисской тюрьмы.

— Здорово, Даррен! — приветствовал его сержант уголовной полиции Брэнсон, улыбаясь во весь рот. — Как делишки?

Спайсер смерил его настороженным взглядом.

— Да так, — ответил он, — нормально.

— Можно с тобой поговорить? — Брэнсон показал на дверь. — Нас пускают в ту комнату, что и в прошлый раз. Ты как, не против?

— Нет, не против. — Спайсер пожал плечами. — А в чем дело-то?

— Просто хочу кое-что тебе сказать. По-моему, ты обрадуешься…

Войдя в тот же зал, что и в прошлый раз, Спайсер сел, весь дрожа. Ему было очень и очень не по себе. Он не мог себе представить, чтобы сержант Брэнсон мог хоть чем-то его порадовать.

Брэнсон закрыл дверь и сел напротив, лицом к нему.

— Не знаю, помнишь ли ты наш прошлый разговор — ты позвонил мне и дал наводку на один заброшенный гараж за жилым комплексом «Мандалай-Корт». На гаражный бокс, в котором ты увидел белый микроавтобус.

Спайсер смерил детектива настороженным взглядом.

— Помнишь, я говорил тебе о награде? Пятьдесят тысяч фунтов! За сведения, ведущие к аресту и осуждению человека, который пытался напасть на миссис Ди Барчмор. Награду назначил ее муж.

— Ну да…

— Так вот, хочу тебя порадовать. Судя по всему, награда достанется тебе.

Спайсер расплылся в улыбке. Его охватило облегчение. Невероятное облегчение!

— Издеваетесь, да?

Брэнсон покачал головой:

— Нет. Если честно, суперинтендент Грейс, который возглавляет расследование, сам назвал твою фамилию. Мы сцапали подозреваемого только благодаря тебе. Его арестовали и предъявили ему обвинение.

— Когда я получу деньги? — недоверчиво спросил Спайсер.

— После суда. Кажется, заседание пройдет этой осенью; когда узнаю подробнее, сообщу. В общем, никто почти не сомневается в том, что мы взяли того, кого надо. — Брэнсон улыбнулся. — Ну, дружок, колись, как ты поступишь со своим богатством? Пустишь в трубу — точнее, в нос, как обычно?

— Нет. — Спайсер покачал головой. — Хочу купить квартирку. Так сказать, вложить деньги в будущее. А остальные деньги положу в банк. Красота!

Брэнсон покачал головой:

— Даже не мечтай. Опять профукаешь все на кокаин!

— Ну уж нет! За решетку я больше не вернусь. Хочу купить собственное жилье и начать честную жизнь. Да!

— Знаешь что? Пригласи нас на новоселье. Чтобы доказать, что ты изменился. Согласен?

Спайсер ухмыльнулся:

— Тут возможны сложности, как говорится. Ведь на новоселье устраивают вечеринки, верно? А на вечеринках всякое бывает… так сказать, для подогрева. А тут вы нагрянете. Неудобно получится — для вас же. В общем, не хочу вас смущать.

— Меня смутить нелегко.

Спайсер пожал плечами:

— Пятьдесят штук! Просто не верится… Мать твою, вот это да!

Сержант посмотрел в глаза матерому рецидивисту:

— А хочешь, поспорим? Я слышал, в твоей камере даже постельное белье не поменяли. Они не сомневаются, что ты непременно к ним вернешься.

— Ну уж нет. Больше не вернусь!

— Тогда жду приглашения на новоселье. Начальник Льюисской тюрьмы знает, по какому адресу его послать.

Спайсер снова ухмыльнулся:

— Очень остроумно!

— Я не шучу, дружок. Я серьезно!

Гленн Брэнсон вышел на улицу; в машине его ждал Рой Грейс. Ему не терпелось в конце недели выпить с напарником.

123

Я начал давать показания. Только по одной причине: чтобы расквитаться с тобой, самодовольный суперинтендент Рой Грейс.

В тюрьме совсем несладко. Никто здесь не любит таких, как я. Нас называют «неприкасаемыми». Я порезал язык о кусочек лезвия, которое оказалось в моем ирландском рагу. Ходят слухи, что кое-кто мочится в мой суп. Один тип угрожал выбить мне и второй глаз.

Мне говорили, что после суда будет легче. Если повезет (ха-ха!), меня переведут в крыло, где содержат таких же, как я, «неприкасаемых» — заключенных с сексуальными отклонениями. Представляю, как там будет здорово! Просто вечный праздник!

Иногда я совсем не сплю по ночам. Вокруг меня столько гнева — он и вокруг меня, и во мне. Я злюсь на мерзавца, который изнасиловал девчонку на аттракционе «Поезд-призрак». После того случая легавые оцепили пирс. Все планы мне сбили! До того все шло просто замечательно. А потом — уже нет.

А еще я злюсь на свою покойную жену. Сука! Избавилась от унижения, легко отделалась… Что-то здесь не так. Хотя на самом деле мне все равно — как, наверное, и всем остальным.

Но больше всего я злюсь на тебя, суперинтендент уголовной полиции Грейс! Ты думаешь, что очень ловко придумал растрезвонить на весь свет, какой у меня маленький член. Такие оскорбления не прощают!

Вот почему я начал давать показания. На меня вешают теперь все эпизоды, когда у изнасилованных забирали туфли. И «Поезд-призрак» тоже на меня повесили. Но подловить меня на противоречиях не удастся — газеты давным-давно растрезвонили подробности всех преступлений Туфельщика, в том числе и недавних, в том числе и на «Поезде-призраке».

Я в безопасности!

Ты не понимаешь, почему я вдруг изменил почерк. Раньше забирал одну туфлю и трусики, а потом вдруг стал забирать обе туфли. А я нарочно, понял? Не собирался облегчать тебе жизнь, без конца повторяя одно и то же. Разнообразие — вот мой девиз!

Да, я тот, кого ты искал! Надеюсь только на одно: подонок, который изнасиловал девчонку на «Поезде-призраке», на этом не остановится.

И сядешь ты в большую лужу, суперинтендент Грейс!

А я порадуюсь.

Вот тогда мы с тобой и померяемся членами!

124

22 февраля, воскресенье

— Так приятно, милый, когда тебя ничто не тревожит, — заметила Клио.

Наступил вечер. Всю вторую половину дня они вместе составляли список гостей. Рой Грейс сидел на диване с бокалом красного вина и смотрел свою любимую передачу «Антикварные находки». Больше всего ему нравилось наблюдать за людьми, когда им сообщали, сколько стоят их бережно хранимые — или наоборот — фамильные ценности. Какое выражение появляется на лице домохозяйки, когда оказывается, что какая-то треснутая миска, из которой кормят собаку, стоит несколько тысяч фунтов. И недоверие, когда красивую картину, которую передавали в семье из поколения в поколение, признали фальшивкой и оценили в несколько фунтов.

— Да! — Он улыбнулся. Жаль, что на самом деле он не чувствует облегчения. Нет, не чувствует. Хотя Туфельщик, вина которого, можно сказать, доказана, арестован, его по-прежнему гложет сомнение. Да и самоубийство жены Стерлинга какое-то подозрительное. Он прослушал запись из комнаты свиданий в тюрьме, где она обещает вернуться домой и покончить с собой. Ее слова были похожи на пустую угрозу. А она действительно вернулась домой и повесилась. И записки не оставила…

— Я имею в виду, — Клио отодвинула Хамфри и уютно свернулась на диване рядом с Грейсом, — когда ты хотя бы выглядишь беззаботным.

Он пожал плечами, потом кивнул:

— Хорошо, что Туфельщик получил кое-какое воздаяние! Ослеп на один глаз.

— Тоже мне воздаяние. Жаль, что та девушка его не кастрировала, — возразила Клио. — Все его жертвы так или иначе искалечены, а одна мертва.

— И мы ведь не всех знаем, — добавил Грейс. — Туфельщик раскололся, но мне почему-то кажется, что он что-то от нас утаивает. Да, редко приходится встречаться с такими отвратительными ублюдками… Его домашний и рабочий компьютеры напичканы всякой мерзостью. Он регулярно заходил на сайты фетишистов, сдвинутых на женских ногах и обуви. Почти все они с садистскими наклонностями. А в его холодильнике на работе обнаружили целый арсенал: снотворные и наркотики для будущих жертв.

— Если он признает себя виновным, потерпевшие будут избавлены от тяжкого испытания давать показания в суде…

— Ничего пока не известно. Все зависит от его адвоката — а защищать его приставили старину Кена Акотта. У нас против Туфельщика тонны улик. Гараж снят на его имя. Мы нашли у него пропавшие страницы из дела Рейчел Райан. Он хранил их у себя на работе, в сейфе. В журнале его компьютера и айфона ссылки на страницы «Фейсбука» и «Твиттера», где отметились его недавние жертвы. Но самое главное — ДНК с трупа Рейчел Райан. — Грейс отпил вина. — Но придется ждать результатов психиатрической экспертизы. Врачи должны установить, вменяем ли он и можно ли его судить. Просто замечательно! Гэрри Старлинг достаточно вменяем для того, чтобы руководить одной из крупнейших компаний в городе. Его избрали вице-президентом гольф-клуба и казначеем «Ротари-клуба» — но, возможно, его признают невменяемым и он избежит суда. Наши законы — полный отстой!

Клио сочувственно улыбнулась. Она хорошо понимала отношение Грейса к некоторым аспектам уголовного права.

— Джесси Шелдон надо наградить медалью. Как она? Как перенесла допрос?

— На удивление хорошо. Сегодня я ездил к ней — ее уже перевезли домой. Ей оперировали лодыжку; врачи надеются, что она скоро поправится. Более того, мне показалось, что она пребывает в отменном настроении, учитывая все обстоятельства. Ждет не дождется своей свадьбы — она собирается выйти замуж летом.

— Она была помолвлена?

— Видимо, да. Она сама призналась, что продержаться ей помогла именно решимость выйти замуж.

— Отлично. Правильно она выбила Туфельщику глаз!

— А тебе, я думаю, надо успокоиться. Джесси — молодец. А я покой, видно, не заслужил. Боюсь, мы что-то упустили. Во всяком случае, не довели дело до конца.

— Из-за тех, других туфель, которые ты нашел в гараже?

— Нет, те туфли не настолько меня беспокоят. Если мы еще надавим на него, может быть, со временем он признается и в других преступлениях.

Грейс отпил еще вина и покосился на телевизор.

— Значит, тебе не дает покоя девушка с «Поезда-призрака»? — спросила Клио. — Как ее зовут?

— Мэнди Торп. Да. Я по-прежнему считаю, что ее изнасиловал не Туфельщик. Хотя он и уверяет, что это сделал он. Я по-прежнему считаю, что наш криминалист-психолог ошибается.

— То есть другой преступник по-прежнему разгуливает на свободе?

— Вот именно! Если Праудфут ошибается, значит, другой преступник по-прежнему разгуливает на свободе. И может снова напасть.

— Если он на свободе, ты его возьмешь. Рано или поздно.

— Я хочу успеть до того, как он снова нанесет удар.

— Ты мой герой, суперинтендент уголовной полиции Грейс! — с пафосом воскликнула Клио. — Ты всегда в конце концов их ловишь!

— Только в твоих мечтах.

— Нет, не только в мечтах. Я реалистка. — Клио похлопала себя по животу. — Месяца через четыре, к тому времени, как отсюда выйдет наш малыш, я рассчитываю на то, что ты сделаешь мир безопасным для него — или для нее.

Грейс поцеловал ее.

— Плохие парни найдутся всегда.

— И плохие девочки!

— И девочки тоже. Как говорится, жить вредно… И всех мерзавцев мы никогда не пересажаем. Всегда остаются злодеи, которым удается выйти сухими из воды.

— И хорошие люди, которые оказываются за решеткой?

— Между добром и злом не существует четких границ. Они размыты. Есть множество хороших плохих парней и плохих хороших парней. В жизни никогда не бывает все четко и ясно и редко есть место справедливости, — ответил Грейс. — Я не хочу, чтобы наш ребенок рос, ошибочно считая, что жизнь — сплошной праздник. В жизни всякое бывает!

Клио усмехнулась:

— Всякое бывало раньше. И прекратилось в тот день, когда я встретила тебя. Ты моя опора!

Грейс широко улыбнулся:

— Ты меня переоцениваешь… Иногда я сам не понимаю, за что ты меня любишь.

— В самом деле, суперинтендент Грейс, за что? И вовсе я тебя не люблю. Ничуточки. И вряд ли когда-нибудь полюблю. Просто рядом с тобой мне спокойно. Сразу стало спокойно, когда я встретила тебя, и всегда будет спокойно.

Он снова расплылся в улыбке:

— Как тебе легко угодить!

— Да, и содержать меня нетрудно. У меня даже нет ни одной пары дорогих туфель!

— Хочешь, я тебе куплю?

Клио смерила его насмешливым взглядом.

— И повод найдется! — с невозмутимым видом сказал Грейс.

Послесловие автора

В реальной жизни посторонние люди насилуют достаточно редко. Так, для Суссекса, где происходит действие этого романа, к счастью, подобные преступления нехарактерны. Печальная правда заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев насилуют знакомые. По свидетельству пострадавших, на них чаще всего набрасывался сожитель или

приятель. Но жертвам от этого не легче: они больше никому не верят, и впоследствии им трудно строить долгосрочные отношения.

Реакцию пострадавших от изнасилования невозможно формально оценить, потому что «нормальной» реакции на такое ненормальное действие не бывает. Все жертвы получают серьезные психические травмы. Ряд специализированных организаций, например Rape Crisis, созданы для поддержки пострадавших от изнасилования. В Суссексе базируется организация под названием Life Centre. Сотрудники этой организации пытаются восстановить психику таких пострадавших. Я решил поддержать их, потому что, по-моему, эта организация, которая, как ни странно, не финансируется из средств бюджета, занята очень важным делом. Они рады любой помощи. Если хотите поучаствовать, добро пожаловать на их сайт www.lifecentre.com. Спасибо.

Благодарности

Как всегда, я хочу поблагодарить многих людей, которые помогли мне в создании этой книги.

Во-первых, огромное спасибо Мартину Ричардсу, главному констеблю Суссекса, награжденному королевской медалью за особые заслуги, который выписал мне бесценный пропуск в мир стражей порядка.

Мой добрый друг, бывший старший суперинтендент Дэвид Гейлор, как всегда, был для меня опорой и столпом мудрости. Кроме того, он торопил меня суровее, чем редакторы, чтобы я успел к сроку!

Многие сотрудники полиции Суссекса делились со мной своим драгоценным временем и опытом; они мирились с тем, что я вечно путался у них под ногами, и отвечали на мои бесконечные вопросы. Их столько, что перечислить всех невозможно, но я попытаюсь. Пожалуйста, простите меня, все, кого я пропустил! Итак, спасибо вам — старший суперинтендент Кевин Мур; старший суперинтендент Грэм Бартлет; старший суперинтендент Крис Эмблер; старший инспектор Тревор Боулс, профессионал высокой пробы и просто славный малый; старший инспектор Стивен Карри; старший инспектор Пол Фарнелл; Брайан Кук, глава аналитического отдела; Стюарт Леонард; Тони Кейс; инспектор Уильям Уорнер; старший инспектор Ник Слоун; инспектор Джейсон Тингли; старший инспектор Стив Брукман; инспектор Эндрю Кундерт; инспектор Рой Аппс; сержант Фил Тейлор; Рей Пэкем и Дэйв Рид из отдела высоких технологий; Лекс Уэствуд; сержант Джеймс Боус; констебль Джорджи Эдж; инспектор Роб Лит; инспектор Фил Кларк; сержант Мэл Дойл; констебль Тони Омотосо; констебль Йен Аппертон; констебль Эндрю Кинг; сержант Шон Макдоналд; констебль Стив Чизмен; сержант Энди Макмагон; сержант Джастин Хэмблок; Крис Хивер; Мартин Блумфилд; Рон Кинг; Робин Вуд; Сью Херд, сотрудница полицейской пресс-службы; Луиза Леонард; Джеймс Гартрел.

Сержант Трейси Эдвардс, Мэгги Эллис из общественной организации Life Centre и констебли лондонской полиции Джули Мэрфи и Джонатан Джексон помогли мне понять, что испытывают жертвы изнасилования.

Йоун Макленнан-Мюррей, бывший начальник тюрьмы в Льюисе, и заместитель начальника тюрьмы Алан Сеттерингтон помогли мне разобраться в психологии подозреваемых. Дженни Сивил, Тэра Лестер и адвокат Ричард Черрил объяснили особенности психологии преступников. Кроме того, много полезных сведений на этот счет я почерпнул у доктора Денниса Фридмана.

Особую благодарность выражаю Кэролайн Мейхью и сотрудникам приюта ночного пребывания имени Святого Патрика, особенно Эмме Харрингтон, Тео Аббс и Аманде Лейн.

И, как всегда, должен выразить особую и великую благодарность замечательным сотрудникам морга Брайтона и Хоува — Шону Дидкотту и Виктору Синдену. А также доктору Найджелу Киркэму; судебно-медицинскому археологу Люси Сибан; доктору Джонатану Пэшу;

коронеру доктору Питеру Дину; патологоанатому доктору Бенджамину Свифту; доктору Бену Шарпу; Мэриан Даун.

Я благодарю Викки Уоррен, которая вдохновила меня на создание образа Ра; Гарета Рэнсома и Тони Балажа, которые предоставили массу ценных сведений об особенности поведения аутистов. И конечно, спасибо неподражаемой Сью Стоуп, заведующей приютом для аутистов, который содержится на средства Фонда поддержки инвалидов. Спасибо также служащим и жильцам приюта.

Спасибо Питеру Уингейту Солу; Джулиет Смит, старшему мировому судье; Полу Гжегожеку; Абигайль Брэдли и Мэтту Гринолфу, заведующему криминалистическим отделом лаборатории «Оркид селлмарк»; Тиму Муру; Анне Басбридж, главной управляющей брайтонским отелем «Хилтон-Метрополь», Майклу Ноксу-Джонстону, главному управляющему Гранд-отелем. Благодарю Грэма Льюиса, моего главного консультанта по запертым гаражам! Особое спасибо Джозефине и Говарду Белм, владельцам баржи «Том Ньюбаунд». Огромная благодарность Стиву Дадмену, владельцу старого цементного завода, который любезно провел для меня экскурсию по цехам и подсказал место кульминации романа. Спасибо также Энди Лэнгу из компании «Лэгвард алармз» и Филу Миллзу. А еще Анне Мартин, главной управляющей Брайтонским пирсом, и Питеру Берджессу, главному инженеру.

Как всегда, спасибо Крису Уэббу из сервисной службы компании «Макинтош». Он поддерживал мой «Мак» на плаву, несмотря на все обиды, какие я ему причинял! Огромное и особое спасибо Анне Лизе Линдеблад, которая снова стала моим неутомимым и, так сказать, неофициальным редактором и комментатором всех моих романов о Рое Грейсе. Благодарю также Сью Энселл, чей зоркий глаз избавил меня от многих неприятностей. Спасибо и моему замечательному агенту Линде Бакли.

Как всегда, над книгой работала замечательная команда профессионалов: неутомимая Кэрол Блейк, представлявшая мои интересы, а также первоклассные сотрудники агентства «Мидас» Тони Малликен, Софи Рэнсом и Клэр Барнет.

Мне не хватит места, чтобы выразить должную благодарность всем сотрудникам издательского дома «Макмиллан», но я не могу не упомянуть директора издательства Марию Рейт, редактора Сьюзан Опи и редактора текста Лесли Левен. Я рад знакомству с новым редактором, чудесным Уэйном Бруксом.

Как всегда, моей опорой была Хелен; ее терпение святой и постоянная мудрость питали меня.

Мои друзья-собаки продолжают помогать мне сохранять здравый рассудок. Теперь вместе с Оскаром и Фебой под столом крутится Коко в ожидании упавшей страницы, которую можно разорвать в клочья.

И наконец, спасибо вам, мои читатели, за ту невероятную поддержку, какую вы мне оказываете. Я всегда радуюсь вашим письмам, сообщениям в «Твиттере» и комментариям в моем блоге!

Суссекс, Англия

Питер Джеймс

www.peterjames.com

http://twitter.com/peterjames

Примечания

1

Соответствует нашему 37,5. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

2

Марлинг Лора (р. 1990) — английская исполнительница фолк-рока, автор песен, певица и гитаристка.

3

Около 127 килограммов.

4

1 метр 62 сантиметра.

5

Токсикология — область медицины, изучающая физические и химические свойства ядов, механизмы их действия на живые организмы, признаки отравлений, изыскивающая средства их профилактики и лечения, а также формы полезного использования токсического действия ядов.

6

Около 8,5 метра.
